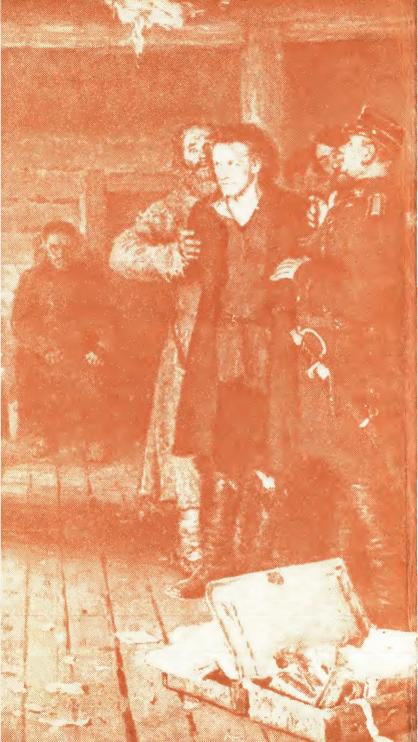
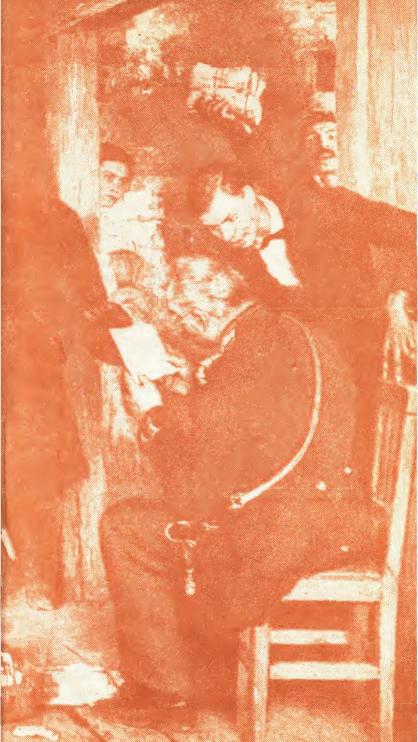
Н.А. Троицкий

ЦАРИЗМ ПОД СУДОМ ПРОГРЕССИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Н. А. Троицкий

Царизм под судом прогрессивной общественности 1866—1895 гг.

Без жертв не может быть борьбы, и на зверскую травлю царских башибузуков мы отвечаем спокойно: революционеры погибли — да эдравствует революция! В. И. Ленин

Н.А. Троицкий

ЦАРИЗМ ПОД СУДОМ ПРОГРЕССИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1979

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© Издательство «Мысль». 1979

 $T_{004(01),79}^{10604-011}$ 71-79. 0505020000

От автора

Эта книга является продолжением моей предыдущей монографии «Безумство храбрых» (М., «Мысль», 1978) и составляет вторую, заключительную часть исследования о политических процессах в России 1866—1895 гг. Задачи всего исследования, его проблематика, историографическая целесообразность и документальная база охарактеризованы в первой книге. Там же рассмотрены процессы 1866—1882 гг.—за время от вступления в силу пореформенных судебных уставов до второй революционной ситуации включительно. То было время расцвета и восхождения революционного народничества.

В новой книге речь идет о политических процессах в России примерно с середины 1882 г., когда была окончательно исчерпана вторая революционная ситуация, до конца XIX в., т. е. периода упадка народничества, роста и победы социал-демократии.

Так же как и в первой книге, процессы рассматриваются, с одной стороны, как орудие карательной политики царизма, с другой, и это главное, как особый фронт революционной борьбы в связи с общим ходом освободительного движения от разночинского к пролетарскому этапу. Здесь же исследуются отклики русской и мировой общественности на все политические процессы в России 1866—1895 гг., статус, позиция и роль адвокатуры на процессах со дня

ее учреждения (по судебным уставам 1864 г.) и до конца века.

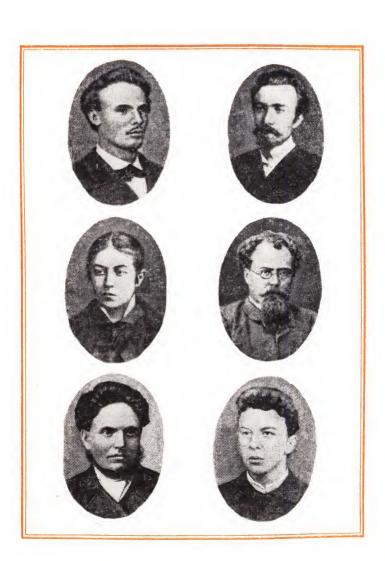
В заключении к этой книге обобщаются статистические показатели, уроки и значение процессов 1866—1895 гг. Их перечень с указанием точных дат, судебных инстанций и числа подсудимых по каждому процессу приложен к «Безумству храбрых».

Часть первая

М. Ф. Грачевский В. Н. Фигнер П. А. Моисеенко

Ю. Н. Богданович Г. А. Лопатин А. И. Ульянов

...мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов.

В. И. Ленин

I

Царизм и революционное движение 1883—1895 гг.

1. Революционная Россия на пути от народничества к марксизму

Вторая революционная ситуация явилась генеральной проверкой народничества как руководящей теории в русском освободительном движении, обнажила несостоятельность народнического пути к революции, поставила под сомнение всю доктрину народничества. Русские революционеры оказались, таким образом, перед необходимостью искать другой путь борьбы. Такие поиски начались сразу после того, как революционная ситуация была исчерпана, и продолжались долго, в трудных условиях засилья реакции. Одни еще пытались найти искомое в рамках народнической доктрины, лишь видоизменив, как-то осовременив ее, но другие уже признавали необходимой качественно

иную доктрину.

К началу 80-х годов, когда русские революционеры подвергли сомнению целесообразность народничества, в России уже сложились предпосылки для возникновения и распространения новой, пролетарской идеологии. Капитализм утвердился в городе и, разрушая общину, проникал в деревню. Вместе с ним рос пролетариат, главным образом за счет крестьянства, которое все более «раскрестьянивалось». Именно к началу 80-х годов, как полагают советские исследователи, промышленный пролетариат в основном сложился как класс 1. Рабочее движение приобретало размах и организованность, достаточные для того, чтобы выделиться из общедемократического потока в качестве самостоятельной пролетарской струи. Победа марксизма в западноевропейском рабочем движении, возможность использовать плоды этой победы способствовали распространению новой революционной теории в России. Г. В. Плеханов называл

учение Маркса «ариадниной нитью», которая вывела первых русских марксистов из лабиринта противоречий народничества. Но, разумеется, первоосновой перехода от народничества к марксизму была русская действительность, знакомство же с учением Маркса ускорило и облегчило этот переход. Плеханов, занявшийся основательным изучением марксизма уже в эмиграции, прямо говорил: «За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России» 2. Это подтверждается и фактом почти одновременного с группой «Освобождение труда» возникновения марксистских групп (Д. Н. Благоева, П. В. Точисского и до.) в самой России.

Народничество не могло до конпа обнаружить свою несостоятельность, прежде чем был отбит революционный натиск 1879—1882 гг., который развивался под знаменем народнической идеологии. С другой стороны, марксизм не мог распространиться раньше, чем были созданы необходимые для этого предпосылки. В начале 80-х годов одно совпало с другим: вторая революционная ситуация была исчерпана в то время, когда уже оказались налицо предпосылки для распространения марксизма.

Самый переход от народничества к марксизму в России был не простым актом отрицания старого новым, а преодолением противоречий, накопленных в старой, народнической доктрине по мере ее развития и проверки опытом революционного движения. Главным из этих противоречий оказалось противоречие между социализмом и политической борьбой. Выдвинув политическую борьбу во главу угла революционной практики, «Народная воля», бывшая следствием и венцом развития народничества, вступила в разлад с народнической доктриной, ибо в рамках народничества оптимально соотнести социализм и политическую борьбу было нельзя. В теории народовольцы исповедовали социализм с крестьянством в роли решающей революционной силы, а на практике вели политическую борьбу силами интеллигенции и части рабочих в стороне от крестьянства, равнодушного и к социализму, и к «политике». Теория звала их поднимать крестьян на социалистическую революцию, а практика заставляла сосредоточиться

на политической борьбе с правительством, ибо правительство мешало им подступиться к крестьянам. Но политическая борьба без-участия широких масс не приносила успеха и — как явное, хотя и продиктованное жизнью несоответствие с доктриной - представлялась народовольцам, по выражению Плеханова, «насмешкой жизни над бессилием мысли» 3. Требовалась новая доктрина, которая согласовала бы теорию с практикой, определила бы соотношение между социализмом и политической борьбой, указала бы силу, равно заинтересованную и в том, и в другом и способную взять политическую власть и перестроить общество на социалистических началах. Иначе говоря, у русских революционеров появилась «интеллектуальная потребность в марксизме» 4.

Таким образом, переход от народничества к марксизму означал развитие русского социализма от утопии к науке, а не замену одной утопии другой, как утверждают иные западные историки Н. А. Бердяева, по мнению которого русской интеллигенции после краха народничества понадобился новый революционный миф: «И миф о народе был заменен мифом о пролетариате» ⁵.

Особая сложность перехода от народничества к марксизму состояла в том, что наряду с новыми, капиталистическими чертами, которым соответствовала пролетарская идеология, сохранялось многое из старых, докапиталистических условий (хозяйственная отсталость страны, наличие пережитков крепостничества, нерешенность аграрного вопроса, политическая инертность буржуазии). Поэтому народнические идеи, в значительной мере адекватные тем, старым условиям, оказались чрезвычайно живучими. Даже в годы распространения марксизма они сохраняли и обретали заново многих сторонников, тем более что традиция борьбы «Народной воли» была окружена таким ореолом и обаянием, какого русские марксисты в первые десятилетия еще не имели.

Правда, с 80-х годов народничество, помимо того что оно уступало господство в русском освободительном движении марксизму, внутренне перерождалось из революционного в либеральное. В условиях спада революционной борьбы, когда в среде интеллигенции росли упадочнические, «кладбищенские», как выразился один из героев Н. Г. Помяловского, настроения: «ничего не делать и всего бояться», «съежиться до минимума» (выражение Г. И. Успенского),— в этих условиях народнические идеологи склонялись к легальному культурничеству, смысл которого В. Г. Короленко в 1892 г. определил так: «Самодержавие — больной, но крепкий зуб, корень его ветвист и врос глубоко, нашему поколению этот зуб не вырвать,— мы должны сначала раскачать его, а на это требуется не один десяток лет легальной работы» 6.

Принято считать, что уже к 90-м годам либеральное народничество взяло верх над революционным 7. Оспаривая этот общепризнанный взгляд, В. В. Широкова утверждает: «В 80-е и 90-е годы либеральные народники вовсе не преобладали среди народнической интеллигенции. Если у нас принято это время считать периодом либерального народничества, то это потому, что либеральные народники в этот период легче, чем революционеры, проявляли себя в легальной литературе и потому скорее привлекли к себе внимание социал-демократов, подвергших их разгрому, и еще потому, что деятельность и состав революционных народнических кружков 80—90-х годов у нас мало изучены, меньше известны» 8.

Возможно, если не в 90-е, то по крайней мере в 80-е годы количественно преобладали среди народников (как это доказывает В. В. Широкова) революционеры. Думается, однако, дело не только и даже не столько в этом, а в том, что для народничества 80-90-х годов главной, определяющей была тенденция спада, угасания революционной борьбы, вырождения идеалов революции. Она раньше и сильнее проявилась в легальной литературе, но необратимо росла и в революционном подполье 9. Шел процесс, который В. И. Ленин определил словами: «...народничество расплывалось в либерализме...» 10 Лучшей иллюстрацией к этим словам может служить призыв газеты «Свободная Россия», основанной в 1889 г. народниками-эмигрантами: «Пора, давно пора бросить нам делиться на ... либералов и революционеров теперь мы все либералы, теперь мы все революционеры» 11.

Народники, оставшиеся верными идее революции, тогда мало занимались вопросами теории, предоста-

вив модифицировать ее в либерально-народническом духе Н. К. Михайловскому, С. Н. Кривенко, Н. Ф. Даниельсону, В. П. Воронцову, С. Н. Южакову и др., а главным образом бились над тем, чтобы восстановить «Народную волю». В этом отношении они проявили истинно народовольческую энергию и несколько раз были как будто близки к успеху.

Весной 1883 г. в результате дегаевшины, о которой речь еще впереди, «Народная воля», казалось, была разгромлена до основания. Но минуло какихнибудь полтора года, и народовольцы успели восстановить или завести вновь общирную сеть связей. Конспиративные записки, найденные при обысках в октябре 1884 г. у Н. П. Стародворского, Н. М. Саловой и особенно у Г. А. Лопатина, дали властям нить для арестов лиц, прикосновенных к «Народной воле», в 31 городе (включая Петербург, Москву, Киев, Минск, Тифлис, Ростов-на-Дону, Дерпт, Воронеж, Саратов, Ярославль, Екатеринбург, Томск), привлечено к дознанию было 300 человек 12. Это был разгром революционных сил немногим меньше дегаевского. Но пока готовился с 1884 до 1887 г. «лопатинский» процесс («21-го») *, Б. Д. Оржих, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг и другие воссоздали сильную Южнорусскую организацию «Народной воли» с центрами в Екатеринославе, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске 13, а в Петербурге сложилась так называемая Террористическая фракция партии «Народная воля» во главе с А. И. Ульяновым и П. Я. Шевыревым.

Группа А. И. Ульянова носила уже отчасти переходный характер, испытав на себе влияние марксизма. Ее программа признавала «ход экономического развития» России по направлению к социализму «необходимым результатом капиталистического производства и порождаемого им отношения классов» и допускала возможность «решающего влияния» рабочего класса на «изменения общественного строя» 14. Однако весь перечень программных требований и

^{*} Процесс Г. А. Лопатина, П. Ф. Якубовича и других по обвинению в попытках восстановить «Народную волю» слушался в петербургском военно-окружном суде 26 мая — 5 июня 1887 г. Здесь и далее события в России датируются по старому стилю.

тактика индивидуального террора мотивировались по-народнически, зачастую в дословном воспроизведении «Программы Исполнительного комитета» 1880 г. 15 Группа и взяла себе название «Террористическая фракция партии «Народная воля»», подчеркивая тем самым свою преемственность от старой «Народной воли» и народовольческую сущность.

Гибель группы А. И. Ульянова тоже еще не означала конца «Народной воли». В 1888—1889 гг. усилиями народовольцев, среди которых первую роль играла С. М. Гинсбург, был восстановлен сильный петербургский центр партии, а в 1889—1890 гг. М. В. Сабунаев и другие образовали многолюдную сеть народовольческих кружков в Поволжье (Кострома, Ярославль, Нижний Новгород, Казань). С начала 90-х годов прямыми наследниками революционных традиций «Народной воли» выступили две группы народовольцев в Петербурге (1891—1896 гг.), группы Е. Д. Мягкова и Н. М. Астырева в Москве, М. А. Натансона в Саратове и др.

О том, что размах народовольческого движения после 1882 г. хотя и неуклонно, из года в год (с малыми колебаниями) сокращался, но все же до конца десятилетия оставался значительным, говорят данные жандармских дознаний, которые в начале 1930-х годов исследовала И. И. Ракитникова (ее рукопись, оставшаяся не опубликованной, хранится в ЦГАЛИ). Число народовольческих кружков, раскрытых дознаниями с 1882 по 1890 г., составляло:

1882 г. — 43	1887 г. — 25
1883 г. — 35	1888 г. — 16
1884 г. — 47	1889 г. — 8
1885 г. — 45	1890 г. — 10
1886 г. — 32	

Показательны и сводные данные департамента полиции за те же годы о числе мест (главным образом городов), в которых производились дознания о «Народной воле»:

1882 г. — 52	1887 г. — 19
1883 г. — 48	1888 г. — 24
1884 г. — 44	1889 г. — 16
1885 г. — 41	1890 г. — 26 ¹⁶
1886 г. — 29	

Таким образом, только за 1882—1883 гг. в России были раскрыты 78 народовольческих кружков,

причем дознания о них производились в 100 географических пунктах, часть которых, разумеется, повторялась. Вероятно, действовали тогда и кружки народовольцев, оставшиеся нераскрытыми. Социал-демократических же групп до конца 1883 г. в России не было. Г. В. Плеханов проявил не только исключительный теоретический глазомер, но и большое мужество, когда он, будучи по существу «один в поле воин», открыто, в лоб, атаковал народников, опроверг коренные основы их теории и тактики, начавшие (еще незаметно для большинства современников) тормозить революционный процесс, и объявил народничество пройденным этапом освободительной борьбы.

Первая же марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», которая появилась в октябре 1883 г., указала русским революционерам выход из народнического тупика, противопоставив старым догмам народничества самые современные идеи марксизма. Во-первых, доказывал Плеханов, главная сила русского революционного движения не крестьянство, а пролетариат. Во-вторых, на очереди в России — не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция. В-третьих, путь к победе социализма лежит отнюдь не через «захват власти» партией заговорщиков как пролог немедленного социалистического переворота. С одной стороны, такой «захват власти» маловероятен, «так мало вероятен, что его можно считать совсем невозможным», и, с другой стороны, если бы даже он и удался, партия не выиграла бы в нем ничего социалистического, ибо народные массы не готовы к восприятию социализма, а общество и офицерство, на которых только и могут рассчитывать заговорщики, большей частью враждебны ему. Усматривая в «захвате власти» начало социалистической революции, «Народная воля», писал Плеханов, «напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и поэтому уверенного в том, что он тотчас же может «верст сто тысяч отмахать и нигде не отдыхать»». В действительности путь к социализму гораздо сложнее. Нужно мобилизовать всех недовольных царизмом, включая общество и офицерство, на борьбу за конституцию (буржуазно-демократическая революция), а тем временем готовить рабочий класс как самую революционную силу нации — готовить идейно, тактически, организационно — к завоеванию политического господства (социалистическая революция). «Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества, — значит отдалять наступление и того, и другого, — внушал Плеханов. — Но от нас зависит сблизить эти два момента» 17.

Вторая книга Плеханова «Наши разногласия», с которой он выступил в начале 1885 г. в ответ на критику из народнического лагеря первой книги, ударила по идейным корням народничества, т. е. по его основополагающим представлениям о возможности для России миновать капитализм, перескочить через него из полуфеодального состояния сразу в социалистическое бытие, опираясь на крестьянскую общину как на зародыш социализма. Первым из русских дав марксистский анализ экономики России, доказав с фактами в руках, что страна уже твердо встала на путь капитализма и что капитализм, параллельно с насаждением промышленности и пролетариата, разлагает общину и «раскрестьянивает» крестьян, Плеханов таким образом подорвал самый фундамент, на котором строилась народническая доктрина. Силой фактов и логики он убеждал в том, что поток русского капитализма «уже нельзя остановить, еще менее можно его высушить», но русские революционеры могут и должны «воспользоваться, в интересах революции и трудящегося населения, совершающимся в России социально-экономическим переворо-TOM > 18.

Обе книги Плеханова до середины 90-х годов оставались на острие идейной борьбы между народничеством и марксизмом. В 80-е годы авторитет «Народной воли» был еще настолько велик, что большинство революционеров встретило их в штыки, как «измену заветам отцов», «оскорбление святыни» 19 и даже «плевок в кровь, пролитую героями» 20. Социал-демократию чуть ли не уподобляли либерализму: ориентироваться на пролетариат — значит, мол, как бы задвинуть революцию в долгий ящик. «Пока

взойдет солнце рабочего переворота, роса выест очи многих поколений» ²¹,— язвили народники. Такой взгляд имел тогда много сторонников.

Социал-демократия на русской почве казалась вначале скороспелой и малоавторитетной. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что первых русских марксистов пренебрежительно звали «марксятами», между тем как народники слыли тогда внушительно «марксоедами» 22. Самым активным «марксоедом» был главный теоретик народничества 80—90-х годов Н. К. Михайловский, который буквально издевался над доктриной марксизма, утрируя ее таким образом: в ней «нет героев и толпы, а есть только равно необходимые люди, в известном порядке выскакивающие из таинственных недр истории. В действительной жизни, однако, герои и толпа существуют, герои ведут, толпа бредет за ними, и прекрасный этому пример пред-

ставляют собою Маркс и марксисты» ²³.

Михайловский вульгаризировал марксизм. Но в позиции Плеханова и других русских марксистов ранней (до начала ленинского этапа) поры были и действительные слабости. Плеханов на той стадии развития капитализма и рабочего движения, которую Россия переживала в 80-х — начале 90-х годов, не мог решить правильно ряд актуальных вопросов, главным образом о роли крестьянства и буржуазии в русской революции. С одной стороны, в противовес народнической идеализации мужика он преувеличил крестьянскую отсталость, реакционность, записав даже в программе группы «Освобождение труда», что «именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» заключается «главнейшая опора абсолютизма». С другой стороны, он переоценил революционность буржуазии, именно ее признав единственно возможным союзником пролетариата в демократической революции: «Кроме буржуазии и пролетариата, мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбина- Π ии» 24 . При первой же встрече с \tilde{B} . И. Лениным в мае 1895 г. Плеханов прямо заявил ему: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом» 25. В этих заблуждениях Плеханова уже гнездилось семя его будущих меньшевистских взглядов.

Другие русские марксисты того времени допускали еще большие ошибки. Кроме Плеханова крупных теоретиков среди них до середины 90-х годов, пока не выступил с первыми своими трудами В. И. Ленин, не было. Многие из них, как явствует из воспоминаний Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, С. И. Минкевича и др., «были еще очень плохо вооружены» 26. «без большого спора» принимали наряду с Марксом Г. Спенсера 27, вульгаризировали Маркса и Плеханова, противопоставляя пролетариату все остальные классы «как одну сплошную реакционную массу» 28. В. И. Ленин отмечал: «...в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народовольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщической борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще». Кроме того, «разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимание на необходимость организации революционной партии, объединяющей всю деятельность местных групп и дающей возможность правильно поставить революционную работу» ²⁹. Все это мешало тогда социал-демократам опровергать народников и затрудняло переход русских революционеров от народничества к марксизму.

Тем не менее интеллектуальная потребность марксизме уже к середине 80-х годов была так велика, что он распространялся по всей России, несмотоя ни на сопротивление народников, ни на промахи первых социал-демократов. Книги Плеханова служили для него главными — применительно к русским условиям — идейными аргументами. Они буквально разоружали народников и, напротив, вооружали социал-демократов, помогали самоопределиться тем, кто плутал, как тогда говорили, «между Сциллой народничества и Харибдой марксизма» 30. Особенно значимой в этом отношении была книга «Наши разногласия». Члены марксистской М. И. Бруснева называли ее «радикальным средством, которое способствовало прочищению тумана в головах» 31. Социал-демократические организации возникали одна за другой. Общее их число за 1883—1893 гг. составляло 38 в 22 географических пунктах (без Польши) плюс 11 кружков смешанного типа 32. Это было очень мало сравнительно с числом народовольческих организаций за то же время (В. И. Ленин свидетельствовал, что «в 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов...») 33, но главное здесь не в количественной стороне дела. Главное в том, что народовольцы переживали идейный кризис, сомнения, разочарования в догмах народничества, тогда как социалдемократы — идейный подъем, рост уверенности в правоте марксизма. В народовольческих кружках преобладала тенденция к упадку, свертыванию революционной борьбы, поэтому и число их из года в год убывало, в социал-демократических же кружках тенденция к подъему, развертыванию революционной борьбы, поэтому и число их с годами росло. Марксизм уже в середине 80-х годов стал особым и потенциально главным течением русской революционной мысли. С 1885 г., когда появились «Наши разногласия» Плеханова, можно было говорить уже о начале идейного разгрома народничества.

В условиях, когда народничество уже теряло командные высоты русской революционной мысли, а марксизм еще не занял их, среди революционеров стала расти «объединительная» тенденция. Она проистекала из естественного стремления приумножить силу революционного натиска, носила характер временного, тактического компромисса и проявлялась трояким образом. Во-первых, те революционеры, которые, говоря словами В. И. Ленина, от старого (народнического) социализма «отстали, а к новому (социал-демократии) не пристали» ³⁴, пытались объединить все оппозиционные силы лишь на общеприемлемой платформе борьбы за политические свободы, отодвинув «за кулисы» проблему социализма. Так, посредством сужения задач, предполагалось расширить базу революционного лагеря.

На этот путь встала партия «Народного права», группы и отдельные агенты которой действовали в 1893—1894 гг. не менее чем в 23, а возможно, и в 30 городах страны ³⁵. «Спрятав до поры до времени в карман свой социализм», по выражению совре-

менника ³⁶, народоправцы взялись было создавать нечто вроде единого внеклассового фронта против самодержавия, но не добились успеха, отталкивая от себя либералов своей революционностью, а революционеров, сплошь тяготевших к социализму (если не к научному, то к утопическому),— своей несоциалистичностью.

Вторым проявлением «объединительной» тенденции были попытки сочетать народничество и марксизм, как это наблюдалось, с одной стороны, в народовольческой Военной организации 1884—1886 гг. или в группе А. И. Ульянова, а с другой стороны, в «Московском обществе переводчиков и издателей» 1883—1884 гг., кружках Д. Д. Бекарюкова, Н. А. Мотовилова и др., по преимуществу социал-демократических. Появлялись даже революционеры, которые называли себя марксистами-террористами 37. Такие сочетания неминуемо обращались в противоборство с победой какого-нибудь одного слагаемого — народни-

ческого или (гораздо чаще) марксистского.

Наиболее рационально и действенно «объединительная» тенденция проявлялась в сотрудничестве между народническими и социал-демократическими организациями. «Несмотря на программные и тактические расхождения с партией «Народной воли», вспоминал член благоевской группы В. А. Кугушев, мы мирно уживались и взаимно делились услугами и опытом подпольной работы» 38. Из других воспоминаний известно, что в 80—90-е годы деловую связь с народовольцами поддерживали социал-демократические группы М. И. Бруснева в Петербурге, П. М. Кашинского в Москве, Б. А. Кистяковского и других в Киеве 39. Позднее петербургская «Группа народовольцев» (1894—1896 гг.) сотрудничала с ленинским «Союзом борьбы», печатала в своей (Лахтинской) типографии издания «Союза», в частности брошюру В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» 40.

Все проявления «объединительной» тенденции, о которых идет речь, наблюдались главным образом до середины 90-х годов, пока социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая процесс «утробного развития». Размежевание между народниками и марксистами внутри революционного лагеря

тогда еще не закончилось. Молодые социал-демократы не сразу приходили к осознанию несовместимости марксизма с народничеством. «Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы» ⁴¹, и с большим трудом высвобождались из-под обаяния героики «Народной воли».

Однако к середине 90-х годов социал-демократия стала брать верх над народничеством. Большой шаг вперед — и в количественном, и в качественном отношении — сделало рабочее движение. С одной стороны, росло количество стачек и волнений: за 1880— 1884 гг.— 145. 1885—1889 гг.— 301. 1890—1894 гг.— 232 (с большим числом участников, чем за 1885— 1889 гг.) 42. Многие стачки отличались и размахом (более 5 тыс. стачечников на Егорьевской бумагопрядильне в Рязанской губернии с 25 мая по 7 июня 1893 г., 4,5 тыс. — на Тверской мануфактуре 14 июня 1893 г., до 2 тыс. — на Переяславльской мануфактуре Владимирской губернии 5—8 декабря 1894 г. ⁴³), и упорством: только за 1891—1895 гг. на подавление стачек 67 раз посылались войска 44. С другой стороны, налицо был и рост сознательности рабочего класса, все больше выходило из его среды передовиков, усвоивших социал-демократические идеи, «русских Бебелей», как их тогда называли 45.

Американский историк Р. Пайпс ошибается, утверждая, будто почти все передовые рабочие — пионеры социал-демократического движения в России — прошли школу народничества 46. Многие из них (например, В. А. Шелгунов, Ф. А. Афанасьев, И. В. Бабушкин, Е. А. Климанов, Б. И. Зиновьев, Н. Г. Полетаев, М. И. Калинин, С. Я. Аллилуев) начали революционную деятельность в социал-демократических кружках. На протяжении 1883—1894 гг. рабочее движение выделилось в качестве пролетарской струи из общего потока народничества и служило мощной социальной базой для социал-демократии, которая развивалась по пути к соединению с ним.

«Первые попытки сблизиться с рабочим движением» сделала социал-демократическая группа М. И. Бруснева (1889—1892 гг.) ⁴⁷. Предыдущие социал-демократические организации в России (Д. Н. Благоева, П. В. Точисского) не шли дальше пропаганды марксизма в рабочих кружках. Бруснев-

цы же первыми из русских социал-демократов приняли участие (зимой 1890/91 г.) в стихийных стачках рабочих, пытаясь придать им организованный характер 48. Вслед за ними на этот путь вставали и другие социал-демократы — Н. Е. Федосеев в Орехово-Зуеве летом 1892 г. 49, А. В. Луначарский в Киеве осенью 1893 г. 50

Группа Бруснева вообще добилась больших успехов в социал-демократическом воспитании русских рабочих. Плодами ее усилий явились такие памятные вехи истории рабочего движения в России, как участие рабочих в политической демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова 15 апреля 1891 г. и первая маевка российского пролетариата 5 мая 1891 г. 51

Все это подготовило условия для слияния социалдемократии с рабочим движением. Такое слияние произошло в 1895—1896 гг., когда знаменитые петербургские стачки положили начало массовому рабочему движению с участием социал-демократии 52. Историческая заслуга соединения теории научного социализма с практикой рабочего движения принадлежит, как известно, петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1896 гг. Он первым — под руководством В. И. Ленина — развернул тогда социал-демократическую агитацию в пролетарских массах. С 1895 г. Ленин и отсчитывал новый, пролетарский этап освободительного движения в России, который мы именуем ленинским.

Первым революционным выступлением Ленина было его участие в сходке студентов Казанского университета 4 декабря 1887 г. С сентября 1888 г. он участвовал в одном из социал-демократических кружков, которые группировались вокруг Н. Е. Федосеева, в Казани, а с 1889 г. налаживал революционные связи в Самаре, где в 1892 г. создал первый марксистский кружок. Именно время нелегальной работы в Самаре Ленин считал началом своей революционной деятельности как зрелого социал-демократа, марксиста. В ответ на вопрос анкеты для делегатов X съезда РКП(б) об участии в революционном движении до 1917 г. он прежде всего записал: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки с.-д...» 58

Приехав в Петербург (31 августа 1893 г.), Ленин возглавил и активизировал всю социал-демократиче-

скую работу в столице. «Если к моменту появления Владимира Ильича в городе насчитывалось не более пяти рабочих кружков, находившихся под влиянием социал-демократов, то примерно через год их количество утроилось» ⁵⁴, а на следующий год выросло еще вдвое ⁵⁵. Блестяще марксистски образованный, Ленин уже тогда досконально знал русскую жизнь, все ее экономические, социальные и политические особенности. В этом ему помогла, между прочим, его адвокатская практика.

По окончании (экстерном) юридического факультета Петербургского университета Ленин 30 января 1892 г. был зачислен в корпорацию адвокатов по Самарскому округу помощником присяжного повеоенного А. Н. Хардина ⁵⁶ и за 1892—1893 гг. провел на Самарщине 19 защит по уголовным и гражданским делам (почти исключительно крестьян и рабочих 57). В. К. Шелагинов недавно установил, что в Петербурге Ленин (уже в качестве помощника присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна) вел, «по преимуществу, увечные дела рабочих» и - первым в России — стал давать бесплатные юридические консультании для рабочих (только для них) 58. Общение с крестьянами и рабочими в критических жизненных ситуациях «лишний раз убеждало Ленина в том, что не с крестьянством, а только с рабочим классом, с его оеволюционной борьбой можно связывать будущий социалистический переворот» 59.

Встав во главе массового рабочего движения, русская социал-демократия придала ему и обрела сама удвоенную силу. Марксизм черпал в подъеме рабочих масс доказательства своей правоты, явно одолевал народничество, в некотором роде становился даже модой. «С быстротой эпидемии, — писал о 1894— 1898 гг. Ленин, - распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи» 60. Тяга к марксизму росла повсеместно. С одной стороны, им увлекались не только в революционном подполье, но и в «тюремных университетах», на каторге, в ссылке, используя сравнительно малую осведомленность карателей о смысле его и опасности. Рассказанный В. Г. Короленко случай, когда политический узник внушил тюремщикам, будто ««Капитал» есть руководство для тех, кто хотел бы стать капиталистом, разжиться деньгами («полезнейшая книга, учит, как приобретать капитал»)» 61, был показательным и для 80-х, и даже отчасти для 90-х годов 62. С другой стороны, пользуясь тем, что царизм привык считать опасной только теорию революционного народничества и радовался всякой направленной против нее критике, марксизм пробился даже в подцензурную печать: в самодержавной стране «выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг» 63.

Так возникло своеобразное течение русской общественной мысли — «легальный марксизм» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев). Он представлял собой «отражение марксизма в буржуазной литературе» 64, попытку обосновать неизбежность и прогрессивность капиталистического развития «под прикрытием «марксизма», — очищенного от революционности» 65. Поскольку «легальные марксисты» выступали против народников, социал-демократы в интересах борьбы с народничеством, нисколько не обманываясь в буржуазной сущности «легального марксизма», вступили с ним во временный союз. «Благодаря этому союзу, — указывал Ленин, — была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)» 66.

Между тем народничество к середине 90-х годов почти совершенно расплылось в либерализме. Правда, отдельные его представители и даже целые организации и во второй половине 90-х годов продолжали революционную борьбу, но число таких организаций и масштабы их деятельности были столь незначительны, что не могли повлиять на общую картину упадка и вырождения народничества. Либеральные народники, объединявшиеся вокруг земских учреждений и легальных изданий («Русская мысль», «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Неделя» и особенно— с начала 90-х годов— «Русское богатство»), старались увлечь освободительное движение

на позиции штопанья существующих порядков вместо борьбы за их уничтожение. С этих позиций осенью 1893 г. журнал «Русское богатство» открыл поход против русских марксистов. Либерально-народнические идеи противостояли марксизму кардинально и агрессивно. Стало ясно, что путь к победе марксизма в русском освободительном движении лежит через разгром народничества как идейного течения.

Отпор антимарксистскому походу либеральных народников возглавили Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Плеханов в 1894 г. выступил с книгой «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой он развенчал философию и социологию народничества (особенно теорию «героев и толпы» Н. К. Михайловского), блистательно обосновав им в противовес диалектический и исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса. Ленин же в . 1894—1895 гг. написал книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и статью «Экономическое содержание народничества и коитика его в книге г. Стоуве», которые представили собой, с одной стороны, уничтожающий разбор всей системы взглядов либерального народничества, включая его философскую, экономическую и политическую платформу, а с другой стороны, марксистский прогноз стратегии и тактики русской социал-демократии, вплоть до гениальной идеи гегемонии пролетариата. Вместе с тем в статье «Экономическое содержание народничества» Ленин разоблачил и легальный марксизм как буржуазную фальсификацию пролетарского социализма, попытку выхолостить учение Маркса, «очистить» его от революционности. Именно с этими тремя работами В. И. Ленина и Г. В. Плеханова главным образом связана решительная победа революционного марксизма в русском освободительном движении.

Вторая половина 90-х годов была временем, когда пожинались первые, довольно внушительные плоды слияния социал-демократии с массовым рабочим движением. Социал-демократы вели революционную работу в самой толще пролетарских масс, держась правила, сформулированного одним из пионеров марксизма в России — Ю. Д. Мельниковым: «Лучше под-

нять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж» ⁶⁷. Но, разоблачив и отвергнув субъективную социологию народничества, его утопизм и реакционность как социалистической доктрины, они ценили и поддерживали заключенное в этой доктрине реальное содержание самой решительной, массовой революционной борьбы против старой, крепостнической России. «Русские социал-демократы,— подчеркивал Ленин,— всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее» ⁶⁸.

Революционная сторона народничества включала в себя много компонентов, воспринятых и развитых социал-демократами: безусловное отрицание всякого крепостничества, непримиримость к буржуазному либерализму, стремление действовать в народе и для народа, создание боевой централизованной организации революционеров, формы и методы деятельности в революционном подполье, искусство конспирации, нормы поведения революционеров на свободе и в неволе, их этика, самый тип профессионального революционера. Вместе с опытом и героикой борьбы социал-демократы унаследовали от революционного народничества и его (оставшиеся нерешенными) политические задачи. «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России. — читаем в статье В. И. Ленина «Протест российских социал-демократов», — ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»» 69

2. Наступление реакции

Идейное перевооружение русского революционного лагеря на пути от народничества к марксизму чрезвычайно осложнялось тем, что оно по времени совпало с долгой (примерно 1882—1894 гг.) «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской» реакцией 70. Александровская (занявшая как раз весь

период царствования Александра III) реакция поразила все области русской жизни и наиболее значимо проявилась в контрреформах 80—90-х годов (крестьянской, земской, городской, судебной). Социальная сущность ее была подчеркнуто дворянской. Гоаф Д. А. Толстой, вступая на пост главы поавительства. прямо заявил царю: «Ваши предки создали Россию. но они нашими руками ее создали». Царь тогда «покраснел и отвечал, что он этого не забывает» 71. Действительно, в речи перед волостными старшинами на коронационных торжествах 21 мая 1883 г., а затем в рескрипте к 100-летию Жалованной грамоты дворянству от 21 апреля 1885 г. Александо III сам подчеркнул «первенствующее место» дворян везде и во всем как «главной опоры» самодержавия 72. Более того, вся политика царизма при Александре III, и в особенности контрреформы, проводилась в интересах главным образом крепостнического дворянства. Это доказывают специальные труды советских исследователей П. А. Зайончковского и Ю. Б. Соловьева ⁷³.

Интересы дворянско-крепостнической реакции, естественно, требовали самых нещадных репрессий против освободительного движения. Поэтому все время правления Александра III свирепствовал в Рос-

сии, не утихая, карательный террор.

Верховным распорядителем и живым олицетворением реакции был сам Александр III, «царь-удав», как его называли. В отличие от Александра II он отрицал какие бы то ни было уступки и считал единственным способом обуздания недовольных насилие, с самого начала взяв за образец не отца, а деда, Николая І, который, как известно, показал русскому народу «максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа» 74. Все в личности Александра III: и его убеждения, которые едва ли не укладывались в девиз будочника Мымрецова «Ташить и не пущать!», и скандальная для монарха безграмотность, снискавшая ему в обществе титло «венценосного Митрофана» 75, и даже несуразная внешность («бегемот в эполетах», по выражению А. Ф. Кони⁷⁶) — все гармонировало с его карательной политикой, такой же реакционной, скандальной и несуразной, как сама личность царя.

Правой рукой Александра III и своеобразным дополнением к нему в качестве главного вершителя реакции на правах министра внутренних дел и шефа жандармов был граф Д. А. Толстой — несравненно более образованный и гибкий, чем царь, но и еще более мстительный и жестокий, умственный палач, о котором даже такой консерватор, как Модест Корф, с отвращением говорил: «Он вскормлен слюною бешеной собаки» 77. К борьбе с революционерами, а в особенности с террористами, до умопомрачения ненавистными и опасными, Толстой готов был свести всю внутреннюю политику правительства. Государственный секретарь А. А. Половцов 30 января 1885 г. записал о нем в дневнике: «Его интересуют одни динамитисты и то в замыслах их против его особы» 78.

Не страдали избытком гуманности и другие сановники, ответственные за карательную политику царизма: министр юстиции 1885—1894 гг., наперсник Толстого и приказчик Победоносцева, услужливый бюрократ Н. А. Манасеин; ближайший помощник (товариш министра внутренних дел), а затем преемник Толстого, «подобострастный чурбан» в отношениях с теми, от кого он зависел 79, и разнузданный бурбон по отношению к тем, кто зависел от него самого. И. Н. Дурново; другой товарищ министра внутренних дел, бывший директор департамента полиции, напористый, цепкий и безжалостный В. К. Плеве, которого английская газета «Daily Telegraph» назвала «воплощенным антинигилистом» 80; наконец, помощник Толстого по заведованию полицией командир корпуса жандармов П. В. Оржевский, по манерам джентльмен, а по натуре соглядатай, настолько черносотенный и властолюбивый, что, будь его воля, он, по словам А. А. Половнова, «весь свет отдал бы в распоряжение подчиненных ему жандармов» 81. Все они были преданы интересам дворянско-крепостнической реакции и вносили в карательную политику максимум жестокости, угождая тем самым «каменносердому маньяку всея Руси», как назвал Александра III Марк Твен 82.

Реакция 80—90-х годов была не только невероятно бессмысленной, но и, казалось, непреоборимой. Шедрин метко увековечил ее в образе Торжествующей свиньи, которая «кобенится» перед Правдой и

«чавкает» ее ⁸³. «Мы потрясли революционные ряды от Варшавы до Иркутска и от Архангельска до Крыма» ⁸⁴,— хвастался в 1884 г. прокурор М. М. Котляревский. Спустя четыре года Д. А. Толстой уверял даже, что в России не осталось ни одного революционера, дав повод Н. А. Белоголовому съязвить в газете «Общее дело»:

По верноподданной реляции Толстого Последний нигилист заклепан в Шлиссельбург 85.

Однако верхи и в годы видимого торжества реакции жили в страхе перед опасностью новой вспышки «красного террора». Царь по-прежнему отсиживался в Гатчине, во дворце, который, на взгляд военного министра Д. А. Милютина, имел «вид тюрьмы», оцепленной «несколькими рядами часовых с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч.

и проч.» ⁸⁶.

Редкие отлучки царя из гатчинского убежища обставлялись мерами феноменальной предосторожности. Из-за страха перед возможным покушением царь больше двух лет правил некоронованным. Предпринятая же в мае 1883 г. поездка его на коронацию (по традиции, освященной веками, — в Москву) походила на вояж завоевателя по чужой, только что оккупированной и еще не усмиренной стране. «Весь путь следования царя из Петербурга в Москву, свидетельствовал очевидец, — был охраняем войском, расположенным по линии Николаевской железной дороги на расстоянии 606 верст. Эта линия была разделена на участки, порученные отдельным частям войск, и беспрерывные цепи часовых, расставленных друг от друга на расстоянии от 300 до 500 шагов, тянулись таким образом от Петербурга до Москвы» 87. «Москва, — рассказывали другие очевидцы, - была переполнена войсками и шпионами, царя возили или по улицам, оцепленным солдатами, или задворками, как какой-нибудь контрабандный товар» 88. Даже царские министры, участники коронации, были шокированы ее «изнанками». «Печальное впечатление производят расставленные вдоль всей дороги часовые, — записывал в дневнике П. А. Валуев. — Слияние царя и народа! Обожаемый самодержец! А между тем он едет короноваться, тщательно скрывая день и час своего выезда, и едет не иначе, как ощетинив свой путь часовыми» ⁸⁹.

Впрочем, даже в Гатчине царь не знал покоя. Кошмар покушений изводил его, тем более что заграничные агенты время от времени доносили, будто в Россию едут «с намерением совершить попытку нового покушения» то Гартман, то некие Кондырев и Поистюк, то «неизвестные лица» 90. Царь становился все более мнительным. Был случай, когда он застрелил на месте в дежурной комнате своего адъютанта барона Рейтерна (приходившегося родственником председателю Комитета министров), заподозрив его в намерении бросить бомбу. Оказалось, что барон курил папиросу и при неожиданном появлении царя стал прятать ее за спину 91. Лучше всего рисует состояние духа самодержна тех лет его меланхолическая помета на полях министерского доклада о раскрытии «умысла» 1 марта 1887 г.: «На этот раз бог нас спас, но надолго ли?» 92

Беспокоились за себя и царские сатрапы. В страхе за свою жизнь они не прочь были подставить под бомбы и пули террористов кого-либо из помощников. Тот же Д. А. Толстой, когда его помощник И. Н. Дурново заметил, что он как министр напрасно передал всю полицию в распоряжение другого своего помощника — П. В. Оржевского, цинично отрезал: «Пусть на нем лежит ответственность, и пусть в него стреляют, а не в меня» 93.

Страх перед призраком грозной «Народной воли» теперь, когда реакция торжествовала, лишь подстегивал власти к сугубым репрессиям, чтобы доконать «крамолу». Недооценивая ни сил, ни роста социалдемократии, царизм по-прежнему считал главным, наиболее опасным своим врагом «Народную волю». «Полиция, власти, — вспоминала о 80-х — начале 90-х годов А. И. Ульянова-Елизарова, — считали тогда опаснее представителей народовольчества, идущих на насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными». «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский» 94. Главными жертвами репрес-

сий 1883—1894 гг. оставались (по традиции, с годами все менее оправданной) народовольцы. Именно они шли под суд, на виселицу и каторгу, в застенки Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. К сопиал-демократам же применялась пока лишь административная ссылка, и преимущественно даже не в Сибирь, а «на родину» (по месту рождения) и в другие города, кроме столиц империи. Так, Д. Н. Благоев был выслан на родину (в Болгарию), П. В. Точисский — в Екатеринослав, Н. Е. Федосеев — в Сольвычегодск, В. К. Курнатовский — в Шенкурск, М. И. Бруснев — в Сибирь. Масштабы дознаний по делам социал-демократов до середины 90-х годов оставались малыми: к делу группы Благоева были привлечены 15 человек ⁹⁵, группы Точисского — 10^{96} , группы Бруснева — 38^{97} (отмечу для сравнения, что по делу Г. А. Лопатина в 1884 г. были привлечены к дознанию 300 человек).

В целом репрессии 80-х — начала 90-х годов иной раз даже самих карателей нервировали излишествами. Товарищ обер-прокурора Сената Н. А. Хвостов в марте 1887 г. опасливо предостерегал К. П. Победоносцева: «Аресты делаются зря, забирает, кто хочет... Если бы кто захотел нарочно избрать такой способ действий, который может создать и для будущего запас горючего материала, то лучше трудно придумать» 98. Но заправилы реакции неистовствовали, предвкушая близкое искоренение «крамолы», и не хотели внять каким-либо предостережениям.

Законодательным прикрытием для «белого террора» 80—90-х годов служило «Положение об охране» 14 августа 1881 г., по смыслу и букве которого можно было узаконить самые лютые репрессии. Однако в способах подавления, которые царизм практиковал после 1881 г., не прибавилось ничего нового по сравнению с репрессиями 1879—1881 гг., так же, впрочем, как и не убавилось ничего старого. Попрежнему царизм применял против революционеров все способы подавления с той лишь разницей, что если в 1879—1881 гг. ему приходилось метаться от постоянных законов к исключительным и придумывать время от времени какие-то новые чрезвычайные карательные органы (военные суды, временных генерал-губернаторов, Верховную распорядительную ко-

миссию), то с 14 августа 1881 г. он мог чинить расправу более уверенно и стабильно, поскольку теперь к его услугам было всеобъемлющее руководство по

репрессиям.

Началом всех начал в борьбе с «крамолой» оставался полицейский надзор. Он удивлял и пугал современников своими масштабами, точно определить которые едва ли возможно. С одной стороны, официальные власти называли явно заниженные цифры. Например, к 1 января 1880 г. по ведомости Берховной распорядительной комиссии в стране насчитывалось 6790 политических поднадзорных 99. С другой стороны, иные неофициальные данные выглядят завышенными. Генеральша А. В. Богданович, к примеру, в том же 1880 г. свидетельствовала (ссылаясь на члена Верховной распорядительной комиссии М. И. Батьянова!): «Теперь по всей России находится 400 тыс. человек под надзором полиции» 100. Как бы то ни было, в течение 80-х годов надзор «отечески бдительного» (ирония Бакунина) 101 царского правительства за его подданными не слабел, а усиливался. Однако «вредоносное» влияние «крамолы» проникало повсюду. Надзирать приходилось за всеми слоями общества, за каждым обывателем. Поэтому еще в дни диктатуры хитроумного М. Т. Лорис-Меликова упомянутый генерал М. И. Батьянов совершенно в лорис-меликовском духе предложил взвалить надзор за обывателями на плечи самих обывателей, приставив их друг к другу в качестве шпионов. Самыми удобными и надежными исполнителями такого надзора Батьянов счел домовладельцев. «Надзор этот, — разъяснял изобретательный генерал, — мог бы быть организован на основаниях круговой поруки, т. е. с ответственностью не только за себя, но и за соседа, чем и будет обеспечен не формальный только, не фиктивный, а действительный надзор, ибо домовладельцы будут контролировать бдительность друг друга» 102.

Юридически проект Батьянова не был оформлен, но в жизнь 80—90-х годов почти все, что проектировал Батьянов, вошло. Отчасти по настоянию полиции, а отчасти и добровольно домовладельцы надзирали за своими постояльцами и друг за другом. Надзор становился всеохватывающим и невыносимым,

доходил до абсурда. Показательным был такой штрих: некто Дутиков, торговец железными изделиями из Ростова, находясь в Москве, получил от своего приказчика телеграмму: «25 000 гвардии готовы. Высылайте деньги»; торговца немедленно арестовали и держали за решеткой до тех пор, пока не выяснилось, что по вине телеграфистов в тексте телеграммы вписано было «гвардии» вместо «гвоздей» 103. Казалось, сам воздух, которым дышали тогда люди, был пропитан подозрением в политической благонадежности. Везде оказывались надзирающие, которые подозревали на всякий случай каждого. М. Е. Щедрин в письме к Н. А. Белоголовому от 26 октября 1884 г. невесело иронизировал: «Нынче так много физиономистов развелось, что и выражение лица истолковывается» 104

Разнузданный надзор влек за собой эпидемию доносов. Идеологи реакции публично и печатно возводили донос в ранг гражданской добродетели ¹⁰⁵. Доносы и сыпались в департамент полиции отовсюду, не только по принуждению, как в сатире А. К. Толстого «Сон Попова» 106, но и добровольно. «Доносят по злобе, по неудавшейся любви, доносят спьяна и т. д.» 107, — писала газета «Народная воля». Агентразведчик «Народной воли» Н. В. Клеточников, прослуживший 734 дня в недрах парского сыска, не боялся преувеличить, когда заявил на суде: «Меня просто поразило число ложных доносов. Я возьму громадный процент, если скажу, что из ста доносов один оказывается верным. А между тем, почти все эти доносы влекли за собой арест, а потом и ссылку» 108.

Аресты (а в особенности обыски) в 80—90-е годы действительно наводнили Россию. Правительство щедро оплачивало арест любого более или менее известного революционера. Г. П. Судейкин получил 15 000 руб. за арест члена ИК «Народной воли» М. Ф. Грачевского 5 июня 1882 г. и 5000 руб. за арест народоволки Л. А. Волкенштейн 30 октября 1883 г. Полковник В. Д. Новицкий за то, что он 4 марта 1884 г. арестовал народовольцев М. П. Шебалина и П. В. Шебалину, был удостоен ордена св. Анны 2-й степени и премии в 3000 руб. Полковнику С. С. Секеринскому за арест 18 января 1886 г.

народовольца С. А. Иванова были пожалованы орден св. Владимира 4-й степени и 3000 руб. За аресты 1 марта 1887 г. в Петербурге тот же Секеринский получил орден св. Станислава 2-й степени, штатные чины охранки—2750 руб. и филеры—3000 руб.; кроме того, царь лично выплатил каждому филеру по 1000 руб. 109

В погоне за наградой жандармы старались обыскивать и арестовывать как можно больше людей, резонно прикидывая, что с ростом числа арестованных растут и шансы изловить в этом числе хотя бы одного искомого революционера. «Нередко в постановлениях об аресте писали: «арестовать впредь до выяснения причин ареста», — вспоминал современник. - Значит, арестовывали не потому, что собраны какие-либо улики, а для того, чтобы собрать эти улики» 110. Разумеется, в обстановке всеохватывающего надзора и неисчислимых доносов, каждый из которых мог привести к обыску и аресту, революционерам трудно было действовать, тем более что и надзор, и доносы нацелены были именно против них. Однако не надзор и не доносы, рассчитанные большей частью «на авось», представляли главную опасность для революционного подполья. Гораздо опаснее были ловушки, которые царизм подстраивал подпольщикам руками многочисленных и к тому же специально выдрессированных агентов — шпионов и провокаторов.

Колыбелью тайной полиции считается Франция. Именно французская охранка стала образцом для аналогичных учреждений как на Западе, так и в России. Время Второй империи во Франции явило собой «золотой век» контрреволюционной провокации. Но в 80-е годы царизм превзошел провокационные достижения Второй империи. «Нигде, ни в одном европейском государстве, — справедливо замечали французский социалист Жан Лонге (внук Маркса) и русский эмигрант Георгий Зильбер, — ядовитый цветок провокации не распустился с такой пышностью, как на благоприятной почве русского цариз-

ма» 111.

Начало пышного «цветения» провокации в России относится к послемартовской реакции 80-х годов. В 1879—1881 гг. этот «ядовитый цветок» еще не

расцвел — в немалой степени потому, что царских шпионов и провокаторов тогда систематически разоблачал Н. В. Клеточников. После ареста Клеточникова «Народная воля» уже не могла обезвреживать шпионаж и провокации царизма с прежним успехом. Зато царизм стал действовать в этой области гораздо эффективнее. Сказалось не только и даже не столько устранение Клеточникова, сколько два других обстоятельства.

С одной стороны, царизм обогатился должным опытом в трудной борьбе с «Землей и волей» и «Народной волей». Помогло ему и усвоение карательного опыта иностранных правительств. М. Т. Лорис-Меликов изучал «Исключительный закон» Бисмарка и справлялся у немецкого посла об особенностях борьбы с революционным движением в Германии, а Н. П. Игнатьев пользовался в устройстве ловущек против народовольцев советами многоопытного префекта парижской полиции Луи Андрие. С той же целью профессор полицейского права И. Е. Андреевский был командирован в Лондон, Париж, Берлин и Вену изучать там опыт искоренения «крамоды» 112. С другой стороны, царское правительство вышколило кадоы подлинных мастеров шпионажа, которые научились искусно вербовать провокаторов и руководить ими. Так, начальник петеобуогского ГЖУ А. В. Комаров, например, завербовал В. А. Меркулова и И. Ф. Окладского, выдавших много революционеров (в том числе Веру Фигнер). Еще большим приобретением петербургской охранки стал провокатор. а впоследствии (1905—1909 гг.) начальник русской тайной полиции за границей Авраам Геккельман (он же Ландезен, Петровский, Бэр и генерал фон-Гартинг), который был завербован из сотрудников «Народной воли» в марте 1883 г. 113 и за 80-90-е годы провалил ряд нелегальных явок, типографий. пелых коужков. Очень многолюдной и деятельной была сыскная агентура московской охранки. В Москве (а также в Харькове и Ростове-на-Дону) подвизался матерый провокатор 80-х годов С.К.Белов 114. Позднее (1887 г.) в Москве же стал агентом полиции один из попутчиков «Народной воли» С. В. Зубатов, который с 1 января 1889 г. был поикомандирован к охранному отделению 115.

Словом, шпионаж и провокации царизма в первые же годы правления Александра III разрослись, как никогда. Появилась фаланга мастеров сыска, вокруг которых кишели рядовые сыщики, подмастерья. Центральной фигурой этого сыскного полчища был Георгий Порфирьевич Судейкин, который затмевал своими успехами всех остальных сыщиков, вместе взятых, а из успехов Судейкина все прочие затмила де-

гаевшина.

предприимчивый, честолюбивый и беспринципный Судейкин с начала 70-х годов служил в Киевском ГЖУ, отличился (с помощью искусных провокаций) в раскрытии революционных кружков Юга, был поиглашен в столицу и весной 1881 г. стал заведовать агентурой петербургской охранки. До конца 1882 г. он успел, используя сыск и провокацию, причинить большой урон «Народной воле». Самым крупным его успехом той поры была облава, устроенная в Петербурге с 4 на 5 июня 1882 г., после того как его агенты выследили динамитную лабораторию ИК. В ту ночь жандармы арестовали 120 человек, в числе которых оказались два члена ИК — М. Ф. Грачевский и А. П. Корба, а также десятки рядовых народовольцев 116. Но Судейкин метил на большее. Он настойчиво плел сеть провокации вокруг «Народной воли», рассчитывая проникнуть в центр партии и развалить ее изнутри до основания. Эта его сеть никогда не пустовала: то один, то другой из арестованных попадались в нее. Однако ни одной сколько-нибудь влиятельной революционной фигуры среди них не было. Да и сам Судейкин, хотя он и заправлял жандармским сыском в столице, до конца 1882 г. не имел достаточных для задуманной диверсии полномочий и тосковал по всероссийскому масштабу деятельности. В конце 1882 г. таковой был ему доверен.

3 декабря 1882 г. Александр III утвердил «Положение об устройстве секретной полиции в империи». Оно вводило должность инспектора секретной полиции для руководства политическим розыском по всей России. Первым инспектором и был назначен Судейкин. Текст «Положения» сохранился в архиве департамента полиции 117. Там же хранится и особая «Инструкция инспектору секретной полиции» от

29 января 1883 г., согласно которой инспектор мог координировать охранные отделения Петербурга и Москвы, а также созданные «по образцу» этих последних розыскные отделы при жандармских управлениях Киевской, Харьковской, Одесской и Херсонской губерний и при необходимости «вступать в непосредственное заведование местными агентурами» 118. Роль общероссийского 119 сыскного инспектора оказалась для Судейкина весьма кстати. Ему удалось стянуть к себе все нити политического розыска и провокации. Будучи уже в этой роли, он и содеял одну из самых гнусных провокаций, известную как «дегаевщина», хотя точнее было бы называть ее «судейкинщиной».

Йстория дегаевщины в общих чертах раскрыта 120. Здесь важно поставить ее в связь со всей «механи-

кой» карательного террора 80-х годов.

Сергей Петрович Дегаев — артиллерийский штабскапитан, член Военного центра «Народной воли», деятельный и пылкий, но идейно и нравственно неустойчивый, бывший до 1 марта 1881 г. (пока во главе «Народной воли» стоял «Великий ИК») в тени, после 1 марта, по недостатку в лидерах, стал выдвигаться на первый план. К моменту ареста (20 декабря 1882 г.) он вместе с Верой Фигнер фактически стоял у руля «Народной воли» и уже как один из лидеров партии попал в руки Судейкина. Проницательный сыщик быстро смекнул, что по натуре Дегаев такой же, как и он, Судейкин, беспринципный честолюбец. Играя на слабостях Дегаева и козыряя перед ним своей силой, Судейкин морально выпотрошил его и прельстил поистине сатанинским планом: он, Дегаев, должен был при содействии жандармской охранки устранить старых революционеров и заново скомплектовать террористическое подполье, в котором стал бы диктатором; затем Судейкин и Дегаев вдвоем, чередуя то убийства правителей России (руками террористов), то раскрытие заговоров и расправу с убийцами (руками охранки), возглавили бы страну, приводя в повиновение правительство террором, а террористов — охранкой.

После того как 14 января 1883 г. Судейкин устроил Дегаеву фиктивный побег из-под стражи, Дегаев в продолжение четырех месяцев выдавал Судейкину

планы «Народной воли», ее связи, наиболее опасных для правительства деятелей. Прежде всего провокатор выдал Военный центр партии, а вслед за ним все местные военные группы. Арестованы были 200 офицеров. Те же, кто уцелел, потеряли веру в жизнеспособность народовольчества и отошли от него. В результате от Военной организации «Народной воли» не осталось камня на камне. Жертвами дегаевщины стали и десятки «штатских» народовольцев, в том числе Вера Фигнер — последний член Исполнительного комитета, еще действовавший в России на свободе.

К середине 1883 г. основные силы «Народной воли» были частью уничтожены, частью деморализованы. Казалось, все идет по плану Судейкина и Дегаева. Но за четыре месяца ежедневного предательства убедиться в том, что, кроме неза-Легаев мог видной роли жандармской ищейки, ему на поводу у Судейкина рассчитывать не на что. Между тем его стал мучить страх перед возможным разоблачением и местью со стороны народовольцев, которые, как он хорошо знал об этом, умели расправляться с предателями 121. Может быть, заговорило в Дегаеве и угрызение остатков совести после того, как он погубил столько бывших товарищей. Как бы то ни было, он в мае 1883 г. на средства охранки уехал вместе с женой в Париж якобы для выявления умыслов русской эмиграции и там покаялся в предательстве перед заграничным представителем ИК Л. А. Тихомировым. Тот счел возможным гарантировать ему жизнь при условии, если Дегаев, во-первых, спасет уже скомпрометированных, взятых Судейкиным на учет, революционеров и, во-вторых, организует убийство Су-дейкина ¹²². Обрадованный Дегаев оставил в залог свою жену, вернулся в Петербург к Судейкину теперь уже как агент ИК и после долгих, поныне до конца не разгаданных, двусмысленных сношений с ним 16 декабря 1883 г. заманил шефа охранки к себе в квартиру, где его прикончили народовольцы Н. П. Стародворский и В. П. Конашевич ¹²³.

Убийство Судейкина царизм оплакал как невосполнимую утрату. Царь на докладе об убийстве Судейкина пометил: «Я страшно поражен и огорчен этим известием... Потеря положительно незаменимая (курсив мой. — \hat{H} . T.). Кто пойдет теперь на подобную должность?» 124 Действительно, на судейкинскую должность никто более не пошел, пришлось ее упразднить.

Однако судейкинские приемы борьбы с «крамолой» остались в арсенале царизма. Провокация как система глубоких политических диверсий с целью расшатывания революционной партии изнутри отныне

стала для карателей одной из главных забот.

Дегаевщина — не единственный образчик карательной изобретательности царизма 80-х годов. Другим (такого же рода) «шедевром» была пресловутая «Святая (или «Священная», как ее иначе называют) дружина». Ее история, в главном известная из опубликованных документов и специальных работ М. Е. Федоровой, Д. О. Заславского, Л. Т. Сенчаковой, до конца еще не раскрыта. Остаются пока в архивах любопытные материалы, относящиеся к «дружине», и большая, вполне законченная монография М. К. Лемке «Святая дружина», которая используется здесь наряду с другими источниками.

«Дружина» сформировалась летом 1881 г. под впечатлением цареубийства 1 марта и действовала до начала 1883 г. как тайное общество искоренения «крамолы» — с видимым расчетом на то, чтобы клин вышибать клином. Составили ее 729 персон, преимущественно из высших сфер: два, если не четыре, брата царя (великие князья Алексей и Владимир, а возможно, еще Сергей и Павел), министр двора И. И. Воронцов-Дашков, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа П. А. Шувалов, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, будущие председатели Совета министров С. Ю. Витте и Б. В. Штюрмер, 54 генерала и адмирала, «короли» прессы, дипломаты, банкиры, «зубры» купечества, светские хлыщи 125.

В октябре 1881 г. «дружина» с ведома и одобрения правительства завела вспомогательную лигу под названием «Добровольная охрана» специально для «наружной охраны священной особы государя императора и членов августейшего семейства путем привлечения к этому делу в качестве добровольцев масс местных обывателей». «Добровольная охрана» действовала главным образом на линиях железных до-

рог, по которым случалось проезжать царю, а кроме того, «постоянно находился летучий отряд из оплачиваемых стражников в Царском селе» 126. По данным московского отдела «Святой дружины», число «добровольных охранников» только в Москве состав-

ляло целую армию — 14 915 человек ¹²⁷.

Сама «дружина» охраной царя не занималась. Она рассчитывала запустить свои щупальна в революционный лагерь и дезорганизовать его. Поскольку же необходимой для этого сыскной квалификации «дружина» не имела, она действовала на авось: всюду шпионила, всех подозревала, одних выслеживала, других мистифицировала. Очень богатая, она завела громадный фонд в 300 тыс. руб. для расходов на агентурные нужды, устроила свои отделения почти в 30 городах страны и три заграничные агентуры: в Париже (с разветвлениями в Лондоне, Брюсселе и Женеве), в Вене (с филиалами в Берне, Лейпциге вдоль русско-австрийской границы — Волочиск. Броды, Сосновцы) и в Берлине 128. Кроме того, ей удалось наладить в Женеве издание двух провокационных газет: «Правды» — якобы от имени революционеров, «социал-общинников», «ан-архистов» 129 (чтобы карикатурить их) и «Вольного слова» — якобы от имени либералов (чтобы отвращать колеблющихся от терроризма). Она подсылала убийц к П. А. Кропоткину и Л. Н. Гартману, выискивала членов ИК и вообще народовольцев в России, причисляя к ним от избытка подозрительности бесконечно далеких от них людей, причем в самых неожиданных сочетаниях. Вот, например, заключение петербургского отдела «дружины» от 1 октября 1882 г.: «Личные составы редакций «Отечественных записок», «Русского богатства» и журнала «Дело», все правление Либаво-Роменской и Бакинской железных дорог и значительная часть служащих по этим дорогам — все в разных степенях участвуют в народовольческой партии» 130.

«Святая дружина» была энергичной, но бестолковой. Она путалась в ногах департамента полиции, норовя превзойти его, флиртовала с аферистами, которые продавали ей за крупные суммы давно известные, а то и выдуманные «секреты» ¹³¹. Тайна самой «дружины» скоро открылась и стала притчей во

языцех. Щедрин высмеивал ее в «Письмах к тетеньке» как «Союз недремлющих лоботрясов» ¹³². К тому же коноводы «дружины» не поладили с К. П. Победоносцевым, который в письме от 23 ноябоя 1882 г. припугнул и без того затравленного царя опасностью заговора против него внутри слишком разросшейся и обнаглевшей «дружины». «Время страшное, и враг не дремлет, — писал Победоносцев, — а теперь, озираясь вокруг, я убеждаюсь все больше и больше, что. как бы ни была велика опасность вашему величеству от злодеев-заговорщиков, еще серьезнее опасность от дружины» 133. Судьба «дружины» была решена. Уже 26 ноябоя 1882 г. царь повелел распустить ее, и началась ликвидация дел «дружины», затянувшаяся до

января 1883 г. ¹³⁴

Леятельность «Святой дружины», хотя и кратковременная и безуспешная, оставила глубокий след в карательной политике царизма, заложила в ней особую традицию. Впервые в России была предпринята попытка самодеятельной мобилизации реакционных сил. Как явствует из документа, сохранившегося в архиве графа Н. П. Игнатьева, эти силы в 1881—1882 гг. пытались создать наряду со «Святой дружиной» ряд других охранительных ассоциаций и объединить их во «Всенародный русский союз». Документ, о котором идет речь, как раз представляет собой проект учредительного манифеста «Всенародного русского союза» ¹³⁵. Судя по тому, что других сведений об этом союзе ни в архиве Н. П. Игнатьева, ни в делах департамента полиции нет, организовать такой союз в то время не удалось, но идея его жила в сознании реакционных слоев, пока в 1905 г. (уже не перед угрозой только, а перед фактом революции) не воплотилась в лице черносотенного «Союза русского народа» и подобных ему союзов.

В условиях, когда царизму пришлось мобилизовывать против «крамолы» все средства и силы, вплоть до «недремлющих лоботрясов», он не мог не призвать на помощь и свою верную союзницу — церковь. Судебные процессы 70-х годов наглядно показали бесплодность психологических диверсий церкви, рассчитанных на духовное разоружение арестованных или даже осужденных революционеров. Поэтому в 80-е годы царизм прибегал к таким диверсиям реже.

В борьбе с «Народной волей», а затем и с социалдемократией он использовал церковь иначе, полагаясь не столько на психологию, сколько на политику. Во-первых, святые отцы должны были освящать авторитетом своего сана и божьего имени законность расправы с революционерами. Поп с крестом на эшафоте как бы облагораживал и оправдывал палача с веревкой. Характерно, что инструкция о порядке исполнения смертных приговоров, принятая в 1879 г., обязывала священника шествовать вслед за осужденным на казнь рядом с палачом ¹³⁶.

Церковь была призвана вести рука об руку с государством всероссийскую кампанию черносотенной пропаганды против революционного лагеря с целью его изоляции и осрамления. Ради этого Синод и предписал 8 мая 1881 г. возгласить по всем церквам империи особую ектенью «О еже помянути грехов и беззаконий наших и потребити от нас все неистовые крамолы супостатов, господу помолимся». Такого рода общероссийский молебен был затеян впервые с тех пор, как в июле 1826 г. на радостях по случаю расправы с декабристами Синод распорядился отслужить по всем церквам благодарственную ектенью всевышнему за избавление империи «от неиствующих крамол». Теперь, с мая 1881 г., молитвы «против крамолы» стали постоянным компонентом литургии до конца царизма. «Крамола» проклиналась в них как самая страшная ересь и наихудшее эло. Архиепископ херсонский Платон возглашал, например, что террор «Народной воли» «гораздо хуже» и опаснее «нашествия галлов» 1812 г. 137

Итак, реакция 80—90-х годов боролась против освободительного движения изо всех сил и всеми средствами. В условиях второй революционной ситуации, когда царизм оказался перед вопросом «быть или не быть», вся его внутренняя политика свелась к массированной обороне самодержавного режима и сохраняла свое полицейское назначение еще долго после того, как прямая опасность для царизма уже миновала (до следующей революционной ситуации).

Царизм вел борьбу против русских революционеров и за пределами своей страны. Важным орудием этой борьбы была его заграничная агентура, которая следила (иногда совместно с полицейскими

властями заинтересованных стран) за русскими революционерами-эмигрантами и через посредство такой слежки пыталась проникнуть в тайны революционного подполья в самой России, устраивала диверсии, провокации, рассчитанные на то, чтобы восстановить против «нигилистов» мировую общественность. До 1883 г. постоянной агентуры за границей царизм не имел, довольствуясь услугами отдельных агентов, которые иной раз скандально проваливались и компрометировали царское правительство перед Европой, как это было, например, в деле Трохгейма 1880 г. яхту ¹³⁸). (симуляция покушения царскую на С 1880 г., когда «Народная воля» начала склонять на свою сторону мировое общественное мнение, воздействуя на него и своим героическим примером, и прямой апелляцией к нему, царизм настойчиво пытался устроить за границей для нейтрализации народовольческой пропаганды агентурный стационар 139, но только в июне 1883 г. основал наконец дееспособную постоянную заграничную агентуру, которая и функционировала до последних дней царского режима.

Центрами заграничной агентуры стали два города, каждый из которых являлся средоточием русской революционной эмиграции,—Париж и Женева. Кроме того, в зону особой активности агентуры входили Лондон, Берлин, Вена, Бухарест. В течение 18 лет (с весны 1884 по 1902 г.) заведовал агентурой П. И. Рачковский. Сколь значима была для царизма заграничная агентура, видно из того, что он не жалел средств на ее содержание. Рачковский получал 12 тыс. руб. в год личного жалования и, сверх того, огромные суммы (до 90 тыс. руб. в год и более) на «секретные расходы». Только за январь — февраль 1887 г. он получил 20050 франков 140.

Действовала агентура в 80-е годы изобретательно и не без успеха. Кроме повседневной слежки и мелких провокаций Рачковский отваживался на крупные диверсии. В ночь на 8(20) ноября 1886 г. он организовал налет на типографию «Народной воли» в Женеве, который увенчался полным разгромом типографии: истреблены были 6 тыс. экземпляров изданий, рассыпан весь набор, а до 6 пудов шрифта разбросаны по улицам города. Сообщая о подробно-

стях налета в департамент полиции. Рачковский хвастался «необычайностью дела, не имевшего до сих пор примера в практике какой-либо из европейских политических полиций» 141.

Помимо операций заграничной агентуры другую сторону борьбы наризма против революционной России составили попытки объединить усилия европейских правительств для преследования русских революционеров по всему континенту. Сразу после 1 марта 1881 г. царизм попытался было созвать «антинигилистическую» конференцию держав Европы для выработки общего плана действий против «Народной воли», а когда эта затея из-за уклончивости Италии, Франции и Англии сорвалась 142, встал на старый путь заключения двусторонних договоров о взаимной выдаче политических преступников. К 1885 г. он заключил такие договоры с Германией, Австро-Венгрией, Румынией и настойчиво побуждал к тому же Францию, Швейцарию, Италию, Англию. «...Русское правительство. — отметил в январе 1885 г. Ф. Энгельс, пускает в ход все средства, чтобы заключить с западноевропейскими государствами соглашения о выдаче русских революционеров-эмигран-TOR» 143

В частности, на правительство Англии был оказан грубый провокационный нажим. Публицистка О. А. Новикова, влиятельная при царском дворе и близкая к английскому премьер-министру У. Гладстону, который считался с ее мнением, напечатала 3(15) января 1885 г. в лондонской консервативной газете «Pall Mall» коикливую статью под названием «Русификация Англии». «В этом воззвании. — писал о статье Йовиковой Ф. Энгельс, — Англию призывают не допускать больше, чтобы такне люди. как Гартман, Кропоткин и Степняк, конспирировали на английской территории «с целью убивать нас в России...»» 144 «Воззвание» Новиковой явно (судя даже по его заголовку) должно было уязвить национальное самолюбие англичан и восстановить английскую общественность против «русификации Англии» (как назвала Новикова соблюдение в Англии права убежища для русских эмигрантов). Однако то, что Новикова пыталась выставить как обидную для Англии «русификацию», Англия — страна, первой в мире провозгласившая принцип невыдачи политических преступников ¹⁴⁵,— гордо считала своей национальной традицией. «Воззвание» царской публицистки если и уязвило английское самолюбие, то не в пользу ца-

ризма, а во вред ему.

Устояли перед нажимом царизма также Франция, Швейцария, Италия. В результате задуманная царизмом общеевропейская система преследования и взаимной выдачи политических преступников, которая превратила бы весь континент в громадную ловушку для «нигилистов», пе удалась. «Антинигилистическая» цепь держав, связанных двусторонними соглашениями с Россией, недосчитывала три главных звена, три основных центра русской политической эмиграции — Англию, Францию и Швейцарию.

Тем не менее часть своего замысла царизм реализовал. С одной стороны, кроме Германии, Австро-Венгрии и Румынии, согласившихся выдавать России не только цареубийц, но и всех террористов, такие державы, как Бельгия (17 августа 1881 г.), Монако (24 августа 1883 г.), Португалия (28 апреля 1887 г.), а еще ранее Испания (9 марта 1877 г.) и Нидерланды (1 августа 1880 г.) договорились с Россией взаимно выдавать людей, причастных к цареубий-

ствам 146.

другой стороны, правительства, которые не рискнули сговориться с царизмом вопреки традиционным нормам международного права, тоже оказывали ему (как бы извиняясь перед ним за несговорчивость в главном) частные «антинигилистические» услуги. Власти Франции в феврале 1882 г. выслали из своей страны (правда, на время) П. Л. Лаврова, а в ноябре арестовали П. А. Кропоткина и, хотя выдать его царскому правительству не решились, продержали русского революционера три года в тюрьме. Швейцарские власти тоже в угождение царизму летом 1881 г. навсегда изгнали из страны Кропоткина, а весной 1884 г. согласились было выдать (как уголовного преступника) С. М. Кравчинского, но, пока царизм заготовил все необходимые документы и предъявил формальное требование о выдаче, Кравчинский успел переехать из Швейцарии в Англию 147. Правящие верхи Англии (включая либерального

премьер-министра У. Гладстона) травили народоволь-

цев в печати 148.

Разумеется, царизму хотелось бы более тесного и действенного сотрудничества Англии, Франции и Швейцарии в борьбе с революционной Россией, но конституционный режим тех стран не позволял ему рассчитывать на большее.

3. Судебная контрреформа

В обстановке реакции 80—90-х годов судебные уставы 1864 г. становились все большей помехой для карателей. Эти последние, особенно же два знаменосца реакции — М. Н. Катков и К. П. Победоносцев, громче прежнего требовали контрреформировать судтак, чтобы он стал в руках царизма вполне надежным и безотказным карательным орудием. «Наши судебные учреждения, рабски скопированные с чужих образцов... — бранился Катков, — нуждаются в исправлении при свете собственного разумения», а именно в такой организации, «которая ставила бы их под непрерывное действие государственной власти... Требуется, чтобы министр юстиции был поистине министром своего государя, а не казался бы ...дипломатическим при нем агентом самодержавной судебной

республики» 149.

Победоносцев целиком разделял взгляд Каткова. «Он зачитывался статьями «Московских ведомостей» против наших судов и аккуратно посылал их государю» 150, — вспоминал Е. М. Феоктистов. Совершенно в катковском духе Победоносцев составил и 30 октября 1885 г. вручил царю доклад «О необходимости судебных реформ» (т. е. контрреформ), где предлагал ликвидировать остатки гласности или, как он выражался, «пресечь деморализацию, которую распространяет в обществе публичность судебных заседаний»; обуздать адвокатуру, заключив ее «в строгую дисциплину перед судом»; упразднить состязательность судебного процесса, независимость суда от администрации, несменяемость судей, институт присяжных заседателей («от этого учреждения необходимо нам отделаться, чтобы восстановить значение суда в России») 151 — иначе говоря, от пореформенного суда вернуться вспять к дореформенному.

Кое-что из требований Победоносцева (например, уничтожить «состязательное начало, применяемое судебными уставами») вставил в свой доклад царю «О реформе местного управления» от 18 декабря 1886 г. Д. А. Толстой 152, а этот доклад лег в осно-

ву земской и городской контрреформ.

Сам царь откровенно поносил перед Толстым либеральное якобы «безобразие наших судов» 153 и не изменял взгляду, которым он проникся под впечатлением процесса по делу 1 марта 1881 г.: с «крамолой» полагалось бы расправляться вообще без суда. Известна его резолюция, начертанная на докладе Толстого об аресте вторых первомартовцев: «По-моему, лучше было бы узнавать от них все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума(!) отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание» 154.

При таком отношении к судам царь, естественно, поощрял судебную контрреформу и ставил во главе министерства юстиции подходящих для этого людей. Излишне лояльный к судебным уставам 1864 г. полулиберал Д. Н. Набоков в ноябре 1885 г. был заменен консерватором Н. А. Манасеиным, которому, по свидетельству А. А. Половцова, «при назначении объявили о необходимости уничтожить судебные уставы» 155. Так как Манасеин до конца в этом не преуспел, вместо него с 1 января 1894 г. был приставлен к руководству министерством юстиции Н. В. Муравьев. Истый каратель, меченный пятью виселицами по делу 1 марта 1881 г., крайний ретрогоад. Муравьев на первой же высочайшей аудиенции «вполне очаровал» царя своей ненавистью к судебным уставам. Сам царь в разговоре с А. А. Половцовым так определил главное достоинство Муравьева как юриста: «Это юрист, который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках» 156.

Многое из того, что замышляли против судебных уставов 1864 г. в интересах реакции Катков, Победоносцев, Толстой и другие, к середине 90-х годов было сделано. Больше всего пострадало судопроизводство по делам о государственных преступлениях. Гласность суда на политических процессах была све-

дена к минимуму еще 14 августа 1881 г., с вводом в действие «Положения об охране». Но формально запрет на гласность не был узаконен, поскольку Положение об охране предписывало рассматривать политические дела «всегда при закрытых дверях» только в военных судах. Прочие же суды должны были по смыслу уставов 1864 г. вести политические дела гласно (кроме местностей, объявленных на исключительном положении, где генерал-губернатор или министр внутренних дел мог требовать закрытия любого политического дела). Если суды все-таки с августа 1881 г. на каждом политическом процессе без объявления об исключительном положении закоывали свои двери от публики, то делали это всякий раз в обход закона, по крайней мере до июня 1882 г., когда они получили «Временные правила о судопроизводстве по государственным преступлениям» с по-

метой царя: «Быть посему».

Правила дозволяли ОППС и судебным палатам рассматривать политические дела «в публичном или закрытом судебном заседании по усмотрению первоприсутствующего, от которого зависит закрыть двери заседания и на какие-либо отдельные судебные действия до объявления судебных прений прекращенными» 157. Такие правила действительно могли быть только временными. Вообще же бросить гласность политических дел на произвол первоприсутствующих значило бы проявить беззаконие, слишком грубое, скандальное и притом невыгодное для правительства, поскольку формулировка «по усмотрению первоприсутствующего» как бы подчеркивала независимость суда от администрации. Между тем реакция стремилась подчинить суд, весь снизу доверху, административной власти и на этой основе превратить временные карательные законы (от 9 августа 1878 г., 5 апреля 1879 г., 14 августа 1881 г.) в постоянные, ибо временный, исключительный характер ваконов «служил ручательством, что действие их упразднится с исчезновением тех временных обстоятельств, в связи с которыми ставилось их издание».

По отношению к гласности судопроизводства притязания реакции были удовлетворены 12 февраля 1887 г. В тот день именной царский указ дал вполне «законное» право министру юстиции, если он «из дошедших до него сведений усмотрит, что публичное рассмотрение дела не должно быть допущено» («в видах ограждения достоинства государственной власти» или по другим, столь же растяжимым, мотивам), закрывать в любое время двери заседаний любого суда. Тем самым, как выразились даже составители панегирической юбилейной истории министерства юстиции, устанавливался порядок, «равносильный в существе своем замене суда, гласного по закону, судом гласным по усмотрению министра» 158.

Обстоятельства, при которых был принят закон 12 февраля 1887 г., весьма показательны для того, как вообще делались законы в самодержавной России. Коупнейший оусский авторитет того времени в области международного права Ф. Ф. Мартенс при обсуждении законопроекта 12 февраля в Государственном совете предупреждал, что административное закрытие судов неблагоприятно отразится на отношениях России с другими странами: за границей перестанут выдавать русских политических преступников, ибо «вся дипломатическая переписка по выдаче указывает на безусловную необходимость для правительства выдающего следить за производящимся судом с целью оправдания выдачи перед общественным мнением своей страны» 159. Ф. Ф. Мартенса поддержал министр иностранных дел Н. К. Гирс. В результате 31 голос членов Государственного совета, включая его председателя, дядю царя, великого князя Михаила Николаевича, был подан против законопроекта и лишь 20 — за 160. Александр III пришел в ярость, «взмылил голову» (по его собственному выражению) великому князю Михаилу Николаевичу и так наорал на Гирса, что тому «стало понятно, что человек этот мог бы разорвать себе подобного на куски». После этого царь объявил, что он «согласен» с мнением меньшинства, которое и возымело таким образом силу закона ¹⁶¹.

Наряду с гласностью судопроизводства подверглись полной или частичной законодательной ампутации и другие установления судебной реформы 1864 г. Несменяемость судей фактически была сведена к нулю законом от 20 мая 1885 г., который учредил так называемое Высшее дисциплинарное присутствие из сенаторов, правомочное увольнять или перемещать

любых жрецов Фемиды по усмотрению и представлению министра юстиции 162 .

Суд присяжных был до предела стеснен в правах и отдален от дел, которые могли иметь хотя бы только оттенок «политики». Закон от 7 июля 1889 г. изъял из юрисдикции присяжных обширный круг дел, предусмотренных 37-ю статьями Уложения о наказаниях, и в частности все дела о насильственных действиях против должностных лиц, временно отнятые у присяжных еще по высочайшему указу от 9 мая 1878 г. При этом Государственный совет опасливо подчеркнул именно связь таких дел с «политикой»: «значительное число оправдательных по сим делам приговоров в связи с усилившейся в конце 70-х годов деятельностью партии, выразившейся, между прочим, в целом ряде посягательств против должностных лиц», не позволяет доверять такие дела присяжным 163. Наконец, известный закон от 12 июля 1889 г. о земских начальниках покончил (формально в низшем звене) и с независимостью суда от администрации, соединив в лице земских начальников как административную власть, так и судебную. Попутно этот последний закон подоывал еще одно — бессословное — начало в судах, поскольку земскими начальниками могли быть исключительно двоояне.

Внимательный анализ того законодательного «членовредительства», которому подвергались судебные уставы 1864 г., начиная с закона 19 мая 1871 г., передавшего производство дознаний о политических делах жандармам, и кончая законом о земских начальниках 12 июля 1889 г., привел саратовского исследователя Б. В. Виленского к выводу о том, что все эти законы совокупно контрреформировали основные принципы судебной реформы и ее важнейшие институты 164. Б. В. Виленский лишь несколько преувеличил результаты судебной контрреформы, полагая, будто она «полностью зачеркнула все буржуазно-демократические институты» 1864 г. и «выбросила» их 165.

«Полностью зачеркнуть» и «выбросить» все демократические установления 1864 г. могла бы Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, которая работала в 1894—1900 гг. под председательством Н. В. Муравьева, если бы ей удалось осуществить задуманный пересмотр. Но эта комиссия лишь усилила некоторые звенья контрреформы 80-х годов (например, установила, что все судебные чиновники «определяются от правительства»), а далее не рискнула от планов перейти к делу — помешал начавшийся с середины 90-х годов новый революционный подъем 166.

Для нас важно подчеркнуть, что своим острием судебная контореформа была нацелена против соблюдения предусмотренной уставами 1864 г. законности в политических делах. Именно с целью нейтрализовать агитационное звучание политических дел царизм, поначалу исподволь, а с конца 70-х годов напористо, кромсал собственные судебные уставы. Об этом говорят все без исключения законодательные поправки к уставам, сделанные в 70-е годы, и «Положение об охране» 1881 г. Законы от 20 мая 1885 г. и 12 июля 1889 г. прямого отношения к политическим процессам не имели, но косвенно отражались и на производстве политических дел, поскольку они наглядно подтверждали собой сентенцию В. К. Случевского: «Кто располагает судьбою судей, тот располагает и их приговорами» 167. Не лишен был политического смысла и закон от 7 июля 1889 г., как бы застраховавший от «политики» дела, подсудные присяжным, а закон от 12 февраля 1887 г. имел мишенью непосредственно и главным образом политические процессы, которые стали теперь еще более келейными, чем прежде.

Собственно, на степень публичности судебных заседаний по делам о государственных преступлениях акт 12 февраля почти не повлиял. Он лишь узаконил то, что, вопреки закону, чинилось на каждом политическом процессе после дела 1 марта 1881 г., т. е. запрещение публичности. На процессах как 1882—1886 гг. (например, «20-ти»*, «17-ти»**,

^{*} Процесс А. Д. Михайлова, М. Ф. Фроленко и других народовольцев по обвинению в попытках цареубийства (ОППС, 9—15 февраля 1882 г.).
** Процесс М. Ф. Грачевского, Ю. Н. Богдановича и других

^{**} Процесс М. Ф. Грачевского, Ю. Н. Богдановича и других народовольцев по обвинению в террористических актах против даризма (ОППС, 28 марта — 5 апреля 1883 г.),

«14-ти»***), так и с 1887 г. («21-го», 1 марта 1887 г., С. М. Гинсбург ****, Б. И. Еллинского ***** и др.) публику изображали лишь чиновники, отличавшиеся «сверхъестественной верноподданностью» 168. В порядке исключения допускались еще некоторые из ближайших родственников подсудимых. На процессе «21-го» это были матери П. Ф. Якубовича и В. И. Сухомлина да старший брат Якубовича, а на процессе первомартовцев 1887 г. — одна М. А. Ульянова. Должную оценку этой «публичности» дал Г. А. Лопатин в последнем слове по делу «21-го»: «В застенке нас допрашивают, в застенке судят, в застенке и давят, когда приходит наш последний час» 169.

С печатной же гласностью политических процессов только теперь было покончено совершенно. Отчеты о процессах не печатались с 1881 г. (после дела «цареубийц»). Но до 1887 г. «Правительственный вестник» регулярно информировал Россию о политических процессах, исключая мелкие, в кратких «правительственных сообщениях», которые излагали (разумеется, в официальном истолковании) суть обвинения и приговор. После закона 12 февраля 1887 г. даже это было признано лишним 170. Правда, о трех делах 1887 г. в столице ¹⁷¹ все же сообщалось, но после долгого раздумья и с предельной краткостью. О деле 1 марта 1887 г. «правительственное сообщение» появилось лишь 9 мая, видимо, через силу, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве три проекта сообшения, оставшиеся неодобренными, с характерной пометой: «Государь император неоднократно высказывал, чтобы сообщение было как можно короче» 172. Как правило же, с 1887 г. до конца века о политических процессах в России даже «правительственных сообщений» не было. Понятно, почему иные

^{***} Процесс В. Н. Фигнер и членов Военной организации «Народной воли» по обвинению в революционной деятельности (петербургский военно-окружной суд 24—28 сентября 1884 г.).

^{****} Дело С. М. Гинсбург и четырех ее товарищей по обвинению в принадлежности к «Народной воле» слушалось в ОППС 30 октября 1890 г.

^{*****} Дело Б. И. Еллинского и С. С. Солодовникова по обвинению в террористическом акте слушалось в петербургской судебной палате 30 сентября 1893 г.

процессы с 1887 г. до 900-х годов (например, С. М. Дудина, С. Н. Хлобощиной, В. И. Скляревича, В. Г. Георгиевского, Ф. Е. Егорова, А. А. Зороастровой) остались вообще неизвестны современникам и будущим историкам.

Итак, с середины 1882 г. реакция в России перешла в решительное открытое наступление. Начался период временного, затянувшегося почти на полтора десятилетия (до середины 90-х годов) спада революционной борьбы: «Народная воля» гибла под ударами царизма, народничество в целом расплывалось в либерализме, а социал-демократия пребывала еще в за-

родышевом состоянии.

Переход русских революционеров в начале 80-х годов от народничества к марксизму был исторически подготовлен, с одной стороны, созданием материальных предпосылок для распространения марксизма (необходимый уровень развития капитализма, сформирование промышленного пролетариата как класса, достаточные размах и организованность рабочего движения), а с другой стороны, опытом второй революционной ситуации, в горниле которой не только проявилось величие, но и обнаружилась несостоятельность народничества. После революционной ситуации фатальные неудачи «Народной воли» при всех ее образцах героизма и самопожертвования и титаническом, сверхчеловеческом напряжении сил все более убеждали борцов в ошибочности ее пути и толкали их к тому выводу, который сделал после казни брата 17-летний В. И. Ленин: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти» 173.

Переход от народничества к марксизму осложнялся рядом препятствий (живучестью народнических идей как в силу традиций, так и по их адекватности сохранившимся докапиталистическим пережиткам; ошибками первых русских марксистов), но в особенности разгулом реакции. Дворянско-крепостническая по своей сущности реакция тщилась повернуть Россию вспять к дореформенным порядкам (посредством контрреформ) и, естественно, искоренить при этом всю и всяческую «крамолу». «Белый террор» обрел невиданные прежде размеры, соединив поли-

цейский надзор, доносы, обыски, аресты, административные высылки, суды, шпионаж, провокации, заграничную агентуру, церковь, дипломатию и даже карательную самодеятельность реакционных сил, вроде «Святой дружины». К тому же царизм мог не метаться более от постоянных законов к исключительным, а вершить расправу более уверенно и стабильно — теперь к его услугам было такое всеобъемлющее законодательное прикрытие «белого террора», как «Положение об охране» 1881 г.

В условиях натиска реакции судебные уставы 1864 г. становились для карателей все большей помехой. Поэтому царизм к концу 80-х годов завершил начатую еще в 1871—1872 гг. судебную контрреформу, сведя почти к нулю гласность и состязательность судопроизводства, несменяемость судей и независимость суда от администрации. Хотя отдельные акты контрреформы прямого отношения к политическим процессам не имели, контрреформа в целом была направлена своим острием против соблюдения законности именно в политических делах, стимулируя собою

карательный террор.

Разнузданность «белого террора» 80-х годов свидетельствовала не столько о силе царского режима, сколько о его слабости, неуверенности в себе. В этом смысле карательное остервенение толстых, манасеиных, оржевских и самого Александра III могло бы служить отличной иллюстрацией к следующему высказыванию Ф. Энгельса о терроре: «Мы понимаем под последним господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот,— это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх» 174.

Вся вообще внутренняя политика правительства Александра III была проникнута карательным духом, но не только не искоренила «крамолу», а, напротив, как бы закалила ее и придвинула страну вплотную к той грани, за которой уже начинались

революционные потрясения.

В. И. Ленин как величайший революционер считал, что «именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей

сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса» 175. Но. указывал Ленин, и засилье реакции посвоему стимулирует революционную мысль, побуждая ее обдумывать уроки прошлого и задачи будущего, «точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям» ¹⁷⁶. «Ведь в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! — восклицал Владимир Ильич. — Право же так. Именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периолов» ¹⁷⁷.

В тисках реакции, под градом репрессий, несмотря на тяжелые потери, идейную междоусобицу, частичную деморализацию, революционный лагерь 80-х — начала 90-х годов рос вглубь и вширь, ибо упадок народничества более чем компенсировался распространением марксизма. Выходило, что «целых тринадцать лет Александр III,— по выражению Γ . В. Плеханова,— сеял ветер» 178 . Его преемнику — Николаю II — оставалось пожать бурю.

Вы представители заинтересованной стороны и не вам судить меня трезво и беспристрастно. Но я верю... что над всеми нами, и над вами в том числе, есть суд высший, который произнесет со временем свой правдивый и честный приговор. Этот суд — история!

Г. А. Лопатин. Из речи на сиде

II

Политические процессы в России с 1883 г. до конца XIX в.

1. Усиление судебного террора царизма

Одной из главных примет реакции 80—90-х годов было разнуздание судебно-карательного террора. Упразднив публичность и гласность политических дел и обеспечив себе полную свободу располагать судьбою судей и, стало быть, их приговорами, царизм повел судебные процессы еще более варварски, чем прежде. Если в 1879—1881 и отчасти в 1882 г. он заботился о том, как парализовать внешне законными средствами опасную при наличии гласности активность подсудимых, то примерно с середины 1882 г., когда полностью была исчерпана вторая революционная ситуация, и особенно после февральского указа 1887 г. его заботы сводились главным образом к мстительной расправе с обвиняемыми. Однако формальности судопроизводства, как бы ни были они приспособлены к карательным функциям царизма, все же затрудняли месть и расправу, тем более что всегда сохранялась возможность огласки судебного дела каким-нибудь частным путем. Поэтому царизм, памятуя об уроках процессов 1871— 1882 гг., не считал даже контрреформированный суд вполне надежным.

В результате судебных процессов над революционерами после 1882, а еще заметнее с 1887 г. в России стало гораздо меньше. Вот сравнительные данные (без Польши) о количестве процессов:

1883 г. — 12	1887 г. — 10	1891 г. — 4
1884 г. — 9	1888 г. — 2	1892 г. — 1
1885 г. — 8	1889 г. — 5	1893 г. — 2
1886 г — 6	1890 г. — 4	1894 г. — 1

В 90-е годы число политических процессов быстро сошло на нет (единственное дело 1894 г. оказалось последним в XIX в.). Судились на них, по традиции, все еще народники. Между тем главной силой революционного движения становились уже социал-демократы, которых царские суды пока (вплоть до начала следующего века) не судили. Поэтому редкие процессы 90-х годов, как подметил известный адвокат того времени М. Л. Мандельштам, «были скорее «последними тучами рассеянной бури», чем предвестниками новой грозы» 1.

Зато к дознаниям о «государственных преступлениях» после 1882 г. людей стали привлекать больше, чем прежде. Если число привлеченных к дознаниям, например, по делу «16-ти» *, или «20-ти», или 1 марта 1881 г. почти равнялось числу подсудимых, то по судебным делам 1883 и последующих годов зачастую проходили сотни людей: по делу «17-ти» — 120, по делу Киевской группы «Народной воли» (при 7 подсудимых) — 150, по делу «23-х» **—158, по делу 1 марта 1887 г. — около 200, по делу «14-ти» — только офицеров больше 200, по делу «21-го» — до 300 человек.

В меньших, но уже ощутимых, а главное, растущих масштабах привлекались к жандармским дознаниям с середины 80-х годов деятели молодой российской социал-демократии, мощь которой, по крайней мере в первое десятилетие ее развития, царизм недооценивал. Высылая социал-демократов под надзор полиции в разные концы страны, каратели тем самым острили лезвие на свою голову. «Для революционного движения,— вспоминал Н. А. Семашко,— эти массовые ссылки и высылки имели весьма благоприятное значение: они рассеивали... революционные идеи» 2. Содействовали распространению опасных для царизма настроений и еще более массовые высылки рабочих-стачечников.

^{*} Процесс А. А. Квятковского, С. Г. Ширяева и других народовольцев по обвинению в террористических актах против царизма (петербургский военно-окружной суд, 25—30 октября 1880 г.).

^{**} Процесс участников одесской организации «Народной воли» и распропагандированных ими рабочих по обвинению в революционной деятельности (одесский военно-окружной суд, 26 марта — 3 апредля 1883 г.).

Не желая устраивать чреватые «скандальным» шумом процессы, власти расправлялись с «политическими» все чаще в административном порядке, который для публики был совершенной terra incognita и к тому же мало обременялся формальностями. Произвол здесь почти не имел границ — и от жестокости, и от небрежности. Показателен случай, когда директор департамента полиции П. Н. Дурново «нечаянно» подписал распоряжение заключить в тюрьму крестьянина за «оскорбление величества» вместо положенных 30 суток на 30 лет, и только год спустя ошибка была обнаружена и исправлена 3.

Число административно наказанных по политическим делам с 1883 г. последовательно, хотя и не без

колебаний, росло 4:

1883 г. — 303	1892 г. — 332
1884 г. — 402	1893 г. — 303
1885 г. — 432	1894 г. — 679
1886 г. — 440	1895 г. — 1 030
1887 г. — 531	1896 г. — 900
1888 г. — 503	1897 г. — 1 984
1889 г. — 240	1898 г. — 1 153
1890 г. — 380	1899 г. — 1 414
1891 г. — 395	1900 г. (I—VI) —
	832 человека

Однако совсем отказаться от политических процессов царизм долгое время не мог. С одной стороны, это значило бы для правительства афишировать свою реакционность, т. е. попрание собственной судебной реформы, и слабость, а именно боязнь выступлений подсудимых и возможного отклика на них в обществе. С другой стороны, административный порядок не допускал наказаний больших, чем ссылка. Ни повесить революционера, ни спровадить его на каторгу, ни заточить в Шлиссельбург административным порядком было нельзя. Между тем иные революционеры уличались в таких преступлениях, за которые следовала, на взгляд карателей, и каторга, и даже виселица. Поэтому царизм до середины 90-х годов время от времени устраивал то один, то другой процесс. но в тех, очень редких теперь, случаях, когда это делалось, он максимально сближал судебное разбирательство с административной расправой.

Иногда это проделывалось с циничной откровенностью, если удобны были повод и место, например

сопротивление властям в застенках Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей или на каторге в какой-нибудь сибирской глухомани. Разительный пример такого судилища — процесс жертв Якутской трагедии 6—13 июня 1889 г. в Якутске (о самой тоагедии речь еще впереди). «Никакого обвинительного акта нам не вручали, — рассказывал судившийся по этому делу М. В. Брамсон, — у нас не было ни одного защитника; вообще, никакого судоговорения не было допущено. Ни свидетелей, ни, тем более, посторонней публики (даже родственников) на суде не было». Председатель суда (некто Савицкий — начальник дисциплинарного батальона в Иркутске) только командовал «отвечать!» или «молчать!», а из судей (трех малограмотных офицеров, изображавших военно-судную комиссию) ни один за все время процесса не проронил ни звука ⁵. Когда же обвиняемый А. Л. Гаусман (юрист по образованию) потребовал выделить особо подсудимых, еще не достигших совершеннолетия, и стал цитировать соответствующие статьи уголовного уложения, председатель суда, едва ли понимавший, о чем идет речь, скомандовал: «Ну чего их тут слушать! Всех не переслушаешь! Увести!» — и конвой увел подсудимых в тюрьму 6.

Примерно так же был устроен еще ряд процессов: в Иркутском военном суде по делам Е. Г. Легкого (июль 1882 г.) и К. Г. Неустроева (ноябрь 1883 г.), в Шлиссельбургской крепости по делам Е. И. Минакова (сентябрь 1884 г.) и И. Н. Мышкина (январь 1885 г.), в Харьковском военно-окружном суде по делу Н. Л. Перлашкевича (сентябрь 1887 г.). В большинстве же случаев процессуальные нормы судопроизводства внешне соблюдались, хотя по су-

ществу оказывались фиктивными.

Чаще всего судили революционеров в годы реакции, как и в 1879—1882 гг., военные суды. Из 77 дел, начиная с середины 1882 г., 32 рассматривал какой-нибудь (окружной, полевой или временный) военный суд. Столько же, но менее значимых процессов состоялось в губернских судах Сибири, шесть дел слушалось в судебных палатах и окружных судах Центральной России и всего лишь пять—в ОППС. Характерно, что даже такие крупные дела, как «14-ти» и «21-го», вел военный суд. Власти на-

меревались передать в военный суд и дело 1 марта 1887 г., которое, судя по отношению П. Н. Дурново к Д. А. Толстому, поручили сенаторам лишь в силу традиции, поскольку именно ОППС рассматривало дело 1 марта 1881 г. Столь явное предпочтение военному суду перед всеми прочими тот же Дурново объяснял просто: во-первых, военный суд лучше обеспечивает «тягчайшее уголовное наказание», а кроме того, отличается большей скоротечностью судебного следствия 7.

До 1885 г. приговоры военных судов, возможно, и не были намного тяжелее приговоров ОППС, но после того, как 18 мая 1885 г. Александр III высочайше повелел записать в военно-судебном уставе, что «в случае признания наличности уменьшающих вину обстоятельств... суд не смягчает собственною властью следуемого подсудимому наказания, а входит о таковом смягчении с ходатайством» перед царем 8, военные суды предпочли не беспокоить царя частыми ходатайствами и чуть ли не по каждому делу стали обеспечивать «тягчайшее уголовное наказание».

Впрочем, и суд сенаторов и даже губернские (в Сибири) суды мало в чем уступали тогда военным судам по беззаконию и жестокости, тем более что сенаторы решали политические дела без публики, а губернские суды — даже в отсутствие подсудимых (там свидетели уличали обвиняемых по фотокарточ-

кам).

Главным обвинением на политических процессах после 1882 г. вплоть до середины 90-х годов оставалась, как и в 1879—1882 гг., принадлежность к тем или иным организациям «Народной воли». Из 77 дел при 383 обвиняемых только на 20 процессах при 70

обвиняемых не судились народовольцы.

На всех процессах с участием народовольцев обвинение после 1 марта 1881 г. строилось по готовому штампу: «Народная воля» получила ярлык партии разрушителей и убийц, ей как юридическому субъекту инкриминировалось цареубийство 1 марта, и принадлежность к такой партии сама по себе делала подсудимого причастным к цареубийству и ответственным за него перед законом. На одном из последних процессов «Народной воли» как организации (по делу «21-го» в 1887 г.) присяжный поверенный

В. Д. Спасович так определил характерную для 80-х годов концепцию обвинителей: «...все без исключения подсудимые, а их 21, привязаны, прикручены, пригвождены к одному злому и роковому для России явлению, к социально-революционному движению, которому обвинительный акт выдает и метрическое свидетельство о рождении — Липецкий съезд и образование партии «Народной воли»... Оно является в обвинительном акте как подсудимый, как субъект, которого вина раз навсегда установлена по 249-й статье Уложения. Злокачественность этого движения столь велика, что к нему юридически приобщается всякий, кто сознательно до него прикоснулся бы на протяжении от Липецкого съезда до момента, когда он попал в руки правосудия, хотя бы был виноват только советом, пособничеством или даже недонесе-

нием. Во всяком случае он повинен смерти» 9.

При таком способе обвинения требовалось доказать только одно: принадлежность подсудимого к «Народной воле». Характер преступления и степень участия в нем не имели большого значения, поскольку российское Уложение о наказаниях «валило в одну кучу и совершение, и голый умысел по государственным преступлениям, наказывая их одинаково» 10. Поэтому «совершение» цареубийства 1 марта 1881 г. и «голый умысел» на него вторых первомартовцев одинаково подлежали смертной казни. Фиксировать же принадлежность подсудимого к «Народной воле» было просто, во-первых, потому, что народовольцы, как правило, сами заявляли о своей партийности, а во-вторых, если подсудимый не признавал себя народовольцем, следователь всегда мог объявить его таковым на основании подтасованных или же выдуманных «данных». И. П. Ювачев, к примеру, на процессе «14-ти» обвинялся в сношениях с А. В. Буцевичем и В. Н. Фигнер, тогда как он «ни Буцевича, ни Фигнер никогда не видел, даже по фотографии, и никаких сношений с ними не имел» и вообще из подсудимых по делу «14-ти» был знаком только с М. Ю. Ашенбреннером 11. На процессе «23-х» вместе с народовольцами и чернопередельцем С. В. Майером судились лица (А. З. Попельницкий, Г. А. Сарычев, Е. Н. Степанова, И. М. Немировский, И. Я. Райх, К. А. Надеев), искусственно связанные обвинением в принадлежности к одной и той же одесской организации «Народной воли», хотя, по свидетельству очевидца, они «были между собой незнакомы и в первый раз в жизни увидели друг друга на суде» 12.

Самым удобным материалом для заданного обвинения, как и прежде и еще в большей степени, служили в 1883—1895 гг. показания предателей и провокаторов. Обвинительный акт по делу «14-ти» был смонтирован почти целиком из показаний С. Дегаева. Предатели главным образом дали сведения для обвинительных актов по делам «23-х» (Василий Меркулов), Киевской группы «Народной воли» (Иван Саранчов), «21-го» (Иван Гейер и Петр Елько), 1 марта 1887 г. (Михаил Канчер и Петр Горкун), по «Донскому процессу» 1887 г. (Антон Остроумов). При этом власти, наученные опытом разоблачения предателей 1879—1882 гг. (Г. Гольденберга, Л. Забрамского, В. Меркулова), по возможности оберегали тайны новых предательств. Вера Фигнер, которой еще на предварительном следствии (видимо, с целью морально надломить ее) прокурор дал прочесть некоторые показания Дегаева, на суде сделала запрос, почему Дегаев не фигурирует ни среди подсудимых, ни в числе свидетелей и «нужно ли смотреть на Дегаева как на предателя, агента департамента полиции». Суд ответил, что ему ничего о каких-либо показаниях Дегаева неизвестно ¹³.

Более того. Чтобы дезориентировать революционное подполье, власти старались (не без успеха) заронить в нем подозрения против честных революционеров, маскируя тем самым предателей. Так, в дни массовых арестов по делу «14-ти» (вследствие предательства Дегаева) «искусно пускались слухи, что предает Н. М. Рогачев», а в ходе следствия по делу «21-го» жандармы сумели навлечь подозрения на К. А. Степурина, который, узнав об этом, 20 февраля 1886 г. покончил с собой в тюрьме ¹⁴.

Жертвой такого же рода провокации стала и М. В. Калюжная, которая 8 августа 1884 г. стреляла в начальника жандармского управления Одессы А. М. Катанского. Ссылаясь на «некоторые данные» (явно пущенные в ход властями), народовольцы в № 11—12 своего органа напечатали, что Калюжная,

«вероятно, купила свободу ценой предательства, как и Легаев», а после освобождения действовала «в роли агента-подстрекателя», устраивая кружки женской молодежи, и только после оглашения в революционных изданиях дегаевщины «в ней заговорила совесть, и она решилась искупить свое позорное поведение, пожертвовав своей жизнью» 15. Однако спустя тои года В. Л. Бурцев печатно объявил, что «некоторые из издателей номера» просили его «опровергнуть эту заметку, которая появилась вследствие незнания ими подробностей дела. Калюжная в предательстве Дегаева не участвовала...». Действительно, сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что на следствии и суде, а потом на каторге (до самоубийства 12 ноября 1889 г. в знак протеста против надругательства тюремщиков над Н. К. Сигидой) Калюжная вела себя достойно 16.

Наиболее разительный пример спровоцированного недоверия руководства «Народной воли» к товарищам, представшим перед царским судом,— это упрек, который редактор «Вестника «Народной воли»» Л. А. Тихомиров (вскоре ставший ренегатом) бросил героям процесса «17-ти», в том, что они будто бы «политиканствовали» на суде не по-народовольчески и что их речи «произвели на революционную среду тягостное впечатление какого-то крайнего компромисса с существующим строем и даже с самодержавной монархией» ¹⁷. «Небывалая вещь,— вспоминала много лет спустя А. П. Корба,— чтобы на основании ложных, непроверенных данных революционеры предали публичному осуждению своих товарищей, только что приговоренных к смерти, замурованных навсегда в крепости или отправленных на каторгу» ¹⁸.

Заметим, что «ложные данные», о которых говорит Корба, редакция «Вестника «Народной воли»» могла принять за чистую монету, ибо речи подсудимых по делу «17-ти» были размножены на гектографе с подлогами: в текст речи А. П. Корба, где формулируется требование реформ — «искренних, полных и жизненных», вставлено словечко «сверху», а из речи П. А. Теллалова, где отмечается готовность партии оставить террор и заняться легальной деятельностью, изъята оговорка: «при изменившихся условиях политической жизни страны». Редакция

журнала «Былое» в 1906 г. установила, что подлоги в речах подсудимых и критика речей в печатных органах партии были делом рук Дегаева, который весной 1883 г. доставлял материалы в Петербургскую летучую типографию, где печатался «Листок «Народной воли»», и за границу — для «Вестника «Народной воли»» ¹⁹.

Наряду с провокациями и подлогами, подстроенными руками предателей, власти часто фабриковали то же своими собственными руками. Это могла быть и подтасовка целого следственного производства, как, например, по делу 22-х ссыльных в Тюмени (9 июня 1885 г.), когда политические заявили протест против попытки гнать их из тюменской тюрьмы на места ссылки в одной партии с уголовными и были за это избиты, причем, как доказывал при слушании этого дела В. П. Спасович 20, «тюменские укротители» выставили ссыльных нападающей, а себя — потерпевшей стороной, а главным «уличителем» был исправник Попов, руководивший избиением. Это могли быть и мелочные подделки. Так, прокурор В. А. Желеховский приписал агентурный донос по делу «17-ти» подсудимому А. С. Борейше, а прокурор М. М. Котляревский выдал предательский навет Петра Елько по делу «21-го» за показание подсудимого С. А. Иванова. Точно так же следователи по делу 1 марта 1887 г., получив сведения о М. В. Новорусском от предателя Остроумова, но не имея улик против Новорусского, изготовили эти улики, а именно всунули в одну из книг Новорусского бумагу, которой террористы оклеивали метательные снаряды. Столь откровенными провокациями не гнушались и каратели высшего ранга. В ходе следствия по делу «21-го» сам директор департамента полиции П. Н. Дурново затеял переписку с подследственным П. Л. Антоновым якобы от имени его друга А. Г. Белоусова, пытаясь склонить Антонова «по-дружески» к «чистосердечному признанию» 21.

Все более тенденциозно использовались и свидетели. Их всегда подбирали главным образом из «казенной» публики: дворников, полицейских чинов и филеров. Так было и на процессе «21-го», куда собрали 143 свидетеля, и на процессе «14-ти», где фигурировали лишь двое — трое свидетелей (дворники

домов, в которых жила Вера Фигнер), да еще «на пять минут показался перепуганный эксперт» 22. Вместе с тем нарские следователи пытались эксплуатировать в пользу обвинения и «частных» свидетелей, даже детей. На процессе «21-го» главным доказательством против В. И. Вольнова (осужденного на смертную казнь с ходатайством о замене ее 15 годами каторги) явилось показание десятилетней девочки Рябухиной, четко написанное рукой следователя ²³. По делу «Второго 1 марта» в качестве свидетеля был привлечен тоже десятилетний Коля Ананьин, которого арестовали одновременно с матерью - М. А. Ананьиной, оказавшейся потом на скамье подсудимых, -- заточили в одиночный каземат Дома предварительного заключения и там, как явствует из секретного досье департамента полиции, обнаруженного М. Н. Гернетом, «стращали» его, вымогая нужные «поизнания» ²⁴.

Колоритно характеризует жандармские методы «обработки» свидетелей рассказ П. И. Торгашова о процессе «23-х». Квартирная хозяйка одного из подсудимых на следствии будто бы показала, что каждую неделю ее квартирант собирал революционеров, которые обсуждали, как свергнуть самодержавие. На суде же эта свидетельница, старая, полуграмотная женщина, выслушав показание, которое собственноручно написал за нее генерал В. С. Стрельников, ошеломленно призналась: «Ничего этого я, господа милосердные судьи, не понимаю. Генерал писал-писал, затем велел подписать, я и подписала. Правда, у жильца каждую получку (по субботам) собирались его товарищи. Долго шумели, галдели, а о чем — не знаю». Суд, однако, нашел, что показание свидетельницы на следствии и объяснение ее на суде не противоречат одно другому, поскольку ни «преступных собраний», ни «преступных умыслов» на этих собраниях она не отрицает, а понять текст собственного показания не может по поичине естественной: свидетельница неграмотна, показание же ее «для удобства» отредактировано 25 .

Так власти распоряжались свидетелями. С подсудимыми церемонились еще меньше. Самые элементарные процессуальные нормы даже на крупных процессах превращались в фикцию. Дело 1 марта 1887 г.

рассматривалось без предварительного следствия (прежде обязательного хотя бы и для малых дел), на основании одного жандармского дознания, причем на кассационное обжалование приговора подсудимым отвели вместо узаконенных двух недель два дня ²⁶.

Обвинительные речи становились чисто формальными по своей вызывающей предвзятости. Например, прокурор Маслов на процессе «21-го» следовал такой «логике» обвинения: виновность подсудимых Лопатина, Стародворского и Конашевича так очевидна по результатам следствия, что доказывать ее вновь на суде излишне, все трое так и просятся под статью 249-ю (смертная казнь); подсудимый Якубович настолько преступен, что, хотя он и не участвовал ни в одном террористическом акте, непременно принял бы участие, будь он еще некоторое время на свободе, поэтому тоже заслуживает статьи 249-й; что же касается подсудимого Сухомлина, то он, безусловно, один из главных виновных, поскольку ни на дознании, ни на следствии не выдал ни одной революционной тайны, поэтому, хотя улик против Сухомлина недостает, судить его надо тоже по 249-й

Приговор суда формулировался не по доказанному, а по заданному обвинению, причем иной раз, чтобы привести обвинение в соответствие с нужным приговором, оно фальсифицировалось уже post factum. Вопиющий пример такого произвола — дело лейтенанта А. П. Штромберга. За содействие народовольцам Штромберг еще 24 августа 1881 г. административно был сослан в Восточную Сибирь. После разоблачений Дегаева он как член Военного центра «Народной воли» был возвращен из ссылки и предан суду по делу «14-ти». Конкретно о его «преступлениях» свидетельствовал только Дегаев. Но имя Дегаева и его предательство суд хранил в тайне. Сам Штромберг никаких показаний не давал. И в обвинительном акте, и на суде речь шла только о его принадлежности к Военному центру. Только за это его и осудили на смертную казнь. Но для печати в текст приговора Штромбергу были вставлены три пункта обвинений, которые ни в обвинительном акте, ни при судебном разбирательстве, ни в приговоре, объявленном на суде, не упоминались: участие в печатании прокламаций о 1 марта 1881 г.; обсуждение вместе с С. Л. Перовской между 1 и 10 марта планов освобождения Желябова; участие в «чистке» конспиративных квартир ИК. «Эти, так сказать, посмертные обвинения против Штромберга,— рассказывал А. А. Спандони,— не могли быть предъявлены на суде: их нечем было абсолютно подкрепить при невозможности указаний на Дегаева. И, таким образом, Штромберг умер, не зная, за что его казнили, а узнали об этом читатели газет, ровно ничего не знавшие о том, что предъявлялось Штромбергу на процессе» 28.

Словом, если в 1879—1882 гг. законность судопроизводства на политических процессах часто нарушалась, то с 1883 г. она лишь иногда (чем дальше,

тем реже) соблюдалась.

Естественно, что в условиях прогрессирующего беззакония процессы стали носить еще более жестокий характер, чем это было до 1882—1883 гг. Жестокость судов была тогда под стать общему разгулу реакции в стране и надлежаще обеспечивалась подбором людей, ответственных за борьбу с «крамолой».

Тон — мстительный и беспощадный — этой борьбе задавал сам Александо III. Документально засвидетельствован ряд случаев, когда царь не просто поощрял, а как бы подзадоривал в самых циничных формах жестокость и произвол карателей. Так, в докладе о допросах Г. П. Исаева с повторяющимся, как рефрен. уведомлением «никаких объяснений давать не желает», он пометил: «Надеюсь, что эту скотину заставят говорить». «Скотиной» царь обозвал и народовольца Л. Ф. Гаевского, который отказывался от показаний по делу «18-ти». Доклад о Якутской трагедии 1889 г. Александр III снабдил такой резолюнией: «Необходимо примерно наказать (не тюоемшиков, которые истязали каторжан, а этих последних за протест против истязаний. — $H.\ T.$), и надеюсь, что подобные безобразия (т. е. не истязания, а протесты против них. — H. \hat{T} .) более не повторятся»; выслушав доклад И. Н. Дурново об «оскорблении» власти Надеждой Сигидой, приказал: «выпороть ее», а когда шокированный Дурново осведомился, нужно ли уменьшить для Сигиды как женщины меру телесного наказания (максимум — 100 уда-

3*

ров розгами), царь предписал: «Дать ей сто розог» 29 .

Соответственно подбирались и действовали при Александре III кадры судей и прокуроров. Генерал П. А. Кузьмин, когда-то революционер-петрашевец (отсидевший за это полгода в Петропавловской крепости), а в 1881—1884 гг. председатель киевского военно-окружного суда, отправлявший по судебным приговорам в ту же Петропавловскую крепость революционеров нового поколения 30, все же был чуть ли не единственным исключением среди царских судей 80-х годов по своей сравнительной гуманности. Типичный же образец судебных карателей той поры являл собою Н. А. Неклюдов. В молодости он, правда, тоже посидел в Петропавловской крепости (за участие в студенческих волнениях 1861 г.), но изловчился и карьеру свою, так нескладно начатую в тюремной камере, благополучно завершил в кресле директора департамента полиции. Учившийся когда-то (до 1857 г.) в Пензенской гимназии у Ильи Николаевича Ульянова, прокурор Неклюдов на процессе 1 марта 1887 г. азартно чинил расправу над сыном своего когда-то любимого учителя 31, требуя для всех подсудимых только одного наказания — смеотной казни.

Из воспоминаний уцелевших после судебной расправы народовольцев известны и другие, того же рода, судьи и прокуроры вроде обвинителя по делу «12-ти» полковника О. К. Щербовича («Это был сама 249-я статья»), председателя петербургского военно-окружного суда генерала В. М. Цемирова, который на судебных процессах «вел себя, как полицейский», или прокурора по делу «23-х» П. П. Прохорова, слывшего мастером самой низкопробной судебной риторики ³². Продолжали инквизиторствовать на поздних процессах «Народной воли» и судебные деятели, стяжавшие себе палаческую репутацию еще в 70-х годах, такие, как первоприсутствующий ОППС П. А. Дейер и прокурор В. А. Желеховский.

Иные каратели вырабатывали даже свою собственную манеру, как бы индивидуальный почерк инквизиторства. Н. В. Шелгунов так характеризовал стиль трех наиболее ретивых жандармских следователей в Петербурге 80-х годов: «Если Богданович бил обу-

хом по голове, Жолкевич — пытал и тянул жилы, то Котляревский травил» 33 .

Жестокость по отношению к подсудимым революционерам проявлялась во всем, начиная от условий предварительного заключения и кончая исполнением приговоров. Показательный в этом отношении процесс «14-ти» устоаивался несколько по-особому. Власти видели размах народовольческой пропаганды в войсках и боялись ее возможных последствий. Поэтому они, с одной стороны, во избежание излишних толков расправились с подавляющим большинством арестованных офицеров в административном порядке, посадив на скамью подсудимых (по делу «14-ти») лишь шестерых из них ³⁴, а с другой стороны, для острастки военных революционеров обставили процесс «14-ти», т. е. фактически дело Военной организации «Народной воли», с сугубой жестокостью. Это проявилось и в предвзятой фабрикации обвинения (вспомним дела И. П. Ювачева и А. П. Штромберга), и в варварстве судебного разбирательства (наряду с другими судился и был приговорен к виселице психически больной поручик А. П. Тиханович) 35, и в тяжести приговора: восемь человек — к смертной казни, остальные — на каторгу.

Но и другие процессы 1883—1895 гг. не были более гуманными. На них так же предвзято фабриковали обвинения и подводили под них обвиняемых, не исключая (вопреки закону) душевнобольных вроде Н. Х. Матфиевича на процессе «23-х» 36 и И. Я. Левинского на процессе Киевской группы «Народной воли» ³⁷, раздували из каждого обвинения, как говорят французы, «le cas pendable» («висельный случай») и штамповали каннибальские приговоры. Б. Д. Оржиха судили еле живым: внесли его на заседание суда в кресле, рядом посадили фельдшера, который время от времени подносил ко рту подсудимого пузырь с кислородом, чтобы тот не потерял сознания, и после короткого судоговорения, без свидетелей, осудили на виселицу 38. По таким крупным делам, как «23-х», 1 марта 1887 г., «21-го», «Донской процесс», все или почти все подсудимые приговаривались к смертной казни, и лишь во внимание к «уменьшающим вину обстоятельствам» суд ходатайствовал перед царем о смягчении приговора, после чего царь миловал часть осужденных каторгой (обык-

новенно вечной) или ссылкой.

Единственный в своем роде за 80—90-е годы из дел «Народной воли» процесс «12-ти», где не было ни одного смертного приговора, а фигурировала лишь каторга и ссылка, причем трое подсудимых были оправданы, представил собой именно такого рода исключение, которое подтверждает правило. Высшие власти, в лице графа Д. А. Толстого и военного министра П. С. Ванновского, сочли такой приговор «весьма слабым» (начальник киевского ГЖУ В. Д. Новицкий назвал его дамским), а председатель киевского военно-окружного суда генерал П. А. Кузьмин, который вел процесс «12-ти», был уволен с должности 39. После этого царские суды не выносили революционерам «дамских» приговоров.

Г. В. Плеханов в послесловии к обвинительному акту по делу С. М. Гинсбург (1890 г.) верно подметил: «...в политических процессах русское правительство держится того правила, что лучше осудить девять невинных, чем оправдать одного виновного» 40.

Дело даже не столько в том, что за 1883—1895 гг. на 48 процессах «Народной воли» царские суды вынесли 59 смертных приговоров. Все-таки казнены были «лишь» 12⁴¹, а 47 помилованы вечной (в некоторых случаях даже срочной) каторгой. Кроме народовольцев за те же годы в России были казнены еще двое революционеров — И. Н. Мышкин и Е. И. Минаков. В 1879—1882 гг. казней было больреволюционеров — И. Н. Мышкин и ше (за четыре года — 30). Александр III чаще заменял смертную казнь другим наказанием, чем это делал его отец, «царь-вешатель». Но участившиеся при Александре III «высочайшие помилования» означали всего лишь замену одного (чреватого нежелательным для правительства шумом) рода казни другим, обеспеченным от всякого шума, постепенным и потому еще более мучительным умерщвлением «помилованных» в одиночных застенках. Достаточно сказать, что все шесть народовольцев, приговоренные к смертной казни по делу «17-ти» и помилованные вечной каторгой (М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, П. А. Теллалов, А. В. Буцевич, С. С. Златопольский, М. Ф. Клименко), были загублены в течение 1883—1888 гг. Более того, на тех же 48 процессах 50 подсудимых были приговорены к вечной или долгосрочной (от 15 до 20 лет) каторге, которую осужденные нередко отбывали опять-таки в одиночках каторжных тюрем, что для многих из них тоже равнялось постепенному умерщвлению.

Русские революционеры предпочитали даже смерть одиночному заключению в застенках царизма. «Одиночное гробовое заключение ужасно... хуже казни»,—писал, например, декабрист П. П. Беляев. Другой декабрист — В. П. Зубков находил, что «изобретатели виселицы и обезглавления — благодетели человечества; придумавший одиночное заключение — подлый негодяй...». М. А. Бакунин в «Исповеди» перед Николаем І признавался: «Мне кажется, что я вечному заключению в крепости предпочел бы не только смерть, но даже телесное наказание» 42. А ведь Зубков провел в каторжной одиночке всего две недели, Беляев — один год, Бакунин тоже писал «Испо-

ведь» на первом году заключения.

Вообще до 80-х годов случаев долголетнего заточения по политическим делам в России было немного. Только двое из русских революционеров (декабрист Г. С. Батеньков и «шестидесятник» М. С. Бейдеман) отсидели в одиночных камерах Алексеевского равелина Петропавловской крепости по 20 лет, после чего оба вышли из равелина (Бейдеман, правда, уже сведенный с ума). В 80-е же годы царизм взял за правило замуровывать революционеров в одиночки на 20 лет (по закону максимальный срок заключения) и «без срока», навечно. Входя с таким приговором в одиночные склепы Петропавловской или Шлиссельбургской крепостей, осужденные знали, что они не выйдут оттуда, и, как правило, там погибали. Те же из них, кому посчастливилось (главным обоазом благодаря революции 1905 г.) вырваться на свободу, отбыли и по 20 лет одиночки (Вера Фигнер, Михаил Тригони, Петр Поливанов, Василий Иванов, Михаил Ашенбреннер), и даже по 23 года (Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Попов). Германа Лопатина, Михаила Новорусского, Иосифа Лукашевича, Петра Антонова, Сергея Иванова, Николая Стародворского революция 1905 г. вызволила из Шлиссельбургской крепости на 19-м году заточения.

Впрочем, главное даже не в сроках заключения, а в его условиях. Автор 5-томной «Истории царской тюрьмы» за период с 1762 по 1917 г. М. Н. Гернет пришел к выводу, что каторжный режим для политических в России был самым жестоким именно в 80-е годы, особенно с 1884 г., когда открылась так называемая государева тюрьма в Шлиссельбургской крепости и вслед за тем (в 1886 г.) политическая каторга на Сахалине.

До 1884 г. главным политическим застенком империи считался Алексеевский равелин. В 70-е годы в нем содержались лишь трое узников: С. Г. Нечаев (с 28 января 1873 по 21 ноября 1882 г.), Л. Ф. Мирский (28 ноября 1879—26 июня 1883 г.) и М. С. Бейдеман (29 августа 1861—4 июля 1881 г.). С 1880 же до 1884 г. в равелин были заточены еще 23 революционера. Именно эти годы стали самыми страшными в истории равелина. «Никогда за все предшествующее время, — заключает М. Н. Гернет, — режим равелина не был таким, каким он стал за пять лет перед закрытием этой тюрьмы... Это был режим, рассчитанный на умерщвление узников *...» 43 В августе 1884 г. обветшавший Алексеевский равелин был закрыт и всех его узников, оставшихся к тому времени в живых, перевели в казематы Шлиссельбургской «государевой тюрьмы».

«Государеву тюрьму» — самую зловещую из политических тюрем в России — наризм начал строить еще в августе 1881 г. для наиболее опасных своих врагов. Первыми ее узниками стали 2 августа 1884 г. 11 человек. Из них семеро были народовольны, «одетые камнем» навечно по судебным приговорам двух крупных процессов («20-ти» и «17-ти) **. В дальнейшем, до 1890 г., тюрьма приняла еще 45 узников, из них 38 народовольцев (плюс пять других народников и два члена польской социалистической партии «Пролетариат»). С 1890 г. и до конца века заклю-

^{*} Погибли за 1881—1884 гг. восемь узников равелина: С. Г. Нечаев, С. Г. Ширяев, Н. В. Клеточников, А. Й. Баранников, М. В. Ланганс, М. В. Тетерка, Н. Н. Колодкевич, А. Д. Михайлов.

** М. Ф. Фроленко. Н. А. Морозов, М. Н. Тригони, Г. П. Исаев, М. Ф. Грачевский, А. В. Буцевич, С. С. Златопольский.

Вместе с ними 2 августа 1884 г. были заключены в Шлиссельбург М. Р. Попов, Н. П. Шедрин, Е. И. Минаков, М. Я. Геллис,

ченные в «государеву тюрьму» больше не поступали. Всего, таким образом, в XIX в. узниками «госудаоевой тюрьмы» были 56 революционеров.

Режим Шлиссельбургской крепости, хотя и регламентированный особыми «Правилами», однако такого свойства, что Фауст Гете при виде их еще раз воскликнул бы: «Die Hölle selbst hat ihre Rechte?»*этот режим еще в большей степени, чем ад Алексеевского равелина, был рассчитан на последовательное уничтожение узников. Под стать режиму тюрьмы были в Шлиссельбурге сами тюремщики, подобранные один к другому так, чтобы из каждого «исключались все признаки человечности» 44. В результате только за шесть лет, с 1884 до 1890 г., в Шлиссельбурге девять заключенных были казнены, трое покончили с собой и еще один покущался на самоубийство, 17 — сошли с ума или заболели тяжким нервным расстройством.

В Шлиссельбурге томились, как правило, лишь осужденные на каторгу без срока (так называемые «смертники» и «вечники»). Прочих каторжан («срочников») обыкновенно водворяли на Кару, а с 1886 г. — на Сахалин, поскольку к тому времени выявилась «недостаточная» строгость каторжного режима на Каре. Собственно, в единичных случаях и до 1886 г. на Сахалин доставляли политических (народников Н. К. Чеснокова в начале 80-х годов и Н. Ф. Крыжановского в 1884 г.), но официально Сахалин считался тогда центром уголовной каторги (к 1892 г. там числилось 6000 каторжан-уголовников против 5385 во всех остальных двенадцати каторжных местах империи). Политическая каторга функционировала на Сахалине с 1886 до 1906 г. Ее отбывали за все годы 46 революционеров, из них до 1900 г. —24 народника (21 народоволец, два народоправца, один террорист 70-х годов) и 17 членов польской социалистической партии «Пролетариат» 45.

Каторжный режим на Сахалине был тяжелее, чем где бы то ни было. Политических там приравняли к уголовным. Специальный циркуляр Главного тюремного управления от 8 марта 1888 г. уведомлял каторжные власти, что на Сахалине ни в содержа-

^{* «}Сам ад имеет свои законы?» (нем.)

нии, ни в наказаниях «не должно быть делаемо никаких отличий» между политическими и уголовными ⁴⁶.

Где вьюги вечный стон и звон цепей печальный, Где жизнь унылая, как факел погребальный ... Несчастный край, где кровью сердце плачет ... —

так писал о каторжном Сахалине поэт-народоволец И. И. Мейснер 47 .

Мало в чем уступала каторге по строгости режима и ссылка «в отдаленнейшие места» Сибиои, главным центром которой в 80—90-е годы оставалась Якутия. Из 313 политических, сосланных туда по суду и административно за 1863—1890 гг., 298 были народниками. Социал-демократы в то число еще не входили. С 90-х годов стал расти приток в Якутию ссыльных социал-демократов (за 1891—1895 гг. — 5, за 1896— 1900 гг. —48 человек) 48. Режим якутской ссылки был столь одиозным, что рептильная печать вроде журнала В. П. Мещерского «Гражданин», которая уверяла своих читателей, будто политические ссыльные в местах «не столь отдаленных» живут «положительно хорошо», «ни в чем не нуждаясь» 49, о ссылке «отдаленнейших мест» помалкивала. Для якутских властей обычным было то отношение к политическим ссыльным, которое обнажил в 1888 г. воинский начальник Вологды, инструктируя конвой ссыльных в таких выражениях: «Коли что-нибудь, так вяжи его, бей прикладом, коли штыком, изруби и брось в сортир!» 50 В результате только за 80-е годы в Якутии 25 политических ссыльных погибли и еще 10 сошли с ума ⁵¹.

История политической каторги и ссылки 1883—1895 гг. хранит память о потрясающих человеческих трагедиях. Наиболее известны получившие в свое время мировой отклик Якутская и Карийская трагедии 1889 г. В Якутске 22 марта охранники, расправляясь с коллективным протестом ссыльных против произвола властей, застрелили и закололи штыками шесть протестантов (включая женщину — Софью Гуревич) и 20 — ранили, а затем, после учиненного над жертвами этой расправы суда, еще троих (Н. Л. Зотова, Л. М. Когана-Бернштейна и А. Л. Гаусмана) повесили, причем Коган-Бернштейн, тяжелораненый, был внесен на эшафот (как и прежде в суд)

прямо на кровати, поднят с нее и вдет в петлю, после

чего кровать из-под него выдернули 52 .

На Каре 7 ноября 27-летняя политкаторжанка Н. К. Сигида за «оскорбление власти» (дала пощечину лютому коменданту Кары В. П. Масюкову) была подвергнута телесному наказанию (100 розог) и в тот же день, не стерпев позора, покончила с собой. Это первое в истории русской политической каторги телесное наказание женщины повлекло массовое самоубийство (в знак протеста) каторжан. Вместе с Н. К. Сигидой приняли яд М. В. Калюжная, Н. С. Смионицкая. М. П. Ковалевская (ей оставалось до выхода из тюрьмы на поселение не больше двух месяцев), а в следующие дни—И.В. Калюжный, С.Н. Бобохов, Ф.Я. Кон, С.Д. Диковский, П.О. Иванов, Н.В. Левченко, Н.Л. Геккер, Н.М. Санковский, из которых, правда, последние шестеро выжили и объясняли на следствии, устроенном по этому поводу, что другие пути протеста, кроме самоубийства. для них закрыты. «В моей смерти,— говорил народоволец С. Д. Диковский, — я видел два момента: во-первых, протест против применения телесного наказания к кому бы то ни было; во-вторых, своею смертью я сам хотел избавиться от ужасного телесного наказания» 53.

В одном ряду с этими трагедиями стоит и мученическое самоубийство члена ИК «Народной воли» М. Ф. Грачевского, который 26 октября 1887 г. в одиночной камере «государевой тюрьмы», протестуя против шлиссельбургского режима и желая ценой своей жизни добиться его смягчения ради товарищей по заключению, сжег себя. Царизм надолго сумел утаить эту трагедию от общественного мнения. Какие-то слухи о ней, возможно, проникали в общество и с конца 80-х годов, но широкую известность она получила лишь десять лет спустя, в 1897 г., когда вольная русская пресса обнародовала ее за границей 54. Кстати, именно в 1897 г. в Трубецком бастионе Петропавловской крепости повторила жертвенный подвиг Грачевского народоволка М. Ф. Ветрова.

Как правило, за исключением отдельных, выраставших до размеров международной сенсации разоблачений, все вообще жестокости политической каторги и ссылки 80—90-х годов в России оставались

тайной для современников. «Об ужасах, совершаемых над политическими, и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем,— писал 8 августа 1890 г. Джорджу Кеннану Л. Н. Толстой. — Знаем только, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям одиночного заключения, каторге, смерти, и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях» 55. Но и по отдельным разоблачениям и слухам современники представляли себе, сколь бесчеловечны эти жестокости.

2. Русские революционеры на политических процессах 1883—1895 гг.

Поведение разночинцев и рабочих перед царским судом в 1883—1895 гг. хотя и сохранило в основном былую героику, стало менее активным, чем в годы революционного натиска. Объяснялось это двумя причинами. С одной стороны, наступление реакции и временный спад революционной борьбы, осложненный к тому же дискредитацией и вырождением народничества как теории, удручали революционеров. С другой стороны, безгласность судов практически почти лишала смысла какие-либо декларации подсудимых, тем более что судьи, пользуясь безгласностью, пресекали подобные декларации.

Для второй половины 80-х — начала 90-х годов весьма характерными были процессы революционеров, уже осужденных на каторгу или ссылку и так или иначе протестовавших против ссыльно-каторжного режима. Разные формы такого протеста (сочинение воззвания, пощечина или пуля особенно жестокому сатрапу, коллективное сопротивление властям) представляли собой типичные для того времени революционные акты, ибо других средств отпора осужденные народники не находили, а отбывать

ссылку и каторгу без борьбы не хотели.

Так возникли громкие дела «сибирской Веры Засулич» — Марии Кутитонской, от пули которой 16 сентября 1882 г. пал забайкальский военный губернатор Л. И. Ильяшевич, и Константина Неустроева, который 26 октября 1883 г. в иркутской тюрьме дал пощечину генерал-губернатору Восточ-

ной Сибири Д. Г. Анучину, а также ряд малоизвестных процессов этого рода в Сибири: Марии Грязновой в Минусинске 26 октября 1882 г., Софьи Новаковской в Енисейске 19 марта 1884 г., 12 ссыльных в Тобольске 14 июня 1886 г., 15 ссыльно-каторжных в Иркутске 19 октября 1887 г., 22 ссыльных в Тобольске 22 ноября 1888 г., 6 ссыльных (Вик. П. Кранихфельд и др.) в Иркутске 8 ноября 1891 г.

Что же касается конкретных особенностей поведения подсудимых на процессах, то в условиях, когда «Народная воля» как всероссийская революционная партия погибла и вместе с нею погиб руководящий общепартийный центр, каким был Исполнительный комитет, а социал-демократия еще не обрела должной силы и авторитета; в условиях, когда народовольцы всю свою деятельность сводили к попыткам восстановления партии и терпели в этом неудачу за неудачей, когда всякий шаг каждого народовольца уже не регламентировался, как ранее, пунктами обязательного для всей партии устава,— в таких условиях подсудимым 1883—1895 гг. (т. е. главным образом народовольцам) недоставало прежде всего согласованной линии поведения.

Завет Александра Михайлова выработать в духе

устава партии кодекс «единообразного поведения на дознании и суде» в те годы не был выполнен. Поавда, уставное требование отказываться на допросах от всяких показаний, которое в 1879—1882 гг. народовольцы, охваченные революционным воодушевлением, обыкновенно нарушали, теперь чаще соблюдалось. Под впечатлением гибели стольких партийных кадров из-за предательства, малодушия, а то и случайных оговоров обвиняемые нередко склонялись к элементарному отпирательству как на предварительном, так и на судебном следствии. Но согласовать и единообразить хотя бы отпирательство удавалось, видимо, из-за характерной для 1883— 1895 гг. децентрализации и недолговечности народовольческих групп и фракций, сменявших друг друга. В результате подсудимые либо (если представлялось возможным) сговаривались «отпираться» перед началом того или иного процесса, либо «отпирались» сами по себе, хотя бы и не в лад с товарищами.

Примером заблаговременного и оказавшегося для подсудимых очень выигрышным сговора может служить поведение киевских народовольцев на процессе «12-ти» *, где только трое из обвиняемых (М.П.Шебалин, В. С. Панкратов и К. Ф. Мартынов), безнадежно уличенные, признали себя членами «революционного сообщества» (по терминологии обвинительного акта), а все остальные «решили, по общему согласию, не признавать принадлежности к сообществу и по мере обстоятельств защищаться», причем рекомендовалось даже «не вести себя вызывающе по отношению к властям» 56.

П. Я. Шевырев на процессе 1 марта 1887 г. показал образец единоличного отпирательства. Он, свидетельству И. Д. Лукашевича, еще до ареста опоеделил себе линию поведения на суде и так мотивировал ее перед товарищами: «Когда мне придется предстать перед судом, я не намерен излагать своих возэрений... Мы продолжаем только дело наших предшественников. Ими уже достаточно было указано, чем был вызван террор и чего добиваются революционеры. Нет нужды при каждой стычке, при всякой схватке с правительством излагать свое сгеdo. Это тем более излишне, что суд негласный: и судят тайком, и вешают тайком... Как бы ни были явны улики, практичнее всего отрицать свое участие в деле. Этим, с одной стороны, избегается опасность сказать что-нибудь лишнее, что может повредить кому-либо из товарищей, а с другой — чем значительнее мы будем казаться нашим врагам, тем легче будет борьба с ними...» 57 Этой тактике Шевырев и следовал в ходе всего процесса, очень озлобив тем самым царя. На полях подготовленной для Александра III записи последнего перед судом допроса Шевырева сохранилась царская помета с удостоверением начальника корпуса жандармов П. В. Оржевского: «Собственной его величества рукой начертано «Подлец», в Гатчине 20 марта 1887 г.» 58

Примерно так же, хотя и с меньшей последовательностью, вели себя молодые народовольцы М. Ф. Клименко, И. В. Калюжный, А. И. Лисов-

^{*} Дело киевской организации «Народной воли». Слушалось киевским военно-окружным судом 1—9 ноября 1884 г.

ская, М. А. Юшкова, Н. С. Смирницкая, супруги Прибылевы на процессе «17-ти» по предварительному сговору со старшими товарищами; члены одесской организации «Народной воли» М. И. Дрей, К. А. Иванайнен, Н. Н. Дзвонкевич, Ф. А. Морейнис на процессе «23-х»; П. А. Тиханович, Д. Я. Суровцев, Л. В. Чемоданова на процессе «14-ти»; М. В. Новорусский и Т. И. Пашковский на процессе (21-го» и другие, однако суд выносил тягчайшие приговоры по косвенным или же фальшивым уликам, невзирая на отпирательство подсудимых. «Дамский» приговор на процессе «12-ти» оказался исключением не потому, что подсудимые сумели «отпереться» от обвинения, а ввиду судебно-политической коньюнктуры (общественный ропот вокруг драконовского приговора по недавнему делу «14-ти») и сравнительной гуманности генерала П. А. Кузъмина.

При наличии бесспорных улик подсудимые не видели смысла в том, чтобы отрицать очевидное. Однако, соглашаясь на признания, они, как правило, старались обратить их не во вред, а на пользу партии. Н. М. Рогачев, например, дал по делу «14-ти» подробнейшие показания о Военной организации «Народной воли», рисуя эту организацию в крайне преувеличенном виде, с очевидным для историка расчетом припугнуть правительство. Так, сообщив о том, что «во всяком большом городе» «Народная воля» уже имеет один или несколько военных кружков и, кроме того, «во всех частях войска есть масса офицеров, готовых немедленно вступить в партию», Рогачев заявил: «Мне, разумеется, неизвестно, какие сведения имеются в руках власти относительно военной организации, но, судя по предъявленным мне карточкам, я смело утверждаю, что открыта лишь ничтожнейшая часть. Правда, систематические аресты последнего времени доказывают, что в наших рядах появился шпион, но если бы их было даже несколько, то и тогда они не могли бы выдать всю партию» ⁵⁹. В доказательство неуязвимости партии Рогачев привел такие данные (например, о наличии помимо ИК «Тайного совета» — блюстителя конспирации), которые ничем более не подтверждаются и, должно быть, попросту сочинены им для того, чтобы

дезориентировать и опять-таки постращать карателей.

Наиболее сильные и самоотверженные натуры из числа народовольцев, судившихся в 1883—1895 гг., считали своим долгом перед знаменем «Народной воли» открыто провозглашать принадлежность к партии, а также партийную программу, пытались со скамьи подсудимых апеллировать к общественному мнению, следуя героической традиции 1877—1882 гг. Показательны с этой точки зрения речи М. Ф. Грачевского и П. А. Теллалова на процессе «17-ти», Веры Фигнер по делу «14-ти», А. И. Ульянова по делу 1 марта 1887 г., Б. Д. Оржиха на его процессе

в ноябре 1888 г.

Речи подсудимых по делу «17-ти», арестованных еще в конце 1881 г. и в первой половине 1882 г., когда «Народная воля» сохраняла значительные силы, перекликались с речами героев предыдущих процессов. Для тех и других характерны были вера в победу и стремление помочь партии в ее натиске на самодержавие. Вслед за Квятковским и Желябовым Грачевский и Теллалов подчеркивали закономерность, правоту и неодолимость революционного движения. Особенно впечатляло силой духа последнее слово Михаила Грачевского: «Нет, я не могу признать себя виновным при настоящем отношении государственной власти к народу и обществу, при котором ни семейный очаг, ни личность граждан не гарантированы от произвола правительственных тайных и явных агентов, когда по одному простому подозрению в т. н. политической неблагонадежности сотни лиц бросают в тюрьмы, подвергают всем ужасам одиночного заключения, доводящего до быстрой смерти или сумасшествия, когда другие сотни лиц без постановления суда по таким же точно подозрениям могут быть схвачены, оторваны от труда и семейства и отправлены т. н. административным порядком за тысячи верст на север и восток Сибири. При означенных условиях я не только считаю себя вправе защищаться с оружием в руках при нападениях на меня правительственных агентов, я считаю даже ноавственно обязательным для себя зашишать точно так же и других от их произвола» 60.

В духе ранних процессов «Народной воли» обви-

няемые по делу «17-ти» ставили условия перед правительством от имени своей партии, но, из тактических соображений, более скромные, чем даже на процессе «20-ти», где в качестве своеобразного камертона для программных выступлений обвиняемые использовали Письмо ИК к Александру III от 10 марта 1881 г.

Как явствует из тюремных писем на волю П. А. Теллалова и А. П. Корба, участники процесса «17-ти» знали о начавшемся упадке «Народной воли», хотя они и недооценивали глубину упадка (дегаевщина тогда — к марту 1883 г. — еще не обнаружилась). Вместе с тем они переоценивали затруднения правительства в единоборстве с «Народной волей». «Несмотря на наше крушение, — писала из Петропавловской крепости в конце 1882 или в начале 1883 г. Анна Корба, — никогда политические условия не были столь благоприятны для борьбы, как в настоящий момент, где почти междуцарствие. Отложив осенью (1882 г. — Н. Т.) коронацию, они пали столь низко, что никогда им не подняться» 61.

В таких условиях П. А. Теллалов допускал, что по случаю коронации «будут даны такие вольности, при которых будет возможна деятельность в народе», и поэтому рекомендовал народовольцам «до коронации... хранить глубокое молчание, ни в каком случае не производить ни одного террористического факта, а еще тем более не предпринимать освобождений», чтобы, с одной стороны, каким-нибудь провалом не выдать бессилия партии, а с другой стороны, выждать, каковы будут и будут ли вообще даны «вольности» 62.

Со своей стороны подсудимые провозглашали на процессе «17-ти» как приемлемую альтернативу террору тот минимум политических преобразований, к которому, по их мнению, «Народная воля» могла бы в данный момент принудить царизм. И Грачевский, и Богданович, и Теллалов, и Корба, и Савелий Златопольский (а все они были членами ИК — центральными фигурами процесса) требовали от имени партии лишь народного представительства в лице Учредительного собрания (земского собора, Всероссийской думы) и элементарных политических свобод (слова, вероисповеданий и т. д.) 63. «Обвиняемые,—

рассказывал М. И. Семевскому член суда И. И. Глазунов,— тщательно скрывали в своих подробных объяснениях коммунистические и анархические свои затеи... а беспрестанно вдавались в рассуждения о необходимости дарования России конституции...» ⁶⁴, причем Анна Корба, хотя и сослалась на Письмо ИК к Александру III, формулировала задачи партии более умеренно, чем это было сделано в Письме: «Мы стремимся только к реформам, но к реформам искренним, полным и жизненным» ⁶⁵.

Процесс «17-ти» был последним, где судилось сразу несколько (семь) членов ИК. В дальнейшем из числа членов ИК предстала перед царским судом по делу «14-ти» — только Вера Фигнер, да еще по делу «21-го» судилась в полном составе Распорядительная комиссия (заменившая ИК): Г. А. Лопатин, Н. М. Салова, В. И. Сухомлин. Отчасти по этой причине после дела «17-ти» подсудимые на процессах «Народной води» с программными речами почти не выступали. Те же речи, которые были произнесены (Фигнер, Александра Ульянова, Н. П. Стародворского на процессе «21-го», а также Н. Д. Похитонова, Г. А. Лопатина и Б. Д. Оржиха, чьи выступления, однако, не были по-настоящему программными), заключали в себе несколько иной смысл сравнительно с речами подсудимых на процессах «16-ти», 1 марта 1881 г., «20-ти» и даже «17-ти», им недоставало былого народовольческого оптимизма, вместо которого теперь превалировала жеотвенность ⁶⁶.

Правда, все перечисленные ораторы обличали нетерпимость царящего в России «страшного деспотизма» (Оржих) и «полнейшего бесправия» (Похитонов), провозглашали главной национальной задачей «уничтожение абсолютистского образа правления» (Фигнер), доказывая при этом, что «изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно» (Ульянов). Но, во-первых, они формулировали требования партии лишь в общих чертах (Ульянов, подчеркнувший «ненормальность существующего строя», обосновывал в первую очередь «требование свободы мысли, свободы слова») и в более умеренном духе. Так, Фигнер заявила: «Собственно, я не придаю практического значения тому,

стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия... воплотится в жизнь лишь та форма государственного устройства, к которой общество окажется подготовленным...», а Стародворский говорил даже, что в принципе он не имеет ничего против «монархии, такой, например, как в Англии». Во-вторых, хотя все они подчеркивали, что, до тех пор пока правительство не уступит, «народ вправе применять все меры борьбы», вплоть до террора (Стародворский), и революционная борьба, несмотря ни на что, «будет продолжаться» (Ульянов), никто из них уже не предрекал царизму скорой гибели, не высказывал столь характерных для 70-х — начала 80-х годов суждений о перспективах народной революции.

Йсключая участившиеся (сравнительно с 1879—1882 гг.), но все-таки немногие случаи малодушия и предательства, о которых речь пойдет особо, участники процессов 1883—1895 гг. держались так же мужественно, как и их предшественники, хотя и менее активно. В частности, и для них было характерно то непоколебимое сознание правоты революционного дела, которое так поразило наблюдательного ген. А. А. Киреева своей «страшной силой» на процессе 1 марта 1881 г. Другое дело, что народнический тип революции подвергался сомнениям, сама революция оставалась и для героев «Народной воли» 1883—1895 гг. такой же idee fixe, какой она была в представлении народовольцев первого призыва. Эта революционная убежденность и давала силу жертвам

процессов 1883—1895 гг.

Йз соображений революционного престижа, а не самосохранения отказывались они признавать себя перед царским судом виновными в тех или иных преступлениях. Г. А. Лопатин на последнем из числа семи крупнейших процессов «Народной воли» (по делу «21-го») апеллировал к суду истории точно так же, как это сделал на первом из тех процессов («16-ти») Степан Ширяев: «Вы представители за-интересованной стороны и не вам судить меня трезво и беспристрастно. Но я верю — и это моя единственная вера, утешающая меня во все горькие минуты жизни, — что над всеми нами, и над вами в том числе, есть суд высший, который произнесет со вре-

менем свой правдивый и честный приговор; этот суд — история!» ⁶⁷

Тем же сознанием правоты революционного дела движимы были и Н. П. Стародворский на процессе «21-го», когда он на вопрос председателя суда, признает ли себя виновным в убийстве Г. П. Судейкина, уточнил, что он совершил по распоряжению Исполнительного комитета не убийство, а казнь начальника секретной полиции, и М. В. Калюжная, которая на ее процессе 29 августа 1884 г. * объясняла: «Я принадлежу к социально-революционной партии, виновной же в намерении убить полковника Катанского себя не признаю, так как не вижу в этом преступления, но не отрицаю того, что хотела убить его в интересах нашей партии, так как он заслуживает

смерти» ⁶⁸.

В интересах партии подсудимые обычно (кроме тех случаев, когда при отсутствии или недостатке улик можно было прибегнуть к отпирательству) не только не скрывали, но, напротив, подобно героям процессов 1879—1882 гг. афишировали свою принадлежность к «Народной воле». Правда, делали они это по-разному. Одни — из числа наиболее опытных и влиятельных революционеров — по примеру судившихся в 1879—1882 гг. не ограничивались только объявлением своей принадлежности к партии, а подробно, с явным агитационным расчетом излагали всю свою революционную биографию, непременно оговариваясь, однако, что никаких показаний о других лицах, привлеченных к следствию и суду вместе с ними, они давать не желают. Так вели себя М. Ф. Грачевский на процессе «17-ти», Вера Фигнер на процессе «14-ти», А. И. Ульянов на процессе 1 марта 1887 г., П. Ф. Якубович на процессе «21-го», Б. Д. Оржих на его процессе 1888 г. **, Софья Гинсбург на ее процессе 1890 г.

Чрезвычайно показательны в этом отношении полностью опубликованные показания Александра Ульянова на следствии по делу «Второго 1 марта» с резолюциями Александра III 69. «Что касается до

^{*} Народоволка М. В. Калюжная обвинялась в попытке убить начальника одесского ГЖУ А. М. Катанского.

^{**} Дело по обвинению Б. Д. Оржиха в принадлежности к «Народной воле». Слушалось в ОППС 10 ноября 1888 г.

моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, — говорил Ульянов о попытке цареубийства. - то оно было полное, т. е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений». Зато уличать в чем-либо своих товарищей Ульянов отказался наотрез. «Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю»,заявил он в показании 4 марта и дальше не изменял этому правилу. 13-го марта Александр III оставил на очередном показании Ульянова проницательную запись: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься». Более того, Ульянов брал на себя и вину товарищей в тех случаях, когда это могло облегчить их участь. Даже прокурор отметил его самопожертвование: «Я даю полную веру показаниям подсудимого Ульянова, сознание которого если и грешит, то разве в том отношении, что он принимает на себя даже то, чего он не делал в действительности» 70. Характерна в этой связи деталь из воспоминаний И. Д. Лукашевича: «Когда я увиделся в первое заседание с Ульяновым на суде... то он, пожимая мне руку, сказал: «Если Вам что-нибудь будет нужно, говорите на меня»» 71.

Другие — менее опытные и, как правило, более молодые — народовольцы не имели ни дарований трибунов, ни свойственной вожакам веры в силу агитационного слова, считали, что на безгласных инквизиционных процессах агитация со скамьи подсудимых бесплодна, да и почти невозможна, и поэтому действовали проще: заявив о своей принадлежности к партии, отказывались объяснять даже собственную (а не только своих товарищей) деятельность. Так держались, например, И. В. Калюжный на процессе «17-ти», В. Г. Иванов на процессе «14-ти», В. Д. Генералов на процессе 1 марта 1887 г., П. Л. Антонов на процессе «21-го», С. А. Лисянский, Н. Л. Перлашкевич, И. Л. Манучаров, И. И. Мейснер, С. Ф. Хроновский на их процессах 72.

Важно, что и те, и другие оказались достаточно стойкими для того, чтобы поддержать завоеванную народовольцами на процессах 1879—1882 гг. репутацию людей бесстрашных, которых ничто, даже угро-

за смерти, не может сломить. Александр Ульянов сказал на суде, что «среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь» ⁷³.

Сам Ульянов, который, по свидетельству его сопроцессников, «готов был дать повесить себя двадцать раз, если бы мог этим облегчить судьбу других» 74 , и не один десяток других революционеров на процессах 1883—1895 гг. подтверждали это и словом и делом. «Пощады не прошу и не желаю,—говорил на процессе «21-го» Γ . А. Лопатин. — Я сделал мало для того дела, которое было всего дороже мне на земле, и горько сожалею об этом. Но если я не сумею послужить ему моей жизнью, то знаю, что не осрамлю его моей смертью и сумею умереть так же

твердо и безупречно, как жил» 75.

Замечательные человеческие документы оставили осужденные на смертную казнь вместе с Лопатиным П. Л. Антонов и П. Ф. Якубович. «Меня ждет виселица,— писал другу перед судом член «Народной воли» рабочий-кузнец Петр Антонов,— но меня это не смущает, я верю в лучшее будущее, за это будущее я боролся и погибну. Я покажу нашим палачам, как умирают революционеры...» ⁷⁶ Сразу после оглашения смертного приговора стоическое письмо («Выслушал я приговор так спокойно, что и сам того не предвидел») отправил родным Якубович ⁷⁷. В поэме «Сын», которую Якубович написал еще до суда, есть такая сцена:

Прокурор (ударяя себя кулаком в грудь): Я властью облечен большою!.. Обвиняемый:

Над телом только — не душою, Что властны сделать вы со мною? Пытать? — Я пытки не страшусь. Казнить? — Я смертью наслажусь, Как высшей радостью земною 78 .

Этот фрагмент — не поэтическая метафора, а живая жизнь и самого Якубовича и многих других революционеров. Б. Д. Оржих, например, так и заявил суду в последнем слове, что смертную казнь «он

будет считать наградою за свои убеждения», и по прочтении ему смертного приговора воскликнул: «Браво!» ⁷⁹ В таком же порыве самопожертвования В. С. Осипанов и П. И. Андреюшкин на процессе 1 марта 1887 г. уведомляли суд, что они заранее отказываются от всяких просьб о снисхождении, потому что (цитирую Андреюшкина) «такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил» ⁸⁰. Слова, сказанные одним из судей после приговора С. А. Лисянского к смертной казни через повешение («Я не видел подсудимого, который бы с большим хладнокровием выслушал приговор о годе арестантских рот») ⁸¹, могли быть отнесены к любому из революционеров, которые встретили смерть на эшафоте.

Да, все они без исключения умирали героями. Александо Штромберг, приговоренный к смерти почти без улик, на предложение защитников подать прошение о помиловании ответил: «Я для этого неграмотен» 82. Саул Лисянский, который был вынужден долго стоять на скамейке под петлей в ожидании, пока палач примерит к нему веревку, оказавшуюся закрепленной слишком высоко, командовал распорядителям казни: «Господа, торопитесь свершить беззаконие!» 83 Василий Генералов и Пахомий Андреюшкин поднялись на эшафот с возгласами «Да здравствует «Народная воля»!». «То же самое, докладывал царю граф Д. А. Толстой, — намеревался сделать и Осипанов, но не успел, так как на него был накинут мешок...» Так же бодро и спокойно взошли на эшафот Александо Ульянов и Пето Шевырев, причем последний «оттолкнул руку священника» с крестом 84. Мужество, с которым приняли смерть на виселице Константин Неустроев и жертвы Якутской трагедии 1889 г. (Николай Зотов, Лев Коган-Бернштейн, Альберт Гаусман), засвидетельствовано их сохранившимися предсмертными письмами.

К. Г. Неустроев в обращении к товарищам жалел только о том, что мало сделал, однако был горд за сделанное: «Я был простой работник, но не изменил святыне-знамени!» Письмо кончается словами «Прости, родина! Цвети, красуйся! Прими эти пожелания от чистого сердца» 85. Л. М. Коган-Бернштейн перед казнью писал друзьям: «Я умру с чистой совестью

и сознанием, что до конца оставался верен своему долгу и своим убеждениям, а может ли быть лучшая,

более счастливая смерть?» 86

В ночь перед казнью Альберт Гаусман писал дочери: «Тебе всего шесть лет, а час моей смерти близится. Считаю долгом своим попрощаться с тобой и сказать тебе несколько слов. Учись, друг мой! Старайся не столько знать много, сколько понимать многое. Будь честна. Каковы бы ни были впоследствии твои убеждения, следуй им непреклонно, если только это искренние убеждения. На глазах смерти говорю тебе: лучше жить в нищете с чистой совестью, чем в богатстве и довольстве, сознавая, что кривишь душою...» Коротко, но исполнено мужества прощальное слово Гаусмана к друзьям: «Я умираю с верой в торжество истины. Прощайте, братья!»

Н. Л. Зотов в предсмертном письме завещал друзьям «употребить все силы» на революционную борьбу и в интересах революции «эксплуатировать всеми способами и всеобщими усилиями эту (Якутскую 1889 г.— Н. Т.) драму, этот колоссальный пример жестокости, самоуправства, бесчеловечности русского деспотизма... Пишите во все концы нашей матушки и мачехи, и за границу, и Кеннанам всяким. Над этим стоит поработать. Это — единственное, чем мы

можем окупить потери этой расправы» ⁸⁷.

Показательно, что и в трудные для «Народной воли» годы исключительно стойко держались на судебных процессах женщины. Как и прежде, среди них не оказалось ни одного предателя, хотя прошло их перед царским судом немало: с середины 1882 по 1894 г. — 51, причем три из них судились за те годы дважды, а С. Е. Новаковская — четырежды. В некоторых крупных делах женщины составляли около или даже более трети общего числа подсудимых. На процессе «12-ти» ссыльных в 1886 г. было пять женщин, на знаменитом процессе «17-ти»— семь, на процессе жертв Якутской трагедии — восемь. Карал их царский суд беспощадно: 12 женщин из 51 были приговорены к виселице, правда после С. Л. Перовской заменявшейся каторгой — и долголетней, и вечной, еще пять осуждены на вечную каторгу и 16 — на каторгу до 20 лет, а все остальные — на разные сроки тюрьмы и ссылки. Оправданных женщин в политических делах за те годы не было.

На процессах 1883—1895 гг. по своей роли в революционном движении и тому интересу, который она привлекла к себе в русском и европейском обществе, особенно выделялась Вера Фигнер, так же как среди подсудимых 1879—1882 гг. — Софья Перовская. Революционерка из плеяды корифеев «Народной воли», примерно с середины 1882 г. высший авторитет в партии («мать-командирша», как уважительно называли ее товарищи 88), последний в России еще остававшийся к 1883 г. на свободе член «Великого ИК». Вера Фигнер была арестована в Харькове 10 февраля по указанию Дегаева. Арест был обставлен как дело рук известного предателя Василия Меркулова, которого Дегаев изловчился столкнуть лицом к лицу с Фигнер на улице, после чего Вера Николаевна тотчас и была схвачена. Чтобы еще более заслонить Дегаева от возможных подозрений самой Фигнер и ее товарищей, начальник харьковского ГЖУ генерал И. К. Турцевич, едва Веру Фигнер ввели к нему в кабинет и она в ответ на его требование назвать себя заявила: «Генерал, вам это скажет тот, кто указал меня арестовать», распорядился позвать Меркулова. Тот подтвердил, что неизвестная арестована по его указанию и что она не кто иная, как Вера Филиппова 89. Услышав это, Фигнер резко повернулась к Меркулову и, воскликнув: «Подлец! Шпион!»—плюнула ему в лицо 90.

Арест Веры Фигнер, имя которой получило громкую известность по материалам всех предыдущих крупных процессов «Народной воли», очень обрадовал верхи. Гр. Д. А. Толстой в тот же день, 10 февраля, донес царю об этой удаче, и Александр III на полях его донесения элорадно заметил: «Наконец,

попалась!» 91

Естественно, что революционерка с такой репутацией оказалась тогда на суде (то был знаменитый процесс «14-ти») центральной фигурой. И она выступила в этой роли впечатляюще. На дознании, следствии и суде Фигнер вела себя так, как принято было между членами «Великого ИК», т. е. не совсем по уставу, но зато наиболее убедительно с точки зрения революционной демонстрации перед карательной

властью. Собственную деятельность Фигнер не скрывала. В первом же показании она заявила, что состоит членом «Народной воли» и агентом 3-й степени Исполнительного комитета, и перечислила все свои «государственные преступления» — от участия в Казанской демонстрации 1876 г. до устройства типографии «Народной воли» в Одессе в 1882 г., не преминув отметить, что она «знала и одобрила замысел Александра Соловьева» на цареубийство, что бомбы, которыми был убит Александр II, изготовлялись в ее кваотире и что она «принимала участие в убийстве генерала Стрельникова» (без оговорки о косвенном характере этого участия) 92. С 19 февраля по 3 апреля в Петропавловской крепости Фигнер писала обширные (30 страниц бисерным почерком) автобиографические показания 93, в которых она, подобно Александру Михайлову, Степану Ширяеву, Александру Квятковскому, Николаю Колодкевичу, Михаилу Грачевскому и другим корифеям первого состава ИК, мотивировала историческую обусловленность революционного пути для партии в целом и каждого из ее членов в отдельности.

Разумеется, Фигнер, как и ее предшественники, не задавалась целью распропагандировать своими показаниями царских чиновников 94 , но расчет на то, чтобы лишний раз подчеркнуть перед карателями неотвратимость и неодолимость революционного движения, у нее, видимо, был. К тому же не исключалась возможность огласки таких показаний в обществе. Государственный секретарь А. А. Половцов 23 марта 1883 г. записывал в дневнике со слов министра юстиции Д. Н. Набокова: «Государь читает дневник (т. е. автобиографические показания.— H. T.) Веры Филипповой и очень им интересуется» 95 .

Однако все попытки следователей выведать у нее коть что-нибудь о «сообщниках» Фигнер решительно пресекала. В материалах процесса «14-ти» сохранилось несколько ее показаний с отказом отвечать на такие вопросы. Вот одно из них, от 16 июня 1883 г.: «Никаких объяснений по поводу лиц, арестованных в последнее время в г. Харькове, и вообще обстоятельств дознаний, возникших там после моего ареста, я сделать не могу. Вера Фигнер» 96.

В речи на суде Фигнер сравнительно коротко ревюмировала соображения, уже высказанные ею в автобиографическом показании, а поскольку обвинительная власть клеймила ее за «кровожадность», она смело и подкупающе непосредственно объяснила свое личное участие в террористических актах: « Я не могла бы со спокойной совестью привлекать других к участию в насильственных действиях, если бы я сама не участвовала в них... Собственно говоря, организация «Народная воля» предпочитала употреблять меня на другие цели — на пропаганду среди интеллигенции, но я хотела и требовала себе другой роли: я знала, что и суд всегда обратит внимание на то, принимала ли я непосредственное участие в деле, и то общественное мнение, которому одному дают возможность свободно выражаться, обрущивается всегда с наибольшей силой на тех, кто принимает непосредственное участие в насильственных действиях, так что я считала прямо подлостью толкать на тот путь, на который сама не шла доугих бы» ⁹⁷.

Другие подсудимые по делу «14-ти» единодушно признавали Веру Фигнер своим лидером: с нее брали пример, к ней в трудную минуту обращались за советом. Когда некоторые офицеры — участники процесса — решили было подать прошения о помиловании, лейтенант Александо Штромберг, человек безупречного мужества, захотел узнать, что думает об этом Фигнер. Вера Николаевна ответила: «Никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама» 98. После этого не только Штромберг, но и вообще никто из «14-ти» не подал прошений о помиловании.

Героически вели себя на процессах и другие женщины, хотя особенности того или иного процесса. характер обвинения, а также личные качества женщин разнообразили их тактику. Анна Корба на процессе «17-ти» выступила с известной программной речью. Мария Кутитонская речи не произносила, зато в объяснениях на следствии угрожала карателям возмездием: «Все меры грубого насилия вы можете обратить в систему, но не забывайте, что вы боретесь не с отдельными людьми, а с идеей, с неумолимыми законами развития национальной жизни. Не забывайте, что революционная идея все более и более становится достоянием массы и что столкновение штыка с идеей вызывает страшную

грозу» ⁹⁹.

Мария Калюжная отказалась от всяких показаний суду («Мотивы, побуждения и т. п., которые предшествовали покушению на убийство полковника Катанского, я считаю лишним сообщать вам»), отказалась от защитника и от последнего слова, но подчеркнула: «Я очень жалею, что мне не удалось со-

вершить это убийство» 100.

Тактика отказа от показаний C объявлением. однако, своей принадлежности к партии, если улики были налицо (т. е. в согласии с народовольческим уставом), была избрана большинством женщин, судившихся в 1883—1895 гг. И на дознании, и на суде держались, например, Антонина Лисовская (дело «17-ти»), вначале отказавшаяся даже назвать себя («Я признаю себя членом партии «Народная воля», но о деятельности своей рассказывать не желаю, и вообще на дальнейшие вопросы отвечать не желаю. И не буду подписывать свою фамилию») 101, Ф. А. Морейнис (дело «23-х»), Л. А. Волкенштейн (дело «14-ти»), В. В. Шулепникова (дело «12-ти»), Н. К. Сигида («Донской процесс») *, Н. М. Салова (дело «21-го») и до. 102

Таким образом, народовольцы из числа убежденных, последовательных революционеров даже в условиях упадка народничества вообще и «Народной воли» в частности достойно поддерживали на судебных процессах репутацию своей партии, столь высоко поднятую героями 1879—1882 гг. Однако даже самые мужественные и содержательные выступления подсудимых народовольцев после 1882 г. несли на себе печать обреченности и свойственной, правда, «Народной воле» и ранее, но теперь возведенной в принцип жертвенности. На процессе «17-ти» эта печать с должной отчетливостью еще не обозначилась, хотя и там, в речах и объяснениях Грачевского и Калюжного, звучали жертвенные ноты. Последующие же почти все процессы очень показательны в

^{*} Дело Е. И. Петровского, Н. К. Сигиды и других по обвинению в принадлежности к «Народной воле». Слушалось в ОППС 8—9 декабря 1887 г.

отношении. Жертвенность и обреченность здесь сквозят даже в программных речах. Вера Фигнер и начала-то свою речь словами: «Во время предварительного заключения я часто думала, могла ли моя жизнь идти иначе, чем она шла, и могла ли она кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз я отвечала себе: нет!» 103 Александр Ульянов ставил в заслугу своим единомышленникам способность не только к борьбе и к победе, но и к тому, чтобы «умереть за свое дело» 104.

Объяснение этой обреченности и жертвенности может быть, на мой взгляд, только одно. Люди, о которых идет речь, были убежденными революционеоами. Ничто не могло ни сломить их, ни запугать. Но они видели, что, с одной стороны, революционно-народническое движение, несмотря на «неслыхан-ную энергию» 105 его борцов, отступает и гибнет под натиском реакции, так и не сумев поднять за собой народ. Более того, оно вырождается в движение либерально-реформистское, ибо в то время как одни его деятели выбывают из строя в тюрьмы и ссылку, на каторгу и эшафот, другие отходят от борьбы с царизмом и оседают в земстве или органах легальной прессы вроде «Русского богатства», чтобы заняться сочинением таких преобразований, которые можно было бы заполучить у царизма без революции, по договоренности с ним, а иные в поисках выхода из народнического тупика бросают клич «быть либералом и революционером» одновременно. С другой стороны, внутри революционного движения растет и все более выдвигается на первый план, оттесняя народничество, новое, социал-демократическое напоавление.

Стать социал-демократами герои народнического подполья 1883—1895 гг., о которых здесь идет речь, еще не могли, хотя иные из них (например, А. И. Ульянов, И. Д. Лукашевич, П. А. Грабовский, И. А. Гурвич) вышли на перепутье между народничеством и марксизмом. Для этого народникам надобыло рвать с целым миросозерцанием, которое господствовало в революционном движении четверть века, опиралось на славные традиции и впечатляло ореолом героизма и мученичества. Пойти на такой разрыв могли только люди, способные глубоко про-

никнуть в смысл происходивших в стране социальноэкономических перемен (прежде всего обусловленных развитием капитализма процессов «раскрестьянивания» и пролетаризации) и обдуманно перейти с позиций одного класса (крестьянства) на позиции другого (пролетариата). Подобный же переход требовал долгой и напряженной работы мысли, для которой у народовольцев 80-х — начала 90-х годов в условиях, когда они из последних сил пытались восстановить былую мощь своей партии и то и дело гибли под ударами самодержавия, не было возможности. Г. В. Плеханов писал в 1892 г., что убежденному народнику 80-х годов «труднее было усвоить учение современного научного социализма, чем верблюду войти в игольное ушко» 106.

Но и не осознав правоты социал-демократии, в целесообразности народничества многие уже сомневались. В результате пережившие упадок и вырождение народничества, плененные и судимые врагами в обстановке мстительного беззакония и безгласности, народовольцы, хотя и сохраняли веру в неизбежность революции, тем не менее теряли ориентировку в сроках и даже путях ее осуществления, убеждались, что их поколению суждено «одно только горе» 107, и не находили поэтому другого исхода своей революционной энергии, кроме того, чтобы, говоря словами Петра Антонова, «показать палачам, как

умирают революционеры».

Кузнец Петр Антонов уже не в первый раз упоминается здесь как один из самых стойких революционеров, судившихся в 1883—1895 гг. Рядом с ним по праву могут быть названы и другие рабочие. Всего на политических процессах тех лет судилось 78 рабочих. О 48 участниках Морозовской стачки 1885 г. речь пойдет особо. Из остальных 30 рабочих 20 были народовольцами, трое (Филат Егоров, Никита Левченко и Пето Федоров) — ссыльными участниками народнических кружков 70-х годов, один (Наум Геккер) — членом тоже народнического Южно-русского рабочего союза 1880 г. и шестеро примыкали к «Народной воле». Все они, исключая народовольца Петра Клименко, который «23-х» оговорил товарищей, держались стойко, хотя и пассивно. Никто из них не выступал с какимилибо речами, заявлениями, протестами. И на следствии, и на суде они предпочитали тактику отпирательства. Для них эта тактика была самой целесообразной, поскольку все они являлись рядовыми бойдами и не считали себя ни вправе, ни в состоянии декларировать со скамьи подсудимых воззрения революционной партии по примеру таких ее трибунов, как Вера Фигнер, Александр Ульянов или Герман Лопатин. Как правило, рабочие отказывались даже от последнего слова, не желая ни объясняться перед судьями, ни тем более просить их о чем бы то ни было.

Только на одном из процессов 1883—1895 гг. по делу «23-х» — четверо рабочих (член Одесской рабочей группы «Народной воли» Петр Валуев и трое примыкавших к группе) после суда подали прошения о помиловании. На всех остальных процессах любой приговор рабочие встречали достойно. А приговоры были жестокие. Шесть рабочих (Николай Евсеев по делу об убийстве шпиона С. Прейма, Михаил Клименко по делу «17-ти» и сразу четверо — Петр Антонов, Василий Вольнов, Василий Ливадин, Сергей Кузин 108—по делу «21-го») были осуждены на смертную казнь, замененную разными сроками каторги (Евсееву, Клименко, Антонову — без срока). К вечной каторге был приговорен и Моисей Попов по делу «23-х», а десять рабочих из разных процессов получили каждый от 4 до 20 лет каторги. Оправдан был из 30-ти только один — Семен Белоусов на процессе «21-го».

Совершенно в иных условиях судились 48 участников Морозовской стачки 1885 г. 109 Два судебных процесса над ними, которые прошли 7—8 февраля и 23—27 мая 1886 г. во владимирском окружном суде (второй процесс — с присяжными заседателями), не были политическими с точки зрения буквы закона. Участие в стачке квалифицировалось тогда царским законодательством как общеуголовное преступление и подлежало сравнительно умеренному наказанию — аресту от трех недель до трех месяцев для «зачинщиков» и от семи дней до трех недель для «прочих» 110. Не усмотрев в деле морозовских стачечников никакой «политики» (или не захотев сделать этого), власти доверили его суду присяжных,

открыли двери суда для публики, разрешили печатать отчет о процессе в газетах, между тем как обычные политические дела к тому времени были сосредоточены главным образом в ОППС и военных судах и лишены гласности.

Прямых политических улик в деле морозовских ткачей действительно не было. Ни один из обвиняемых не входил тогда ни в какую революционную организацию. Никто из них ни в ходе стачки, за участие в которой судился, ни на следствии, ни на суде не выдвигал каких-либо политических требований. Стачечники требовали «по общему согласию» лишь облегчения условий найма, повышения расценок, снижения штрафов, увольнения грубых мастеров и т. д. Поэтому власти приравняли дело «морозовцев» к рядовым делам о «фабричных беспорядках», какие рассматривал, например, тот же владимирский окружной суд 26—27 марта 1887 г. (дело 23 рабочих ярцевской фабрики В. Ф. Демидова), 29 февраля 1888 г. (дело 3 рабочих ковровской фабрики Р. Т. Селиверстова), 4—5 ноября 1888 г. (дело 30 рабочих шуйских фабрик И. М. Терентьева и И. В. Небурчилова) 111.

Впрочем, суду рабочие-стачечники в 80-90-е годы предавались редко. Царизм боялся огласки «фабричных беспорядков». Он рассчитывал справиться с ними, не привлекая к ним общественного внимания, дабы поддержать иллюзию отсутствия в России рабочего вопроса, столь чреватого революцией на Западе, и предпочитал карать стачечников без судебного шума, в административном порядке. За участие в стачках рабочих десятками и сотнями высылали из фабрично-заводских центров по этапу «на родину» или в отдаленные губернии. Так, по делу о Морозовской стачке под суд были отданы 48 рабочих, а высланы без суда 606, за стачку на Екатеринославских угольных копях в мае и на Высоковской мануфактуре Московской губернии в сентябре 1887 г. высланы соответственно 100 и 300 рабочих ¹¹².

В 90-е годы царизм все чаще применял для подавления рабочих стачек войска: за 1891—1895 гг.—67 раз, за 1896—1900 гг.—226 раз 113. «На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших

себя от произвола фабрикантов,— писал В. И. Ленин по поводу петербургских стачек 1895—1896 гг.,— обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами...» Правительство, таким образом, вставало на защиту класса капиталистов, против рабочего класса, а борьба рабочих с капиталистами неизбежно вела их к столкновению с правительством, обретала политическую, антиправительственную направленность.

Но процесс «морозовцев» имел и конкретно-политический оттенок, который позволяет выделить его из ряда дел о «фабричных беспорядках» и поставить в ряд политических процессов эпохи. Руководили стачкой революционеры — Петр Моисеенко, Лука Иванов (в прошлом деятели «Северного союза русских рабочих», уже побывавшие в сибирской ссылке) и распропагандированный ими Василий Волков. Они сумели внести в стачку, в этот «страшный бунт десятка тысяч рабочих» 115, элементы организованности и сознательности. Среди требований, выработанных руководителями стачки, одно выходило за рамки взаимоотношений рабочих с фабрикантами, нимаясь до уровня осознанного давления на правительство: «полное изменение условий найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону». Небывалый прежде размах стачки в сочетании с небывалой же организованностью и зрелостью требований напугал карателей и заставил их подумать о том, что стачку организовали революционеры. Александр III признался графу Д. А. Толстому: «Я очень боюсь, что это дело анархистов» 116.

Правда, уличить руководителей стачки в революционной деятельности не удалось. Лука Иванов по недостатку улик был даже освобожден от суда. Но Моисеенко и Волков стали центральными фигурами обоих морозовских процессов. Держались они и на следствии, и на суде твердо, солидарно с товарищами по стачке, доказывая, что «положение рабочих на фабрике Морозова невозможное», что «это невыносимое положение и заставило рабочих прекратить работу». При этом Моисеенко отметил и политический мотив своего участия в стачке: «Убедившись в справедливости политических идей, я уже не мог равнодушно смотреть на страдания людей, с которыми

обращаются иногда хуже вьючных животных, которым зажимают рот, когда они хотели бы протестовать» $^{117}.$

Другие рабочие единодушно признали Моисеенко и Волкова своими вожаками и относились к ним с чрезвычайным уважением. На втором процессе, как только Моисеенко и Волков были введены в зал суда, все остальные подсудимые встали и поклонились им ¹¹⁸. Показания рабочих на следствии и суде сходились в том, что стачка была вынужденной: ткачам «стало решительно невозможно жить», их «совсем стеснили» и, «прямо сказать, душат». Обвиняемый Федор Шелухин заявил следователю, что он готов «снова приняться за работу на прежних условиях», но ему «другие рабочие за это голову сорвут» ¹¹⁹.

Показания обвиняемых о вопиющем произволе хозяев на фабрике Морозова были подтверждены многочисленными свидетельскими показаниями (137 рабочих!) и документами, которые предъявила суду защита. В результате даже коронный суд на первом процессе определил стачечникам умеренные наказания 120, а присяжные на втором процессе вообще

оправдали всех подсудимых.

Для «верхов» оправдательный приговор по делу «морозовцев» оказался почти такой же неожиданностью, как в свое время оправдание Веры Засулич. Власти в особенности рассчитывали засудить Моисеенко и Волкова, этих, по выражению прокурора, «коноводов и подстрекателей рабочих». Они потому и затеяли над «морозовцами» второй процесс с повторным участием Моисеенко и Волкова, что за уголовно наказуемые проявления стачки, которые подлежали юрисдикции суда присяжных (в частности, «взлом тюрьмы и насильственное освобождение заключенных»), полагалась, если бы присяжные поддержали обвинение, каторга от 8 до 20 лет. Поскольку же эта затея провалилась, каратели административно выслали руководителей Морозовской стачки на три года под надзор полиции: Моисеенко — в Архангельскую, Волкова — в Вологодскую, а Луку Иванова (еще до суда) — на «родину», в Смоленскую губернию 121.

Таким образом, суд над участниками Морозов-

ской стачки сильно ударил по фабричному режиму, на страже которого стояло самодержавие. «...Приговор суда,— писал В. И. Ленин в 1895 г.,— явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков» 122. Напуганный таким оборотом дела царизм отныне стал судить рабочих-стачечников негласно 123.

Из 77 политических дел, рассмотренных в России с середины 1882 г. до 1895 г. при 383 обвиняемых *, кроме процессов морозовских стачечников еще на 18 малых процессах с 19 обвиняемыми не судились народовольцы. Об этих процессах (точнее, о людях, которые там обвинялись) тоже надо говорить особо.

Главным образом (в 13 случаях из 18) то были дела о тюремных и ссыльных протестах, причем 11 из них — в Сибири. Состав подсудимых на этих процессах (взятых вместе) пестрый: здесь и пропагандисты, уже судившиеся по делам долгушинцев (А. В. Долгушин), «50-ти» (Филат Егоров) и «193-х» (И. Н. Мышкин, С. А. Стопане), и террористы 70-х годов (Е. И. Минаков, К. Ф. Багряновский, В. Е. Малавский, Е. П. Сарандович), и чернопередельцы (Е. Н. Ковальская, П. О. Иванов. С. Н. Богомолец, В. Х. Тюшев), и народоправцы (Б. И. Еллинский, С. С. Солодовников), по одному участнику «Земли и воли» (Петр Федоров), Южнорусского рабочего союза (Наум Геккер), группы «Освобождение труда» (Л. Г. Дейч) и первой социалистической партии польского рабочего класса «Пролетариат» (Ф. И. Цобель), а также трое тюремных надвирателей и жандармский унтер-офицер Е. П. Провоторов. По крайней мере пятеро из них (Мышкин, Долгушин, Ковальская, Дейч, Минаков) были крупными революционерами.

Как и в 1880—1882 гг., приговоры на процессах без народовольцев теперь тоже были в общем мягче, чем по делам «Народной воли». Но на двух из 18 процессов, о которых идет речь, подсудимые (Мышкин и Минаков) были осуждены на смерть и оба казнены. Именно эти два процесса, а также дела

^{*} См. приложение к моей книге «Безумство храбрых» (М., 1978, с. 314—322).

Дейча, Провоторова и Еллинского—Солодовникова

васлуживают вдесь особого внимания.

Дело Е. П. Поовотогова рассматривалось цетербургским военно-окружным судом 25 апреля 1885 г. в глубокой тайне, и лишь в 1931 г. Д. Г. Венедиктов обнародовал его 124. Суть дела в том, что унтер-офицер жандармской караульной команды в Петропавловской крепости Ефим Петрович Провоторов был распропагандирован народовольнами — узниками Трубецкого бастиона и с весны 1881 г. (регулярно— с конца 1882 г.) до мая 1883 г. вел сношения «Народной воли» с заключенными, в числе которых были члены ИК А. И. Зунделевич, Ю. Н. Богданович, Савелий Златопольский, агенты ИК Лев Златопольский, С. И. Мартыновский и др. Выданный Дегаевым Провоторов был арестован 3 мая 1883 г. Следствие о нем тянулось около двух лет, но, как можно судить по материалам судебного дела 125. обвиняемый держался стойко и желательных для сыска сведений не давал. Суд определил Провоторову 8 лет каторги, однако по недостатку улик не решился посчитать его преступление за государственное и квалифицировал его как «несоблюдение особых обязанностей караульной службы». Впрочем, председатель суда генерал В. М. Цемиров подал особое мнение с обоснованием «всех признаков прикосновенности к государственному преступлению» 126. Это был, пожалуй, единственный в XIX в. случай, когда военный суд разошелся во мнениях со своим предселателем.

Дело Л. Г. Дейча, известное по воспоминаниям подсудимого 127, любопытно как пример юридической казуистики царизма. Дейч был арестован в Германии и выдан России (9 мая 1884 г.) как уголовный преступник, еще в 1876 г. покушавшийся на убийство провокатора Н. Е. Гориновича 128. Судить его посмыслу договоренности о выдаче должен был не военный, а общегражданский суд, однако царские власти, которые знали о революционно-народническом прошлом Дейча и хотели подвести его под возможно более жестокий приговор, прицепились к тому, что Дейч в течение двух месяцев 1875 г. служил вольно-определяющимся, и предали его все-таки военному суду в качестве военнослужащего. Зато дело его

было представлено как чисто уголовное. Прокурор трактовал покушение на Гориновича как «личную месть», а председатель суда откровенно заявил обвиняемому, что «ввиду условий суда» тот «не должен упоминать ни о чем, имеющем какое-нибудь отношение к политическим преступлениям», и по ходу защитительной речи обрывал его тотчас, едва он касался «политики». Об участии Дейча в группе «Освобождение труда» ни в материалах следствия, ни на суде (отчасти тоже «ввиду условий суда», а частью, может быть, по неведению властей) даже не упоминалось.

И. Н. Мышкин (в особенности) и Е. И. Минаков были выдающимися деятелями революционного движения 70-х годов (о первом из них подробно говорилось в моей предыдущей книге «Безумство храбрых»). Их судебные дела 1884—1885 гг. хорошо известны из литературы 129. Здесь отмечу только, что оба они стоят в ряду тюремных протестов (причем самых громких, как дела народовольцев М. И. Кутитонской, К. Г. Неустроева, жертв Якутской трагедии) и в этом смысле очень характерны для политических процессов 80-х годов. И Мышкин и Минаков шли на самопожертвование, чтобы «показать (цитирую объяснение Мышкина на допросе 30 декабря 1884 г. — H. T.) резкое противоречие между требованиями христианской нравственности и отношением к политическим заключенным», добиться смягчения бесчеловечного шлиссельбургского режима и «вообще более гуманного решения тюремного вопооса» 130. Не находя возможности для организации коллективного протеста, они прибегли к протесту индивидуальному, выбрав способ, распространенный среди политических узников тех лет, т. е. «оскорбление действием» наиболее одиозных должностных лиц: Минаков 24 августа 1884 г. ударил по лицу врача-садиста Н. И. Заркевича, а Мышкин 25 декабря швырнул медную арестантскую тарелку в физиономию смотрителю М. Е. Соколову (Ироду). В Шлиссельбургской крепости то были первые (но не последние) протесты такого рода.

Суд и над Минаковым, и над Мышкиным был устроен в самом Шлиссельбурге — наскоро и формально. В роли свидетелей выступали потерпевшие.

Смертный приговор и в том, и в другом случае был заранее предрешен. Подсудимые это знали и встретили смерть спокойно. До нас дошло письмо, которое Мышкин написал перед казнью брату: «Я чист перед собой и перед людьми, я всю жизнь отдал на борьбу за счастье трудового угнетенного народа, из которого мы сами с тобой вышли. Верю, новые поколения выполнят то, за что мы безуспешно боролись и гибли» ¹³¹.

Борис Еллинский и Сергей Солодовников ставляли как раз новое, сравнительно с Мышкиным и Минаковым, поколение революционных борцов. Оба они родились в 1872 г., а революционную деятельность начали с 90-х годов, когда народовольчество уже сошло с переднего плана освободительной борьбы, уступая место социал-демократии. И тот, и другой отошли от «Народной воли», но не настолько, чтобы примкнуть к социал-демократии. Обаяние народовольческих традиций еще сказывалось на их убеждениях. Оба присоединились к партии «Народного права» и, как полагает И. А. Сенченко, стали организаторами ее «Боевой дружины» в Петербурге. За убийство одного из членов этой дружины, оказавшегося предателем, они и судились 30 сентября 1893 г. особым присутствием петербургской судебной палаты.

На следствии и суде Еллинский и Солодовников вели себя мужественно 132. Все попытки карателей выведать у них данные о составе и планах «Боевой доужины» оказались тщетными. Суд определил им по 20 лет каторги. После суда в тюрьму к Еллинскому пришел только что назначенный министром юстиции Н. В. Муравьев и попытался склонить осужденного к выдаче товарищей в обмен на помилование. Юный революционер заявил матерому карателю, что, если тот сейчас же не покинет камеру, он «набьет ему морду». За это тюремщики зверски избили Еллинского, повредив ему барабанные перепонки, а потом бросили голого, в кандалах, на 30 суток в подвальный карцер. Не удалась попытка карателей вырвать после суда какие-либо признания и у Солодовникова.

В условиях торжества реакции сохранять революционные убеждения и силу духа перед судьями и па-

лачами, естественно, было труднее. Поэтому среди судившихся в 1883—1895 гг. больше оказывалось малодушных и предателей, чем в годы революционного натиска. Правда, и теперь случаев отступничества было гораздо меньше, чем во времена декабристов, петрашевиев или ишутинцев: сказывались и более широкая социальная база революционеров, и возросшая мощь русского революционного лагеря. и накопленные традиции, в частности опыт сотни политических процессов 70-х — начала 80-х годов. Всего из 77 процессов с середины 1882 г. до конца века только на десяти подсудимые (обычно не все, а лишь некоторые) просили о помиловании. В числе тех же процессов, на которых не оказалось не только предателей, но и «подаванцев» (как называли подавших прошения о помиловании), были и крупные: «12-ти», «14-ти», «22-х», жертв Якутской трагедии 1889 г. с 29 подсудимыми. Одно прошение (юной Марии Юшковой) подано было на процессе «17-ти».

Пои этом надо учитывать, что в числе подсудимых иной раз оказывались случайные люди. Наиболее характерны здесь два процесса, которые и дали больше всего раскаявшихся: «23-х» в марте — апреле 1883 г. и «18-ти» (Н. Н. Шелгунов и др.) в феврале 1887 г. На процессе «23-х» шесть человек не имели никакого отношения к революционному делу и еще пятеро лишь примыкали к нему. Зато, кач вспоминал М. И. Дрей, прошения о помиловании на этом процессе и «посыпались дождем» ¹³³. Дрей мог назвать из «23-х» только девять не просивших о помиловании: Н. Н. Дзвонкевича, М. С. Попова, К. А. Иванайнена, Ф. А. Морейнис, Г. Е. Батагова, Н. Х. Матфиевича, П. В. Ровенского, С. В. Майера и себя 134 . $\dot{\mathcal{H}}_3$ числа же судившихся по делу «18-ти», которые представляли собой еще не определившийся идейно (между «Народной волей» и социал-демократией) и рыхлый в организационном отношении военный кружок, нераскаявшихся, как явствует из донесения прокурора петербургской судебной палаты министру юстиции, вообще не нашлось 135.

С середины 80-х годов больше стало «подаванцев» на каторге и в ссылке. Перед лицом общего наступления реакции и упадка народничества иной раз не выдерживали ссыльно-каторжного режима даже те,

кто выстоял на судебных процессах. Из воспоминаний Л. Г. Дейча известно, что за время сго пребывания на Каре, с 1884 г. до ликвидации Карийской каторги в 1890 г., подали прошения о помиловании 13 каторжан: предатель из процесса «28-ми» А. М. Баламез, распропагандированные уголовники И. Н. Цыплов и П. Н. Мельников, участники различных народнических кружков 70-х годов Н. Л. Властопуло, А. А. Зубковский, Г. Н. Иванченко, А. А. Калюжный, Н. П. Позен, Н. Е. Хрущев, народовольцы-рабочие Н. П. Евсеев и Г. Г. Хохлов, метальщик-первомартовец И. П. Емельянов и даже член ИК «Народной воли» Н. К. Бух 136.

В фондах министерства юстиции сохранились прошения о помиловании народовольцев М. М. Овсянникова (15 ноября 1886 г., из Томской ссылки), А. В. Кирхнера (декабрь 1888 г., из Иркутской ссылки), Ф. О. Люстига (январь 1889 г., оттуда же), С. М. Ратина (октябрь 1893 г., из Горно-Зерентуйской тюрьмы), Б. Д. Оржиха (октябрь 1897 г., из Шлиссельбургской крепости — несколько особое, без раскаяния, «о даровании милости дозволением провести последние дни жизни на попечении родных»), М. А. Уфлянда (22 августа 1904 г., из Якутской ссылки) 137.

Кроме того, разные источники свидетельствуют, что в 1884 г. из Якутии просил о помиловании семидесятник С. А. Шнее, в 1888 г. из Олонецкой ссылки — Н. П. Дирдовский и в 1897 г. оттуда же — П. А. Ковалев (оба — народовольцы), а за два месяца до того, как первая русская революция заставила царизм освободить всех уцелевших узников «государевой тюрьмы» в Шлиссельбурге и закрыть саму тюрьму, в августе 1905 г., не вынес шлиссельбургского заключения, раскаялся и запросил помилования один из героев процесса «21-го»— Н. П. Стародворский.

Возможно, были и другие прошения, о которых мы пока не знаем. Число их, хотя и очень малое сравнительно с общим числом осужденных за эти годы (291 человек), все же более чем вдвое превышало всю сумму таких прошений 1870—1882 гг. и было показательным для упадка «Народной воли».

Этот упадок влек за собой рост числа ренегатов.

Сами по себе факты ренегатства в революционном движении никогда никого не удиваяли. В. И. Ленин. оценивая эволюцию В. А. Караулова от народовольцев к «самым подлым, контореволюционным кадетам», замечал: «Ренегаты бывают во всех революционных партиях, во всех странах...» ¹³⁸ Но в период, когда та или иная партия гибнет и деморализуется, их бывает больше обычного, иногда даже из числа вожаков партии. Достаточно назвать рядом с Карауловым главного публициста «Народной воли», «громкоговорителя» партии и «статс-секретаря» ИК, как называли его сами народовольны. Льва Тихомирова. Он в 1888 г. похоронил свое революционное прошлое в брошюре «Почему я перестал быть революционером?», испросил у царя прощение 139 и сделал редкий даже среди ренегатов жизненный «кульбит»: редактор центрального органа «Народной воли» стал редактировать черносотенные «Московские ведомо-

В такой обстановке царизм успешнее, чем прежде, вербовал внутри самой «Народной воли» и в кругах, прикосновенных к ней, предателей и провокаторов, которых он использовал и при устройстве судебных процессов. Одни, вроде Сергея Дегаева в деле «14-ти» и Антона Остроумова в деле Южнорусской организации «Народной воли» (процессы «Донской» и Б. Д. Оржиха), питали обвинение фактами, оставаясь за кулисами процесса. К ним, может быть, следует отнести и Я. В. Стефановича, который еще до суда (по делу «17-ти») затеял сомнительные переговоры с директором департамента полиции В. К. Плеве, оговорив при этом члена ИК Ю. Н. Богдановича, а возможно, продолжал сношения с департаментом полиции и после суда.

Других царизм сажал на скамьи подсудимых и отбирал у них предательские (иной раз клеветнические) показания по ходу процесса с расчетом не только засудить революционеров, но и запятнать их репутацию. Такую роль сыграли Петр Клименко на процессе «23-х», Иван Саранчов на процессе киевской группы «Народной воли», Михаил Канчер, Петр Горкун и Степан Волохов на процессе 1 марта 1887 г., Иван Гейер, Петр Елько на процессе «21-го». Власти и сам царь внимательно следили за

их выступлениями, особенно усердных поощряли. Александр III с видимым удовольствием отчеркнул в тексте доложенных ему показаний Елько все ругательства по адресу революционеров («мошенники», «проходимцы», «сволочь») и на полях подытожил: «Славно отделал их» ¹⁴⁰. Еще больше понравилась царю предательская автобиографическая записка И. Гейера: царская резолюция на ней гласила, что ее «следовало бы издать» ¹⁴¹. За «услуги» властям Елько и Гейер получили правительственные «пособия» (первый — 300, второй — 200 руб.); 300 руб. получил и Антон Остроумов ¹⁴².

Царские каратели, естественно, радовались каждому факту раскаяния и предательства в революционном лагере, но едва ли переоценивали значение таких фактов. Слишком очевидным было даже в годы наступления реакции, что случаи отступничества революционеров, хотя числом их стало больше, по существу оставались таким же исключением из правила,

как и в период революционного натиска.

3. Политические процессы 1883—1895 гг. и революционный лагерь

О том, как революционный лагерь России откликался на политические процессы 1866—1882 гг., речь шла в моей предыдущей книге «Безумство храбрых» ¹⁴³. Там в особенности подчеркнуто, что русские революционеры старались продуктивно использовать материалы процессов для антиправительственной агитации, больше всего заботясь о разъяснении и призывном воздействии героического примера осужденных. В условиях революционного подъема 1879—1882 гг. такой пример был особенно действенным.

Отдельные же случаи малодушия и предательства революционное подполье и в 70-е годы воспринимало болезненно, тем более с середины 80-х годов, когда такие случаи участились. «Социализм, ради которого пало уже много жертв, был для нас не только делом убеждения, — вспоминал о своем пребывании вместе с народовольцами на Каре в конце 80-х годов член польской социалистической партии «Пролетариат» Феликс Кон. — Он был для нас всем, по тогдашним понятиям: верой, религией, освященной мученической смертью погибших на виселицах. И поэтому отступ-

ничество от знамени, обагренного кровью борцов, было преступлением, которое мы простить не хотели и не могли» 144 .

К чести «Народной воли» (главной революционной силы 80-х годов), примеров отступничества в ее рядах даже в трудные годы упадка было, как видели, все-таки немного. Как правило, народовольцы погибали, оставаясь верными революционному знамени. Поэтому партия заботливо собирала возможные сведения о своих судебных пооцессах и старалась, как в былые годы, использовать их в агитационных целях. На страницах центрального органа «Народной воли», листков приложений к нему, «Вестника» и «Календаоя» по-поежнему печатались обзоры процессов («14-ти», «12-ти») или краткая информация о них («23-х», по делу об убийстве шпиона С. Прейма, П. С. Поливанова и М. Э. Новицкого, киевской группы «Народной воли», М. В. Калюжной. И. Л. Манучарова. В. Г. Лазарева и др.), обвинительные акты по некоторым делам («17-ти», «14-ти», «12-ти», Е. А. Дубровина), речи подсудимых (В. Н. Фигнер, М. П. Шебалина). биографии и некрологи казненных (К. Г. Неустроева, С. А. Лисянского). Такие материалы, с одной стороны, разоблачали келейность царского суда («Гиены и вампиры выбирают для себя мрак и безмолвие ночи») и его беззаконие (например, публикация «Вестника «Народной воли»» о Л. А. Волкенштейн: «За что, с какой медной совестью можно было сказать, что она должна отправиться на виселицу?») 145. С другой стороны, они возвеличивали поведение жертв царизма («Просто любуещься поведением подсудимых!» — восклицал редактор «Вестника «Народной воли»» по адресу героев процесса «12-ти» 146), звали к отмщению за погибших и к подвигу.

В этом отношении более действенными (в силу большей своей оперативности), чем материалы периодических изданий, были прокламации об отдельных процессах. Гектографированный отчет по делу «17-ти» с текстами речей М. Ф. Грачевского, П. А. Теллалова, Ю. Н. Богдановича имел хождение от Петербурга до Перми, прокламация «Суд и пытка»— до Златоуста, листовка по поводу казни Неустроева с призывом к «братьям-сибирякам» стать

«истинными преемниками» казненного и подобных ему «проповедников свободы, равенства и братства» попала даже за границу 147 .

По-видимому, народовольцы выпускали и распространяли прокламации о многих (крупных, во всяком случае) своих процессах. Известно, что с делом «14-ти» они знакомили Петербург «посредством гектографа» 148, а в Одессе напечатали и разбрасывали по городу в десятках экземплярах две прокламации по случаю казни жертв этого дела А. П. Штромберга и Н. М. Рогачева 149. После казни первомартовцев 1887 г. «Народная воля» тоже выпустила в Петербурге две прокламации, прославлявшие подвиг казненных: «Мы скажем всем: преклонитесь перед этими виселицами — это современная Голгофа России!» 150 Памяти Александра Ульянова и его товарищей петербургские студенты посвятили стихотворение «Кто сердца в груди не имеет». Его идея была выражена в словах, с которыми осужденные обращались к судьям:

Казните!.. Мы, судьи, спокойны... За нами другие пойдут.

Это стихотворение ходило в списках не только в Петербурге, но и в других городах (например, в Одессе) как прокламация ¹⁵¹. С ним перекликалось другое стихотворение, которое написал в ответ на казнь героев «Второго 1 марта» студент-народоволец Николай Рубакин — знаменитый впоследствии библиограф и популяризатор книги. В память о казненных он клялся:

Старый мир — возненавидеть, Старый строй — перевернуть! 152

В ответ на Якутскую трагедию народовольцы размножили (от руки, на гектографе и типографским способом) и распространяли не только в России, но и за границей больше десятка различных прокламаций ¹⁵³. Одну из них, под названием «Русскому правительству», составили в Балаганске ссыльные революционеры Вик. П. Кранихфельд, Э. Л. Улановская, Н. А. Ожигов и П. А. Грабовский. Отгектографировав прокламацию, они успели разослать ее (прежде чем были арестованы и осуждены за это на

каторгу) по многим адресам, и в частности министру внутренних дел и директору департамента полиции.

Хотя и адресованная правительству, эта прокламация была рассчитана главным образом на общественное мнение. «Подавая и распространяя настоящее заявление, мы не обращаемся к гуманности, к чувству человечности и справедливости русского правительства, -- подчеркивали авторы прокламации. --Близкое знакомство с условиями и историей ссылки и наш личный тяжелый опыт устраняют в нас всякие сомнения на этот счет. Где руководящим мотивом действий является произвол, злоба и месть, там нет и не может быть места этим чувствам. Цель же нашего заявления — выразить открыто всю ту силу презрения и негодования, которую порождает в нас эта бесчеловечная расправа, эта система обращения ссылки в акт грубой мести, и представить ее на суд русского общества в полной и непоколебимой уверенности, что кровь наших товарищей и протестующий голос ссылки вызовут в нем новый запас революционной энергии, большую степень напряженности в борьбе с деспотизмом, в борьбе за лучшее будущее нашей Родины» 154.

Таких обращений к обществу со стороны революционеров в годы реакции было не меньше, если не больше, чем в период демократического подъема. Перед лицом карательных зверств вроде Якутской и Карийской трагедий революционеры вновь и вновь пытались воздействовать на разум и совесть общества, возбудить его и вооружить против карателей. Отдельные воззвания такого рода известны в литературе. Но в делах царского сыска за 80—90-е годы сохранилось множество типографских, гектографированных и рукописных прокламаций от социалистов к обществу, доныне остающихся неопубликованными.

Вот как взывала прокламация «Русскому обществу» от 3 апреля 1883 г.: «Где же твоя готовность стоять за великие истины — свободу, правду и добро, где твои силы?.. Где же вы, отцы, товарищи, братья и сестры замученных, повешенных, — откликнитесь на зов наш!» 155

Гектографированный листок «К русскому обществу от русских революционеров» (Петербург — Киев, 25 мая 1883 г.) ставил общество перед альтернати-

вой: «Приходится выбирать одно из двух — протянуть руку помощи или нам, или правительству!», а прокламация «К русской интеллигенции» от 19 февраля 1886 г. грозила судом истории: «Разве не пугает тебя проклятие потомства за ту убийственную социальную и политическую жизнь, какую ты готовишь ему своим молчанием, своей апатией?» 156

Такие воззвания почти всегда увязывались если не с политическим процессом, то с каким-нибудь фактом административной расправы. В них даже не ставились социальные проблемы, зато со всей силой, на живых примерах подчеркивалась нетерпимость политического бесправия и карательного произвола, которые олицетворял собою царизм. Тем самым авторы воззваний стремились привлечь на свою сторону самые широкие слои общества, учитывая, что сильнее всего восстанавливает их против царизма именно политический произвол.

Кстати, в этом помогали революционному подполью органы русской политической эмиграции 80— 90-х годов, часто выступавшие против судебно-административного террора царизма: «Общее дело» Н. А. Белоголового, «Самоуправление» А. С. Белевского, «Свободная Россия» В. Л. Бурцева и В. К. Дебогория-Мокриевича, «Прогресс» И. А. Гурвича,

«Народоволец» В. Л. Бурцева и др.

В целом, однако, с 1883 г. 157 «Народная воля» меньше знала и хуже использовала материалы своих процессов. После процесса первомартовцев 1881 г. исчезли легальные публикации стенографических отчетов, изредка появлялись лишь отдельные сообщения. По мере упадка «Народной воли» сокращались ее собственные источники и средства информации, с 1886 г. перестали выходить все ее периодические издания. В народовольческих откликах на судебные и прочие карательные акты царизма 1883—1895 гг. можно усмотреть заметный и в судебных выступлениях народовольцев тех лет мотив обреченности, который наиболее отчетливо выразила упоминавшаяся прокламация по поводу казни героев «Второго 1 марта»: «У нас «красный» террор красен больше от собственной крови» 158.

Революционные заявления и призывы, с которыми народовольцы выступали как непосредственно на

судебных процессах, так и по поводу их, после 1882 г. все с большей очевидностью приобретали двоякое значение. С одной стороны, они по-прежнему будили в современниках протест против царского деспотизма, стремление к борьбе, готовность на подвиг, продолжая тем самым революционную традицию прошлого, обеспечивая непрерывность этой традиции, от «революционеров-разночинцев, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли» 159, к пролетарским революционерам. Это оказывало благотворное, вдохновляющее влияние на лучшую часть русского общества, причем ореол мученичества придавал особую притягательную силу в глазах современников выступлениям народовольцев именно со скамьи подсудимых.

Но, с другой стороны, агитация «Народной воли» и дезориентировала революционные силы, толкая их под знамя народнических идей, которые уже превращались в тормоз освободительного движения, ибо противостояли более зрелой и передовой пролетарской идеологии. По мере того как росло массовое рабочее движение и зарождалась социал-демократия, упорствовать в народничестве становилось год от года все более бесплодно и вредно, тем паче что оно не только устаревало, но и к тому же расплывалось в либерализме.

Эта вторая сторона дела особо касалась рабочихнародовольцев. Беззаветные революционеры, представители класса, который неуклонно выдвигался на роль гегемона революции, они действовали в рядах партии, отрицавшей за ними эту роль, и оказывались таким образом в трагическом разладе со своим собственным предназначением.

Впрочем, была у политических (народнических) процессов 1883—1895 гг. и третья сторона. Все они как бы подтверждали в глазах карателей старую истину, что главным, наиболее опасным врагом царизма являются народовольцы, причем каратели долго не замечали, как эта истина обращается в иллюзию. Сосредоточив основное внимание на борьбе с народовольцами, с их террористическими умыслами, царизм тогда явно недооценивал социал-демократическую пропаганду и агитацию. В народовольце, если даже он был пропагандистом или агитатором, усмат-

ривался обычно потенциальный террорист, заслуживающий скамьи подсудимых с возможно более тякким приговором. Социал-демократов же, среди которых террористов вообще не было, каратели считали куда менее опасными. В результате, как свидетельствовал об этом М. С. Ольминский, революционная пропаганда и агитация стали требовать неизмеримо меньших жертв: «за что раньше платили десятками лет каторги и даже жизнью, за то с 80-х годов стали расплачиваться немногими годами ссылки» 160. Таким образом, народовольцы в известной мере отвлекали внимание царских карателей от социал-демократического подполья и тем самым невольно давали русской социал-демократии, т. е. своему идейному противнику, время укрепиться.

Напомню читателю, что политические процессы в России XIX в. прекратились к 1895 г. Вместе с ними ушел в прошлое разночинский этап русского освободительного движения. Именно с 1895 г. начался, согласно ленинской периодизации, новый,

пролетарский этап.

Социал-демократам как идеологам пролетариата пришлось и до и после 1895 г. приложить много усилий для того, чтобы опровергнуть и преодолеть народничество как идеологию допролетарскую. Но материалы народнических судебных процессов использовались социал-демократами (и до и после 1895 г.) в качестве средства, стимулирующего революционную борьбу. Использовать таким образом былое оружие народников социал-демократам оказалось тем легче, что сами народники в своих выступлениях со скамьи подсудимых, как мы помним, пропагандировали не теорию народничества, а сумму ближайших политических требований, выдвигая на первый план самое насущное из них — свержение царизма.

Именно эту политическую, антисамодержавную заостренность народнических выступлений перед царским судом больше всего ценили и охотно использовали в интересах революции социал-демократы, не забывая, конечно, о том, что для социалистов политические требования составляют лишь первую часть революционной программы. Впрочем, не только документы (речи, письма, завещания) осужденных, но и материалы, сфабрикованные обвинителями, социал-

демократы 80—90-х годов пускали в ход как оружие политической агитании. Едва ди не самый яокий в этом отношении пример — опубликованное в 1892 г. послесловие Г. В. Плеханова к обвинительному акту по делу Софьи Гинсбург. «Появление в печати обвинительного акта по ее делу теперь, когда трагедия ее благородной жизни уже окончена *,— писал Плеханов, -- может послужить лишь новым упреком той шайке, которая к стыду всей Европы конца XIX столетия держит в своих руках судьбы России». Указав далее на юридическое беззаконие дела Гинсбург. Плеханов заключал: «Мы только спрашиваем беспоистрастных людей: неужели же не пора покончить с этим архаическим правительством, способным нарушать самые святые права граждан ради интересов парской семьи? Неужели же не пора ополчиться на него всем тем, кому дорога, не говорим уже будущность страны, а просто своя собственная безопасность 3 » 161

Чаще же всего социал-демократы обращались к таким судебным материалам, которые непосредственно возбуждали инициативу и энергию борцов, воспитывали в них социалистическую убежденность и веру в торжество революции. Главным образом это были, естественно, программные речи обвиняемых на разных процессах, начиная с конца 70-х годов. Так, продуктивно использовалась речь Петра Алексеева на процессе «50-ти». Текст ее стал важным орудием революционной пропаганды в кружках социал-демократов 80—90-х годов. Ее распространяли марксистские группы П. В. Точисского и М. И. Бруснева в Петербурге 162, социал-демократические организации Иваново-Вознесенска, Одессы, Александровска Ёкатеринославской губернии 163. Использовал ее ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» 164.

В ходу у социал-демократов были также другие агитационные материалы политических процессов 70—80-х годов. Группа Д. Н. Благоева едва ли не раньше всех в России отгектографировала и распро-

^{*} С. М. Гинсбург покончила с собой в Шлиссельбургской крепости 7 января 1891 г.

страняла биографию героини процесса 1 марта

1881 г. Софыи Перовской 165.

Документы этого же процесса и «193-х» использовал для пропаганды среди рабочих первый в Киеве социал-демократический кружок Э. А. Абрамовича (1889 г.) 166, а материалы процессов «Второго 1 марта» и «21-го»— казанский кружок Н. Е. Федосеева 167. Группа Точисского знакомила рабочих с нелегальными изданиями — «Процесс Германа Лопатина» и «Речь Софыи Бардиной» 168. Ленинский «Союз борьбы» кроме речи Петра Алексеева распространял тексты речей Софыи Бардиной и Ипполита Мышкина 169. «Речь Мышкина», а также «Отчет по делу «193-х»» были на вооружении и у пропагандистов группы Бруснева 170.

Следует особо подчеркнуть, что социал-демократы, вдохновляя рабочих революционным примером народничества, учили извлекать из этого примера и необходимый урок, доказывая ошибочность народнического пути к революции. Многие из народников, со своей стороны, все более разочаровываясь из-за фатальных неудач своей партии в целесообразности народничества, тоже искали другой путь борьбы. и если они были непреклонными революционерами, отличались политической зрелостью и имели до ареста возможность и время для переосмысления действительности, то под воздействием нараставшего рабочего движения и с помощью трудов Маркса, Энгельса, Плеханова, а затем и Ленина находили такой путь. Правда, это происходило, за редким исключением, лишь с середины 90-х годов, когда. с одной стороны, неотвратимо расплылось в либерализме народничество, а с другой, вышла из «утробного» состояния «на свет божий, как общественное движение ...как политическая паотия» 171 социалдемократия.

Во всяком случае не единицы, а десятки активных народников (главным образом народовольцев) преодолевали в 90-е годы ограниченность своего традиционного крестьянского миросозерцания и переходили на позиции пролетариата, становились социал-демократами. Видными деятелями большевистской партии стали, например, такие народовольцы, как И. Ф. Дубровинский, М. С. Ольминский, В. Л. Шан-

цер (Марат), В. К. Курнатовский, П. Н. Лепешинский, П. И. Стучка, В. З. Кецховели, А. М. Лежава, С. И. Мицкевич, О. А. Варенцова, Н. Л. Мещеряков, Л. М. Книпович, А. Н. Винокуров, П. Ф. Куделли, А. С. Ведерников, А. П. Скляренко, А. С. Шаповалов, М. П. Голубева. Этот перечень можно умножить, назвав имена менее известных большевиков, которые тоже вышли из народников 172.

Конечно, от общего числа народников 80—90-х годов перешла в лагерь социал-демократии очень малая часть. Большинство их погибало на виселице, каторге, в тюрьмах и ссылке или же, уцелев после репрессий, отходило от революционной борьбы. Что же касается тех народовольцев, которые выжили и сохранили революционные убеждения, то большей частью они примыкали к партии эсеров, ибо она и по своей классовой природе, и по содержанию идеологии и тактики была несравнимо ближе к «Народ-

ной воле», чем социал-демократия.

Тем не менее относительно частые в 90-е годы случаи перехода в социал-демократический лагерь бывших народовольцев многозначительны. С точки зрения судеб русской революции преемственность между народовольцами и эсерами была формальной, поскольку эсеры цеплялись за старые, народовольческие средства борьбы (террор главным образом) в условиях, когда эти средства выглядели уже анахронизмом. В результате после величественной трагедии «Народной воли» эсеры представляли на сцене русской истории смешной фарс 173. По существу истинными преемниками революционной традиции «Народной воли» в русском освободительном движении явились социал-демократы, большевики. Они, первых, унаследовали генеральную цель «Народной воли» — свержение царизма (вспомним ленинское: «Социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»»), а во-вторых, и это главное, отыскали в новых условиях новый и единственно верный путь к достижению этой цели — путь массового рабочего движения.

Итак, в условиях общего наступления реакции царизм последовательно усиливал карательное начало

своей внутренней политики, норовя отомстить революционному лагерю за политические издержки 1879—1882 гг. и уничтожить его. Еще более мстительный характер, чем прежде, обрели и судебные процессы над революционерами. Чтобы максимально сблизить их с административной расправой, царизм свел весь процессуальный ритуал судопроизводства (прения сторон, допрос свидетелей, вещественные доказательства) к фикции, потребной лишь для прикрытия юридического беззакония. Зато шли в ход и на предварительном следствии, и на суде скрытые от огласки домыслы, инсинуации, подлоги, откровенный, не считающийся ни с какой законностью полицейский таран с целью подмять обвиняемых под за-

данный приговор.

Судились на политических процессах в России 1883—1895 гг. главным образом народовольцы. Как правило, вели они себя перед судом, подобно героям процессов 1879—1882 гг., мужественно, выказывая революционную убежденность, силу и величие духа. Но в условиях прогрессирующего упадка народничества, с одной стороны, и контрреформы суда — с другой, их поведение становилось все менее активным: реже слышались со скамьи подсудимых программные революционные речи, меньше чувствовался в них былой революционный оптимизм, зато усиливались мотивы жертвенности и обреченности. Характерным для того времени стал особый тип политического дела, когда народовольцы, уже осужденные на каторгу или ссылку, протестовали против безысходного ссыльно-каторжного режима каким-нибудь актом отчаяния (убивали или «оскорбляли» действием начальство, жертвовали собой), не находя других путей для протеста и борьбы.

Больше стало среди народовольцев на судебных процессах, в заключении и вообще случаев малоду-

шия, отступничества, предательства.

После того как была исчерпана вторая революционная ситуация, становилось все более очевидным, что исчерпаны и революционные возможности народничества. Иные народники (Г. В. Плеханов и его товарищи) тогда же это и поняли. Однако подавляющее большинство самих народников, а также их прогрессивно настроенных современников сохраняли

надежды (утрачивая их постепенно) на возрождение былой силы и славы «Народной воли». Поэтому «Народная воля» почти до 90-х годов оставалась центром и преобладающим знаменем русского освободительного движения, но уже не за счет настоя-

щего, а за счет традиций и ореола прошлого.

Кроме народовольцев на политических процессах 1883—1895 гг. судились другие народники: ранее осужденные в ссылку или на каторгу семидесятники, чернопередельцы, народоправцы. Они, как правило, вели себя героически, но в их поведении еще больше было жертвенности и меньше активности — по разным причинам: одни, как И. Н. Мышкин, Е. Н. Ковальская, Е. И. Минаков, были поставлены на суде в такие условия, при которых всякая борьба лишалась смысла; другим недоставало опыта или достоинств борца, трибуна; наконец, все они принадлежали к организациям, далеко уступавшим «Народной воле» и в силе, и в славе, а главное (кроме двух случаев), давно погибшим, что не могло не сказаться на их поведении.

В числе обвиняемых на процессах тех лет было 78 рабочих. Из них 48 участников Морозовской стачки первыми в России потребовали ограничить произвол фабрикантов государственным законом. Остальные 30 рабочих участвовали в народническом (главным образом народовольческом) движении или примыкали к нему. Некоторые из них (Михаил Клименко на процессе «17-ти», Карл Иванайнен в деле «23-х», Петр Антонов на процессе «21-го») выступали вполне самостоятельно, рука об руку с лидерами «Народной воли», другие чаще всего следовали примеру народовольцев как своих политических наставников. Сохраняя в 80-х — отчасти 90-х годах верность народничеству даже перед угрозой виселицы и каторги, эти рабочие достойно поддерживали старую репутацию русского революционного лагеря, но оказывались в трагическом противоречии с новыми требованиями, которые выдвигали на первый план вместо народнической пролетарскую идеологию.

Социал-демократия, которая развивалась и крепла в период с 1883 г. до конца 90-х годов, миновала горнило царского суда. Ни один социал-демократ 174 в XIX в. на скамью подсудимых не попал (царизм

в 80—90-е годы явно недооценивал силы молодой российской социал-демократической партии и пытался задушить ее одними административными мерами). Но и материалы народнических процессов социал-демократы использовали как орудие революционной агитации, особенно политическую, антисамодержавную заостренность выступлений народников перед

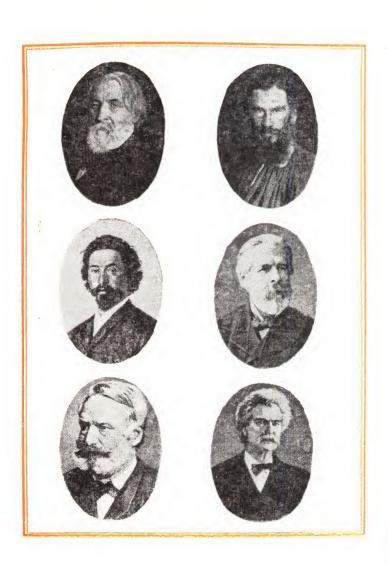
царским судом. Все это свидетельствовало, что революционное движение, хотя и вынужденное отступать перед тотальным натиском реакции, не затухало. Общая тенденция нарастания освободительной борьбы (не по прямой, а зигзагами, через приливы и отливы) сохранялась в России постоянно — от одной революционной ситуации к другой и далее к трем революциям. Материалы же судебных процессов над революционерами всегда играли агитационную роль. В результате царизм вынужден был признать контрреформированный суд бесплодным и опасным правительства карательным средством 1894 г., после четверть вековой непрерывной оргии политических процессов, надолго вообще отказался от суда как орудия расправы с революционерами, положившись исключительно на административные репрессии, а против массовых выступлений широко практиковал вызов полиции и войск.

Часть вторая

Политические процессы в России и общественное мнение 1866—1895 гг.

И. С. Тургенев И. Е. Репин Виктор Гюго

Л. Н. Толстой Д. В. Стасов Марк Твен

Очевидно, правительство, обратившее против себя такое отчаяние и такое самоотвержение, идет ложным и гибельным путем.

В. Г. Короленко

Ш

Политические процессы и русское общество

1. Общественное мнение о карательной политике царизма

Революционеры-разночинцы ставили во главу угла всех своих программ народную революцию. Важным ее условием и даже преддверием считалась инициатива революционной партии при поддержке общества. Мы видели, что народники 70—80-х годов, развивая традицию, заложенную в прокламациях «революционеров 61-го года» («К молодому поколению», «Великорусс», «Молодая Россия»), делали очень многое для того, чтобы подтолкнуть русское общество к содействию революции. Политические процессы давали им большой агитационный материал. В прокламациях. специально обращенных к обществу, народники доказывали, что его «постыдный трепет» облегчает расправу царизма с революционным движением, а в случае торжества реакции и все общество подвергнется гонениям 1.

Само понятие «общество» в царской России было условным, поскольку оно обнимало бой поинципиально разные слои населения — от корифеев национальной культуры до узковзглядых обывателей. Народники, не заботясь о точном смысле понятия «общество», меньше всего имели в виду его обывательскую часть, а разумели под ним в какой-то степени «черный народ» (т. е. крестьян и рабочих), но главным образом активную интеллигенцию, ибо в то время именно она (в особенности литераторы, журналисты, адвокаты) имела возможность создавать в стране общественное мнение, с которым царизм хоть как-то считался. «Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес — кто по дрова, — писал о нем в 1880 г. Ф. М. Достоевский, — но его кое-где боятся, стало быть оно своего рода сила, а стало быть и годиться может...»²

Поэтому в первую очередь рассмотрим отношение к политическим процессам разных (как в социальном, так и в профессиональном отношении) слоев интеллигенции. Отклики корифеев литературы, науки, искусства выделены, по их значимости и выразительности, в особый параграф. Отдельно же, как специфическая, для 60—80-х годов прошлого века малоавторитетная, но потенциально наиболее значимая сфера общественного мнения, будут рассмотрены рабочие и крестьянские отклики.

С 60-х годов до конца XIX в. количественно интеллигенция в России росла гораздо быстрее, чем до реформы. Если в 1861 г. страна имела примерно 20 тыс. людей с высшим образованием, то к концу века вузы гражданских ведомств дали еще 85 тыс. выпускников, а среднее образование за то же время получили более миллиона человек 3. Главное же, качественно менялся социальный состав интеллигенции, с каждым пореформенным десятилетием она становилась все более разночинной и, следовательно, демократической *. Возник особый слой земской интеллигенции (к началу 80-х годов — примерно 21 тыс. человек) 4.

Разночинная интеллигенция в массе своей занимала радикальные позиции, но у нее имелось и либеральное, и консервативное крыло. Не была она изолирована и от влияния реакционной дворянско-помещичьей интеллигенции. В 1903 г. В. И. Ленин различал в русской интеллигенции шесть групп: реакционеры, равнодушные, культурники (т. е. сторонники легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия), либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы 5. В

^{*} Само понятие «интеллигенция» (оно вошло в обиход с конца 60-х годов) использовалось передовыми людьми лишь применительно к демократической части общества, ибо, как подметил К. И. Чуковский, «интеллигентом в те давние годы назывался не всякий работник умственного труда, а только такой, быт и убеждения которого были окрашены идеей служения народу». Таких «работников умственного труда», как В. П. Мещерский или П. П. Цитович, «никому и в голову не пришло бы в 70-х годах назвать интеллигентами» (Чуковский К. Живой как жизнь. О русском языке. М., 1963, с. 57—58).

1860—1890-х годах все эти шесть групп были налицо, но шестая только складывалась. В целом интеллигентское «общественное мнение» 60—90-х годов действительно было, как определил его Достоевский, «дрянным» и разнобойным. Таким его делало самодержавие, взнуздание живого и печатного слова, или, как тактично выразились авторы либеральной записки 1880 г. «О внутреннем состоянии России», «отсутствие способов для правильного и свободного выражения недовольства», отчего русскому обществу «остается или молчать, или лицемерить, или, наконец, выражаться языком иносказательным»⁶.

Кроме правительственной узды довлела над русским общественным мнением еще и травля со стороны охранительной прессы. Эта последняя нагнетала вокруг политических процессов атмосферу холуйства перед правительством и озлобления против революционеров, напоминая тоном своих статей «рев разъяренного прокеза, махающего своим томагавком на-

право и налево»7.

Больше всех преуспевал здесь, конечно, М. Н. Катков с его (как выразился однажды Н. А. Некрасов) «похотью истребления». Первый же крупный гласный и состязательный политический процесс («нечаевцев») возмутил Каткова именно соблюдением законности по отношению к людям, которых он, Катков, предпочел бы истреблять без юридических околичностей. Он распекал тогда «благодушие» судей, «кокетничанье» адвокатов и «одурелость» подсудимых ⁸ в «громоносных», по выражению Шедрина, статьях с такой «кровожадной, татарской свирепостью», что при виде ее «находишь себя вдруг способным повесить весь мир ни за что, ни про что»9. С тех пор Катков не уставал бранить процессуальное «миндальничанье» судей, когда «скамья подсудимых обращается в трибуну, с которой льются возмутительные речи», требовал такой жестокости к подсудимым, «чтобы смерть их принизила, а не возгордила их единомышленников», и даже так ставил вопрос, что в борьбе с «крамолой» «весь этот парад» (суд то есть) попросту ни к чему. Главное же, он старался отвратить от подсудимых революционеров симпатии общества, уверяя своих читателей, что революционеры только кажутся мужественными,

деле же это и не мужество вовсе, «просто собачья

дрессировка» 10.

Впрочем, не отставали от Каткова ни В. П. Мещерский, ни Ф. А. Гиляров (редактор московской газеты «Современные известия»), ни П. П. Цитович. Все они, едва только замечали в обществе оппозиционную ноту или даже простое, чисто внешнее совпадение с мнением «нигилистов», тотчас принимались уличать его в сочувствии и содействии «крамоле», подобно тому как это сделала черносотенная газета Цитовича «Берег» 30 марта 1880 г. в передовой статье, озаглавленной: «Подпольные благодетели и надпольные радетели». «Если сойтись в чем бы то ни было с «Народной волей» или «Набатом» — хотя бы в том, что летом тепло, а зимой холодно, — мрачно иронизировал по этому поводу либеральный «Вестник Европы», — значит сделаться «легальным их сторонником или последователем»»¹¹.

В таких условиях, естественно, вся легальная печать, которая была левее «Берега» и «Московских ведомостей», осторожничала в откликах на судебные процессы революционеров, ограничиваясь, как правило, публикацией официальных отчетов о процессах. Эти стенографические отчеты, начиная с процесса «нечаевцев» и кончая процессом 1 марта 1881 г., были очень подробными (несмотря на цензурные купюры) и впечатляющими. Пока они печатались (т. е. в течение 1871—1881 гг.), именно судебные разбирательства главным образом и знакомили общество с идеологией революционного движения, его силами и средствами, а также с его деятелями.

Печатание судебных отчетов (на видных местах газет из номера в номер, иногда — если процессы затягивались — неделями и месяцами кряду) само по себе уже показывало интерес легальной прессы и ее

читателей к политическим процессам.

Комментарии же по поводу процессов печатались трояким образом. Во-первых, отдельные издания отваживались прямо комментировать тот или иной процесс, хотя бы и в духе, не угодном правительству. Так, о процессе «нечаевцев» высказались все газеты и журналы, словно бы безвозбранно, но с оглядкой на «русскую литературную полицию» как называли тогда «Московские ведомости» Каткова. Ярко пока-

зал это Щедрин в статье для «Отечественных записок» «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики». Остроумный монтаж «в один общий фокус» извлечений из «Голоса», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Биржевых ведомостей» и «Вестника Европы» рядом с «громоносными» статьями «Московских ведомостей» позволил Щедрину наглядно изобразить, как либеральные органы судили о нечаевском деле по-катковски, «доказав свою благонадежность самым осязательным и непререкаемым образом» 13.

В защиту «нечаевцев» от нападок реакции открыто выступили тогда в легальной печати только «Искра»* и «Отечественные записки». «Искра» в № 32 за 1871 г. осудила «кровожадный азарт озлобленного ретрограда» Каткова, а в № 33 предложила читателям такой «афоризм на память»: «Скамья подсудимых только по недомыслию называется многими позорною скамейкой. Только та скамейка позорна, на которой секут. На скамье же подсудимых сидят нередко честные люди, делающие этим честь скамейке» 14.

Сентябрьский номер «Отечественных записок» за вышел с «литературными заметками» Н. К. Михайловского «Дело Нечаева и «Московские ведомости»». Михайловский не только оправдывал идеалы «нечаевцев» («Каждое миросозерцание имеет полное raison d'être именно потому, что оно существует»), но и защищал их самих — под флагом защиты законности судопроизводства. В частности, наобругал Катков последнее помнив, как И. Г. Прыжова с тремя строками из Гете («Один подсудимый рявкнул стихами»), он заметил: «Только палач способен остановить жертву сказать последнее в жизни, дозволенное ей законом слово» 15.

О «литературных заметках» Михайловского, как и о статье Педрина, было доложено царю, который повелел «обратить на это внимание министра внутренних дел» 16. После этого «Отечественные записки» не печатали специальных статей о политических процессах, но при случае откликались на процессы в

^{* «}Искра» (1859—1873 гг.)— сатирический журнал в Петербурге, близкий к революционной демократии. Изд.-ред. В. С. Курочкин и др.

«обозрениях», которые писал Г. З. Елисеев. Так, журнал приветствовал оправдание Веры Засулич, поставив ей в заслугу «желание отдать остаток своих молодых сил на то, чтобы собственною своею гибелью вывести наружу, довести до общего сведения всю ненормальность того порядка, от которого разбивается жизнь, уничтожается будущность людей, иногда, может быть, ни в чем не повинных»¹⁷.

В политических процессах «Отечественные записки» ценили материал для обсуждения (лояльного, осторожного по форме) наиболее жгучих национальных проблем, о которых революционеры говорили со скамьи подсудимых. «Сколько... помнится, во всех них (процессах. — Н. Т.) суть дела сосредоточивалась вокруг одних и тех же предметов: около современного бедственного положения крестьян, безземелия их или недостаточности их наделов, тяжести лежащих на них налогов и т. п., одним словом, около тех же самых предметов, о которых ежегодно трактуется и в ученых статьях, и в текущей прессе, и признается всеми. Разница только в том, что то, что легко укладывается в идеях, что не мешает никому в теоретических рассуждениях, на практике не всегда легко удобоисполнимо, а молодежь нетерпелива». Отсюда журнал заключал: «Земство... оказало бы большую услугу правительству, собрав каждое в своем районе точные и подробные фактические сведения о крестьянском землевладении, и если оно недостаточно, то указав вместе с тем способы, посредством которых оно может дойти до размеров, достаточных для полного обеспечения. Это было бы первым шагом к исправлению того, что упущено из виду или недокончено крестьянской реформой» (курсив мой. — H. T.)¹⁸.

По материалам процессов оппозиционные, хотя и не столь широкие заключения делали и другие журналы. Так, журнал «Слово» корректно обрисовал произвол и тяготы северной ссылки и пришел к выводу, что «совершенное уничтожение произвольной ссылки вообще было бы одним из благодетельнейших и мудрейших актов законодательства» ¹⁹. Раньше, на примере сибирской ссылки, такой же вывод сделал журнал «Дело» ²⁰.

Отдельные издания либерального толка в усло-

виях общественного подъема рисковали даже открыто обличать карательный террор царизма, солидаризируясь в этом с нелегальной прессой не только внешне, но и по существу. Газета «Северный вестник»* 2 (14) апреля 1878 г. в статье «После суда» об оправдании Засулич писала: «Только открытое и честное преследование произвола и насилия во всех их проявлениях может удовлетворить и успокоить общество». Власти тут же закрыли эту газету. Вместе с ней за противоправительственные комментарии к делу Засулич была запрещена газета «Русское обозрение»** и предупреждены «Голос»***, «Неделя»****, «Русский мир»*****

Газета «Молва» ******, уже получившая в 1880 г. предостережение за фельетон, где констатировалась бедность легальных откликов на политические процессы, ибо, мол, под цензурой «искреннее слово молчит», 10 декабря 1880 г. опубликовала статью под названием «Судебная гвардия» — памфлет против царской прокуратуры. Автор клеймил «разнузданность прокуратуры», «не раз вдохновлявшейся самыми изуверскими статьями «Московских ведомостей»», ее «бесцеремонное отношение к личности и свободе» по принципу «побольше розыска, улова и хватания». За эту статью газета «Молва» тоже была закрыта ²². В марте 1881 г. пошли под суд редактор «Санкт-Пе-

^{* «}Северный вестник» (1877—1878 гг.) — ежедневная политическая, литературная и юридическая газета в Петербурге либерально-буржуазного направления. Изд. Е. В. Корш.

^{** «}Русское обозрение» (1876—1879 гг.) — политический и литературный еженедельник либерально-буржуазного направления. Изд.-оед. Г. К. Гоадовский

ния. Изд.-ред. Г. К. Градовский.

*** «Голос» (1863—1884 гг.) — ежедневная политическая и литературная газета в Петербурге, один из главных органов русского буржуазного либерализма. Изд.-ред. А. А. Краевский и В. А. Бильбасов.

^{**** «}Неделя» (1866—1901 гг.) — литературно-политический еженедельник в Петербурге, до середины 70-х годов близкий к революционной демократии, затем постепенно отошедший на либерально-народнические позиции. Изд.-ред. П. А. Гайдебуров и др.

^{***** «}Русский мир» (1871—1880 гг.) — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета в Петербурге консервативного направления. Изд.-ред. В. В. Комаров и др. ****** «Молва» (1879—1881 гг.) — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета в Петербурге либерально-буржуазного направления. Изд.-ред. В. А. Полетика.

тербургских ведомостей» и автор передовой статьи от 10 марта за попытку доказать, что правительство влоупотребляет репрессиями ради «прикрытия своего бессилия»²³. Только за год министерства Н. П. Игнатьева царизм подвергнул печать не менее чем 50 взысканиям ²⁴.

Угроза репрессий вынуждала легальную печать отказываться от прямого обсуждения политических процессов и прибегать к способу иносказаний. Примечательно цитирование Л. Гамбетты, которое «Отечественные записки» поиурочили к итогам процесса «193-х» с его предвзятостью обвинения и неожиданно умеренным приговором: «Если суды иногда и могут доводить свою угодливость перед властью до вчинания неправильных процессов, но никогда не решатся произносить таких приговоров, которые слишком явно возмутили бы своею неправдою общественную совесть» 25. Таков же смысл и нашумевшего позднее фельетона в газете «Порядок» * по поводу государственного процесса в Турции об убийстве султана Абдул-Азиза. Фельетон, названный просто «За гоаницей» и подписанный инициалами «В. К.», появился на первой странице «Порядка» через три месяца после суда над русскими цареубийцами и открывался злободневной преамбулой, относящейся будто бы к туренким делам: «Нет ничего почтеннее юстиции, когда она независима. Нет ничего недостойнее юстиции прислуживающейся, готовой ... постановить тот или иной приговор по тайному внушению, предписанному со стороны и обещающему судьям в отдаленной или близкой, но, во всяком случае, приятной перспективе вещественные знаки невещественных отношений»²⁶.

В этой связи вполне основательно предположение П. Н. Беркова о том, что выход в 1878 и 1879 гг. одного за другим сразу двух переводов трактата «О преступлениях и наказаниях» Чезаре Беккариа (трактат весь проникнут духом отрицания смертной казни) был связан с участившимися смертными приговорами русским революционерам как иносказательный протест против «белого террора»²⁷.

^{* «}Порядок» (1881—1882 гг.)— ежедневная политическая и литературная газета в Петербурге либерально-буржуваного направления. Изд.-ред. М. М. Стасюлевич.

Особым способом печатных откликов русского общества на политические гонения в России были претензии к правительству, которые удавалось опубликовать за границей. Правый либерал, почти консерватор А. И. Кошелев, например, в брошюре, которую он напечатал в Берлине и потом отослал царю, вел речь о том, что большинство революционеров «действует с самоотвержением и при судебных производствах поражает откровенным заявлением своих стремлений и стойкостью в своих мнениях», что репрессии их не пугают и поэтому правительство должно «действовать иными средствами»: обеспечить «частный быт» от произвола, даровать свободу печати, расширить местное самоуправление и т. д.²⁸

Левые же либералы, почти радикалы (С. А. Муромцев, А. И. Чупров, В. Ю. Скалон) в записке 1880 г. «О внутреннем состоянии России» осудили всю систему политических репрессий в стране как оскорбительную для русского национального достоинства:

«...мертвая тайна политического процесса в противоположность гласности общего судопроизводства»— это «язва, которая в самом корне разрушает в обществе чувство законности». На этом основании авторы записки требовали: «Независимость суда, предосторожности при обысках и арестах, ответственность за неправильное лишение свободы, наказание, налагаемое не иначе, как по соблюдении всех формальностей гласного и состязательного судопроизводства,— вот необходимые условия существования современного общества. Ни с какими административными ограничениями суда оно не может примириться»²⁹.

Еще более резко осуждала правительственный террор и прямо оправдывала революционное движение автор известного письма к Александру III М. К. Цебрикова — одна из первых русских женщин-публицисток: «Там, где гибнут тысячами жертвы произвола, где народ безнаказанно грабится и засекается, там жгучее чувство жалости будет всегда поднимать мстителей», «вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие»³⁰. Цебрикова напечатала свое письмо в 1889 г. в Женеве, привезла его в Петербург и успела разослать по всем редакциям, а также наслед-

нику престола и самому царю, пока не была арестована. Царь распорядился сослать ее на Север, в Вологодскую губернию. «От Л. Толстого я слышала, что Александр III очень хотел засадить меня в монастырь,— вспоминала потом Цебрикова,— но комиссия, судившая дело, нашла неудобным»³¹.

Против карательного террора выступали и авторы ояда других брошюр, написанных с умеренно-либеральных позиций и опубликованных (по преимуществу анонимно) за границей: Д. И. Воейков, Г. А. де Воллан, В. Ю. Скалон 32. Иные общественные деятели, не прибегая к печати, обращались под впечатлением политических процессов прямо к правительству с частными письмами и записками в поддержку законности и правосудия. Только в 1878 г. такого рода записки представили Б. Н. Чичерин, Г. К. Градовский. А. Ф. Кони 33. Все они были оставлены без последствий, да и поступали — к царю или его доверенным лицам — не часто. Но в поддержку властей общество выступало тогда еще реже, чем против них. Чаще всего, наблюдая за единоборством «нигилизма с деспотизмом», оно отмалчивалось. Даже поизывы о помощи, с которыми царизм обращался к обществу летом 1878 и затем весной 1880 г. 34, не встретили должного отклика. Напротив, все новые и новые репрессии, жертвами которых становились печатное слово, образ мыслей и частный быт граждан, лишь сильнее отталкивали общество от власти, тем более что революционеры, с другой стороны, не уставали будить в нем чувство протеста.

В результате общество — при всей его социальной пестроте и политической аморфности — со временем ожесточалось против правительства, а революционным борцам все чаще и определеннее сочувствовало, симпатизировало, помогало. Пожалуй, лучше всего говорят об этом массовые отклики на политические процессы — не в печати, не в частных обращениях к правительству, а непосредственно в судебных залах, местах общественных собраний, на улицах.

Интерес к политическим процессам был огромным у всех слоев общества, хотя выражался он по-разному. Обыватели увлекались сенсационностью процессов, предпочитая отчетам о них сплетни. В политическом отношении они далеко не все превосходили

Феклушу из «Грозы» А. Н. Островского, представляя себе, на ее лад, «нигилистов» вроде «нехристей» 35 .

Ради того чтобы пощекотать себе нервы, обыватели просачивались сквозь избранную публику даже на полузакрытые судебные заседания и толпами стекались на публичные казни. На казнь И. О. Млодецкого собралось, по свидетельству очевидца (Ф. М. Достоевского), до 50 тыс. человек, казнь А. К. Соловева созерцали «тысяч до 80-ти» зевак, толпившихся вокруг эшафота, на прилегающих улицах и крышах домов, а казнь первомартовцев привлекла 100 тыс. любопытных. Часть этой публики проявляла болезненный интерес к самым жестоким подробностям, а иные в заключение «зрелища» норовили запастись на эшафоте каким-нибудь «сувениром» вроде куска веревки с шеи «висельника» 36.

Поразительно, что садистским инстинктам такой публики потворствовала и печать, даже не самая реакционная. Драматург и критик с репутацией вовсе не одиозной Д. В. Аверкиев в статье для газеты «Новое время» буквально смаковал жуткие подроб-

ности казни первомартовцев ³⁷.

Люди мыслящие, интеллигентные, хотя бы и умеренных взглядов, в подавляющем большинстве возмущались палаческими эмоциями обывателей (в частности, и «подлейшей статьей подлеца Авеокиева» 38). выражали если и не солидарность с жертвами политических процессов, не симпатии к ним, то по крайней мере сострадание. Именно так, за редким исключением, вела себя публика непосредственно на процессах, в судебных залах. По агентурным данным, «все личности, составлявшие публику, вполне сочувствовали подсудимым» на процессе «нечаевцев» 39. Те же данные говорят, что учителя, студенты, курсистки, проникавшие в залы и толпившиеся в коридорах суда, выражали сочувствие Н. П. Гончарову («Во время его прохода около публики кто только мог, т. е. успел, из студентов и женщин, тот жал ему руку»), В. М. Дьякову и А. И. Сирякову, участникам Казанской демонстрации, обвиняемым по делу «50-ти». На процессе Засулич публика, в которой, по словам очевидца, «не было ни одного нигилиста», а преобладали «вицмундиры и фраки»,

131

после оправдательного приговора устроила овацию подсудимой и ее защитнику. «Многие из публики перелезли через перила, кинулись к Александрову и Засулич и пожимали им руки», а по выходе из зала обоих «носили на руках»⁴⁰.

За стенами суда сочувствие публики к обвиняемым по политическим делам выражалось откровеннее и сильнее, приобретая иной раз характер общественных демонстраций. Вот какие новости передавал М. Н. Каткову (?) Н. С. Лесков после суда над первой группой «нечаевцев»: «1) Флоринский получил приглашение быть народным учителем разом в пять школ. 2) Орлов на поезде в Петергоф и в самом Петергофе удостоился восторженных оващий. 3) Для

Дементьевой идет подписка на приданое» 41.

При исполнении обряда гражданской казни над долгушинцами 6 мая 1875 г. произошел инцидент, о котором шеф жандармов доносил царю: «Присутствовавший простой народ с пренебрежением и негодованием относился к словам осужденного (Н. А. Плотникова, который провозглашал на эшафоте здравицу в честь свободы и равенства. - \hat{H} . T.), но не то было между молодежью — студентами и женшинами: эти заметно сочувствовали Плотникову, выражая одобрение громко в словах, вроде «молодец», «браво», «не то еще будет» и т. д. По окончании же исполнения приговора, когда осужденные препровождались в тюремной карете и Плотников продолжал кончать через решетку окна, толпа этой молодежи хлынула за каретой с выражениями полнейшего сочувствия. Мало того, между ними были слышны вопросы: «скажи куда — мы все пойдем». Тогда исполнявший приговор товарищ обер-прокурора Стадольский предложил полиции арестовать этих лиц... Задержано 13 человек» 42. После этого инцидента III отделение рекомендовало вообще отменить обояд гражданской казни, что и было сделано правительством не без колебаний в феврале 1877 г. 43

На многолюдном вечере в Петербургском клубе художников («Одних студентов и курсисток собралось более 1500 человек») 3 февраля 1877 г. было собрано больше 1000 руб. пособия для только что осужденных участников Казанской демонстрации 44. Актер Малого театра Ф. А. Бурдин рассказывал

А. Н. Островскому, что здесь «кто-то указал [студентам] на агента III отделения, и они принялись его бить, избили до полусмерти, и он едва спасся задним ходом через буфет». Власти после этого за-

крыли клуб художников 45.

Еще больше людей (до 2 тыс.) собрала демонстрация в поддержку Веры Засулич перед зданием суда 31 марта 1878 г. Она «состояла из самых разнородных элементов: тут были рабочие, присяжные поверенные, литераторы, военные, студенты и проч.», словом, «люди всех званий» 6. Общественное возбуждение вокруг дела Засулич было настолько антиправительственным, что, по мнению газеты «Биржевые ведомости», «если бы даже все присяжные заседатели состояли из одних сотрудников «Московских ведомостей», разумеется, без их патрона, то и они бы даже вынесли оправдательный приговор» 1. Не зря «Русский вестник» назвал реакцию общества на оправдание Засулич «высшим пределом потворства русской революции» 18.

Процессы террористов вообще привлекали к себе повсеместно повышенный интерес. Отчеты о них были нарасхват, а непосредственное наблюдение за тем, как вели себя революционеры-террористы перед царским судом, даже врагов изумляло и озадачивало. Вот что писал член Государственного совета М. Н. Островский брату Александру Николаевичу (драматургу) после суда над А. К. Соловьевым: «Ощущение вынес тяжелое. При слушании судебного следствия многое пришло мне в голову по поводу нашей социально-революционной партии, но теперь не время и здесь не место об этом говорить. Скажу одно, что то самообладание, которое выказал преступник, меня поразило. Он выслушал смертный приговор, глазом не моргнувши» 49. Так же удивлялись «безумной отваге русских крамольников», которые, мол, «шли на смерть с восторгом, как было в первую французскую революцию», генерал Р. А. Фадеев, адмирал И. А. Шестаков, граф П. А. Валуев 50.

Несмотря на грозно-предупредительные меры со стороны властей, общество находило случаи выказать неприятие «белого террора» и сочувствие к его жертвам. Трехтысячная демонстрация протеста против осуждения И.М. Ковальского состояла, безуслова

но, не только из революционеров. После казни Ковальского в Одессе, по агентурным данным, «много дам и девиц стали носить по нем траур»⁵¹. Даже при исполнении смертных приговоров случались враждебные карателям инциденты. Так, на месте казни В. А. Осинского в толпе, окружавшей эшафот, поднялся ропот протеста, было арестовано до 30 человек ⁵², а когда казнили С. Я. Виттенберга и И. И. Логовенко, «очень волновались», по рассказам очевидцев, и выражали сочувствие осужденным моряки, охранявшие эшафот, офицерам «приходилось их

сдерживать»⁵³.

Наиболее значимы отклики прогрессивных кругов на процесс 1 марта 1881 г., который реакция особенно старалась использовать для разжигания «всенародного гнева» против революционных «злодеев». Как ни зазорно и опасно было выказывать какое-либо доброе чувство к цареубийцам, русская интеллигенция вступилась за них перед новым царем и добивалась их помилования. Л. Н. Толстой еще до суда над ними, между 8 и 15 марта 1881 г., написал известное письмо на имя Александра III и послал его своему другу Н. Н. Страхову с просьбой передать (через К. П. Победоносцева) в руки царю. Писатель убеждал царя в бесплодности репрессий против революционеров: «Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, к/оторый/ был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал». В качестве такого идеала Толстой предлагал самодержцу «идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло», считая возможным, чтобы Александо III «позвал этих людей (первомартовцев. — H. T.), дал им денег услал их куда-нибудь в Америку»54.

К. П. Победоносцев отказался передать царю такое письмо 55. Тогда Н. Н. Страхов добился передачи письма через профессора К. Н. Бестужева-Рюмина и великого князя Сергея Александровича, но никаких последствий оно не имело: царь не собирался миловать убийц своего отца, хотя и не рискнул

спровадить в «места отдаленные» их великого за-

ступника.

Вслед за Толстым еще более смелую попытку спасти первомартовцев от казни предпринял видный философ-идеалист, бывший тогда профессором Петербургского университета, В. С. Соловьев (сын

историка С. М. Соловьева).

28 марта в зале Кредитного общества перед аудиторией более чем в 1000 человек Соловьев выступил с публичной лекцией на тему «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса», в заключение которой потребовал амнистии для цареубийц. «Сегодня судятся и верно будут осуждены на смерть убийцы 1 марта, -- говорил он. -- Царь может простить их. И если он действительно вождь народа русского, если он, как и народ, не признает двух правд, если он признает правду божью за правду, а правда божья говорит «не убий», то он должен простить их. Если еще и можно допустить убийство как частное исключение для самообороны, то холодное и обдуманное убийство безоружного, называемое смертной казнью, претит душе народа. Великая теперь минута самоосуждения и самооправдания! Пусть царь и самодержец заявит на деле, что он прежде всего христианин. Он не может не простить их! Он должен простить их!»56

Пожалуй, больше, чем выступление самого Соловьева, означила в данном случае реакция на него тысячной, довольно разношерстной (преимущественно из столичной интеллигенции) аудитории. Отдельные «вопли остервенения» и угрозы по адресу лектора 57 заглушила овация, которую устроила Соловьеву (видимо, не из одних только христианских побуждений) подавляющая масса слушателей. Молодежь несла Соловьева на руках до самой кареты 58. Сочувственно откликнулась на выступление Соловьева общественность. «Молодец Соловьев», — похвалил его в одном из писем от 1 (?) апреля 1881 г. Лев Толстой 59. Текст выступления в списках и гектографированных оттисках ходил по рукам 60 . Понятно поэтому, что власти всполошились. М. Т. Лорис-Меликов в докладе царю 31 марта признал, что Соловьева следовало бы лишить профессорского звания и выслать из столицы, но, «имея в виду, что Соловьев — сын недавно умершего знаменитого ученого и, по отзыву сведущих лиц, отличается строго аскетическим образом жизни и склада убеждений», счел возможным ограничиться запрещением Соловьеву выступать отныне с публичными лекциями. Царь согласился с

диктатором ⁶¹.

Возможно, были и другие демарши перед правительством в защиту первомартовцев. Во всяком случае 30 марта К. П. Победоносцев пожаловался царю, что «сегодня пущена в ход мысль» о возможности помилования цареубийц, которая его, Победоносцева, «приводит в ужас». Царь утешил своего наставника, сделав на его письме (с непременными ошибками в орфографии и пунктуации) следующую историческую приписку: «Будь-те покойны с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что все шестеро будут повешены за это я ручаюсь» 62.

Казнь первомартовцев тоже не обощлась без проявлений сочувствия общества к героям и мученикам «Народной воли». Правда, многотысячные толпы зевак, наблюдавшие за провозом цареубийц по улицам города к месту казни и за самой казнью, почти сплошь состояли из верноподданных обывателей, разбавленных на всякий случай переодетыми жандармскими агентами. Кроме того, осужденные пути к эшафоту и на эшафоте были окружены шпалерами войск — 10 или 12 тыс. пеших и конных, до зубов вооруженных («Не было только артиллерии», — вспоминала А. В. Якимова). При таких условиях решиться на какое-либо выражение сочувствия к цареубийцам и суметь (просто даже успеть) это сделать, казалось, было немыслимо. Но, как это засвидетельствовано очевиднами, нашлись люди, которые посмели и сумели выразить такое сочувствие. Из окон классов Литейной казенной женской гимнавии на Бассейной улице (ныне ул. Некрасова) смотрели на последний путь первомартовцев учившиеся тогда в гимназии Н. К. Крупская, М. Ф. Андреева, дочери Ф. М. Достоевского, Я. П. Полонского, профессора В. И. Сергеевича 63. Даже в толпе зевак, ожидавшей увидеть злодеев с дегенеративными физиономиями и налитыми кровью глазами, «слышались оханья и восклицания: «Какие молодые!», «Какие хорошие лица и такое преступление!» и т. д.»64. При

втом несколько женщин было арестовано за «приветствование Перовской» и «неодобрение казни» 65. На месте же казни, когда в первый раз сорвался с петли Тимофей Михайлов, толпа, по свидетельству Л. Плансона (который командовал на плацу эскадроном конвоя), «заволновалась, послышались возгласы: «Надобно его помиловать! Простить его нужно!» ...», а когда Михайлов сорвался вторично и его стали вещать в третий раз, зрители буквально взбунтовались против казни. «Невозможно описать, — вспоминал Плансон, — того взрыва негодования, криков протеста и возмущения, брани и проклятий, которыми разразилась заливавшая площадь толпа. Не будь помост с виселицей окружен внушительным нарядом войск... то, вероятно, и от виселицы с помостом, и от палачей и других исполнителей приговора суда в один миг не осталось бы ничего...»66 Даже часть солдат «громко потребовала» помилования Михайлова «и тут же — налево кругом марш» — была отправлена под арест»67. А чья-то 12-летняя девочка, увидевшая приготовления к казни, спрашивала взрослых: «Значит, их убьют? А тем, которые их убьют. ничего не будет?»68

Из народовольцев был на месте казни, по-видимому, только Н. А. Желваков, который тогда же на площади «дал себе самому клятву умереть, как они умерли» ⁶⁹. Как правило же, революционеры (по свидетельству А. П. Прибылевой-Корба) старались избегать этого эрелища.

В общем, казнь цареубийц вопреки ожиданиям властей, которые все сделали для того, чтобы представить ее перед публикой в свою пользу, произвела впечатление крайне невыгодное для правительства. «Когда казнь совершилась,— вспоминал Л. Н. Толстой,— я только получил еще большее отвращение к властям и к Алек/сандру/ III»70. Либеральный юрист, один из главных творцов судебной реформы 1864 г. С. И. Зарудный в самый день казни первомартовцев направил царю письмо с предложением «теперь же и как можно скорее... издать высочайший манифест об окончательной отмене смертной казни в России»71. Царизм на это не пошел, но былую надежду на какой-либо выигрыш из публичного ритуала смертных казней отныне и навсегда потерял. В ре-

зультате именно казнь 3 апреля 1881 г. оказалась последней в России публичной казнью. 26 мая того же года особым царским указом публичное исполнение смертной казни было отменено. Теперь казнить революционеров предписывалось не на площадях, а тайно, «в пределах тюремной ограды, а при невозможности сего — в ином, указанном полицейским начальством, месте» 72.

Однако казнь оставалась казнью, будь она явной или тайной. Между тем почти вся нация роптала против смертной казни вообще 73. Удавление на виселице негласно, в тюремном застенке, как только оно становилось известным, вызывало в обществе не меньший протест, чем торжественное повещение на площади. Иллюстрацией к этому может служить отклик общественности Иркутска на казнь народовольца К. Г. Неустроева 9 ноября 1883 г. в иркутской тюрьме за пощечину генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Г. Анучину. «Здешнее общественное мнение сильно возбуждено против генерала Анучина», — телеграфировал 19 ноября в департамент полиции начальник иркутского ГЖУ 74. «Анучину просто нельзя было проехать по городу — ему кричали: «Убийца!» Ворота его несколько раз были вымазаны кровью»,— сообщал № 10 газеты «Народная воля»⁷⁵. «Говорили,— вспоминал В. Г. Короленко, — что после казни / Неустроева/ в «Сибири» было напечатано известие в отделе хроники, что, дескать, такого-то числа (в день казни) совершено возмутительное убийство невинного человека» 76. Действительно, такое известие газета «Сибирь» напечатала 77. Анучин вынужден был уйти в отставку.

Хотя этот случай отразил в себе как в зеркале истинное отношение русского общества к смертным казням по политическим делам, способ, которым отношение здесь было выражено, мог удаться, конечно, лишь на задворках империи, подальше от карательного разгула, а не в центрах ее. Петербургское общество под недреманным оком средоточия царских властей и в 70-е годы старалось избегать «резкостей» на темы политических процессов, а в условиях губительной реакции 80—90-х годов осторожничало еще больше.

К тому же с 1881 г. процессы «государственных

преступников» вершились тайно. Легальной печати запрещено было даже касаться их. В 90-е годы процессы временно прекратились. Поэтому общество имело намного меньше, чем прежде, информации о политических преследованиях и поводов (равно как и возможностей) для того, чтобы выступить против них. Таких откликов, как на процессы «нечаевцев», «50-ти», «193-х», Веры Засулич, Ковальского, первомартовцев, после 1881 г. больше не было.

Это не значит, однако, что в 80—90-е годы русское общество перестало возмущаться политическими гонениями и сочувствовать их жертвам. И то, и другое по-прежнему было характерным для общественного мнения, только стало на время менее явным. Лишь в исключительных случаях общество выступало, по примеру 70-х годов, открыто. Так называемая Ветровская демонстрация в Петербурге 4 марта 1897 г. с участием до 5 тыс. человек в ответ на гибель народоволки М. Ф. Ветровой, доведенной царскими тюремщиками до самосожжения, заставила говорить о себе всю Россию, вызвала такие же демонстрации в Москве и Киеве ⁷⁸. Обычно же после 1881 г. общество ограничивалось антиправительственными толками вокруг политических преследований и тайной поддержкой революционного подполья (информацией, укрывательством, деньгами).

Сочувствие общества жертвам политических гонений беспокоило царизм главным образом потому, что оно нередко приобщало людей к революционной борьбе. В этом отношении наиболее восприимчивой всегда была учащаяся (студенческая в первую очередь) молодежь—«самая отзывчивая часть интеллигенции» В ее среде больше всего и распространялись агитационные материалы процессов, гектографированные отчеты о судебных заседаниях, речи подсудимых и адвокатов, вырезки и выписки из иностранных газет с откликами на процессы. Их находили при обыске у студентов буквально всех университетов и институтов, слушательниц Высших женских курсов (в Петербурге, Москве, Казани), учащихся множества гимназий, семинарий, реальных училищ 80.

Молодежь жадно ловила вести о процессах и горячо откликалась на них. Первым в России полити-

ческим делом, которое вызвало среди молодежи повсеместные открытые толки, оказалось дело «нечаевцев». В Петербурге молодежь старалась проникнуть непосредственно на процесс («Студенты, чтобы попасть в зал суда на разбор дела, иногда дежурили напролет всю ночь на судебном дворе») 81, а в провинции зачитывалась материалами о процессе, которые «в буквальном смысле слова будили спавшую мысль молодежи» 82. Учившийся с 1875 по 1878 г. в Харьковском университете Д. Т. Буцинский (будущий народоволец) свидетельствовал о «громадном впечатлении» на студентов процесса «50-ти» («Речи Бардиной, Алексеева, Здановича читались прямо в сборной зале университета, [их] переписывали друг у друга») и особенно процесса «193-х». Речь Мышкина читали «толпы студентов» даже в аудиториях 83. Сдин из первых социал-демократов — С. П. Шестернин вспоминал, что в 1879 г., когда он учился во Владимирской гимназии, его и товарищей «сильно встряхнули» известия о казни В. А. Осинского и Д. А. Лизогуба, а повзрослев на год-полтора, гимназисты уже вполне сознательно «восторгались мужественным поведением на суде А. И. Желябова и С. Л. Перовской»⁸⁴. «Имена Желябова, Перовской, Кибальчича не сходили с уст, а Желябов заполнял все сердца молодежи, имя его было полно обаяния и восторга,— вспоминала о 80-х годах курсистка О. Г. Райс (Каллистратова).— Речь, сказанная на суде Желябовым, заучивалась наизусть» 85.

Самые решительные выражали свою солидарность с обвиняемыми и осужденными, готовность встать им на смену в ряды революционных борцов, отомстить за казненных. Именно так в 1885 г. воспринял отчет о процессе первомартовцев 16-летний кадет С. И. Мицкевич (позднее — народоволец, затем социал-демократ, большевик): ««Народная воля» — вот то знамя, под которым надо бороться, — думал я по прочтении этого отчета» 36. К такому же выводу под впечатлением казни первомартовцев пришел студент Андрей Брейтфус (впоследствии один из первых русских марксистов, член группы П. В. Точисского): «Эта расправа, потрясшая мои нервы до галлюцинаций, хотя и стоила мне дорого в смысле здоровья на долгие годы, но зато она дала мне великое счастье

пробуждения, она натолкнула мою мысль на революционную стезю, научила глубоко ненавидеть и сделала меня революционером, до сих пор глубоко уважающим память и заветы «Народной воли»» ⁸⁷.

Солидарность массы студенчества с жертвами политических репрессий выразилась в большом числе коллективных выступлений, особенно частых в годы второй революционной ситуации. Именно студенты составляли большинство участников демонстраций перед зданиями судов, где шли процессы Засулич и Ковальского. Студенты же превратили в политические демонстрации похороны революционеров, привлеченных к делу «193-х» и умерших в тюрьме. 30 марта 1876 г. петербургское студенчество хоронило участника «хождения в народ» П. Ф. Чернышева. «Огромная толпа беспрепятственно дошла до кладбища, попутно разъясняя заинтересованной публике значение демонстрации. Только когда начались над могилой откровенно-революционные речи, местная полиция спохватилась, но ничего не могла сделать» 88.

25 февраля 1878 г. 200—300 петербургских студентов и курсисток устроили подобную же демонстрацию на похоронах другой жертвы дела «193-х»— А. А. Подлевского. Теперь полиция была начеку. Она попыталась спровадить демонстрантов по домам и даже вырвать у них гроб, но не сумела. Тогда она взялась «сопровождать» демонстрацию на кладбище, объясняя по пути любопытным, что просто «хоронят студента». «Врете вы,— кричали из толпы,— мы хороним политического «преступника», заморенного

в тюрьме!»89

В 80-е и 90-е годы таких коллективных выступлений было немного, но и в них главную роль играли студенты. Достаточно сказать, что пятитысячная «Ветровская демонстрация» была почти сплошь студенческой. Громкий отзвук имели и чисто студенческие сходки солидарности с первомартовцами, которые устраивались в Московском и Казанском университетах в 1881 г. 90 и в Петербургском университете в 1887 г. 91

Таким образом, учащаяся (главным же образом студенческая) молодежь была самой активной выразительницей сложившегося вокруг политических процессов уже к концу 70-х годов довольно широкого

антиправительственного общественного мнения. Царизм боялся сочувственного отношения к идеям, делам и людям «крамолы» со стороны интеллигенции вообще и студенческой молодежи в особенности. Его трубадур М. Н. Катков откровенно предупреждал: «Не революционная пропаганда страшна. Страшна податливость так называемой образованной среды, где пропаганда действует» 92. Однако все попытки царизма вытравить из общества эту податливость не приносили успеха.

2. Деятели культуры против «белого террора»

Особого внимания заслуживают отклики на карательный террор царизма, с которыми выступал цвет русской интеллигенции — корифеи литературы, искусства, науки. Эти отклики показательны как для отношения общественности к борьбе между силами революции и реакции, так и для воздействия револю-

ционного лагеря на общественное мнение.

Из всех областей русской культуры самой близкой к освободительному движению всегда была литература. В годы, которые нас интересуют (1866—1895), ее связь с революцией постоянно росла, что выражалось и в идейном взаимодействии, и в художественном (прямом, полуоткрытом, иносказательном) воплощении революционных сюжетов и образов, и в личной прикосновенности литераторов к революционному подполью, будь то участие, поддержка или сочувственное «знание и недонесение», и, наконец, в разнообразных (печатных, устных, иногда демонстративных) откликах на единоборство революции и реакции. Политические процессы как своеобразная арена этого единоборства всегда вызывали у писателей особенный интерес.

За время с середины 60-х годов до конца века десятки поэтов, прозаиков, драматургов, литературных критиков сами привлекались к ряду процессов. Не учитываю здесь активных революционеров, таких, как землеволец С. М. Кравчинский, которого лишь эмиграция спасла от неизбежного смертного приговора, народоволец П. Ф. Якубович или чернопеределец П. А. Грабовский, поплатившиеся за участие в революционных организациях каторгой. Речь идет о

профессиональных литераторах, которые только были связаны с революционным подпольем, содействовали ему, иногда сотрудничали с ним. По делу ишутинцев отсидели разномесячный срок в Петропавловской крепости В. С. и Н. С. Курочкины, Д. Д. Минаев, В. А. Слепцов, Г. З. Елисеев, В. А. Зайцев. Ряд писателей попали в тюрьму, ссылку или под жандармский надзор по делам долгушинцев (В. В. Берви-Флеровский), «16-ти» (В. И. Дмитриева), «14-ти» (М. Л. Кропивницкий, И. К. Карпенко-Карый, И. Г. Чавчавадзе), «12-ти» (А. И. Эртель), «21-го» (А. П. Барыкова), Южнорусской организации «Народной воли» (В. Г. Короленко). Привлекались к жандармским дознаниям поэт и фольклорист И. И. Манчжура (1871 г.), И. В. Омулевский (1873 г.), Панас Мирный (1875 г.), Михаил Старицкий (1878 г.), административно ссылались Н. К. Михайловский (1882 и 1891 гг.), С. Я. Елпатьевский (1884 г.), Н. В. Шелгунов и К. М. Станюкович (1885 г.), П. В. Засодимский (1891 г.). Ян Райнис (1897 г.).

К этому ряду имен добавлю имена писателей, репрессированных еще до начала литературной деятельности, что повлияло на их мировозэрение и судьбу. С. Каронин (Н. Е. Петропавловский) судился по делу «193-х», Г. А. Мачтет в 1878 г. — отдельно. А. С. Серафимович был арестован и выслан из Петербурга по делу «Второго 1 марта». Арестовывались за связь с революционерами Андрей Пумпур (автор латышского эпоса «Лачплесис») в 1882 г., М. М. Коцюбинский в 1884 г., К. Д. Бальмонт в 1887 г., С. Г. Скиталец в 1888 г., Максим Горький в 1889 г.

Почти все перечисленные литераторы откликались и въжизни, и в творчестве на революционную борьбу и политические гонения. Еще важнее, что это делали и другие, более далекие от революционного подполья деятели культуры. Революционер в пореформенной России становился центральной фигурой. Он привлекал к себе внимание художников не только как выразитель исторического прогресса, разрушитель старого и созидатель нового мира, но и как тип совершенной человеческой личности, свободной от социальных, политических и нравственных цепей, личности

в полном раскрытии ее силы и праведности. К нему тянулись все писатели, верные жизненной правде, начиная с Чернышевского. Правда же эта заключалась, между прочим, и в том, что русский революционер был не только борцом за народ, но и жертвой правительства. Более того, от правительственных репрессий, призванных искоренить «крамолу», страдало все общество, не исключая писателей. Поэтому репрессии вообще и политические процессы как гласное их выражение особенно вырастали в национальную проблему, которая не оставила равнодушным буквально ни одного из классиков отечественной литературы.

Под впечатлением политических процессов 70-х годов написаны многие революционные стихи Н. А. Некрасова, волновавшие умы современников. Стихотворение «Путешественник» (1874 г.) было откликом на процесс долгушинцев, «Есть и Руси чем гордиться» и «Молебен» (1877 г.) — на расправу с участниками Казанской демонстрации, «Ты не забыта» (1877 г.) и, возможно, «Приметы» — на процесс «193-х», «Отрывок» (1877 г.) — на процесс «50-ти». Осужденным по делу «50-ти» Некрасов, как известно, переслал и свое знаменитое стихотворение «Смолкли честные. доблестно павшие...» Наконец, отголосок столь частых в 70-е годы репрессий против народников-пропагандистов слышится в хрестоматийных строках из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (о Григории Добросклонове):

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Вдохновляя революционеров своей музой, Некрасов после 1866 г. почти не был связан с ними лично. Известны лишь два-три факта, тем более значимые для нас. Например, участника революционно-народнических кружков Д. П. Сильчевского поэт, едва знакомый с ним, дважды (в 1876 и 1877 гг.) вызволил из-под ареста 93.

Зато И. С. Тургенев лично общался со многими революционерами (дружил с П. Л. Лавровым и Г. А. Лопатиным, был хорошо знаком с П. А. Кропоткиным, С. М. Кравчинским, С. Л. Клячко,

Н. В. Чайковским, Н. П. Цакни, Н. И. Паевским, В. В. Луцким, В. Я. Мейером, Л. К. Бухом и др.), всегда готов был помочь жертвам преследований царизма. Так, он хлопотал перед властями об освобождении Г. А. Лопатина и А. М. Макаревич (Кулишевой), о смягчении участи народников-пропагандистов М. Л. Веллера, Н. И. Иванова, Н. С. Мазченко и других, помог напечатать во Франции воспоминания судившегося по делу «193-х» И. Я. Павловского 94.

Начиная с «невообразимого нечаевского дела», которое так заинтриговало Тургенева в 1871 г., он следил чуть ли не за каждым политическим процессом в России. Судя по его письмам из Парижа и Буживаля, писатель был очень встревожен массовыми арестами 1874 г. по делу «193-х», буквально рвался (не пускала болезнь) приехать на процесс «50-ти», сопереживал с единомышленниками небывалый общественный резонанс вокруг дела Засулич: «История с Засулич взбудоражила решительно всю Европу».

По приезде в Петербург 22 мая 1877 г. Тургенев присутствовал на процессе «Южнороссийского союза рабочих» (25—29 мая) и, вероятно, посетил также процесс С. И. Сергеева 8 июня 1877 г., во всяком случае ради этого задержался с отъездом из Петер-

бурга в Москву.

По материалам процессов писатель изучал тип русского революционера, перед которым готов был «шапку снимать», восхищался подвижнической натурой И. Н. Мышкина («Вот человек — ни малейшего следа гамлетовщины»), ценил «замечательный героизм» А. К. Соловьева, бережно хранил у себя «изящные портреты Перовской, Желябова и Кибальчича» Опыт процессов убеждал Тургенева в тщетности карательного террора. «Русским государственным деятелям следовало бы подумать обо всем этом, — писал он по поводу процесса «50-ти», — и прийти к выводу, что единственный способ приостановить развитие революционной пропаганды в России — это даровать конституцию» 96.

Материалы процессов Тургенев использовал в художественных произведениях. «Новь» писалась с учетом данных нечаевского и долгушинского процессов, «Порог» — под впечатлением процессов «50-ти» (всего вероятнее), «193-х» и Веры Засулич, «Чернорабочий и белоручка» — очевидно, по материалам процесса «193-х». Во всех этих произведениях революционеры у Тургенева благородны и самоотверженны (героиня «Порога» названа «святой»), хотя и трагически обречены.

Л. Н. Толстой в 60-е годы относился к «нигилистам» с подчеркнутой враждебностью, о чем свидетельствуют его антинигилистические пьесы «Зараженное семейство» (1864 г.) и «Нигилист» (1866 г.), а также негодующий отклик на выстрел Д. В. Каракозова. В течение же 70-х годов он стал смотреть на революционеров иначе. Хотя Толстой считал «все насилия революционные от Пугачева до 1 марта» «неразумными и недействительными», он, подобно Тургеневу, преклонялся перед моральной «святостью» революционеров-народников, называл их «лучшими, высоконравственными, самоотверженными, добрыми людьми», выделяя при этом казненных Перовскую, Осинского, Лизогуба 97.

Политические процессы 70-х годов Толстой рассматривал как жгучую национальную проблему. Он не только скорбел о жертвах процессов («Юношу прекрасного Осинского повесили в Киеве»), но и готов был оправдывать ими «неразумное» в принципе революционное насилие (узнав подробности казни И. И. Розовского и М. П. Лозинского, восклицал: «Как же после этого не быть 1-му марта?»). В общественном возбуждении вокруг процессов Толстой усматривал как бы предвестие революции, смертельную угрозу существующему строю. «Мне кажется,— писал он 6 апреля 1878 г. в связи с оправданием Засулич,— что все вопросы восточные и все славяне и Константинополи — пустяки в сравнении с этим» 98.

Рубеж 1870—1880-х годов — та веха, когда завершился перелом во взглядах Толстого: писатель окончательно порвал с мировоззрением своего класса и утвердился на позициях патриархального крестьянства. Главную роль в этом сыграла обстановка второй революционной ситуации и в особенности события 1881 г. «Время это, 1881 год,— вспоминал Толстой много лет спустя,— было для меня самым горя-

чим временем внутренней перестройки всего моего миросозерцания...» А в ряду событий 1881 г., которые решающим образом повлияли на «перестройку миросозерцания» Толстого, очень важное место заняли судебный процесс и казнь первомартовцев, произведшие на писателя, как он признавал незадолго до смерти, «одно из самых сильных впечатлений» всей его жизни.

После того как благородная попытка Толстого спасти от казни героев 1 марта не удалась, он больше уже не вступался перед царем за осужденных революционеров, сознавая, что это бесполезно, но продолжал живо интересоваться политическими процессами и страдал от жестокости приговоров. «Что о приговоренных? — беспокоился он в письме к С. А. Толстой от 4 марта 1882 г. за судьбу жертв процесса «20-ти». — Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодованье поднимается, самое мучительное чувство» Когда его приятель Д. Ф. Самарин «с улыбкой» сказал ему о народовольцах: «Надо их вешать», Толстой «хотел вытолкать в шею» Самарина, рассорился с ним и потерял

уважение к нему ¹⁰⁰.

Озабоченный судьбами жертв «белого террора», Толстой в 80-е годы отдавал много времени и сил для того, чтобы как-то облегчить положение хоть кого-то из них. В апреле 1884 г. он решил напечатать книгу «Так что же нам делать?» с расчетом употребить гонорар, который он получил бы за нее, в пользу политических заключенных ¹⁰¹. Через своих знакомых он настойчиво хлопотал перед разными лицами (вплоть до императрицы) о смягчении участи томившейся на Карийской каторге террористки Н. А. Армфельд (в январе — мае 1884 г. неоднократно) 102 , привлеченной к делу «14-ти» народоволки З. Г. Ге (в мае 1884 г.) 103 , узника харьковской тюрьмы народовольца А. А. Тихоцкого (в марте 1885 г.) 104, арестованного в Петербурге, близкого к народовольцам И. И. Попова (в ноябре 1887 г.), киевских народников супругов А. М. и С. Н. Богомолец в ноябре 1887 — марте 1890 г. 105

Понятно, почему вслед за Тургеневым так сочувственно рисовал Толстой в своих произведениях образы мучеников (не столько борцов, сколько именно

мучеников) революции. Таков герой его рассказа «Божеское и человеческое» террорист Анатолий Светлогуб, списанный с реального Дмитрия Лизогуба. Таковы и герои романа «Воскресение» — политические ссыльные: народники-пропагандисты Симонсон, Набатов, Щетинина, народоволец Крыльцов. Вмонтированный в фабулу «Воскресения» рассказ о казни Лозинского и Розовского был документально точен 106 и воспринимался читателями как обвинение правительственного террора. В целом же художественное изображение преследуемых, казнимых революционеров должно было, по мысли Толстого, иллюстрировать генеральный (вытекавший из самой сути толстовства) вывол, наиболее отчетливо обоснованный им в предисловии к статье В. Г. Черткова революции»: революционеры — это «лучшие люди» нации, цель их («освобождение людей») возвышенна, но, «пытаясь новым насилием уничтожить прежнее», они только губят себя, ибо люди могут обрести свободу не в революции, а в «религиозноноавственном убеждении» 107.

С душевной болью следил за политическими процессами 70—80-х годов и М. Е. Салтыков-Шедрин. «Политические процессы следуют одни за другими... и кончаются сплошь каторгою... — писал он 1 ноября 1876 г. из Петербурга в Баден-Баден П. В. Анненкову. — Каторга за имение книги и за недонесение — это уже почти роскошь для такого бедного государства, как наша Русь. Подумайте только, как мало нужны нам люди и как легко выбрасываются за борт молодые силы — и Вы найдете, что тут скры-

вается некоторый своеобразный трагизм».

Щедрин тоже (как Тургенев и Толстой) не сочувствовал террору — ни «белому», ни «красному». «Что теперь здесь творится по поводу этих бессмысленных убийств и покушений, того ни в сказках сказать, ни пером описать!» — возмущался он в феврале 1879 г. Но, как бы то ни было, ответственным за то, что «творилось», писатель считал правительство. Не революционеров, а их гонителей корил он за жестокость, негодовал на «неистовства белой анархии, которая, кажется, надолго воцарилась у нас» 108.

Чисто военную жестокость царизма на политических процессах Щедрин изобличал в своих памфле-

тах. Его пером осрамлены столь характерные для 70—80-х годов типы чиновников-карателей, как два «бесшабашных советника» Удав и Дыба из книги «За рубежом» и особенно «надворный советник Сеничка» из десятого «Письма к тетеньке», мастер «щипать людскую корпию», хватать и судить хотя бы и случайно попавшихся («на то война-с!»), ибо, мол, все равно, «довольно останется!» Внимательным современникам мудрено было бы не узнать в «Сеничке» прокурора Н. В. Муравьева, который составил себе имя на виселицах по делу 1 марта 1881 г., а в феврале 1882 г., когда печаталось десятое «Письмо к тетеньке», вновь мастерски «щипал людскую корпию» на процессе «20-ти».

В сцене суда над пескарями по доносу лягушки на страницах «Современной идиллии» (1883 г.) Щедрин с большой обличительной силой изобразил самый механизм политического процесса, тонко раскрыв такие его приметы, как натянутость обвинения, подтасовка доказательств, корыстные наветы свиде-

телей и официозная пристрастность судей 110.

Г. И. Успенский, как и Тургенев, был лично связан со многими революционерами, а некоторых из них (С. М. Кравчинского, А. И. Желябова, С. Л. Перовскую, Н. И. Кибальчича, Ю. Н. Богдановича) считал своими друзьями. В квартире Успенского корифеи «Народной воли» встречали вместе с радушным хозяином новый, роковой и славный для них 1881 год 111. Полный уважения и любви ко всем героям «Народной воли», Успенский преклонялся перед Германом Лопатиным 112 и «просто «обожал», буквально обожал до религиозного экстаза» Веру Фигнер. Весть об аресте Фигнер потрясла его: «Он даже зарыдал и долго не мог успокоиться» 113. В день оглашения приговора по делу «14-ти» писатель сумел передать Вере Фигнер, только что осужденной на смерть, записку: «Как я вам завидую! Глеб Успенский» 114.

Под впечатлением процесса «14-ти» Успенский задумал и в 1885 г. написал очерк «Выпрямила», в котором он воспел три высочайшие гармонии: наряду с красотой труда и красотой искусства, олицетворенной в образе Венеры Милосской, красоту революционного подвига, тоже символизированную в образе

женщины. В подготовительных материалах к очерку назван прототип этой женщины: «В. Н.» и «Ф»

(т. е. В. Ĥ. Фигнер)¹¹⁵.

Столь же выстраданными и многозначащими были отклики на политические процессы в жизни и творчестве В. М. Гаршина. Гаршин по-толстовски отвергал всякое насилие («Кровь возмущает меня, но кровь — отовсюду» 116), однако он ценил нравственное величие революционеров и терзался состраданием к их жертвам. Его «Attalea princeps» (1880 г.) и особенно «Красный цветок» (1883 г.) — это и гимн «безумству храбрых» «Народной воли», и погребальный плач о ней. За судебной расправой с народниками Гаршин следил буквально в муках переживаний. Об этом говорят и его отклик на процесс участников Казанской демонстрации («Такие приговоры просто душу переворачивают» 117), и отчаянно-трагическая попытка спасти жизнь Ипполита Млодецкого 118. Неудача этой попытки стоила Гаршину психического расстройства.

Одновременно с Гаршиным сопереживал и воспевал подвиг самопожертвования «Народной воли» популярнейший поэт 80-х годов С. Я. Надсон. В его стихах «Мрачна моя тюрьма», «Ни звука в угрюмой тиши каземата», «Ты, для кого еще и день в лучах сияет» запечатлелась бездна страданий и сила духа жертв народовольческих процессов. В 1885 г. Надсон, вдохновленный образом Веры Фигнер и под впечатлением процесса «14-ти», написал стихотворение «По смутным признакам, доступным для немногих», заключительные строки которого переклика-

ются с концовкой «Порога» И. С. Тургенева:

И все-таки иди — и все-таки смелее Иди на тяжкий крест, иди на подвиг твой. И пусть бесплоден он, но жить другим светлее, Молясь пред чистою, возвышенной душой 119.

Другой поэт (едва ли не самый интересный в России эпохи безвременья — примерно с 1887 г., когда умер Надсон, до середины 90-х годов) — К. М. Фофанов, о котором Лев Толстой и в 1907 г. говорил: «Лучше поэта нынче нет» 120, начал свой творческий путь страстными, полными сочувствия к народовольцам откликами на расправу с ними. Таковы его сти-

хи 1881—1883 гг.: «Вы, что пали жертвой влобы», «Хоть грустно мне за них, но я горжуся ими», «Узник», «Рассказ могильшика о казни» 121. В августе 1882 г. Фофанов написал стихотворение «Погребена, оплакана, забыта...», которое он, по его словам (в передаче сына и дочери поэта), посвятил Софье Перовской 122.

Очень выразительно и с глубокой симпатией показаны жертвы политических репрессий в раннем творчестве В. Г. Короленко, который сам пережил четыре ареста и долгую ссылку за связи с револю-ционерами. В марте 1880 г. в камере вышневолоцкой пересыльной тюрьмы он написал рассказ «Чудная», получивший сразу широкую известность по спискам (напечатать его в России удалось лишь в 1905 г.). Героиня рассказа — больная, умирающая, но гордая и непреклонная ссыльная революционерка, о которой ее товарищ говорит жандарму: «Сломать ее можно... Вы и то уж сломали... Ну а согнуть, — сам, чай, видел; не гнутся этакие» 123. Прототипом «Чудной» была народоволка Э. Л. Улановская, трижды (в 1879, 1887 и 1891 гг.) осужденная царским судом. Короленко встречался с ней в ссылке и хотел посвятить ей «Чудную».

Рядом с «Чудной» Короленко и по сюжету, и по трактовке образа героини (ссыльной революционерки) можно поставить один из ранних рассказов А. М. Горького «Ма-аленькая» (1895 г.).

Любопытны и такие свидетельства общественных симпатий к жертвам «белого террора» 80-х годов, как юношеское стихотворение 16-летнего А. И. Куприна «Сны» (отклик на казнь Александра Ульянова и его товарищей) 124 и детский замысел А. А. Блока написать пьесу под впечатлением толков о самосожжении Михаила Грачевского ¹²⁵.

Все писатели, о которых идет речь, осуждали карательный произвол царизма. В этом отношении характерны также ранние рассказы А. П. Чехова «Брожение умов» (1884 г.) и «Унтер Пришибеев» (1885 г.), где нет революционеров, но сатирически представлены их каратели, а главное, как доносил цензор об «Унтере Пришибееве», «уродливые общественные формы, явившиеся вследствие усиленного наблюдения полиции» 126. Теперь установлено, что Чехов. будучи в 1890 г. на Сахалине, встречался там вопреки запрету властей с политическими каторжанами (И. П. Ювачевым, А. И. Александриным, Н. Л. Перлашкевичем, И. И. Мейснером и др.) 127 и, видимо, составил о них как о революционных типах доброе мнение. Это подтверждают и симпатии Чехова к образу революционера, который он создал в «Рассказе неизвестного человека» (1893 г.), и его переписка 1896 г. с братом народовольца-каторжанина И. Л. Манучарова 128.

Против карательной политики царизма восстанавливали читателей распространявшиеся с 70-х годов нелегально (в списках и подпольных изданиях) стихи «К судьям» А. Л. Боровиковского, «У гроба» А. А. Ольхина, «Последняя исповедь» Н. М. Минского, «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» А. П. Барыковой, «Сердце государево»

Л. Н. Трефолева с такими строками:

Мы между народами Тем себя прославили, Что громоотводами Виселицы ставили ¹²⁹,

потаенные экспромты В. Р. Щиглева, а также легаль-

ная «Узница» Я. П. Полонского.

Считается, что Полонский откликнулся своей «Узницей», опубликованной в 1878 г., на дело Засулич. Эта версия бытует в комментариях ко всем изданиям «Узницы» и в литературе о Полонском как общепринятая ¹³⁰. Между тем факты свидетельствуют, что «Узница» адресована девушкам процесса «50-ти», хотя и не обязательно Лидии Фигнер, как считала В. Фигнер. Прежде всего обращает на себя внимание датировка — 1877 г. — авторской рукописи бесцензурного (вдвое большего, чем легальный) текста «Узницы», впервые опубликованного в 1906 г. ¹³¹ В 1877 г. был процесс «50-ти», а дело Засулич относится к 1878 г. Кроме того, самый текст «Узницы» перекликается с процессом «50-ти», а не Засулич ¹³².

Для отвода глаз цензуры поэты 60—80-х годов часто облекали свои отклики на политические процессы в иносказательную форму. Самой распространенной была тогда аллегория древние христиане—современные народники с темой самопожертвования

и гибели во имя идеи. Таковы стихи «Неведомому богу» А. Л. Боровиковского, «Христианка» С. Я. Надсона и особенно «Мученица» А. П. Барыковой — о женщине-христианке, не отступившей от своих убеждений даже перед лютой казнью:

Великому делу я жизнь отдала, Победа за нами — я верю!.. ¹³³

Такие иносказания были не менее понятны для современников, чем стихи В. И. Немировича-Данченко («Узники», 1866 г.) или И. В. Омулевского («Свобода», 1867 г.), явно направленные против репрессий царизма, но «замаскированные» фиктивными подзаголовками «с немецкого», «с итальянского»

и проч.

В один голос с передовыми русскими писателями откликались на политические гонения корифеи литературы других народов России. Иван Франко вскоре после 1 марта 1881 г. славил в львовском журнале «Свит» «безмерное самопожертвование во имя идеи», которое выказывают перед царским судом народовольцы ¹³⁴. Революционер, полный презрения к судьям, тюремщикам, палачам, гибнущий за свои убеждения, но не изменяющий им, был в 70—80-е годы любимым поэтическим образом такого мастера слова, как М. П. Старицкий (стихи «Борцу», «Дочь Иефая», «Встреча», «Путь крутой») ¹³⁵. Леся Украинка в стихотворении «Мать-невольница» (1895 г.) воспела одну из жертв Карийской трагедии 1889 г. — М. П. Воронцову (Ковалевскую) ¹³⁶.

В Грузии полуиносказательно клеймил «белый террор» царизма Акакий Церетели («Кинжал», 1882 г.), возвеличивал жертвы царских репрессий Важа Пшавела («Верю — и верил всегда я», 1888 г.):

Жить на земле будет вечно Тот, кто погиб, сострадая Скорби людей бесконечной 137.

В Белоруссии стихи с обличением карательного произвола писал Франциск Богушевич («Худо будет», 1891 г.), в Латвии — Ян Райнис («Любящие отечество», 1897 г.).

Даже в целом консервативно настроенные писатели выступали против политических гонений, за

соблюдение законности в борьбе с «крамолой». Ф. И. Тютчев признавал «справедливым» юридически обоснованный приговор «нечаевцам» и усматривал в судебных уставах 1864 г. «лучшее ручательство будущности» России ¹³⁸. А. К. Толстой в сатире «Сон Попова» (1873 г.) язвил мир карателей: застенок III отделения («на вид весьма красивый дом, своим известный праведным судом»), жандармского «лазоревого полковника» с его сакраментальным требованием «всю рать сообщников назвать», министра — «ревнителя прав народных», который изрекает, не обинуясь: «Законность есть народное стесненье, гнуснейшее меж всеми преступленье!» 139 Ярый враг «нигилистов», изобразивший их в романе «Бесы» «руками, дрожащими от гнева» 140, Ф. М. Достоевский и тот в откликах на процессы казанских демонстрантов, В. Д. Дубровина, «16-ти» мучился сомнепризнавал «свою логику» и «какое-то удивительное самопожеотвование» революционеров 141. Более того, во втором, «главном» романе дилогии «Братья Карамазовы» он собирался «сделать революционером» своего любимого героя Алешу Карамазова. По свидетельству А. С. Суворина, Достоевский рассказывал ему незадолго до смерти, что Алеша в этом романе «совершил бы политическое преступление, его бы казнили; он искал бы правду и в этих поисках, естественно (!—H. T.), стал бы революционером» 142.

Только писатели, которые специализировались на так называемом «антинигилистическом романе», оправдывали карательный террор царизма. Б. М. Маркевич (тот самый, кого И. С. Тургенев сделал заглавным героем аллегорического стихотворения в прозе «Гад») на страницах романа (1883—1884 гг.) даже корил царские власти, в лице прокурора Тарах-Таращанского, за недостаточно жестокую расправу с крамолой, требуя от них еще более крутых мер 143. Маркевичу поддакивали и другие беллетоисты-антинигилисты (В. П. Авенариус, В. П. Клюшников, В. Г. Авсеенко, К. Ф. Головин), которых вплеснули в литературу две волны антинигилистического романа: одна — на рубеже 60—70-х годов, в ответ на каракозовскую и нечаевскую «крамолу», другая — 1880—1885 гг. как реакция на «Народную волю». Все эти беллетристы по своим творческим возможностям выглядели пигмеями рядом не только с такими гигантами, как Толстой или Тургенев, но и с писателями масштаба Гаршина или Надсона.

Н. С. Лесков, который в 60-х годах отдал дань антинигилизму романами «Некуда» и «На ножах». в течение 70-х годов эволюционировал далеко влево, счел свои антинигилистические опусы «ошибкой молодости» 144 и в 80—90-е годы создал ряд блестящих сатир на карательную политику царизма. Таковы в особенности два его произведения 90-х годов: рассказ «Административная грация» и повесть «Заячий ремиз». В повести уничтожающе обрисованы царские «ловитчики», алчущие «цапать потрясователей основ», под которыми разумеются «сишилисты», т. е. «мужеский пол в шляпах земли греческой, а женская плоть — стрижены и в темных окулярах, як лягушки». Эти «ловитчики» цапают как «мужеский пол», так и «женскую плоть» по одному подозрению и жалеют о том, что вместо старого феодального «письменного» суда учреждено какое-то «егалите и братарните», где «то судья говорит, то злодей говорит, а то еще его заступшик» 145.

Все произведения, в которых так или иначе осуждался карательный террор, а также личные связи авторов этих произведений с врагами царизма, их выступления в защиту жертв судебной и административной расправы всегда вызывали у современников широкий сочувственный резонанс, тем самым еще более возбуждая общество против царского режима. Что же касается «антинигилистической» литературы, то она не имела в обществе и малой доли того успеха, каким пользовались передовые писатели, ни по художественным достоинствам (исключая лишь «Бесов» Достоевского), ни по идейной направленности.

Наряду с литературой ярко свидетельствовала об отношении русского общества к политическим процессам живопись. Революционная тема в русской живописи стала возможной лишь после отмены крепостного права. Первые шаги к ней были сделаны в 60-е годы, когда некоторые художники стали изображать эпизоды гонений и расправы с революционерами,

не указывая прямо на политический характер таких эпизодов. Это картины «Привал арестантов» В. И. Якоби, «Ссыльнопоселенец» М. И. Пескова, «Возвращение ссыльного» П. С. Косолапа, рисунки «Острижение каторжного в тюрьме» того же Якоби, «Долго ли похерить человека?» Н. В. Иевлева. В них еще нет и намека на героику революционной борьбы, есть только горечь сострадания к преследуемым, гонимым, уже надломленным людям. Только рисунок И. Е. Репина «Каракозов перед казнью» (1866 г.) впервые в русской живописи изображает (пока неотчетливо, контурно) революционного борца, героя, который смотрит в лицо смерти с гордым достоинством, «без страха и сомненья».

Развивать революционный жанр русские художники стали в годы «хождения в народ», особенно в годы второй революционной ситуации, которая и определила высочайший подъем отечественной живописи. Характерно, что прямое, конкретное воплощение революционных сюжетов и образов началось лишь со второй половины 70-х годов, как раз в условиях назревания революционной ситуации. До тех же пор (по мере того, как нарастала освободительная борьба и углублялось ее восприятие в обществе, литературе, искусстве) русские живописцы разрабатывали революционную тему иносказательно. Обычной формой для иносказаний служили религиозные, исторические и бытовые (без политической окраски) сюжеты 146.

В живописи, как и в литературе, очень употребительной была христианско-народническая аллегория. Образ Христа стал, по выражению И. Н. Крамского, иносказательным «иероглифом» ¹⁴⁷ образа «народного заступника» 1870—1880-х годов. Картины Крамского «Христос в пустыне» (1872 г.) и «Хохот» (1882 г.) аллегорически возвеличивали народника с его готовностью к самопожертвованию ради общего блага. Иной смысл несли в себе полотна о Христе Н. Н. Ге: «Что есть истина?» (1890 г.), «Суд Синедриона. Повинен смерти» (1892 г.) и особенно лебединая песня художника — знаменитое «Распятие», над которым Ге работал с 1883 по 1894 г., переписав его 19 раз и окончив лишь за считанные месяцы до смерти. В этих полотнах главное — не подвиг героя,

а расправа с ним, обличение жестокости и бессмысленности такой расправы. Крамской и Ге сами, как явствует из их собственных признаний, вкладывали в свои христианские сюжеты аллегорический смысл ¹⁴⁸. Зрители же «находили» и «расшифровывали» аллегорию даже там, где она не подразумевалась. Например, «осовремененно» воспринимались «христиане, умирающие за то, во что они верят», в картине «Светочи христианства» (1877 г.) крупнейшего мастера академической живописи Г. И. Семирадского ¹⁴⁹, весьма чуждого какой бы то ни было «политики».

Чаще религиозных использовались для иносказательного суда над современностью исторические сюжеты. Еще в 1864 г. Якоби написал картину «Умеренные и террористы», которая, несмотря на французский сюжет (термидорианцы глумятся над побежденным, умирающим Робеспьером), остро ставила злободневную для русской действительности тему гибели революционера, насилия над ним, тему вакханалии реакции. Возможно, как обличение «белого террора» была задумана (воспринималась именно так) и «Княжна Тараканова» К. Д. Флавицкого. Она тоже появилась в год карательного разгула, после того как была исчерпана первая революционная ситуация, в год гражданской казни Чернышевского (1864 г.).

В 70-е же и 80-е годы русские художники создали много исторических картин, вполне отвечающих принципиальному требованию Крамского: «Историческую картину следует писать только тогда, когда она дает канву, так сказать, для узоров по поводу современности, когда исторической картиной затрагивается животрепещущий интерес нашего времени» 150. Ряд таких картин представил собой иносказательные отклики на политические процессы. Так, под впечатлением процесса 1 марта 1881 г. были задуманы лучшие создания двух величайших гениев русской живописи — «Иван Грозный и сын его Иван» И. Е. Репина и «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова.

Казнь первомартовцев потрясла Репина. Он был свидетелем казни. «Ах, какие это были кошмарные времена,— вздыхал он, вспоминая об этом много лет спустя. — Сплошной ужас... — Я даже помню на груди каждого дощечки с надписью «Цареубийца». Помню даже серые брюки Желябова, черный капор

Перовской» 151. «Сплошной ужас» расправы с народовольцами и натолкнул Репина на мысль о картине «Иван Грозный» как иносказательном обличении современности. «Какая-то кровавая полоса прошла через этот год, рассказывал он о рождении замысла картины в 1881 г. — Страшно было подходить — не сдобровать... Естественно было искать выхода наболевшему трагизму в истории... Началась картина вдохновенно, шла залпами. Чувства были перегружены ужасами современности» 152.

Современники — и друзья, и недруги Репина — сразу поняли, сколь злободневна картина при всей отдаленности ее сюжета. «Тут, — писал о картине Репину Лев Толстой, — что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель (курсив мой. — H. T.)» 153 . А Победоносцев уже нашептывал царю: «Картина просто отвратительна. И к чему тут Йоанн Грозный? Кроме тенденции известного рода не приберешь другого мотива (курсив мой. — H. T.)» 154 . Действительно, в обстановке, когда царизм душил революционое движение, уничтожая цвет и молодость нации, картина, изображающая, как бесноватый царь-деспот убивает собственного сына, походила на взрыв про-

теста против царского деспотизма.

Сравнительно недавно разъяснилась история замысла «Боярыни Морозовой» Сурикова. Теперь можно считать доказанной впервые высказанную Т. В. Юровой, а затем подтвержденную В. С. Кеменовым гипотезу о том, что Суриков начал писать «Боярыню Морозову» под впечатлением казни Софьи Перовской, точнее говоря, под впечатлением провоза первомартовцев, среди которых была Софья Перовская, к месту казни ¹⁵⁵. Был ли Суриков свидетелем казни, как полагает Т. В. Юрова, или он узнал ее подробности от очевидцев (например, от Репина), не столь существенно. Подвиг женщины — первой в России, которая взошла на эшафот за революцию, поразил воображение художника, и он в поисках иносказательного отклика на это событие обратился к личности Феодосии Морозовой, ибо она расценивалась тогда в демократических кругах как пример благородного и самоотверженного характера, готового скорее погибнуть, чем изменить своим убеждениям ¹⁵⁶.

Современники легко находили в историческом сюжете «Боярыни Морозовой» злободневный подтекст. Официозный искусствовед Н. А. Александоов даже вульгаризировал актуальность картины, заявив, что Суриков попросту облек в исторические костюмы «современное происшествие» 157. Знаменательно, что в представлении Веры Фигнер, не ведавшей об истории суриковского замысла, «Боярыня Морозова» воскрешала именно казнь Софьи Перовской. «После Шлиссельбурга, — читаем у Фигнер, — в архангельскую ссылку Александра Ивановна Мороз привезла мне прекрасную большую гравюру с картины Сурикова «Боярыня Морозова»... Гравюра говорит живыми чертами — говорит о борьбе за убеждения, о гонении и гибели стойких, верных себе. Она воскрешает страницу жизни... 3 апреля 1881 года... Колесницы цареубийц... Софья Перовская...» 158

Иносказательное осуждение террора современных карателей заключали в себе и другие полотна Сурикова 80-х годов с мотивами казни и заточения («Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове»), а также картина Н. В. Неврева «Смерть князя Гвоздева» (Иван Грозный убивает безвинно одного из своих подданных). Эта картина, написанная в 1881 г., перекликается как по сюжету, так и по смыслу с картиной Репина. Крамской считал даже, что у Неврева влободневность выражена откровеннее, и удивлялся после запрещения картины Репина, как это раньше, когда выставлял свой холст Неврев, «никто не заикнулся ни единым словом, что, мол, тенденция-то у художника того — разрушительная» 159.

Еще чаще, чем исторические сюжеты, использовался для иносказательного протеста против «белого террора» бытовой жанр. Он позволял откликнуться на политические процессы громко и не слишком потаенно — «вполоткрыта», как любил говорить И. А. Крылов. В 70—90-е годы художники сделали полицейские и судебные гонения одной из главных тем бытового жанра, обличая таким образом жестокость царизма и пробуждая сострадание и симпатии к его жертвам. Герой картины В. Г. Перова «Отпетый» (1873 г.), хотя он и лишен политического акцента, заставляет вспомнить об энтузиастах «хож-

дения в народ», которые и под арестом (случалось, как у Перова, под стражей из крестьян) не падали духом, пытаясь даже, и не без успеха, подобно «от-

петому» распропагандировать стражу.

В. Е. Маковский в 1875 г., когда еще не схлынула волна арестов по делу о «хождении в народ», написал картину «Ожидание у острога», которая имела очевидную цель привлечь сочувствие общества к узникам пересыльных тюрем, а в 1879 г. под впечатлением новых репрессий (теперь уже против терроэкспонировал первый вариант картины «Осужденный», где с такой симпатией изобразил осужденного (тоже без явных признаков революционера), что Крамской засвидетельствовал: «Перед его картиною плачут» 160. Н. А. Ярошенко еще до того, как он выставил своего «Заключенного». обличал карательный террор 70-х годов «вполоткрыта»: к 1878 г. относятся его неоконченная картина «В пересыльной тюрьме» и эскиз «Ночной арест». Таков же по смыслу экспонированный в 1880 г. рисунок С. А. Коровина «Конвой арестантов».

Идейно близка к этим произведениям более потаенная по сюжету картина Н.В. Неврева «Больная» (1878 г.), в которой художник попытался, хотя и с оглядкой на цензуру, создать образ женщины-революционерки (свидетельство революционности героини — портрет Герцена на стене ее комнаты). Скорее всего «Больная» написана под впечатлением процесса «50-ти» — в том же несколько сентиментальном духе сострадания к пропагандисткам (непременно юным и уже смертельно больным от тягот заточения), что и литературные отклики на этот процесс: «Узница» Полонского, «К судьям» Боровиков-

ского и др.

Особенно часто обращались русские художники к теме «белого террора» в период реакции 80-х — начала 90-х годов. Продолжал свой «арестантский» цикл Ярошенко: картины «Причины неизвестны» (1884 г.), «Всюду жизнь» (1888 г.), «В вагоне» (конец 80-х годов), акварель «Под конвоем» и рисунок «Арестованного ведут» (1891 г.). Не зря реакционные критики злобно иронизировали над тем, что из картин Ярошенко «можно составить целую нелегальную выставку разных заключенных арестантов» 161. В. Ма-

ковский косвенно осудил «белый террор» 80-х годов в картинах «Оправданная» (1882 г.) и «По этапу» (1884 г.). То же сделал и Суриков в двух иллюстрациях к рассказу Льва Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет». Одна из них изображает арест героя, а другая, под названием «Острог» (1882 г.),— уголок царской каторги, который служил тогда живым напоминанием о судьбе революционеров, осужденных на каторгу.

Вслед за Ярошенко «арестантский» цикл произведений, каждое из которых представляло собой обличительный документ против карательного террора, создал в 1885—1892 гг. С. В. Иванов. Большинство из них (включая первую картину цикла —«У острога» и последнюю — «Этап») не имело явных признаков того, что речь идет о политических арестантах, но воспринимались они тогда как протест против раз-

гула именно политических репрессий.

Об участи подсудимых, ссыльных и каторжных (в первую очередь, конечно, политических) 80—90-х годов напоминали современникам также картины «Беглые в Сибири» (1891 г.) и «В ожидании приговора суда» (1895 г.) К. А. Савицкого, «По этапам» А. Е. Архипова (1893 г.), «В коридоре окружного суда» Н. А. Касаткина (1897 г.), «Встреча. Приезд жены к ссыльному в Сибирь» В. А. Серова (1898 г.) и особенно знаменитая «Владимирка» И. И. Левитана (1892 г.) — редкий в мировой живописи пример «исторического пейзажа», как выразился М. В. Нестеров. Владимирская дорога, по которой в 60— 90-е годы гнали в Сибирь тысячи лишенных гражданских прав и закованных в цепи революционеров. была увековечена в картине Левитана как символ людского мученичества, памятник жертвам политических гонений и проклятье царскому режиму.

Со второй половины 70-х годов в преддверии революционной ситуации некоторые художники наряду с иносказаниями начали создавать и вполне откровенные по смыслу (иногда даже подчеркнутому в названии) произведения на революционную тему. Центральное место в них, как и в иносказаниях, занимал показ репрессий царизма против борцов за свободу с ярко выраженным осуждением этих репрессий. Первым по времени таким произведением

стала небольшая картина Репина «Под конвоем» (1876 г.) — протестующий отклик на эпидемию арестов по делу о «хождении в народ», а в 1878 г., когда все русское общество было наэлектризовано рядом громких политических процессов (казанских демонстрантов, «50-ти», «193-х», Веры Засулич, Ковальского), Ярошенко выставил картину «Заключенный»— первое в отечественной живописи большое полотно, посвященное революционеру. Тогда же, в 1878 г., Репин под впечатлением процесса «193-х» начал писать «Арест пропагандиста», а Ярошенко, взволнованный делом Засулич,— картину «У Литовского замка».

Все эти произведения побуждали русское общество не только сочувствовать жертвам политических процессов, но и помогать им, содействовать. В 80-е годы таких произведений стало еще больше. Главным об-

разом это картины Репина.

В 1880—1885 гг. Репин написал «Отказ от исповеди перед казнью», а в 1884 или 1885 г. — еще и менее известную картину «В одиночном заключении» (другое название — «Революционерка перед казнью»), впрочем неоднократно (1897, 1899, 1900 гг.) экспонированную на международных выставках. На первую из этих картин он был вдохновлен сценами Н. М. Минского «Последняя исповедь», опубликованными в № 1 газеты «Народная воля»; сюжет второй картины, по изустному преданию, почерпнул из процесса «14-ти», причем молодежь и в 90-е годы называла картину без обиняков: «Вера Фигнер в тюрьме» 162.

Обе картины идейно перекликаются друг с другом: они утверждают не только нравственное превосходство революционера над его палачами, но и неодолимость движения, представленного такими людьми, которые не склоняются ни перед богом, ни перед самой смертью. Реальные герои «Народной боли»—Андрей Желябов и Николай Кибальчич, Степан Халтурин и Александр Ульянов — шли на смерть, отказываясь от поповского благословения, именно так, как это делает герой Репина. А репинская героиня напоминала современникам, что активными борцами за свободу становятся и женщины — такие, как Софья Перовская и Вера Засулич, Софья Бардина

и Вера Фигнер,— которые не уступают своим товарищам по делу, мужчинам, ни убежденностью, ни силой духа 163.

В 1884 г., еще не окончив «Отказа от исповеди» и «В одиночном заключении», Репин выставил знаменитую картину «Не ждали». Ее герой — революционер, который пережил долгую ссылку (или каторгу) и выходит на волю несломленным, все еще сильным, готовым к новой борьбе 164. Главная идея этой картины — моральное оправдание революционера, оправдание и, стало быть, возвеличение оеволюционного движения, его идеалов и жертв. Картина впечатляла тем сильнее, что она была выполнена с высочайшим, почти беспримерным даже для Репина мастерством. Лев Толстой очень удачно определил: «Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник» 165. Если приложить эти три критерия к «Не ждали», даже самый взыскательный критик не сможет не признать картину безупречной.

Помимо картин Репин откликался на политические процессы в рисунках и портретах начиная с 1866 г., когда он зарисовал «Каракозова перед казнью». В 1881 г. он написал портрет Геси Гельфман, осужденной на смертную казнь по делу о цареубийстве, выразив таким образом свое сострадание и симпатию к ней. Известная картина Репина «Украинка у плетня» (1876 г.) представляет собой, как установил недавно З. И. Крапивин, портрет участницы революционного подполья Зои Григорьевны Ге, подвер-

гавшейся жандармским репрессиям 166.

Произведения с откровенным, причем глубоко сочувственным показом жертв политических процессов создавали в 80-е годы и другие художники. В. Маковский с 1879 до 1890 г. работал над вторым вариантом своего полуиносказательного «Осужденного», придавая ему вполне определенную политическую окраску, а в 1882 г., вероятно под впечатлением ранних процессов «Народной воли», написал новую картину «Узник». Герой этой картины очень близок к народовольцу из репинского «Отказа от исповеди»: глядя на узника Маковского, невольно думаешь, что именно такой характер способен перед казнью гордо отвергнуть исповедь. С другой картиной Репина —

6*

«Арест пропагандиста» перекликаются как идейно, так и сюжетно (вплоть до названия) рисунок В. Маковского «Арест нигилистов» (1884 г.) и замысел картины Ярошенко «Арест пропагандистки», оставшийся незавершенным. Сохранился лишь эскиз 1887 г., который обозначает композицию будущего произведения и схему образа героини, столь же целеустремленной и непреклонной, как и герой Репина.

Громко откликнулся на политические процессы 80-х годов величайший из русских мастеров батального жанра В. В. Верещагин. В 1884—1886 гг. он написал картину «Казнь заговорщиков в России», гле запечатлен Семеновский плац с пятью виселицами, как 3 апреля 1881 г., хотя и в зимний день, в снегопад, что как бы символизировало гнетущую политическую атмосферу Петербурга. Пафос этой картины не в прославлении борцов за свободу, а осуждении их палачей. Верещагин включил ее свою всемирно известную «Трилогию казней», другие части которой составили «Распятие на кресте у оимлян» и «Подавление индийского восстания англичанами». Таким образом, трилогия ставила «белый террор» царизма 80-х годов «в один ряд с самыми отвратительными проявлениями деспотического варварства всех времен и народов» 167.

Прямое обличение «белого террора» при явном сочувствии к его жертвам налицо и в картине С. В. Иванова «Из острога на допрос» (1887 г.). Эскиз к ней под названием «Арестованный» написан, вероятно, в дни арестов по делу «Второго 1 марта». Он изображает молодого арестанта, на вид студента, которого ведут по городу два конных жандарма с саблями наголо.

Дерзкий вызов царским карателям представила собой чрезвычайно популярная в 90-е годы, ныне уже забытая, картина художника-демократа Я. Я. Калиниченко «Перед обыском» (1895 г.) 168. Менее откровенна и выразительна созданная на ту же тему картина Н. А. Касаткина «Решение» (1900 г.).

Даже К. Е. Маковский, с конца 70-х годов эволюционировавший к монархизму в убеждениях и академизму в творчестве (в 1883 г. он порвал с передвижниками), и тот невольно отдал дань уважения мученикам «Народной воли». Преисполненный скорби об Александре II, с которым был лично близок, и негодования против цареубийц, ежедневно являлся он на заседания суда по делу 1 марта 1881 г. и рисовал там с натуры судей и подсудимых. Талант художника взял верх над его чувством. Неожиданно для самого Маковского судьи (лично с ним знакомые) и прокурор оказались в его рисунках морально ущербными, отталкивающими, а подсудимые (в особенности Желябов) — благородными и привлекательными личностями. Взволнованный художник отказался от увлекшей было его затеи создать верноподданническое полотно о «злодеянии» 1 марта 169.

Так почти все корифеи русской живописи 60—90-х годов выразили в своих произведениях протест против царского террора и уважительное сочувствие к его жертвам. «Аптинигилистических» картин никто из художников, сколько-нибудь известных в то вре-

мя, не писал.

Как правило, живописцы, затронувшие тогда революционную тему, изображали не деятельность революционеров, а преследование их властями (арест, суд, заточение, ссылку, казнь). Это объяснялось и цензурными соображениями (революционер арестом был более приемлем для цензуры, чем в действии), и политической обстановкой тех лет, когда прежде всего бросался в глаза и больше всего возмушал современников именно разгул правительственных репрессий. Но и под арестом и судом, в заточении и перед казнью революционер, каким изображали его (прямо, «вполоткрыта» или на «языке иероглифа») Репин, Ярошенко, Перов, Суриков, Крамской, Ге, Иванов, Верещагин, Якоби, братья Маковские, бесконечно превосходил своих врагов идейно и нравственно, привлекая тем самым симпатии общества к деятелям русской революции и к ее идеалам. Глядя, к примеру, на героя картины Репина «Отказ от исповеди», зритель легко мог рассудить, что дело, ради которого такие люди так идут на смерть, бессмеотно.

Более того, живопись, изобличавшая с такой художественной силой «деспотическое варварство» царизма, вовлекала в революцию новых борцов — сначала народнического, а потом и социал-демократического поколения. «Еще нигде не описаны,— свидетельствовал В. Д. Бонч-Бруевич,— те переживания революционеров, те клятвы, которые давали мы... при созерцании таких картин, как «Иван Грозный и сын его Иван», «Утро стрелецкой казни», как «Княжна Тараканова», как та картина, на которой... народоволец отказывается перед смертной казнью принять благословение священника»¹⁷⁰.

Театр и музыка всегда были несколько дальше от политики, чем литература и живопись, как по жанровому своеобразию, так и ввиду тягостной опеки со стороны «верхов», давления вкусов «света». Люди театра в 60—90-е годы большей частью обывательски восставали против всякой «крамолы», легко поддавались верноподданническому психозу, особенно в связи с покушениями революционеров на царя. Но и среди актеров, музыкантов, театроведов с годами росло возмущение против карательного террора и сочувствие к его жертвам. То и другое выражали в откликах на политические процессы самые знаменитые мастера, корифеи театра и

музыки.

Так, М. Н. Ермолова в дни процесса «193-х» выступала на студенческих вечерах с чтением «Реквиема» Л. И. Пальмина («Не плачьте над трупами павших борцов...»), читала, «где это было возможно, на концертах» и полузапретную «Узницу» Я. П. Полонского 171. М. Г. Савина, наблюдавшая с балкона своей квартиры за тем, как везли к месту казни героев 1 марта, преклонилась перед их мужеством и «утверждала, что кроме одного из приговоренных, Рысакова, лица остальных, влекомых на казнь, были светлее и радостнее лиц, их окружавших. Софья Перовская... зарделась и просто сияла на темном фоне моачной процессии» 172. Возмущался варварской казнью первомартовцев А. И. Южин 173. Корифей оусской провинциальной сцены В. Н. Андреев-Бурлак в устных рассказах конца 70-х годов язвил над эпидемией доносов, слежки, полицейских гонений, а в 1883 г. опубликовал чудом проникший сквозь цензуру рассказ «За отца», где на частном примере (тюремный часовой идет под расстрел за то, что позволил бежать узнику - своему отцу) обличал карательную политику царизма 174.

Популярные актеры и музыканты отваживались и на поямую поддеожку жеотв политических процессов. Основательница первого в Москве частного (Пушкинского) театра А. А. Бренко с ведома и при помощи таких выдающихся артистов, выступавших в 1880—1882 гг. на сцене ее театра, как П. А. Стрепетова, М. И. Писарев, А. Я. Глама-Мещерская, собирала средства в пользу политических узников. укрывала их после побегов 175. А. П. Бородин привлек к себе внимание полиции на вечере в Петербургском клубе художников 3 февраля 1877 г., где были собраны 1000 руб. пособия осужденным по делу о Казанской демонстрации. Автор «Богатырской симфонии» дирижировал на этом вечере студенческим хором. Как явствует из агентурного донесения, хор пел тенденциозную песню с повторяющимся словом «свобода», «которое каждый раз сопровождалось громкими криками «браво» и самыми оскорбительными для правительства выражениями» 176.

Примечательны отклики на политические процессы и других композиторов. М. А. Балакирев, бывший по-толстовски поотивником всякого насилия, в деле Веры Засулич осуждал не ее покущение, а самовластие Ф. Ф. Трепова 177. А. Г. Рубинштейн, который в 1866 г. написал верноподданническую увертюру в честь избавления Александра II от пули Каракозова, к концу 70-х годов преодолел свою предубежденность против революционеров и стал желать «полной перемены нынешней формы правления» 178. В этом ему, без сомнения, помогла сестра Софья Гоигооьевна — вокальный педагог (одно время занимавшаяся с А. В. Неждановой). Она была близка к революционерам и сама привлекалась к делу «14-ти» 179. По ее совету Рубинштейн написал (как будто уже в 1878 г.) романс на «крамольные» стихи Полонского «Узница» 180. Позднее, в 1881 г., те же стихи положил на музыку Д. А. Усатов — певец и педагог, первый исполнитель партии Ленского на профессиональной сцене, учитель Ф. И. Шаляпина 181.

П. И. Чайковский, хотя и грешил (гораздо больше, чем Рубинштейн) верноподданническими иллюзиями 182, тоже осуждал карательный террор. «Волосы становятся дыбом, когда узнаешь, как

безжалостно-жестоко, бесчеловечно поступают иногда с этими заблуждающимися юношами» 183, — возмущался композитор. В деле Засулич он клеймил «наглый и жестокий произвол петербургского префекта», а Засулич признавал личностью «недюжинной и невольно внушающей симпатию» 184. В этой связи автор капитальной биографии Чайковского А. А. Альшванг, на мой взгляд, обоснованно предположил, что самоотверженная борьба русских революционеров, с такой силой раскрывшаяся на политических процессах 1877—1878 гг., увлекла композитора и подтолкнула его к героической, шиллеровской теме (опера «Орлеанская дева», 1879 г.), в общем-то не

свойственной его таланту и темпераменту ¹⁸⁵.

Иносказательный протест против «белого теорора». хотя слабее и реже, чем в литературе и живописи 60-90-х годов, звучал и в театре. Зритель, даже не весьма проницательный, легко находил тогда в любом сюжете (например, из эпохи средневековой инквизиции) аналогию с русской современной действительностью. «Каждый намек, каждая аналогия, каждая звучащая невинно фраза, в которой заключалась хоть доля критики на современный режим, подхватывались страстно, проникновенно, вспоминала об этом Т. Л. Щепкина-Куперник. — И публика выражала свое сочувствие, бурлила, кипела, а молодежь часто расходилась из театра к ужасу городовых с пением революционных песен» 186. Так впечатляли пьесы «Овечий источник» и «Звезда Севильи» Лопе де Вега, особенно же «Корсиканка» Луиджи Гуальтьери — самый смелый, самый рискованный из всех иносказательно-тенденциозных спектаклей на русской сцене. Вскоре после цареубийства 1 марта 1881 г. и казни народовольцев-цареубийц М. Н. Ермолова, взволнованная жизнью и гибелью Софьи Перовской, выбрала для своего бенефисного спектакля неизвестную до тех пор в России драму Гуальтьери и вдохновенно сыграла в ней роль Гюльнары, убивающей деспота. Власти были так встревожены опасной тенденциозностью «Корсиканки», что после первого же представления сняли ее с репертуара навсегда ¹⁸⁷.

В музыкальном театре такую же роль антиправительственных иносказаний играли оперы «Вильгельм

Телль» Д. Россини, «Пророк» Д. Мейербера, «Фенелла» Д. Обера. «Артисты не всегда изображали только королей, герцогов, пажей и всякого рода властителей,— говорил об этом Л. В. Собинов на праздновании столетия Большого театра. — Они появлялись на сцене и в виде народных трибунов, героев народных восстаний, вождей-мстителей за попранное человеческое достоинство. В глухое политическое безвременье и это было заслугой» 188 .

Русские ученые были, пожалуй, еще дальше от политики, чем даже люди театра. И. Й. Мечников свидетельствовал, что в 60-е и 70-е годы «большинство профессоров отличалось политическим индифферентизмом», и лишь с конца 70-х годов, особенно же после 1 марта 1881 г., политика стала все чаще отрывать их от науки 189. Ведь год от году все активнее поднималась на революционную борьбу и нещаднее преследовалась карателями масса студенчества.

Большей частью ученые относились к единоборству между царизмом и «нигилизмом» по-толстовски. Они отвергали революционное насилие. Враждебно отзывались о революционерах, например, Д. И. Менделеев, Н. И. Пирогов, М. И. Семевский ¹⁹⁰. Но еще нетерпимее были они к правительственному террору, усматривая именно в нем корень политических неурядиц и антагонизмов. Резко осуждали карательную политику царизма 70—90-х годов с ее, по выражению К. А. Тимирязева, «действительно нигилистическим лозунгом—«чтобы ничего не было»» ¹⁹¹ тот же Менделеев, И. М. Сеченов, М. М. Ковалевский, А. М. Бутлеров, Н. М. Пржевальский, А. Н. Бекетов, В. В. Марковников ¹⁹².

Ведущие русские ученые всегда защищали студенчество от политических гонений. Нередко они вступались даже за арестованных и осужденных революционеров из числа своих учеников: И. М. Сеченов — за Н. Е. Введенского, уже отсидевшего три года в тюрьме по делу «193-х» и вновь привлеченного к делу «16-ти», физик Н. А. Умов — за народовольца И. А. Рубановича, экономист Н. Х. Бунге — за чернопередельца И. К. Иванова 193. Почетный академик П. П. Семенов-Тян-Шанский, «бывший всегда защитником политических осужденных» (по утверждению его сына), «сделал энергичную попытку» спасти жизни

вторых первомартовцев: «он быстро дошел до министра внутренних дел, но встретил в лице его стену... преодолеть которую оказалось невозможным» 194

Правда, такие ходатайства, требуя от ходатаев большого гражданского мужества, не всегда выражали их политические настроения, поскольку возбуждались чаще из научных соображений. Но бывало и так, что ученые — вместе со студентами — присоединялись к чисто политическим актам солидарности с жертвами «белого террора». Профессора В. А. Манасеин и И. Р. Тархнишвили приняли демонстративное участие в похоронах П. Ф. Чернышева 30 марта 1876 г., К. А. Тимирязев — в студенческих сходках памяти Н. Г. Чернышевского 17 октября 1889 г., академик А. Н. Бекетов, профессора Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов — в «Ветровской демонстрации» 4 марта 1897 г. Выдающийся анатом П. Ф. Лесгафт с 1871 г. был под надзором полиции за «резкое порицание» карательного произвола, а знаменитый геолог А. А. Иностранцев с 1881 г. — за «вспомоществование политическим преступникам» 195.

Политический акт, в котором соединились протест против карателей и солидарность с их жертвами, представила собой повесть великого математика С. В. Ковалевской «Нигилистка». В девятой главе повести подробно и ярко описан политический процесс по делу о «хождении в народ», иллюстрированный и деталями из народовольческих процессов. В числе пяти главных подсудимых здесь — две женщины (как на процессе первомартовцев). Все подсудимые благородны. Зато прокурор и судьи («двенадцать сенаторов, у которых на груди больше орденов, чем волос на голове») обрисованы как лакеи правительства: «Им наперед были даны инструкции, и приговор их можно было предсказать».

Ковалевская талантливо, со знанием дела изобразила ход суда, показав, как выступления подсудимых и защита их адвокатами растопили лед предубеждения против них в публике. К концу судебного разбирательства «о прежнем презрительном, саркастическом отношении (зрителей к подсудимым. $\sim H.T.$) не было и помину. Постепенно накопившиеся в них

симпатии грозили перейти в энтузиазм» 196.

3. Отклики рабочих и крестьян на политические процессы

Революционеры-разночинцы не только считали себя выразителями воли трудового (крестьянского в первую очередь, а также рабочего) люда, но и верили в то, что сумеют добиться понимания и поддержки народных масс. Эта вера, собственно, и была для них главным источником силы. «Социалисты чувствуют под собой почву, — писала об этом газета «Земля и воля», — они действуют во имя народных интересов, желаний, идеалов. За ними — масса. Если же масса не поняла их сегодня, то поймет завтра (курсив мой. — Н. Т.). Пои таких условиях можно требовать, как это делают социалисты» 197. Иначе говоря, народные массы, пока не удавалось поднять их на революцию, были для разночинцев опорой только в теории, в перспективе, а практически оставались такими же, как интеллигентское общество, свидетелями единоборства между царизмом и «нигилизмом». Поэтому революционеры-разночинцы для начала старались добиться хотя бы сочувственного отклика масс на свои жертвы. Однако здесь они оказывались как бы в заколдованном кругу. Слабая восприимчивость масс к революционным идеям вынуждала разночинцев действовать пока главным образом среди интеллигенции, а насколько слабее были их связи с рабочими и крестьянскими массами (чем с интеллигенцией), настолько слабее были и отклики масс (сравнительно с откликами интеллигенции) на революционные акты разночинцев и на расправу с ними, включая самые громкие их процессы.

Передовая часть рабочих начиная с 70-х годов не только хорошо знала о процессах, но и сама выступала на них. Целые группы рабочих судились вместе с народниками на процессах Казанских демонстрантов, «50-ти», «193-х», не говоря уже о чисто рабочих делах М. П. Малиновского, А. О. Осипова и Л. И. Абраменкова, трех членов «Северного союза русских рабочих», 15 деятелей «Южнороссийского союза рабочих» и 48 морозовских стачечников. По каждому из крупных процессов «Народной воли» (исключая лишь два дела — «14-ти» и 1 марта 1887 г.) тоже судились рабочие-революционеры: по делу

«16-ти»— А. К. Пресняков, Я. Т. Тихонов, И. Ф. Окладский, 1 марта 1881 г. — Т. М. Михайлов, «20-ти»— М. В. Тетерка, «17-ти»— М. Ф. Клименко, «23-х»— К. А. Иванайнен, Г. Е. Батагов и еще шестеро, «12-ти»— В. С. Панкратов, «21-го»— П. Л. Антонов, В. И. Вольнов, С. Е. Кузин, С. Г. Белоусов, В. В. Ливадин. Рабочие, высланные административно, общались с народниками в пересыльных тюрьмах и шли с ними в одних партиях по этапу в Сибирь.

В пропагандистских беседах с рабочими народники 70-х годов использовали и материалы процессов. «Массу материала для пропаганды» среди рабочих дали им процессы «50-ти» и «193-х» 198. С той же целью шли в ход и документы о процессе Засулич. Буквально о десятках процессов рабочие слышали от пропагандистов и читали сами в нелегальных изданиях 70-х годов («Вперед!», «Работник», «Земля и воля»), которые часто и в большом количестве жан-

дармы изымали у рабочих при обысках 199.

В 80-е годы народовольцы использовали материалы политических процессов как оружие агитации еще шире. Например, энергично распространялась и «произвела сильное впечатление» на петербургских рабочих прокламация ИК от 4 апреля 1881 г. по поводу казни первомартовцев. Она, в частности, гласила: «Над свежей могилой наших дорогих товарищей мы подтверждаем всенародно, что будем продолжать дело народного освобождения. На этом пути не остановят нас виселицы...»

В Одессе, по данным министерства юстиции, в 1879—1882 гг. Желябов, Фроленко, Колодкевич, Златопольский и другие вожаки «Народной воли» «появлялись во всех (рабочих. — Н. Т.) кружках, снабжали кружки различными произведениями революционной литературы, разъясняли рабочим цели революционного движения и давали советы относительно пропаганды» 201. Трудно допустить, что при этом не были использованы печатавшиеся в органе «Народной воли» и отдельными прокламациями документы о процессах «16-ти», 1 марта 1881 г., «20-ти» (или устные рассказы о них). Вероятно, и в Ростове, когда народовольцы разъясняли рабочим, как надо вести себя в случае ареста на допросах 202,

тоже не обходилось без опыта судебных процес-COB.

Известно, например, что 14 и 15 октября 1884 г. в Одессе разбрасывались гектографированные прокламации с обращением «Рабочие!» и за подписью «Социалисты-революционеры», которые власть квалифицировала как «воззвания к рабочим по поводу совершенной в С.-Петербурге 10 сего октября казни политических преступников Штромберга и Рогачева»²⁰³. В Петербурге народовольцы использовали для пропаганды среди рабочих и «легальные отчеты о процессах по политическим делам»²⁰⁴.

Рабочие — члены «Народной воли» сами печатали отклики на судебную расправу с разночинцами, призывая «товарищей-рабочих» «отомстить за своих заступников и борцов»²⁰⁵. Известный план освобождения героев 1 марта 1881 г. на пути их к месту казни предложили именно рабочие 206. Они же распространяли в своей среде агитационные материалы процессов. Например, у одного из них, Н. П. Коновкина, при аресте 14 апреля 1881 г. были отобраны 30 экземпляров прокламации ИК по поводу казни первомаотовиев 207.

С уважением и признательностью писал о «горячих борцах за народное дело, которые называются социалистами», журнал рабочего кружка под названием «Рабочий» в Ростове-на-Дону в 1883 г.: «Их правительство преследует самым бесчеловечным образом, сажает в тюрьмы, казематы, подвергает мучительным пыткам, вешает, но они твердо и непоколебимо идут к своей заветной цели — разрушению настоящего строя и водворению свободы, равенства,

братства» 208.

Однако все это касается лишь той части рабочих, которая в 70-е и 80-е годы сотрудничала с народниками и которой народники руководили. В толщу же рабочей массы народническая пропаганда почти не проникала, а сама по себе рабочая масса реагировала на героику народничества слабо. Вести о подвигах и жертвах народников (кроме цареубийства и казни цареубийц) доходили до нее редко. Поэтому сведений об откликах рабочей массы на политические процессы 70-х и 80-х годов у нас немного, хотя они и существенны.

Прежде всего заслуживает внимания та поддержка, которую оказали подсудимым на процессе «50-ти» свидетели — почти 100 человек из разных городов

страны, преимущественно рабочие.

Что же касается активных откликов, то, пожалуй, наиболее значителен факт, который особо выделял Г. В. Плеханов: «В Одессе рабочая масса настолько сочувствовала революционерам, что во время суда над Ковальским (в июле 1878 г.) она принимала деятельное участие в демонстрации перед зданием суда» 209. Корреспондент «Земли и воли» рассказывал тогда, что часть демонстрантов под натиском полиции и солдат отступила на Приморский бульвар, где «аристократия сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами. «Сволочь! обратился один рабочий к благодуществующим. — Вы объедаетесь и опиваетесь в ту минуту, когда осуждают людей на смертную казнь! Палачи предают смерти одного из лучших сынов русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы поокляты!»²¹⁰

Какое-то число рабочих (в частности, с Оружейного завода) участвовало и в демонстрации перед зданием петербургского окружного суда по случаю оправдания Засулич ²¹¹. Были и другие, если не случаи, то попытки коллективных выступлений рабочих в ответ на политические процессы. Об одной из них говорят неопубликованные воспоминания Михаила Орлова «Отклики на казнь народовольцев». Ткачи трех мастерских Ефима Морозова в с. Юрково Владимирской губернии, узнав о казни первомартовцев, попытались было организовать забастовку протеста. «А не возмутить ли всех ткачей, чтобы прекратили работу дня на три? -- сговаривались они между собой. — Пусть правительство знает, что трудовой народ далекого от столицы селения откликается зверскую казнь смелых борцов за его освобождение!» Однако возмутить всех юрковских ткачей зачиншики протеста на смогли, выяснилось, что ткачи «плохо еще организованы и плохо разбираются в политике»²¹².

По данным III отделения, попытка вызвать коллективный протест рабочих против расправы царизма с народниками была предпринята и в Костроме

вскоре после процесса «193-х». 12 февраля 1878 г. костромская полиция обнаружила на заборе литейного завода Шипова и на стенах торговых лавок три рукописных воззвания к «городским работникам и крестьянам» за подписью «Друг рабочего народа». Автор прокламации — судя по ее содержанию и языку рабочий — яростно, хотя и без должного понятия о народничестве, обвинял самого царя в разнуздании карательного произвола. «Он сам недавно суда упрятал в тюрьму 200 человек за то, что за народ вступились, и теперь вот разослал их -- кого на каторгу, кого в Сибирь на поселенье на веки вечные. А и виновны-то они были только в том, что боосили барство, надели армяки и стали работать сами, как мужики, и деньги свои тоже на крестьянские нужды обратили, а денег у иных было много, тысяч 20... А вы читать — читайте, да на ус себе мотайте, — подстрекал «Друг рабочего народа» своих товарищей. — Да подумайте, как бы горю пособить!» 213 Имела ли эта прокламация какой-либо отклик среди рабочих, из жандармского дела не ясно.

Больше в делах нарского сыска за 70—80-е годы сведений об индивидуальных протестах (высказываниях, репликах, иногда полусознательных ругательствах) против «белого террора», которые исходили из рабочей массы. Например, тульский мастеровой Иван Иванович Холодный 4 января 1880 г. в разговоре с товарищем «о мерах правительства против социалистов» заявил: «Теперь дураки вешают умных, а придет время, когда умные будут вешать дураков». «Сожаление о казни цареубийц» выражали симбирский кузнец Кузьма Андреевич Фадеев, херсонский артельщик Николай Васильевич Попов, маляр рабочей артели в Самаре Степан Аверьянович Зимин и до. Кременчугский столяр Андрей Яковлевич Соколов откликнулся на убийство Александра II словами: «Так и нужно, чтобы меньше вешал!», а фабричный из Николаева Дмитрий Алексеевич Бычков и артельщик из Нижнего Новгорода Василий Николаевич Иевлев после казни цареубийц говорили: «Всех Перовских да Рысаковых не перевешаешь!», «Нас много, всех не перевешают!»²¹⁴ Эти примеры, конечно, показательны для настроения далеко не 70-80-xвсей рабочей массы голов.

относительно немногих ее представителей, не всегда даже самых сознательных, иной раз просто более смелых или неосмотрительных.

Но, как бы то ни было, с годами число таких людей в рабочей среде росло. С одной стороны, героика политических процессов сама по себе все сильнее воздействовала на рабочих — вновь и вновь изобличала палачество царизма, напоминала о его жертвах, звала к отмщению за них. К тому же пропагандисты из интеллигенции (народники, а с середины 80-х годов и социал-демократы), используя опыт процессов в агитационных целях, помогали рабочим осмысливать его. С другой стороны, и сами рабочие по мере роста их классового самосознания становились все более чуткими к политической злобе дня.

В 90-е годы рабочие воспринимают политические процессы уже по-иному, чем в 70-х и 80-х годах. Теперь главным образом речь идет не о том, чтобы выразить протест против очередной расправы царизма и солидарность с очередными жертвами такой расправы. Судебные процессы над революционерами в 90-е годы прекратились. Рабочие обращаются к опыту процессов уже отгремевших, изучают его и берут на вооружение, выделяя особо программные революционные речи, которые так часто и громко звучали когда-то со скамьи подсудимых. Больше всего, естественно, волновала рабочих боевая речь московского ткача Петра Алексеева на процессе «50-ти». В предисловии к изданию этой речи 1889 г. Г. В. Плеханов подчеркнул: «Мы издаем эту речь для русских рабочих. Она принадлежит им по праву. Не велика она, но пусть прочтут ее рабочие, и они увидят, что в ней, в немногих словах, сказано много и много такого. над чем им стоит крепко призадуматься»²¹⁵.

Рабочие следовали этому совету. Они не только читали речь Алексеева в своем кругу²¹⁶, но и пытались использовать ее как оружие революционной агитации. Так, судя по актам жандармского дознания, 3 июня 1896 г. на сходке 300 рабочих Путиловского завода рядовой путиловец Александр Королев «сказал собравшимся речь о положении рабочего, закончив ее взятыми из печатной «Речи Алексеева» словами: «Когда поднимется мускулистая рука рабочего, тогда они облегчат свое положение»»²¹⁷.

С помощью революционеров-интеллигентов (как народников, так и социал-демократов) рабочие узнавали правду о многих процессах. Известно, например, что на заводе Гольдберга в Рыбинске в 1890—1891 гг. они знакомились с документами процессов «193-х», «16-ти», «20-ти», биографиями Перовской, Халтурина, Фигнер ²¹⁸. В харьковских кружках 1890 г. рабочие читали нелегальные материалы о процессе «29-ти», ²¹⁹ а в Петербурге, по сведениям департамента полиции за 1892 г., «ходили по рукам среди рабочих» такие «списки стихов», как «Памяти Квятковского и Преснякова», «На смерть Осинского» и др. ²²⁰

Разумеется, рабочие 90-х годов ценили подвижничество и стойкость жертв царизма не только прошлого времени, когда Россия сотрясалась от оргии политических процессов. «Белый террор» продолжался и в 90-е годы. Правда, суды бездействовали, не стало на время ни смертных, ни каторжных приговоров, но каждый год сотни и тысячи революционеров, как встарь, заполняли тюрьмы и шли по этапу, оглашая кандальным лязгом зловещую «Владимирку», на поселение в Сибирь. Среди них все больше и больше оказывалось рабочих, но преобладала пока еще интеллигенция. Поэтому сознательные рабочие проявляли живой интерес к судьбам всех «государственных преступников», очень уважительно отзывались о них и старались вдохновить их примером возможно больше своих товарищей. Вот что говорил рабочий-оратор Е. А. Климанов на первой маевке петербургского пролетариата в 1891 г.: «Трудная ведется борьба! Уже десятки тысяч молодежи погибли за нас в снегах Сибири, в казематах Петропавловки, Шлиссельбурга. Начнем же и мы сами за себя бороться!.. Трудно будет нам на первых порах вступить в борьбу с нашими врагами за наши экономические и политические права, но вспомним, что еще теперь, в настоящую минуту, тысячи интеллигентов сидят за нас в Сибири, в тюрьмах, на каторге!» 221 С такими же настроениями — благодарности к разночинскому поколению революционеров, солидарности с ним и готовности продолжить его дело — петербургские рабочие в 1891 г. приняли участие в похоронах Н. В. Шелгунова, а в 1897 г. — в многолюдной (преимущественно студенческой) «Ветровской демонстрации»²²².

Таким образом, отклики рабочих на судебный и административный террор царизма 70-90-х годов свидетельствуют о том, что передовики рабочего чутко перенимали тогда разночинский движения опыт безустанной и повсеместной (не только на воле, но и под арестом, перед судом, в тюрьме, на каторге) революционной борьбы. В этом заключался важный элемент преемственности между разночинским, народническим и пролетарским, социал-демократическим поколениями русских революционеров.

Гораздо меньше затронули политические процессы тех лет крестьянскую массу. Народники, хотя и утверждали, что «среди крестьян ходят много рассказов, рисующих сочувственное отношение народа к жертвам правительства», сами с материалами процессов в агитационных целях крестьян почти не знакомили. Описанный в рассказе «Возьми глаза в зубы» (из № 1 «Рабочей газеты» за 1880 г.) эпизод, в котором кузнец Иван Смазкин читает деревенским мужикам газетный отчет о процессе «16-ти», чтобы на этом примере показать им, как социалисты за народ против царя идут ²²³,— такой эпизод на деле

был редкостью.

Правда, и в деревню — даже окраинных губерний, как, например, Ковенская, — проникали вести если не о судах, то о казнях народников, и слышались иногда красноречивые отклики вроде того (о процессе А. К. Соловьева), что «государю не сдобровать, если будут вешать людей», или (о процессе первомартовцев): «Вот Гартмана (?), Перовскую и Кибальчича повесили, а нас все-таки много, всех не перевещают», «хотя повесили шесть человек, но еще тысяча есть таких»224.

В жандармских архивах сохранилась не одна сотня дознаний о крестьянах, которые «выражали сочувствие» мученикам народничества и «высказывали сожаление» по поводу расправы с ними. Только по делу Соловьева привлекались к дознанию отдельные крестьяне Московской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Калужской, Тамбовской, Брянской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Екатеринославской, Черниговской, Таврической, Гродненской, Иркутской, Енисейской губерний ²²⁵. Крестьянин Лифляндской губернии Ян Озоль обвинялся в том, что распространял тексты речей Петра Алексеева и Семена Агапова. Иван Комов из Калужской губернии — в том, что переписывал и передавал по рукам «биогоафии казненных государственных преступников», Никита Марковский из Волынской губернии — в сочинении антиправительственных стихов «Венок Рысакову», Федор Чернов из Владимирской губернии — в «провозглашении тоста за государственных преступников Желябова, Рысакова»²²⁶. Кстати, о подобных тостах среди крестьян дознания возбуждались нередко. Серьезного значения даже самые «крамольные» тосты не имели, но в какой-то степени подтверждали сочувственное отношение крестьян к жертвам царизма.

В этой связи надо учесть и показания четырех сотен крестьян, свезенных из разных мест страны на процесс «193-х» в качестве свидетелей. Они, как мы помним, в большинстве своем были на стороне под-

судимых ²²⁷.

Но все это представляло собой лишь редкие (по отношению к многомиллионной массе коестьянства) исключения из правил. Как правило же, крестьянская масса оставалась глуха к подвигам и жертвам народников. Что касается социал-демократов, то они до начала XX в. в отличие от народников даже не пытались поднять и повести за собой крестьян, будучи занятыми пока сплочением собственных сил и мобилизацией рабочего класса. Не только в 60-80-е. но и в 90-е годы крестьяне судили о революционерах, борющихся, преследуемых, гибнущих и вновь борющихся, главным образом на примерах народников, судили в массе своей равнодушно. Ошибочность народнических представлений о крестьянстве как о силе, наделенной будто бы революционным и коммунистическим инстинктами, обусловила трагическое непонимание между народниками и крестьянством: ни пламенные призывы, ни самоотверженные подвиги народников, ни ужасы расправы с ними не могли взволновать отсталую и забитую крестьянскую массу. Г. В. Плеханов отмечал: ««Народ безмолвствовал», как в «Борисе Годунове» Пушкина»²²⁸, оставляя народникам лишь надежду на то, что «если масса не поняла их сегодня, то поймет завтра».

Итак, общая картина откликов интеллигенции, а также рабочих и крестьян России на политические процессы 60—90-х годов была пестрой: рядом с яркими красками живого сочувствия к революционерам проступали в ней удручающие тона равнодушия. Со временем, правда, сочувствие росло, а равнодушие убавлялось, но сравнительно быстро лишь в образованных слоях, в массе же рабочих и особенно крестьян — медленно.

В разные времена — от 1866 до 1895 г. — общество реагировало на карательный террор с различной активностью. До суда над «нечаевнами» широких откликов на политические процессы, чинившиеся тогда негласно, в безмолвии глухой реакции, вообще не было. С начала 70-х годов, по мере того как росли число и значимость процессов, а главное, мощь революционного натиска, интерес общества к процессам тоже непрерывно возрастал, достигнув апогея в дни суда над героями 1 марта 1881 г. Затем, в условиях спада революционной волны и сведения почти на нет гласности процессов, он постепенно слабел, но оставался еще широким и жгучим примерно до 1887 г., т. е. до последних из очень крупных дел («Второго 1 марта» и «21-го»). С конца 80-х годов и до конца века общество почти не откликалось на процессы, во-первых, по причине нового засилья реакции, а также из-за того, что процессы в начале 90-х годов прекратились. Это вовсе не значило, что общество перестало сочувствовать жертвам политических гонений - просто у него оказалось теперь временно меньше возможностей и поводов для того, чтобы выразить такое сочувствие. Зато энергичнее стали именно в 80-90-е годы протестовать против карательного террора и солидаризироваться с его жертвами воспрянувшие к борьбе рабочие массы.

Сочувствие русского общества к революционерам уже в конце 70-х годов было настолько глубоким и очевидным, что крайне тревожило карателей. Генерал Р. А. Фадеев в записке для Верховной распорядительной комиссии 1880 г. «Мысли без утайки о

современном положении русских дел» подчеркивал, сколь опасна для царизма присущая нигилистам «уверенность, что большинство России за них, только не смеет высказаться, как не раз они повторяли перед судом; покуда в наших школах и подпольях держится такое убеждение, можно изловить много нигилистов, но искоренить нигилизм так же трудно, как вычерпать текущую реку,— вода все будет прибывать сверху»²²⁹. Подобный взгляд на рубеже 70—80-х годов был в порядке вещей. Такие авторитеты, как К. П. Победоносцев, Д. А. Милютин, Б. Н. Чичерин, Н. И. Пирогов, в один голос утверждали тогда, что «правительство, отрешенное от общества... чувствует себя бессильным в своем одиночестве» перед «крамолой»²³⁰.

Даже за границей наблюдательные современники видели и ценили сочувствие русского общества к борцам за свободу, понимая, как такое сочувствие воодушевляет борцов. «Если столько людей решается на активную борьбу, грозящую им гибелью,— писал в 1890 г. С. М. Кравчинскому Марк Твен,— то, значит, тем, кто сочувствует им, хотя до поры до времени и держится в стороне, нет числа» ²³¹. Но в том-то и дело, что люди, которым действительно не было числа, держались в стороне, не решаясь перейти от сочувствия к прямой поддержке революционеров.

Недостаток решимости, о котором идет речь, объясняется политической неразвитостью тогдашнего российского общества, грузом еще неизжитых вредных иллюзий, и в первую очередь той, говоря словами В. И. Ленина, «самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентерство с

русским самодержавием...» 232.

Слабость массового движения заставляла революционеров-разночинцев, народников искать опору в интеллигенции. Но интеллигенция не могла обеспечить им достаточно широкой и активной поддержки. «...Узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев» слоев, которые поддерживали немногих героев» Оказалась роковой для революционного народничества. Отсутствие твердой опоры в массах обрекало его на поражение. И все же связь русского общества с революционным лагерем 60—80-х годов, так ярко раскрывшаяся в

откликах на политические процессы, не осталась бесплодной. С одной стороны, она ускорила приобщение интеллигенции к освободительной борьбе. С другой стороны, ее пример наглядно убеждал революционеров в том, что они не смогут победить, опираясь только на интеллигенцию, без всеобщего подъема народных масс. Это убеждение почерпнули из народнического опыта социал-демократы. Мы не искали крестов, мы не получали медалей за храбрость, но мы коечто сделали, не щадя живота, о чем можно судить индуктивно по тому вою целых стай шакалов, которые тоскуют о выованной из их пасти добыче.

В. Л. Спасович

Политические процессы и русская адвокатура

1. Статус адвокатуры и ее корифеи

Русская профессиональная (так называемая присяжная) адвокатура была самой молодой в Европе. Она конституировалась в результате судебной реформы 1864 г. До тех пор, хотя передовые умы России при случае указывали на необходимость адвокатуры (например, М. В. Петрашевский на следствии просил объявить царю, что «России нужно, весьма нужно введение адвокатов»1), царизм обходился без нее и был этим доволен. Николай I, считавший, что именно адвокаты «погубили Францию», говорил: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»². Так и вышло.

В дореформенной России роль адвокатов выполняли стряпчие (при коммерческих судах) и поверенные (ходатаи) по делам, функции которых законодательно не были регламентированы. Эти ходатаи и стряпчие, не имевшие, по признанию Государственного совета, «никаких сведений юридических — ни теоретических, ни практических»³, пользовались дурной славой хищников и мошенников («Крапивное семя», — говорили о них в народе) 4. Пореформенные адвокаты решительно открещивались от родства со своими дореформенными предтечами. «Мы народились не из них, - заявлял присяжный поверенный П. А. Потехин, — мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди; ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться»⁵.

Действительно, адвокатура в России учреждалась в 1864 г. заново и не имела ничего общего с ходатаями прошлого по составу и организации. С 1864 г. адвокаты объединились в самоуправляющуюся корпорацию (сословие присяжных поверенных) 6. Могли быть присяжными поверенными только лица, имеющие высшее юридическое образование и не менее чем 5-летний стаж службы по судебному ведомству. В округе каждой судебной палаты избирался совет присяжных поверенных, который ведал приемом новых адвокатов и контролировал деятельность сословия присяжных поверенных, наказывая за нарушение адвокатской профессии разными вплоть до исключения из сословия. Советы ревниво блюли авторитет своей корпорации и, случалось, отказывали в приеме в адвокатуру лицам, которые удовлетворяли формальным требованиям юридическое образование плюс необходимый служебный стаж), но не внушали доверия своей «нравственной физиономией»⁷. Вообще, первым довелось «вырабатывать одновременно и адвокатской техники, и правила адвокатской этики, так, чтобы другим, на то глядючи, повадно было так делать»⁸. Советы были сравнительно демократичными органами корпорации: состав их ежегодно обновлялся, поичем председателями советов избирались в 70—80-е годы самые поинципиальные и авторитетные адвокаты *.

Наряду с «казенной» присяжной адвокатурой судебные уставы 1864 г. сохранили, до тех пор «пока число присяжных поверенных не будет достаточным», и частных адвокатов 9. Таковыми считались лица, получившие особые свидетельства от судебных мест (кроме лиц с высшим образованием частным поверенным мог быть каждый, кто выдерживал специальную проверку его юридических познаний в какомнибудь суде). Частные адвокаты были приписаны к тем судам, где они сдавали экзамен; никаких сословных учреждений они не имели и сколько-нибудь заметной роли в крупных судебных делах (на политических процессах, в частности) не играли. Дела та-

^{*} Например, в петербургском совете присяжных поверенных председательствовали: Д.В.Стасов (1866—1867 гг.), К.К. Арсеньев (1867—1873, 1874—1875 гг.), В. Д. Спасович (1873—1874, 1883—1885, 1886—1889 гг.), А. М. Унковский (1875—1881 гг.), В. О. Люстиг (1881—1882 гг.).

кого рода фактически монополизировала присяжная алвокатура.

Особенности устройства сословия присяжных поверенных закрепляли его корпоративную сплоченность. «Наше адвокатское православие» 10,— с гордостью говорил В. Д. Спасович. Но не в этом был секрет большого общественного влияния, которым пользовалась адвокатура в 70-е и 80-е годы. Такое влияние обеспечивал ей в первую очередь ее блестящий состав.

Дореволюционные юристы расточали хвалу адвокатуре за то, что она буквально со дня рождения изобиловала талантами, но не вдавались в объяснение этого факта. «Точно благословение божие пало на вновь вспаханную ниву русского суда»¹¹,— умилялся М. М. Винавер. Истинная причина была, однако, более реальной, чем божье благословение. Демократический подъем 60-х годов, рост общественной активности русской интеллигенции — вот что толкало образованных и талантливых людей в адвокатуру, тем более что адвокатура со своей стороны влекла к себе своей хотя и относительной, но всетаки большей, чем где бы то ни было из легальных институтов, а с первого впечатления казавшейся абсолютной гласностью 12.

Люди свободомыслящие, но не настолько передовые и активные, чтобы подняться на революционную борьбу против деспотизма и произвола, шли в адвокатуру с расчетом использовать дарованную ей свободу слова для изобличения пороков существующего строя. Тот же В. Д. Спасович в 1873 г., когда царизм еще не начал кромсать права адвокатуры и были еще живы все иллюзии первых адвокатов, имел определенные основания заявить от имени своей корпорации: «Мы до известной степени рыцари слова живого, свободного, более свободного ныне, чем в печати; слова, которого не угомонят самые рьяные свирепые председатели, потому что пока председатель обдумает вас остановить, уже слово ускакало за три версты вперед и его не вернуть» 13.

В результате русская адвокатура 60—70-х годов стала средоточием судебных деятелей, которые могли соперничать с любыми европейскими знаменитостями. Первые в России 27 присяжных поверенных

были утверждены 17 апреля 1866 г., в день торжественного открытия новых судов, что означало ввод в действие судебных уставов 1864 г. В числе 27-ми были Д. В. Стасов, В. И. Танеев, К. К. Аосеньев, В. П. Гаевский, К. Ф. Хартулари, В. В. Самарский-Быховец, А. Н. Турчанинов 14. 31 1866 г. вступил в сословие присяжных поверенных В. Д. Спасович, в том же 1866 г. — А. М. Унковский и А. И. Языков, в 1867 г. — П. А. Потехин, в 1868 г. — А. И. Урусов, В. Н. Герард, А. Л. Боровиковский, в последующие годы — П. А. Александров, С. А. Андреевский, Е. И. Утин, Ф. Н. Плевако. Г. В. Бардовский, А. Я. Пассовер, Н. П. Карабчевский. Л. А. Куперник, М. Ф. Громницкий, Е. И. Кедоин, В. М. Пожевальский, А. С. Гольденвейзер, В. О. Люстиг, А. А. Герке, Н. П. Шубинский, М. Л. Мандельштам и другие звезды первой величины русского судебного мира.

Многие из них ради адвокатуры оставили выгодную государственную службу, а семеро ушли из прокуратуры: товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената П. А. Александров, товарищи прокурора петербургского окружного суда А. И. Ўрусов, С. А. Андреевский, А. Л. Боровиковский, А. А. Герке, прокурор московского окружного суда М. Ф. Громницкий, товарищ прокурора владимирского окружного суда А. Я. Пассовер 15. При этом они сознательно отказывались от преимуществ прокуратуры перед адвокатурой, которые А. Л. Боровиковский пародировал от имени прокурора так:

Чинопочтение храня, Мне так покорна тварь земная: Жандармы слушают меня, Усами радостно играя ¹⁶.

Уже в 1876 г. агентура III отделения с беспокойством доносила: «Лучшая (разумеется, на жандармский взгляд. — H. T.) часть общества тревожно и крайне неодобрительно смотрит на то обстоятельство, что более даровитые представители прокуратуры мало-помалу, покидая свою деятельность, переходят в сословие присяжных поверенных...» 17

Поскольку все перечисленные адвокаты (причем иные многократно: Герард — 10, Турчанинов — 11,

Спасович — 13 раз) выступали на политических процессах 1866—1895 гг., познакомимся с ними поближе.

Больше всех выступал тогда на процессах самый именитый из адвокатов — Владимир Данилович Спасович (1829—1906 гг.). Современники единодушно признавали его «королем адвокатуры» 18. «Талант из ряда вон, сила» 19 , — отзывался о нем Ф. М. Достоевский, который адвокатов терпеть не мог. Крупный ученый, криминалист и литературовед, доктор прав, бывший профессор Петербургского университета, Спасович, как никто другой, умел разбить и унизить любое обвинение, полагаясь не столько на краски острословия, сколько на силу логики и научного анализа. М. Е. Салтыков-Шедрин ставил ему в заслугу то, что он «не допускает чувствительности и бесплодных набегов в область либерального бормотанья»²⁰. Вместе с тем Спасович был и вдохновенным оратором, виртуозом колоритного, часто неправильного, далеко не элегантного, но всегда меткого и образного слова. Такой адвокат был страшным противником для любого обвинителя. В дни процесса «нечаевцев» (июль 1871 г.) небезызвестный журналист и агент III отделения И. А. Арсеньев доносил шефу жандармов: «Без преувеличения можно сказать, что в одном Спасовиче больше ума и научных сведений, чем во всем составе суда и прокуратуры»²¹.

По своей общественной репутации Спасович в 70—90-е годы был едва ли не самой влиятельной фигурой в русском судебном мире. «Вся администрация — министры, сенаторы и прокуроры, — вспоминал С. А. Андреевский, — поневоле смотрели на него

снизу вверх»22.

Не мудрено, что выступления Спасовича на уголовных и особенно на политических (гласных) процессах приобретали большое общественное звучание. Власти следили за этими выступлениями, боялись их. Специальные агенты заблаговременно доносили в ІІІ отделение о том, какие козни против сильных мира готовит знаменитый адвокат: то Спасович намеревается взять на себя уголовный иск к герцогам Лейхтенбергским и придать делу широкую огласку (октябрь 1870 г.) 23, то он подкапывается под графа Д. А. Толстого и «желает учинить скандал министерству народного просвещения» (июнь 1876 г.) 24.

Спасович был последовательным либералом. В письме к М. М. Стасюлевичу от 25 августа 1906 г. (за полтора месяца до смерти) он так формулировал свое кредо, которому был верен всю жизнь: «за всякий прогресс, но легальный, за всякую эволюцию, но не революцию, за установление порядка по соглашению всех партий на арене парламента — без кровопролития и убийств...» Однако, не в пример другим либералам. Спасович был смел и стоек в своих убеждениях, непримирим к произволу и мракобесию. «Я антицерковник, антинационалист и антигосударственник»²⁵, — публично заявлял он о себе. Как вольнолюбец, он в 1861 г. ушел из Петербургского университета в знак протеста против расправы над студентами. Близкий друг Зыгмунта Сераковского и почитатель П. Л. Лаврова, Спасович горячо симпативировал подсудимым революционерам ²⁶, осуждал поавительственные репрессии и наиболее реакционных идеологов и главарей правительства. В речи на собрании петербургских адвокатов 27 апреля 1880 г. произнес темпераментную отходную графу Д. А. Толстому и анафему М. Н. Каткову, но помянул добрым словом Г. В. Бардовского — адвоката, близкого к революционному подполью, который в июле 1879 г. был арестован и в заключении сошел с ума ²⁷.

В правительственных кругах Спасович слыл «неблагонадежным». Его учебник уголовного права в 1863 г. был запрещен. III отделение бдительно надзирало за ним (слежку вела целая группа агентов, был подкуплен домашний слуга Спасовича) ²⁸, но собрать улики, достаточные для того, чтобы учинить расправу над столь видной фигурой, так и не смогло.

Спасович выступал защитником на десяти крупных политических процессах («нечаевцев», долгушинцев, «50-ти», «193-х», «20-ти», «17-ти», «14-ти», польской партии «Пролетариат», «21-го», «22-х»), не считая малых (например, в августе 1871 г. он защищал П. Н. Ткачева, преданного суду за перевод книги Э. Бехера «Рабочий вопрос» и за примечания к ней). Однако подсудимые революционеры недолюбливали Спасовича, предпочитая ему других адвокатов, за то, что он в целях смягчения участи своих подзащитных часто принижал размах и значение революцион-

ного дела. Организацию «москвичей» он сравнивал с муравейником, задавшимся целью разрушить Монблан, а деятельность долгушинцев, по его словам, походила на то, «как если бы человек 20—30 отправились на берег Невы и стали дуть на воду с тем, чтобы произвести волнение и всколыхать водяную по-

верхность»²⁹.

Если В. Д. Спасович был главой русской буржуазной адвокатуры 70—90-х годов, то Д. В. Стасов первый председатель первого (петербургского) совета присяжных поверенных — ее совестью. Сын выдающегося зодчего В. П. Стасова, брат крупнейшего деятеля русской культуры В. В. Стасова, отец революционерки-большевички Е. Д. Стасовой Дмитрий Васильевич Стасов (1828—1918 гг.) был передовым для своего времени человеком. Он встречался с А. И. Герценом, поддерживал дружеские отношения с Н. Г. Чернышевским (присутствовал на исторических переговорах Чернышевского с Герценом в Лондоне в июне 1859 г.) 30, оказывал Чернышевскому материальную поддержку, в 70-80-е годы сочувственно относился к революционным народникам (хранил в своем доме фотографии В. Засулич, В. Фигнер и других народовольцев), позднее знал о революционной работе дочери и помогал ей 31.

Царизм считал Стасова крайне «неблагонадежным», почти «красным». III отделение держало его под постоянным секретным надзором ³². Он неоднократно подвергался репрессиям. В октябре 1861 г. его арестовали за содействие студенческим волнениям и уволили с государственной службы (в Сенате), а в апреле 1879 г. он был вновь арестован за сношения с революционерами и выслан в Калугу. Позднее «Святая дружина», разыскивая членов ИК «Народной воли», «подозревала в качестве таковых»

и Д. В. Стасова ³³.

Стасов был видным общественным (музыкальным, в частности) деятелем с большим авторитетом и связями как в России, так и в Европе. Его друзьями были М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, Г. Берлиоз, Р. Шуман. Он — один из учредителей и автор устава первой в России Петербургской консерватории. В Петербурге не было такого общественного начинания, в котором Стасов не принял бы участия. Алек-

сандр II, ссылая его в Калугу, выругался: «Плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова»³⁴.

И все-таки прежде всего Стасов был юристом, адвокатом. Он первым (17 апреля 1866 г.) вступил в сословие присяжных поверенных и оставался в нем до конца жизни. С 1866 до 1883 г. он пять раз выступал на громких политических процессах (ишутинцев, «нечаевцев», «193-х», И. М. Ковальского, «17-ти»). Революционеры высоко ценили талант Стасова-адвоката, его честность и уважительное отношение к подполью и поэтому охотно (как, например, В. Н. Фигнер на процессе «14-ти», А. И. Баранников на процессе «20-ти») 35 выбирали его своим защитником, но судебные власти, учитывая «неблагонадежность» Стасова, не всегда соглашались с таким выбором (и Фигнер, и Баранникову были назначены другие защитники 36).

Пожалуй, самым смелым из корифеев русской буржуазной адвокатуры, ее первым бойцом был Петр Акимович Александров (1836—1893 гг.). Карьера его необычна: сын священника из Орловской губернии, к 1861 г. — всего лишь скромный судебный следователь, он за 10 лет дослужился до высокой и очень перспективной должности товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, но в 1876 г. в знак протеста против гонений на печать демонстративно уволился в отставку и вступил в сословие присяжных поверенных. Известный и многообещающий прокурор стал безвестным казалось, заурядным адвокатом. Однако первое же выступление Александрова на политическом процессе («193-х») принесло ему общероссийскую славу, а следующее (в защиту Веры Засулич) — сделало всемионо знаменитым.

Александров был одним из лучших судебных ораторов в дореволюционной России, оратором-громовержцем. Бедный внешними данными (щуплая фигура, странно усеченное лицо, угловатый жест, не очень сильный и к тому же несколько гнусавый голос), он в избытке владел тем качеством, которое называют «внутренним электричеством», а главное — сочетал в себе дар фундаментального логического анализа (как у В. Д. Спасовича) с ядом сарказма (как у В. И. Жуковского, слывшего «петербургским Мефистофелем»).

Поэтому Александров не знал себе равных из числа русских судебных ораторов в умении «пригвоздить своего противника на том самом месте и в том именно положении, в котором застигал его на «нехорошем деле»»³⁷. На политических процессах такое умение, естественно, оказывалось в пользу обвиняемых и к невыгоде (а то и позору) обвинения, что создавало Александрову соответствующую репутацию как у царских властей, так и в революционных кругах. Революционеры относились к Александрову с уважением и доверием. Зато царские власти злобствовали на язвительного адвоката и не доверяли ему. III отделение зарегистрировало его в списке «неблагонамеренных», следило за ним ³⁸.

В ряд замечательных русских судебных ораторов входил и князь Александо Иванович Уоусов (1843—1900 гг.). Внешне он представлял собой полную противоположность Александрову (крупная фигура, изысканные манеры, чарующий «бархатный» голос, великолепная дикция), но был очень близок к нему по своим бойцовским качествам. Человек высокой культуры и передовых взглядов, почитатель Герцена и друг Чехова, талантливый публицист, литературный и театральный критик, правдолюб, убежденный в том, что «свыше совести человека нет силы в мире», к тому же на редкость искусный полемист. по мнению Чехова, «неотразимый диалектик», Урусов защищал подсудимых революционеров мастерски, во всеоружии своих дарований, и пользовался заслуженной популярностью в демократических кругах. Уже к концу 60-х годов он, по словам Герцена, «стал любимой знаменитостью русской адвокатуры» 39.

Власти считали Урусова «неблагонамеренным», травили и преследовали его. Еще в 1861 г. он исключался из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях, а в 1872 г. был уличен в «преступных сношениях» с революционерами, осужденными по делу «нечаевцев», арестован и выслан из Москвы в захолустный тогда городишко Венден (ныне Цесис) под надзор полиции, причем царь на полях всеподданнейшего доклада о высылке Урусова пометил: «Надеюсь, что надзор за ним будет действительный, а не мнимый» 40. Лишь в 1876 г. Урусова освободили из ссылки при условии, что он сложит

с себя звание присяжного поверенного и поступит на государственную службу 41 . Пять лет после этого он служил товарищем прокурора в окружных судах Варшавы и Петербурга, но в 1881 г. все-таки вновь смог (теперь уже навсегда) вернуться в адвокатуру.

Среди ведущих русских адвокатов XIX в. много было таких, которые, подобно Спасовичу, Стасову или Урусову, не довольствовались судебным поприщем и с большим успехом выступали на ниве просвещения, литературы, общественной деятельности.

Алексей Михайлович Ўнковский (1828—1893 гг.) — друг М. Е. Салтыкова-Шедрина, душеприказчик Н. А. Некрасова — был известен своими выступлениями по крестьянскому вопросу (в 1858 г., будучи председателем Тверского губернского комитета по крестьянскому делу, он подготовил самый радикальный из помещичьих проектов освобождения

крестьян) ⁴².

Лев Абрамович Куперник (1845—1905 гг.) — тонкий ценитель искусств, страстный театрал и меломан, возглавлял Киевское драматическое общество, в котором начали творческий путь выдающиеся актрисы Е. К. Лешковская и М. А. Потоцкая, был членом дирекции Одесского отделения Русского музыкального общества, дружил с корифеями оперной сцены (И. В. Тартаковым, М. Е. Медведевым, Е. П. Кадминой), с П. И. Чайковским и Н. Г. Рубинштейном. Демократически настроенный, проникнутый, как он писал о себе дочери Т. Л. Щепкиной-Куперник *, «живым духом борьбы с современным военно-капиталистическим, человеконенавистническим... порядком вещей» 43, Куперник с молодых лет до конца жизни был на подозрении у жандармских властей как «сугубо неблагонадежный» 44.

Август Антонович Герке (1841—1902 гг.) — сын профессора Петербургской консерватории А. А. Герке, друг П. И. Чайковского 45 и А. Г. Рубинштейна, активно участвовал в жизни Русского музыкального общества, а также возглавлял множество благотворительных учреждений. Виктор Павлович Гаевский

^{*} Правнучка М. С. Щепкина, актриса, известная писательница, заслуженный деятель искусств РСФСР.

(1826—1888 гг.) заслужил признание как ученыйпушкинист и литературный деятель (один из основателей «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»), он был другом Тургенева, Некрасова, Шедрина.

Известными адвокатами были также сын видного историка, географа и статистика академика К. И. Арсеньева почетный академик (с 1900 г.) Константин Константинович Арсеньев (1837—1919 гг.) — неутомимый поборник свободы печати, играющей, на его взгляд, «такую же роль в общественной жизни, как свет — в жизни органического мира» 46, и брат революционного демократа, руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина Евгений Исаакович Утин (1843—1894 гг.) — автор книги «Франция в 1871 г.», доброжелательной по отношению к международному рабочему движению и к деятельности I Интернационала 47.

Блестящий судебный оратор Сергей Аркадьевич Андреевский (1847—1919 гг.) 48 был одновременно интересным поэтом и литературным критиком 49, а Николай Платонович Карабчевский (1851—1925 гг.) — одно из самых ярких светил русской адвокатуры 50 — кроме поэзии небезуспешно пробо-

вал силы и в художественной прозе 51.

Из тех адвокатов, которые, подобно П. А. Александрову, занимались только юридической деятельностью, многие были, пожалуй, не менее талантливы и популярны, чем Александров. Таков был Владимир Николаевич Герард (1839—1903 гг.) — первоклассный криминалист и оратор-художник, блюститель нравственной чистоплотности адвокатуры, тот самый, кто в ответ на славословия по его адресу заявил: «Секрет моего успеха очень прост. Я всегда относился строго к выбору дел, брал исключительно дела, которые я должен был выиграть, или, по крайпей мере, такие, за которые не краснел бы, если бы и проиграл»⁵². Таков был и Вильгельм Осипович Люстиг (1843—1915 гг.) — брат народовольца Ф. О. Люстига, внешне малоэффектный, но очень умный, знающий и опытный, искушенный в бесконечных тяжбах с тузами судебного ведомства за интересы адвокатуры, «praeses magnificus (великодушный страж, по выражению Спасовича. — $H.\ T.$) адвокатского сословия».

Таковы же были: Александр Яковлевич Пассовер (1840—1910 гг.) — этот «душа-человек» с личиной чопорного педанта и редкостный эрудит: Владимир Михайлович Пожевальский (1840—1900 гг.) — младший брат великого ученого-путешественника. алвокат-аналитик и оратор-диалектик ⁵³: Павел Антипович Потехин (1839—1916 гг.) — провинциальный самородок с истинно русской бескорыстной натурой и самобытным ораторским дарованием, о котором говорили, что это «не скальпель Пассовера, и не звучная лира Андреевского, и не рубенсовская кисть Спасовича, а топор — здоровый, хорошо отточенный, никогда не тупеющий, ловко к руке прилаженный, стальной топор»⁵⁴; Александр Львович Боровиковский (1844—1905 гг.) — юрист большого таланта и диапазона (адвокат и прокурор, криминалист и цивилист), принятый в чиновную аристократию ⁵⁵, но оставшийся демократом по натуре, друг М. Е. Салтыкова-Шедрина, острослов и поэт (по мнению В. В. Вересаева, «в семидесятых годах лучший после Некрасова поэт «Отечественных записок», очень несправедливо забытый»⁵⁶), автор замечательного стихотворения «К судьям» и других «антиправительственных» стихов, по поводу которых он подтрунивал нал собой:

За свои стихотворенья Ты куда же мнишь попасть: В олимпийские ль селенья? В полицейскую ли часть? 57

Все адвокаты, о которых идет речь, представляли левое крыло русского либерализма, однако многие из них не только сочувствовали, но и содействовали революционному движению, а иные участвовали в нем. Более или менее влияли на это частые и близкие (ех officio) личные сношения адвокатов с революционерами, дружеские и даже родственные связи. Читатель уже знает, что Стасов имел в революционном лагере дочь, Утин и Люстиг — братьев. Кроме того, братья-революционеры были у Г. В. Бардовского (один из руководителей польской социалистической партии «Пролетариат» П. В. Бардовский был повешен царскими палачами в 1886 г.) и у

В. И. Жуковского (политический эмигрант, член І Интернационала Н. И. Жуковский). Н. П. Карабчевский был женат на родной сестре народовольца С. А. Никонова Ольге Андреевне, революционно настроенной. А. А. Черкесов был зятем декабриста В. П. Ивашова, дядей революционерки-народницы О. К. Булановой-Трубниковой, другом Н. А. Серно-Соловьевича.

Но разумеется, главным образом названные адвокаты помогали революционерам из идейных побуждений, с целью создать в России возможно более широкий антиправительственный фронт. Формы этой помощи были разные: информация, укрывательство, денежные взносы, совместное с революционерами участие в отдельных политических акциях (например, в демонстрации перед зданием суда, где рассматривалось дело Веры Засулич) и даже в нелегальных кружках (Л. Е. Оболенский — в обществе «чайковцев», Е. С. Семяновский — в кружке «лавристов», Ф. Н. Плевако — в «юридическом обществе»).

Десятки адвокатов подвергались за свои революционные связи правительственным репрессиям. В Биобиблиографическом словаре деятелей революционного движения в России есть сведения о 20 адвокатах, выступавших на политических процессах 60—90-х годов 58, из них 17 арестовывались 59, трое (В. П. Гаевский, А. А. Ольхин, А. А. Черкесов) испытали судебное преследование и еще трое (Д. В. Стасов, А. И. Урусов, С. М. Неклюдов) — административную ссылку 60.

Ряд адвокатов были репрессированы за связь с революционным лагерем еще в 60-е годы. О преследованиях Стасова и Урусова уже говорилось. Гаевский тайно сотрудничал в «Полярной звезде» Герцена 61 и в октябре 1862 г. был привлечен к следствию по делу о «сношениях с лондонскими пропагандистами» (процесс «32-х») 62. По тому же делу судился и Александр Александрович Черкесов (1839—1908 гг.). В материалах следственной комиссии князя А.Ф. Голицына сохранилась следующая справка от 16 апреля 1866 г.: «Черкесов участвовал в тайном неоткрытом революционном обществе, которое составляли братья Серно-Соловьевичи, Чернышевский и др. В 1862 г. Черкесов участ за границу прямо в Лондон,

где находился в тесных сношениях с Герценом, Огаревым и Касаткиным, а особенно дружен был с Бакуниным, с которым даже жил на одной квартире...» В 1869 г. Черкесов был вновь арестован за сношения с «нечаевцами» и содержался в Петропавловской крепости.

В 70-е годы адвокаты еще теснее были связаны с революционным подпольем и подвергались более суровым карам. Александр Александрович Ольхин (1839—1897 гг.) — этот, по словам Веры Фигнер, «преданный сторонник революции» 64 — не только помогал революционерам деньгами, оказывал им приют и т. д., но и сотрудничал в журнале «Земля и воля» 65, был посвящен в конспиративные тайны землевольцев. Именно он помог Н. А. Морозову устроить на хранение архив «Земли и воли» (лишь три лица знали о местонахождении архива: А. Д. Михайлов,

H. А. Морозов и А. А. Ольхин)⁶⁶.

Агенты III отделения выслеживали Ольхина, прислушивались к его защитительным речам на политических процессах («нечаевцев», В. М. Дьякова, по делу о Казанской демонстрации, «50-ти». Н. И. Кибальчича). В записке III отделения от 7 апреля 1877 г. отмечалось, что он «принял на себя роль защитника молодого поколения, увлекая его нередко на скользкий путь своею либеральною болтовнею и решительным тоном приговоров всему, что не нравилось молодежи». 8 апреля 1879 г. Ольхин был арестован и административно выслан в г. Яренск Вологодской губернии под надзор полиции 67, но осенью того же года, когда выяснилось, что он пытался укрыть от полиции Л. Ф. Мирского, арестованного за покушение на шефа жандармов А. Р. Дрентельна, Ольхин по приказу Дрентельна и с санкции царя был доставлен из ссылки в Петербург и вместе с Мирским предан суду Особого присутствия Сената (15—17 ноябоя 1879 г.) по обвинению в принадлежности к социально-революционному сообществу 68. Доказать обвинение не удалось, и суд оправдал Ольхина. Тем не менее Ольхин вскоре после суда (20 ноября 1879 г.) был вновь отправлен в административную ссылку, которую отбывал до 1887 г.

Трагична судьба Григория Васильевича Бардовского (1848—1907 гг.). Подобно Ольхину, Бардов-

ский был связан с революционным подпольем, поддерживал материально «Землю и волю», в качестве адвоката мужественно защищал революционеров на политических процессах (В. М. Дьякова, по делу о Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х», И. М. Ковальского). 25 июля 1879 г. он был арестован за «пособничество» революционной партии, причем у него нашли пачку номеров журнала «Земля и воля»⁶⁹. Ему грозил суд, но Бардовского успели свести с ума еще в Доме предварительного заключения 70.

Жертвами полицейского преследования стали в 70-е годы также присяжные поверенные Константии Павлович Леман (1838—1891 гг.), арестованный вместе с Бардовским, но по недостатку улик освобожденный от наказания после двухнедельного заключения 71, и Владимир Феоктистович Леонтьев (1840—1910 гг.), отличившийся как адвокат на процессах «193-х» и особенно «14-ти», где он блестяще защищал Веру Фигнер. Агенты III отделения полагали, что В. Ф. Леонтьев «несомненно близко стоит к революционному центру, вообще считается среди радикалов крупным деятелем». В мае 1879 г. он был арестован, но улик против него, достаточных для расправы, жандармские власти собрать не смогли 72.

Иные из адвокатов, причастных к революционной деятельности, сумели избежать репрессий. Так, знаменитый «московский златоуст» Федор Никифорович Плевако (1842—1908 гг.) в 1872 г. был привлечен к дознанию по делу о «тайном юридическом обществе» адвокатов и студентов в Москве, которое, по данным III отделения, намеревалось «знакомить студентов и вообще молодых людей с революционными идеями... изыскивать способы к печатанию запрещенных книг и распространению их». Агентурные данные говорили, что Плевако был «в числе главных действующих членов» общества, наряду с «чайковцами» С. Л. Клячко и Н. П. Цакни, но по недостатку улик дело кончилось для него полицейским надзором 73.

Секретный надзор полиции, а также перлюстрацию переписки департамент полиции счел достаточными «мерами пресечения» и против Л. А. Куперника, который, по сведениям заграничной агентуры царизма, в 1895 г. вел переговоры с лондонским

«Фондом Вольной русской прессы» (С. М. Кравчинский, Ф. В. Волховский и др.) об издании антипра-

вительственной газеты «Земский собор»⁷⁴.

Евгений Валентинович Корш (1851—1913 гг.) — сын известного журналиста В. Ф. Корша и внук крупного филолога, академика Ф. Е. Корша — также помогал революционному подполью. В его квартире находили приют В. И. Засулич, Н. А. Морозов и другие революционеры, а в 1879 г. проводились собрания центра «Земли и воли» 75.

Два маститых адвоката скрыли следы своей антиправительственной деятельности не только от нарской охранки, но и от нескольких поколений историков. В Биобиблиографическом словаре деятелей революшионного движения нет их имен, хотя они имели и к движению, и к его идеологии поямое отношение. из них — Павел Васильевич Макалинский (1834—1899 гг.), автор капитального труда «Петербургская присяжная адвокатура» (1889 г.), — в 1859—1861 гг. возглавлял революционно-просветительский коужок, участниками которого были декабрист Н. Р. Цебриков и «шестидесятник» А. А. Красовский 76. Другой — Владимир Иванович Танеев (1840—1921 гг.), старший брат композитора С. И. Танеева, революционный демократ и утопический социалист, философ-материалист, социолог и публицист, — оставил заметный след в истории русской общественной мысли 77.

В. И. Танеев осуждал с революционных позиций коепостничество и самодеожавие, приветствовал (в специальном очерке 1871 г. «Международное товарищество рабочих») деятельность I Интернационала и Парижской коммуны, имел высокий авторитет и обширные связи в демократических кругах России и Европы. В числе его друзей были М. Е. Салтыков-Щедрин, К. А. Тимирязев, П. И. Чайковский, А. И. Южин (Сумбатов). В 1870 г. в Лондоне Танеев познакомился с К. Марксом, который год спустя прислал ему свою фотокарточку с дружеской надписью 78. В 1877 г. Маркс писал М. М. Ковалевскому: Танеева «...я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа...» ⁷⁹ На склоне лет Танеев приветствовал победу Октябрьской революции. Советская власть ценила его революционные

заслуги и заботилась о нем. 26 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписал охранную грамоту, которая обязывала все советские учреждения «оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества» 80.

В. Й. Танеев одним из первых вступил в сословие присяжных поверенных. По свидетельству его сына, «он полагал, что в России в скором времени должна быть революция, и сословие адвокатов будет играть такую же роль, как во время французской револю-

ции конца XVIII в.»81.

Наверное, не один Танеев из числа присяжных поверенных 70—80-х годов так оценивал возможности русской адвокатуры. Однако жизнь доказала неправомерность этой оценки. Революция в России совершилась далеко не в скором времени, а сословие адвокатов (как и вся буржуазно-демократическая интеллигенция) не сумело найти ни сил, ни решимости для активного участия в ней.

2. Власть, адвокатура и общество

Русская буржуазная адвокатура не имела должной свободы слова и дела. В самодержавной стране она была поставлена в такие условия, которые заведомо парализовывали ее политическую активность. Прежде всего были жестко ограничены ее процессуальные права. Защита могла знакомиться с делом только перед самым началом судебного разбирательства, уже после составления обвинительного (как правило, крайне тенденциозного) акта. Свидетельство С. М. Кравчинского, будто к материалам следствия по делу «14-ти» защитники получили доступ лишь за два часа до начала суда, возможно, грешит преувеличением. Но тот факт, что по делу «21-го» присяжный поверенный С. А. Андреевский получил возможность ознакомиться с материалами следствия за один день до открытия процесса, удостоверен документально 82 .

От участия же в предварительном следствии защита вообще отстранялась, хотя устав уголовного судопроизводства 1864 г. не запрещал ей это, иные адвокаты толковали его в смысле «что не воспреще-

но — следует считать дозволенным». 17 октября 1877 г. Петербургский совет присяжных поверенных даже принял специальную резолюцию в разъяснение устава о том, что защита «может участвовать во всех следственных действиях» 83. Однако царизм быстро пресек инициативу адвокатов. 26 октября 1877 г. Сенат официально разъяснил, что участие в предварительном следствии для защиты исключено. В дальнейшем (1894, 1901 и 1908 гг.) создавались различные комиссии с участием А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича, И. Я. Фойницкого, которые вырабатывали хитроумные проекты с целью помочь адвокатам как-нибудь просочиться сквозь жандармский кордон предварительного следствия, но тщетно 84.

Тем не менее царизм считал, что судебные уставы 1864 г. слишком многое позволяют адвокатам, и в 70-80-е годы понложил большие усилия к тому, чтобы еще сильнее законодательно ущемить права адвокатуры, свести к нулю ее способность фрондировать против правительства. З января 1875 г. Сенат по высочайшему повелению «временно» (в действительности оказалось навсегда) приостановил учреждение советов присяжных поверенных в округах тех судебных палат, где они еще не были открыты 85. Досадуя на «корпоративное своеволие» адвокатуры, царизм был бы рад закрыть вообще все ее советы, но, поскольку такая мера выглядела бы слишком откровенным попранием реформы 1864 г., удовольствовался строгим надзором за петербургским (в первую очередь) и другими советами, которые успели открыться до 1875 г. III отделение, а затем департамент полиции всегда интересовались, каков состав петербургского совета, о чем говорится на его заседаниях и т. д., выделяя при этом «наиболее выдающихся» по своей неблагонадежности адвокатов, за которыми непременно устанавливалось персональное наблюдение.

Вот характерный пример. 3 мая 1879 г. специальный агент доносил в III отделение, что в петербургском совете «во время происходивших на днях выборов председателя и членов совета большинством присяжных поверенных были высказаны очевидно враждебные правительству мнения, а также в очень резкой форме выражено порицание правительству по

поводу последних арестов *. При этом большинство присутствовавших не ограничилось словесными рассуждениями, но решилось даже заявить свое враждебное правительству отношение в более определенной демонстративной форме, для чего они прибегли к следующей уловке. В начале заселания наиболее неблагонадежными было предложено, чтобы в состав членов совета не могли быть избираемы те же лица, которые исполняли эту обязанность в предшествовавшее трехлетие, каковое предложение и было принято. Между тем, когда началась баллотировка, то те же лица, которые были авторами помянутого предложения, подали голоса за освобожденного накануне из-под ареста Дмитрия Стасова, несмотря на то, что он по смыслу сделанного и принятого предложения не мог подлежать избранию, как входивший в состав прежнего совета. Остальные голоса были поданы за Унковского, Бардовского, Спасовича, Борщова и некоторых других, известных по своей неблагонадежности, причем несколько голосов было подано за находящегося под арестом Ольхина. Нанболее выдающимися в этом деле по отношению к заявлению сочувствия Стасову и выражению враждебных правительству суждений были: Соколовский, Бардовский, Унковский и Борщов»⁸⁶.

Впрочем, царизм, хотя он и сознавал, что советы присяжных поверенных — это штабы адвокатуры (не только административные, но и политические), вовсе не ограничивался притеснением советов. После судебных процессов «193-х» и Веры Засулич, на которых адвокаты вызывающе смело защищали революционеров, правительство начало затянувшийся на несколько лет поход против института адвокатуры.

21 апреля 1878 г. министр юстиции К. И. Пален внес в Государственный совет предложение распространить на присяжных поверенных действие статьи 1117-й Свода законов, позволявшей министру юстиции лишать частных поверенных права ходатайства по делам. Таким образом, присяжная адвокатура отдавалась в распоряжение министра, который в любое время мог бы лишить звания присяжного поверен-

^{*} Имеются в виду массовые аресты в Петербурге после покушения А. К. Соловьева.

ного любого адвоката как «лица недостойного». Это предложение (кстати, впервые опубликованное лишь в 1914 г.) иезуитски мотивировалось необходимостью пресечь стремление к «денежной наживе», которое, мол, делает присяжного поверенного «наемным укрывателем всякой неправды и преступления» ⁸⁷. Государственный совет в обстановке антиправительственного возбуждения, которым отличался 1878 год, не рискнул одобрить проект Палена, но отклонил его лишь на время ⁸⁸. В духе этого проекта была задумана реформа (точнее сказать, контрреформа) адвокатуры, которой царизм и занялся уже в 80-е годы (как только ему удалось отразить революционный натиск 1879—1881 гг.), занялся как частью общей

программы реакционных контрреформ.

Таким образом, самодержавие уставами 1864 г. искалечило российскую адвокатуру еще при рождении и продолжало калечить далее из года в год неутомимым преследованием. Более того. Адвокатура в России долго не имела поддержки со стороны обшества. Напротив, общество относилось к ней, по крайней мере до конца 70-х годов, враждебно. Основания для этого были: даже в число присяжных поверенных (не говоря уж о частных адвокатах) нередко попадали люди, которые сами смотрели на адвокатуру как на «торговлю словом» и давали повод обществу судить о ней подобным же образом. Конечно, присяжные поверенные с такой репутацией, как у Спасовича или Стасова, Герарда или Андреевского, Танеева или Пожевальского, не только не пятнали чести своего сословия, но и умели постоять за нее, изобличали «продажное негодование» и «наемную страсть» беспринципных краснобаев от адвокатуры 89. Однако до тех пор, пока адвокатура не блеснула выступлениями на больших политических процессах 1877—1878 гг., либеральное и даже радикальное общество судило о ней предпочтительно по образчикам «продажного негодования» и «наемной страсти» и, к вящему удовольствию реакции, травило ее. Газеты печатали злобные пасквили на адвокатов (вроде фельетона Е. Л. Маркова «Софисты XIX века» 90), изощоялись в сочинении ругательных кличек по их адресу («прелюбодеи мысли», «брехунцы», «прокаты», «двукаты»), предлагали даже (как, например,

«Неделя» в № 7 и «Голос» в № 136—137 за 1875 г.) во имя общественного блага упразднить адвокатуру. Суждение об адвокатах исключительно как о рыцарях наживы было в 70-е годы обиходным. Вот как наставлял юного В. Г. Короленко, только что окончившего гимназию, обыватель с жизненным опытом: «Сразу, значит, на проторенную дорожку? В чиновники? Нет? А куда же? В адвокаты? Гм... Это еще лучше... Куши, значит, хотите огребать? Правильно-с, молодой человек, очень правильно. Адвокаты действительно... народ благополучный» 91.

Присяжные поверенные болезненно переживали нападки общественного мнения. В. Д. Спасович признавался на собрании петербургских адвокатов 30 апреля 1878 г.: «Я никогда не был поклонником и куртизаном aurae popularis (общественного мнения), но иметь ее постоянно против себя как-то неловко, она морозит, точно северный ветер, до мозга костей» Особенно же ранило присяжных поверенных то обстоятельство, что мнение общества подкреплялось авторитетом национальной литературы в лице таких ее классиков, как Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, и таких острословов, как, например, Д. Д. Минаев.

Сатирический герой эпиграмм Минаева адвокат Подтасович был встречен в обществе как правдивый собирательный образ присяжного поверенного. Его жизненное коедо Минаев уместил в следующее двустишие:

Адвокат толкует: «куш сорву я крупный; Только бы попался мне субъект преступный».

Впрочем, Минаев пародировал не только адвокатов вообще, но и некоторых светил адвокатуры персонально. Его перу принадлежат две эпиграммы на А. А. Ольхина и на Ф. Н. Плевако ⁹³.

Созвучны эпиграммам Минаева и еще более популярные строки из стихотворения («трагикомедии») Н. А. Некрасова «Герои времени» (1875 г.):

И содрав гонорар неумеренный, Восклицал мой присяжный поверенный: «Перед вами стоит граждании Чище снега альпийских вершин!..» 94

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. внушал читателям, что адвокат — это «обреченный на бессовестность человек». Тип такого адвоката картинно представлен Достоевским в образе «знаменитого Фетюковича», который блудословит на суде, описанном в четыриадцати главах (!) заключительной книги романа «Братья Карамазовы» 95, и речь которого выделена в особую главу под названием «Прелюбодей мысли».

Больше же всего натерпелись русские адвокаты от М. Е. Салтыкова-Шедрина, который, и дружил с некоторыми присяжными поверенными (А. М. Унковским, А. Л. Боровиковским, В.П. Гаевским), адвокатуру не любил и злословил ее (по материалам почти исключительно уголовных процессов) как «помойную яму», оказавшуюся на месте задуманного «храма славы» 96. В сочинениях Шедрина 70-х (отчасти и 80-х) годов выставлена на посмещище длинная вереница продажных и алчных адвокатов: здесь и Александо Иванович Хлестаков (сын гоголевского Ивана Александоовича!) из «Дневника провинциала», и Перебоев из «Мелочей жизни». Тонкачев и Ловкачев из «Господ ташкентцев», «штук дваднать адвокатов», юродствующих на «политическом процессе» в кашинском окружном суде, из «Современной идиалии» и самый искушенный из всех — Балалайкин из той же «Современной идиллии», имя которого стало нарицательным для обозначения всякой продажности и пустозвонства. Пои этом и Достоевский и Щедрин не ограничивались художественным осмеянием адвокатуры, а выступали в 70-е годы как публицисты против ее отдельных ошибок и отдельных же представителей (даже из числа самых авторитетных), когда эти последние соглашались защищать людей с репутацией, сомнительной в глазах общества (например, Спасович — банкира С. Кронеберга, Герард — миллионера С. Т. Овсянникова) 97. Не зря Спасович сетовал на «пинки литературы». «Все в нас вцепились, — говорил он на собрании петербургских адвокатов в 1874 г., — все нас ругают и хлещут, а первый между ними тот великий сатирик, который и есть единственный хороший прозаик нашей эпохи»98.

Революционеры до конца 70-х годов тоже были предубеждены против адвокатуры, считая ее полностью зависимой от судебных властей, послушной им и в конечном счете выгодной (особенно на политических процессах) не столько для обвиняемых, сколько для обвинителей, как чисто формальное прикрытие беззакония. С этой позиции редакция газеты «Работник» в 1875 г. разоблачала «пошлость защитительных речей наших доморощенных Гамбетт Жюль-Фавров — Спасовичей, Утиных, Урусовых и K^{0} »⁹⁹. Лучше всех такой взгляд на адвока-П. Л. Лавров. «Они, — писал туру выразил в статье «Процесс» (по об алвокатах пропесса долгушинцев 1874 г.), — секунданты поединке, где заряженный пистолет в руках одного бойца, а другому они, именно они, должны дать в руку незаряженный пистолет, поставить его в повицию и совершить всю процедуру, как если бы оба противника были вооружены одинаково» 100. Лавров предупреждал революционеров, что русский адвокат фатально обречен на беспомощность перед властью. «Наш адвокат,— горько иронизировал он в статье «Готовящийся процесс» (1875 г.), имея в виду начавшуюся подготовку процесса «193-х», — может лишь, ради воображаемой пользы клиента, умалять его достоинство, по возможности унижать его нравственно, ползать у ног власти, восхвалять отсутствующую «правду и милость» в судах и подпускать искусно прикрытые изворотливым словом либеральные шпильки прокурору и судьям, которые давно облекли свою атрофированную совесть тройными обшивками из кожи носорогов или даже из железа мониторов...» 101

3. Защита на политических процессах XIX в.

Итак, первым русским адвокатам довелось не только изыскивать возможности для действенной политической защиты в жестких рамках самодержавного «правосудия», но и растапливать лед недоверия, которым окружали их буквально все слои общества. Многое здесь зависело от статуса судебного места. В военных судах защита по политическим делам почти ничем не могла похвастаться. Во-первых, военные суды решали дела в экстраординарном порядке, уста-

новленном для военного времени, в обход обычной (тоже убогой) законности, и фактически лишь поставляли заранее предусмотренное обвинительным актом число жертв для эшафота и каторги. Во-вторых, защитниками в такие суды назначались, как правило, офицеры из числа кандидатов на военносудебные должности *, подчиненные прокурору как начальнику по службе. Они были сугубо благонадежны, максимально стеснены в правах и, кроме того, получали руководящие внушения от начальства по ходу процессов.

Так, главный военный прокурор В. Д. Философов на процессе по делу центра «Земли и воли» в мае 1880 г. пригласил всех защитников в особую комнату, где «из чувства отеческой о них заботливости» советовал им быть «сдержанными в защите подсудимых и избегать слишком большой убедительности в своих возражениях» 102. С той же целью 20 апреля 1882 г. военный министр циркулярно предписал военно-окружным судам не допускать со стороны защиты (формально циркуляр касался и прокуратуры) «оскорбительных для кого-либо отзывов, неуместной критики, метафор, аллегорий и иных ораторских

приемов» 103.

Естественно, что при таких условиях и в таком составе защита на политических процессах в военных судах выглядела жалко. Показательным примером может служить процесс по делу М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского. Защитники трепетали перед прокурором В. С. Стрельниковым. Едва один из них, Бельский (он защищал Попова), начал защитительную речь, сказав: «Я в своей речи буду касаться только чисто юридической стороны дела; что же касается политических взглядов клиента, то это все дело предоставляю г. Попову — он, конечно, лучше меня справится с этой задачей», как Стрельников вскочил с места и набросился на защитника: «А вы что, предварительно беседовали с подсудимым Поповым о его политических взглядах? Что же вы не сообщаете суду, что они вам понравились?» Бельский

^{*} Так назывались офицеры — выпускники Военно-юридической академии, которые состояли в штатах военно-окружных судов и были правомочны защищать подсудимых, временно исполнять обязанности военных следователей и пр.

осекся и «стал продолжать свой урок, как растерявшийся ученик после окрика учителя, неуверенно, краснея» 104 .

И все-таки даже в военных судах защита, если к ней допускали названных выше присяжных поверенных, помогала революционерам активно и мужественно.

Уставы 1864 г. дозволили привлекать к судебному разбирательству адвокатов либо по назначению суда, либо по приглашению подсудимых. Суд, однако, не всегда утверждал выбор, сделанный подсудимым. Отказано было Петру Алексееву в приглашении присяжного поверенного А. А. Ольхина (Алексеев после этого вообще отказался от защитника), Владимиру Дубровину — присяжного поверенного Г. В. Бардовского, Александру Ульянову — присяжного поверенного А. Я. Пассовера 105. Военные суды отказывали подсудимым в приглашении лучших адвокатов особенно часто. В тех же редких случаях, когда они разрешали опытным и честным присяжным поверенным вести защиту, это оказывалось на пользу рево-

люционерам и в ущерб карателям.

Так было, к примеру, на процессе И. М. Ковальского, где в качестве защитников выступали Д. В. Стасов и Г. В. Бардовский. Текст их речей до нас не дошел. Но мы можем судить о них по отзывам слушателей. Сами подсудимые и проникшие в зал суда с публикой другие революционеры вспоминали о Бардовском и Стасове так: «Оба они сражались за нас, как львы», произнесли «мужественные, блестящие и потрясающие речи» 106. В частности, защитники изобличали предвзятость суда, указывая на то, что «единственными свидетелями обвинения являются полицейские» 107, а главное, осуждали «белый террор» царизма как варварское и к тому же тщетное средство борьбы. Бардовский прямо заявил: «Не забывайте, господа судьи, что эшафот, обагренный кровью такого (как народолюбец Ковальский. — Н. Т.) преступника, приносит совсем не те плоды, какие от него ожидают пославшие осужденного на казнь!» 108 Не удивительно, что одесский военный генерал-губернатор граф В. В. Левашов испросил высочайший запрет на печатание стенографического отчета по делу Ковальского «ввиду тенденциозного характера защиты» 109 , а царь «изволил отнестись с особенным неудовольствием к подобному направлению защитников по вышеозначенному делу» 110 .

Так было и на еще более громком процессе «14-ти», где присяжный поверенный В. Ф. Леонтьев (защитник Веры Фигнер) смело парировал попытки суда инкриминировать обвиняемым «жажду крови», заявив, в частности, что его подзащитная принадлежит к натурам, которые «так страстно любят правду, что во имя этой любви к правде, во имя осуществления идеалов правды не могут остановиться и перед необходимостью пролития крови»¹¹¹.

Еще труднее было адвокатам защищать подсудимых на процессах в Верховном уголовном суде. Здесь и статус суда, и характер судебных дел (напомню, что Верховный уголовный суд рассматривал в пореформенной России только два политических дела: о покушениях Д. В. Каракозова и А. К. Соловьева на царя) исключали возможность действенной защиты. Кстати, именно в этой инстанции русская адвокатура дебютировала на политическом процессе. То был процесс ишутинцев. В нем приняли участие 11 адвокатов: Д. В. Стасов (защищал Н. А. Ишутина), В. П. Гаевский (защищал И. А. Худякова), А. Н. Турчанинов, В. С. Самарский-Быховец и др. Процесс шел при закрытых дверях в Петропавловской крепости. Подсудимые не отличались активностью. Суд же вел дело жестко. Весь ход процесса отражал в себе как в зеркале тот разгул реакции, которым была охвачена тогда Россия. Пон таких условиях и по такому делу, как покушение на царя, защита, хотя и старалась с первого же раза не ударить в грязь лицом, выступила бледно. Защитники делали упор на том, что обвиняемые молоды и легкомысленны, что их намерения отнюдь не заключали в себе реальной угрозы властям, ибо «не могли выходить, по самому ничтожеству собеседников, из пределов преступной болтовни», да и «не считались обязательными для тех, кто говорил». Что же касается Каракозова, то его выстрел в царя защитник А. П. Остряков расценил как «неслыханное и невообразимое на Руси преступление», совершенное без какой-либо «своекорыстной цели», вследствие «помоачения ума» 112.

К чести адвокатуры на процессе ишутинцев можно отнести лишь вдохновенные речи в защиту тех обвиняемых, против которых недоставало улик. Так, «чрезвычайно прочувствованную речь, какую бы мог сказать отец в защиту своего сына», произнес С. И. Петренко в защиту самого юного из подсудимых, 18-летнего П. Д. Ермолова 113. Особое же впечатление произвела на суде защитительная речь В. П. Гаевского, который мастерски использовал недостаток улик против своего подзащитного Худякова, дал отпор погромным «инсинуациям московской газеты» (М. Н. Каткова) и с большой симпатией обрисовал чисто человеческие достоинства Худякова, а также его научные заслуги как историка и этногоафа: «...в нем столько искреиности национального чувства... вся деятельность Худякова проникнута такою любовью к отечеству, такою искреннею верою в его великую будущность, что с ними положительно не уживаются недоброжелательство к народу и желание гибели его освободителя» 114. По свидетельству Худякова, речь Гаевского ввергла судей «в состоянне столбняка»: если бы приговор объявлялся в тот день, «я был бы освобожден от суда». Во всяком случае угрозу смертного приговора Гаевский от Худякова отвел. «Конечно, его энергии я обязан своею жизнью» 115, — вспоминал Худяков.

На процессе ишутинцев защитники имели возможность по крайней мере дифференцировать обвинение, выбирать из числа подсудимых менее виновных и уличенных. Следующий процесс в Верховном уголовном суде — по делу Соловьева — лишал защитника даже этой возможности. При таком характере дела защита становилась настолько формальной, что присяжный поверенный А. Н. Турчанинов, который был назначен «защищать» Соловьева, откровенно заявил судьям: «Я не знаю, гг. судьи, сумею ли я сказать вам что-нибудь достойное вашего внимания» 116.

Зато в судебных установлениях обычного типа (окружных судах, судебных палатах) и даже в Особом присутствии Сената русская адвокатура сумела показать такие образцы политической защиты, которые еще до конца 70-х годов разбили лед недоверия к ней со стороны общества и революционного под-

полья. Хорошим крещением стал для нее процесс «нечаевцев».

Состав защиты на процессе «нечаевцев» был исключительно ярким (в этом отношении его со временем превзошел лишь процесс «193-х»). «Нечаевцев» защищали: В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов, В. И. Танеев, К. К. Арсеньев, Е. И. Утин, В. Н. Герард, П. А. Потехин, А. М. Унковский, В. М. Пржевальский 117, А. И. Языков, К. Ф. Хартулари, А. А. Ольхин, А. Н. Турчанинов, А. А. Герке и другие, всего 23 адвоката. Все они сознавали особую значимость первого в России крупного гласного политического процесса, который к тому же слушался в условиях общественного подъема. Адвокаты тщательно готовились к процессу и перед его открытием собрались все у Спасовича, «чтобы потолковать о способе ведения дела и о плане защиты» 118.

На процессе первым из них выступил с защитительной речью А. И. Урусов. Он начал с того, что пошатнул общее предубеждение против подсудимых, сложившееся под впечатлением обвинительного акта, который муссировал уголовную фабулу в «нечаевщине». Урусов доказывал, что «нечаевщина»— дело политическое, а безнравственность политического преступления далеко не так очевидна и постоянна, как преступлений частных; понятие о ней «изменяется сообразно времени, событиям, правам и достоинствам власти». К политическим преступлениям, заключал Урусов, приводит (в отличие от уголовных) и «увлечение самыми благородными идеями». В частности, он отметил, что «у подсудимых была действительная любовь к родине, не в смысле географического понятия, но к родине, как к той земле, на которой живет народ, нам дорогой и близкий». Революционное настроение молодежи Урусов толковал как естественный протест против реакционного режима. «Не имея права собираться, открыто помогать своим нуждам, молодежь эта, товорил он, весьма легко вовлекается в тайные ассоциации». Ту же мысль (политический климат России толкает молодые, активные натуры на революционный путь) проводил Спасович 119.

Все защитники не только разоблачали и высмеивали юридические натяжки обвинения («Способ обвинения: данных нет, удик нет, пужно прибегнуть к соображениям», — язвил Урусов), но и сочувственно обрисовывали личности революционеров, благородство их характеров 120, а иные высказывали довольно рискованные доводы в защиту убеждений подсудимых. В. И. Танеев, к примеру, заявил, что он не видит ничего противозаконного в чтении Герцена, «тем более, что сочинения Герцена, отличавшегося необыкновенным талантом, принадлежат русской литературе, и изучать их необходимо каждому, кто только желает иметь полное и основательное понятие о русской литературе». Председатель суда оборвал речь Танеева окриком, что «как бы ни были хороши в его глазах известные сочинения, но если эти сочинения запрещены, то уже чтение и распространение их по букве закона всегда может и должно признаваться преступлением» 121.

В общем, как метко выразился Π . Ф. Алисов, адвокаты на процессе «нечаевцев» «дошли до той математической линии, перейдя которую на волос, они рисковали вместо защитников попасть в число подсудимых» 122 .

Такое поведение защиты на политическом процессе вызвало оживленные толки. Официальные круги были разгневаны. Агенты III отделения жаловались, что защитники «облагородили личности подсудимых», а князь Урусов, мол, даже «забавлялся вылазками против обвинительной власти» ¹²³. Реакционная пресса начала поносить адвокатов как «говорунов», которые-де находят удовольствие в том, чтобы «колебать закон» и «пококетничать» с революционной средой ¹²⁴. Даже либеральный «Голос» в № 197 за 1871 г. обозвал их «панурговым стадом».

Зато демократическая общественность и революционеры отзывались об адвокатах в дни процесса «нечаевцев» и вскоре после него очень доброжелательно. Н. К. Михайловский счел выступление защиты на процессе «блистательным» 125. «Нечаевец» В. Н. Черкезов писал Урусову после суда из тюрьмы, что речь Урусова в защиту П. Г. Успенского — «лучшее, что было высказано на суде во время нашего процесса». «Защитники по этому делу — молодец к

молодцу, один лучше другого» 126 , — восхищалась Λ . Н. Пирамидова.

Защита на процессе «нечаевцев», безусловно, сыграла немалую роль в том, что подсудимые выиграли поединок с царскими судьями. Поэтому царизм после процесса занялся не только контрреформой суда (учредив Особое присутствие Правительствующего Сената), но и принял меры к «обузданию» адвокатуры. 28 февраля 1872 г. последовал циркуляр министра юстиции о том, что «председательствующие не должны дозволять защитникам развивать суждения, прямо противные закону» 127.

В течение следующих пяти лет, до процесса участников Казанской демонстрации, царизм устроил 22 политических процесса (из них 16 — в ОППС), которые, однако, не имели в условиях сравнительно слабой общественной активности 1872—1876 гг. большого значения и отклика и на которых адвокатам не удавалось добиться успеха, хоть отдаленно напоминавшего их успех на процессе «нечаевцев». Хуже того, на первом по времени процессе в ОППС — по делу долгушинцев — защитники во главе с В. Д. Спасовичем выступили неудачно, попытавшись ради смягчения приговора изобразить долгушинскую пропаганду малозначащей и безвредной и дав повод П. Л. Лаврову упрекнуть их в том, что они «помогли правительству раздавить своих клиентов... унижая в глазах судей их убеждения, унижая их деятельность, унижая их личности» 128. Отдельные удачи (так, на процессе В. М. Дьякова в 1875 г. защитники с видимым успехом, «желая подорвать доверие к свидетельским показаниям, старались выставить свидетелей (обвинения. — Н. Т.) как полицейских сыщиков» 129) не меняли общей картины. Поэтому отношение общества и революционного подполья к адвокатуре оставалось в целом неприязненным, и только серия громких процессов 1877—1878 гг. (по делу о Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х» и Веры Засулич), последовавших один за другим в обстановке назревания революционной ситуации, доставили ей наконец признание.

Речи защитников на процессе по делу о Казанской демонстрации в официальном отчете сокращены и отредактированы так, что выглядят вполне благо-

намеренными. Но, как явствует из агентурных донесений о ходе процесса, некоторые зашитники выступали с «противоправительственным жаром». А. А. Ольхин, невзирая на многократные замечания первоприсутствующего, разоблачал пристрастность и бездоказательность обвинения, основанного исключительно на жандармском дознании (без предварительного следствия) и главным образом на оговорах полставных свидетелей вроде солдата Ефимова, который «готов изменить свои показания за пятиалтынный» 130. Явно в пику III отделению Ольхин пред-«чтобы отныне расследование преступлений поручалось судебным следователям, опытным и юридически образованным, а не тем учреждениям, которые в слепом овении и правого делают виноватым» 131.

Присяжный поверенный В. С. Буймистров «счел возможным сказать публично, что подобные демонстрации будут повторяться до тех пор, пока все правительственные оеформы не будут обсуждаться сачерез избранных представителей; народом г-н же Бардовский выразил, что в словах на флаге «Земля и воля» ничего нет преступного и что слова эти через сто лет от дня издания высочайшего указа об освобождении крестьян будут девизом на том монументе, который воздвигнется в память издания означенного указа. Все это ими говорилось с таким жаром, явно противоправительственным, что обвиненные положительно укреплялись в убеждении, что они не только не виновны, но как бы страдальцы за правоту их мыслей и действий» 132.

Агент III отделения был чрезвычайно обеспокоен тем впечатлением («благоприятным для подсудимых»), которое речи адвокатов произвели на публику. Он не преминул донести, что 3 февраля 1877 г., спустя пять дней после закрытия процесса, участники вечера в собрании художников устроили овацию Бардовскому «как защитнику угнетенных». В этой связи агент особо подчеркнул, что хотя «речи гг. Ольхина, Буймистрова и Бардовского и не напечатаны во всей подробности в газетах, они были слышаны многими и, конечно, впоследствии будут известны всем, так как бывшие при говорении, несомненно, распространят их повсеместно» 133.

На процессе «50-ти» защита была представлена почти так же ярко, как в свое время на процессе «нечаевцев»: В. Д. Спасович, Г. В. Бардовский, В. Н. Герард, А. Л. Боровиковский, В. О. Люстиг, К. Ф. Хартулари, А. А. Ольхин, Е. В. Корш, Г. Г. Борщов и другие, всего — 15 адвокатов. Действовали адвокаты и на сей раз активно и солидарно с подсудимыми. До начала суда по инициативе Спасовича они устроили совещание в камере подсудимого И. С. Джабадари и согласовали с обвиняемыми план защиты, который заключался в том, чтобы не признавать перед судом наличия революционной организации (как это было принято у русских революционеров до «Народной воли») и защищать каждого из подсудимых изолированно от его сопроцессников 134.

К сожалению, речи защитников на процессе «50-ти» тоже большей частью известны в кратком (и. видимо, искаженном) официальном и агентурном переложении 135. Однако и донесения агентов, и отзывы самых различных по своим убеждениям очевидцев рисуют поведение защиты с достаточной ясностью. «Все речи защитников были проникнуты глубоким сочувствием к подсудимым» 136,— вспоминала Вера Фигнер. «Адвокаты неприличны» 137,— раздраженно отметил 15 марта 1877 г. (на другой день по окончании процесса) П. А. Валуев. Действительно, принятые в цаоских судах «поиличия» были явно нарушены, когда В. Н. Герард обратился к судьям с такими словами о подсудимых: «Вы, которые преследуете их, не скажете, чтобы они руководились какими-нибудь своекорыстными побуждениями, нет. Отчего так спокойно ждут они вашего приговора? - а потому что, что бы ни сказали вы, перед собственною совестью они не виноваты» 138.

Показателен для поведения защиты на процессе «50-ти» факт одобрения знаменитой речи Петра Алексеева, когда не только подсудимые, но и адвокаты прямо в зале суда горячо поздравляли его, причем Спасович взволнованно воскликнул: «Это народный трибун!» Присяжный поверенный А. Л. Боровиковский под впечатлением процесса написал и посвятил одной из подсудимых — Лидии Николаевне Фигнер стихотворение «К судьям», которое впервые было опубликовано в журнале П. Л. Лаврова

«Вперед!» (т. 5 за 1877 г.) и распространялось в списках по всей России. Тот же Боровиковский старался привлечь как можно больше общественных симпатий к героям процесса «50-ти». Сохранилось письмо, которое он написал в ночь после оглашения приговора по делу «50-ти» Ф. М. Достоевскому: «Без сомнения, вы будете говорить об этом деле, вы обязаны это сделать. Но из газеты вы узнаете мало. Не пожелаете ли вы выслушать меня — очевидца от начала до конца. Я могу рассказать вам даже больше, чем знают судьи,— то, что говорили мне эти чистые сердцем каторжницы в тюрьме — «на свободе», как другу» 140.

Процессы участников Казанской демонстрации и «50-ти» сильно поколебали предубеждение общества против адвокатуры, а следующий — самый грандиозный в истории царского суда — процесс «193-х» раз-

рушил это предубеждение.

Впрочем, между процессами «50-ти» и «193-х» тихо прошел еще один большой процесс, который показался малозначащим лишь в сравнении с предыдушим и последующим процессами, да по воле властей, преуспевших в том, чтобы замолчать его. Речь идет о процессе «Южнороссийского союза рабочих». Из семи защитников шестеро были назначены судом и ничем себя не проявили, злоупотребив «просительным тоном» 141. Но седьмой — присяжный поверенный П. А. Потехин, которого пригласили обвиняемые, выступил ярко, наступательно 142. Во-первых, он поставил под сомнение всю документальную базу обвинения, воздвигнутую главным образом на «свидетельских» показаниях четырех доносчиков (П. Г. Толстоносова. Я. Н. Пантелеймонова. И. К. Незабитовского. С. И. Иванова). Как только открылся суд и выяснилось, что ни одного из доносчиков налицо нет, а фигурируют только их письменные «свидетельства», Потехин потребовал «дело отложить и назначить новый срок для разыскания свидетелей» 143. Суд отказал. Тогда Потехин заявил протест: «То, что не может быть проверено на суде, принимать за достоверное — противозаконно». Он подчеркивал, что «на политических процессах неявившиеся свидетели, по оговору которых, так сказать, по молве, со слов, по ветру нахватанных, судебным следствием не проверенпых, должны пострадать несколько человек, играют весьма существенную роль. При перекрестных вопросах и под присягой они дали бы, по всей вероятности, не те показания, какие дали на дознании. Это основательно и потому еще, что свидетели на политических процессах... всегда дают свои показания, находясь под стражей и будучи сами обвиняемыми. Конечно, они говорят не то, что они знают, а то, что им велят говорить. Они наговаривают на других, лишь бы самим получить свободу...» 144

Что касается существа дела, то в нем Потехин, намеренно обходя политическую нацеленность «Союза» (которую сами власти не склонны были акцентировать), взял под защиту главное - стремление рабочих к освобождению труда из-под гнета капитала. «Присутствующие здесь представители всех сословий, всех классов русского общества, - говорил он, знают не хуже меня, насколько подавлен капиталом труд, насколько последний в руках первого и как необходимы те или другие меры к освобождению труда... Борьба труда с капиталом всегда была и всегда будет. Она законна, пока не выражается в насилии физическом» 145. В этой связи Потехин резко парировал нападки прокурора на социализм вообще и на русских социалистов в частности. «Напущенные г. прокурором страхи и ужасы для всего человечества от такого учения напрасны. Германия охраняет свое единство, целостность и существующий государственный строй, конечно, не менее России; однако там существуют до 14 публичных периодических органов социализма, и представители этой теории, не стесняясь, защищают ее и печатно, и устно. Все рассуждения г. прокурора о ловле социалистами рыбы в мутной воде... об увлечении ими неразвитых масс народа на кровожадные поступки à la Стенька Разин и Пугачев насколько неосновательны, настолько же и обидны для подсудимых. Мало того, г. прокурор коснулся даже и внешней стороны социалистов, объявил их шершавыми, неумытыми... и закончил свою речь воззванием к вам о спасении погибающего от тлетворных идей социализма любезного отечества. Все это очень красиво сказано, но столько же и несправедливо. Прежде чем упрекать в шершавости и неумытости, дайте время на причесывание, на чистку

и отделку ногтей. Прежде чем корить угловатостью, не умением шаркать по паркету, дайте им иметь свой собственный пол. хотя бы и не паркетный. Вместо того, чтобы бросать грязью, лучше изучить этих людей, и вы узнаете, что они прослт только того, что доугим досталось без тоуда, пота и крови, хотя эти другие родились и без шпор на ногах» 146.

Выступление П. А. Потехина на процессе «Южнороссийского союза рабочих» не получило должного отклика у современников (процесс слушался почти без публики, легальная печать промодчада о нем), но в истории русской адвокатуры оно должно быть отмечено как посредствующее (и достойное) звено между выступлениями зашитников по делам «50-ти» и «193-х».

Никогда в нарской России, ни раньше, ни позже, состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как на процессе «193-х». Подсудимых защищал чуть не весь цвет русской адвокатуры: В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, Е. И. Утин, Г. В. Бардовский, В. Н. Герард, А. Л. Боровиковский, П. А. Потехин, Н. П. Карабчевский, А. Я. Пассовер, В. О. Люстиг, М. Ф. Громницкий, Е. И. Кедрин, В. С. Буймистров, А. А. Черкесов, В. В. Самарский-Быховец, А. Н. Турчанинов, В. Ф. Леонтьев, Н. М. Соколовский, К. П. Леман, П. В. Макалинский, Е. В. Корш и другие, всего — 35 адвокатов. Кроме того, в качестве защитника выступал на процессе «193-х» криминалист с мировым именем, профессор уголовного права Петербургского университета, доктор прав Н. С. Таганцев.

Поведение почти всех адвокатов было, как никогда, смелым: одни разоблачали произвол следственных властей, которые вынуждали свидетелей (разными способами, вплоть до угрозы телесного наказания) лгать на подсудимых; другие — опровергали и высмеивали инсинуации обвинения как «беллетристическую приправу», изготовленную по рецептам «Московских ведомостей», а самый обынительный акт сравнивали с фальшивками тайной канцелярии розыскных дел; третьи — буквально издевались над тем, как царские судьи «с трибуны, с высоко поднятой головой, возводят в идеал гоажданской доблести шпионство» 147.

Почти все защитники протестовали против стремления обвинительной власти политически и морально опорочить подсудимых, облить их «толстым слоем нечистот». «Конечно, господа судьи,— говорил Н. М. Соколовский,— можно согласиться или не согласиться с мнением Милля, что революция берет самые чистые души, но никоим образом нельзя согласиться с представителем обвинения, что русская революция берет только души отверженных». Выразив демонстративное восхищение моральным обликом своих подзащитных, Соколовский, в частности, сказал: «Нам говорят о циническом разврате, а мы видим девушек, пои одном взгляде на которых всякая мысль о разврате должна заставить покраснеть» 148. Стасов доказывал, что «хождение в народ» было результатом «естественного ее (революционной молодежи. — Н. Т.) побуждения сблизиться с народом», и смело провозглашал: «Никакие политические процессы, никакие заключения не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития» 149. Спасович в резких выражениях изобличал юридические несообразности обвинительного акта вроде попытки доказать наличие революционного кружка в составе... одного человека 150.

В целом защита на процессе «193-х», по выражению Спасовича, «вела траншеи, пробивала бреши и разнесла голыми руками, кирпич за кирпичом, все

строение обвинительного акта» 151.

После того как суд придумал (чтоб легче было чинить расправу) разбить подсудимых на 17 групп для раздельного слушания дела — вопреки тому, что все подсудимые были связаны одним обвинением, а именно «участием в противозаконном сообществе» 152, — защитники дружно поддержали протест подсудимых против этого юридического шулерства. Поскольку же суд настоял на своем, защита искусно использовала разделение подсудимых против обвинения, доказывая, что если нет нужды в одновременном разбирательстве дела о сообществе из 193-х подсудимых, стало быть, нет и такого сообщества. «Есть между ними какая-нибудь связь? — говорил о подсудимых Герард. — Право, гг. судьи, я думаю, что вряд ли нужно на этом вопросе и останавливать-

ся. Я полагаю, что вы дали на этот вопрос самый лучший ответ. Когда только началось судебное следствие по этому делу, вы нашли, что связи между этими 193 подсудимыми настолько мало, что возможно было для удобства следствия разделить их на 17 групп, настолько друг от друга отдельных, что не нужно было даже объяснять подсудимым, принадлежащим к одной группе, то, что происходило на другой» 153.

Некоторые адвокаты вслед за подсудимыми отваживались на обвинение устроителей процесса перед лином общества и даже перед судом истории. Е. В. Корш высказал уверенность в том, что «сочувствие общества будет скорее на стороне главных по настоящему делу виновных, чем на стороне лиц, которые свели 80 человек в могилу» 154. Г. В. Баодовский заклеймил произвол обвинителей, которым, «чтобы достигнуть желанной цели, пришлось перешагнуть через 66 трупов», и указал судьям на тщетность их попыток опорочить подсудимых: «Каков бы ваш приговор ни был, где ни кончат они свои дни, относительно многих из них всегда можно сказать те слова, которыми лучший русский историк характеризует историческую личность: это преданность идее, каковою бы она ни была...» 155 П. А. Алекбросил по адресу устроитесандров же смело лей процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их позорному К столбу» 156.

Судьи пытались «урезонить и вразумить» защитников, обрывали их на полуслове (Соколовского, к примеру, первоприсутствующий останавливал три раза, Лемана — десять раз), прокурор В. А. Желеховский угрожающе объявлял, что адвокаты подстрекают к незаконным действиям как подсудимых, так и их единомышленников, остающихся пока на свободе 157, но защита, по словам обвиняемого Н. А. Чарушина, до конца «шла с подсудимыми все время рука об руку и немало содействовала увеличению политического значения процесса и влияния его на общественные круги» 158.

Весьма характерным для отношения адвокатов к подсудимым был инцидент после речи И. Н. Мыш-

кина. Когда жандармы стали зажимать рот Мышкину, Бардовский, Стасов, Утин и доугие защитники обступили первоприсутствующего, требуя записать в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых 159, а Карабчевский, «потеряв голову, угрожающе бросился на жандармского офицера с графином в руках» 160. Бардовский успел помочь своей подзащитной Н. П. Войнаральской, с которой случился обморок, причем, как записано в агентурном донесении с пометой «Л. Е. В.», «гоубо отогнал поедлагавшего свои услуги жандармского офицера...» 161. Так как первоприсутствующий отказался заводить против жандармов протокол, Бардовский, Потехин и Утин на следующий день, как явствует из донесения петеобуогского гоадоначальника наою, «заявили присутствию, что они уйдут из суда, если вчерашнее насилие стражи с подсудимыми пройдет безнаказанно» 162.

Такое поведение зашиты на политическом процессе, естественно, навлекло на нее новую волну гнева со стороны властей. Полицмейстер А. И. Дворжицкий проклинал «расходившихся говорунов», которые, мол, произносят «невозможные защитительные речи, представлявшие, в сущности, беспощадное обвинение власти», речь П. А. Александрова считал «до крайности возмутительной» и жалел, что Александрова за такую речь не упекли в ссылку 163. Всеподданиейший доклад III отделения от 19 ноябоя 1877 г. гласил: «Вообще, поведение многих из защитников указывало, что они как бы солидарно с обвиняемыми порешили глумиться над судом и правительственною властью». Впрочем, шеф жандармов Н. В. Мезенцов еще 21 октября предлагал нарю «отложить заседания (суда. — H. T.) на некоторое время, лишить права защищать тех, которые подстрекали подсудимых к беспорядку...», однако царь рассудил, что «теперь это лишнее, так как дело пошло в ход» 164.

Демократические же и революционные круги оценили поведение защиты на процессе «193-х» как образцовое. Об этом свидетельствуют и воспоминания современников (С. Л. Чудновский не мог забыть «блестящие громовые речи» Александрова, Бардовского, Герарда и других адвокатов, «направленные против жестокого политического режима нашего» 165),

и сохранившаяся в секретном архиве III отделения перлюстрированная переписка. «В грандиозном политическом процессе защитники держали себя превосходно»,— писал, например, московский студент Алексей в Архангельск некой А. Г. Ивановой, причем выделял имена Александрова, Спасовича, Утина 166.

Впечатление от выступлений адвокатов на процессе «193-х» было еще свежо, когда состоялся (спустя два месяца после объявления приговора по делу «193-х») процесс Веры Засулич, на котором присяжный поверенный П. А. Александров достойно поддержал репутацию адвокатуры в глазах передовой

части общества.

В том, что расчет правительства выиграть дело Засулич, осудить «крамолу» и заклеймить ее печатью уголовщины не удался, первую роль сыграла, конечно, сама Засулич, которая разъяснила политические мотивы своего выстрела в Трепова, но помог ей больше всех адвокат. Александров защищал Веру Засулич идеально. Он начал с того, что отвел из состава присяжных заседателей 11 наиболее верноподданных, нацеливаясь при этом на купцов и крупных чиновников (в числе 11 оказались 9 купцов 2-й гильдии, один действительный статский и один просто статский советники). Оставшиеся 13 заседателей представляли интеллигентские и среднечиновные круги, оппозиционно настроенные против всякого произвола 167. По этому поводу К. П. Победоносцев кипятился в письме к наследнику престола, что прокурор «мог бы отвесть всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел», а тогда «и приговор присяжных мог быть совсем другой» 168.

Всю защиту Александров вел с ударением именно на политическом смысле «преступления» Засулич. «В первый раз,— говорил он,— является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею...» При этом Александров очень уважительно квалифицировал «государственное преступление» как таковое (в противоположность уголовному): «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодия или завтра становится высокочтимым подвигом граждан-

ской доблести. Государственное преступление нередко — ...проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время».

Александров сосредоточивал внимание не на выстреле Засулич, а на сечении Боголюбова как на причине, следствием которой стал выстрел. Он ставил в вину Трепову «стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека» 169 и вообще. как жаловались два видных царских сановника, занимавшие в разное время пост государственного секретаря, «вел дело не о Засулич, а о Трепове» 170, давая понять присяжным, что обвинение Засулич будет означать оправдание Трепова, оно повлечет за собой повторение актов произвола, подобных глумлению над Боголюбовым, и что любой из поисяжных может стать жертвой такого произвола. Александров психологически тонко подводил как присяжных, так и публику и все русское общество, внимательно следившее за процессом, к выводу о законности выстрела Засулич. «Что был для нее Боголюбов? — спрашивал он. — Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?» Затронув чувство, Александров воздействовал и на разум слушателей, психологическое он не забывал сочетать с политическим: «Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия в лице своих представителей (т. е. присяжных, которым могло только польстить возведение их в ранг «представителей России!» — Н. Т.) будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его по важности случая в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут» 171.

Заключительные слова речи Александрова были эффектны и исполнены глубокого политического смысла: «Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается пожелать,

чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников» 172.

В эту речь Александров вложил всю силу своего таланта. Близко знавший его Д. М. Герценштейн вспоминал, что он «на этот раз просто превзошел самого себя... Длинный, тощий и гибкий, он извивался и нещадно жалил и изливал свой яд на систему и на представителей насилия и самовластья. Он беспощадно гнал всю систему и всех, кто ее поддерживал, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлестал ее, обнаженную, бичами своего пламенного негодования и режущего остроумия. Он не защищал Засулич, он обвинял весь строй — таково было впечатление, и в этом была его сила и залог его победы» 173.

После того как было объявлено, что подсудимая невиновна, Александров по праву разделил с Верой Засулич ее триумф. Публика носила его по улице на руках. Речь его обошла не только русскую, но и мировую прессу. Революционеры были очень довольны ею. Вера Фигнер и две ее подруги (Скворцова и Шевырева) отправили Александрову из Саратова, где они в то время вели пропаганду среди местного люда, телеграмму с «восторженными поздравлениями» 174.

Процесс Засулич еще выше поднял в русском обществе акции присяжных поверенных, тем более что два одареннейших прокурора — С. А. Андреевский и В. И. Жуковский — демонстративно отказались обвинять Засулич и после суда над ней вступили в адвокатуру. «Хороши прокуроры!» 175 — возмущался по этому поводу государственный секретарь Е. А. Перетц.

Радикальные круги после процессов «193-х» и Засулич уже не стеснялись открыто выразить адвокатам свои симпатии. Например, 14 марта 1878 г. после оправдательного вердикта в одесском военно-окружном суде по делу Г. И. Фомичева «толпа студентов отправилась к квартире защитника Я. И. Вейнберга и устроила ему овацию» 176. В связи с ростом политической репутации присяжных поверенных нападки на адвокатуру в обществе и в печати (не рептильной) прекратились. «На нас перестали кричать, — отметил Спасович на собрании петербургских адвока-

тов 30 апреля 1878 г. — Притихли даже дальние раскаты грома». Позднее «Народная воля» в числе фактов общественной активности 1877—1878 гг. упомянула и следующий: «Адвокаты гремели смелыми речами, в которых «приковывали» правительство к

«позорному столбу»» 177.

Читатель помнит. что с 1879 г. на политических процессах в России судились преимущественно революционеры-террористы, народовольны. Законность судопроизводства становилась все более фиктивной. приговоры — все более свирепыми. На таких процессах от адвокатов требовалось особое мастерство и мужество. С другой стороны, революционный натиск народовольцев давал русскому обществу надежду на значительные уступки паризма. В такой обстановке алвокаты на политических процессах не только (а может быть, и не столько) защищали интересы полсудимых революционеров, но и пытались использовать страх правительства перед революционерами в интересах либерального лагеря, т. е. побудить наризм к конституционным уступкам. Спасович еще в дни процесса «50-ти» откровенно говорил И. С. Джабадари: «Знаете ли вы, что все-таки работаете не для социальной революции, нет, она еще далеко, а расчищаете путь нам — «буржуа-либералам», как вы нас называете, и только. Мы воспользуемся вашим трудом и вашими жертвами» 178.

Как бы то ни было, «белый террор» царизма адвокаты решительно осуждали, и не только в защитительных речах на судебных процессах. 27 июня 1879 г. один из «шести самодержцев» (временных военных генерал-губернаторов), которые царили тогда в России, киевский генерал-губернатор М. И. Чертков. уже подписавший за май — июнь шесть смертных приговоров революционерам, получил письмо о том, что смертная казнь как мера искоренения «крамолы» теоретически несостоятельна и практически бесплодна. Автором письма был присяжный поверенный Л. А. Куперник. «Примерность и устрашительность смертной казни более чем сомнительна в делах политических, — втолковывал царскому сатрапу кат. — Преступники политические — большею частью фанатики, их смерть не пугает, они видят в ней венец мученичества и готовы на нее. Но каждая смерт-

ная казнь одного политического преступника вызывает ожесточение во всех близких ему по духу и крови, а в политических его единоверцах укрепляет те роковые мысли, которые все более и более обостряют кризис. Политические волнения, как бы ни были они, по-видимому, нелепы и безумны, имеют в корне какую-нибудь идею, а идеи вырубить невозможно. История показывает нам, что во все времена и у всех народов ничто не развивало так какой-либо, хотя бы самой странной, идеи, как смертная казнь ее последователей. Кровь есть самая лучшая почва в этих случаях». Куперник советовал Черткову, «отступясь от шаблона и рутины, взглянуть на дело по-человечески» и пресечь вакханалию смертных казней. Киевский «самодержец», однако, взглянул на дело по-чертковски. Его рукой на письме помечено: «Копия письма ко мне прис/яжного/ поверенного Куперника. возвращенного ему через полицмейстера с указанием, что я у него, Куперника, советов не спрашиваю и в них не нуждаюсь» 179. Казни в Киеве продолжались.

Протест против карательного террора, сострадание к его жертвам, восхищение перед мужеством и самоотверженностью революционных борцов выразил присяжный поверенный А. Л. Боровиковский в двух стихотворениях 1879 г.—«Ессе homo!» («Се человек!») и «Deo ignoto» («Неведомому богу») 180. Оба стихотворения написаны иносказательно, как бы по адресу древних христиан, под которыми явно подразумеваются революционные народники. Поэт-адвокат благословляет их на подвиг, пророчит торжество их идей «над злобой и пороком», вопреки «страшной казни» («Ессе homo!»):

И, сердце чистое храня в своей груди, Весь пыл его отдай без разделенья Гонимым братьям на служенье: Где плач и стон — туда иди. Судья — из выгод и боязни Тебя присудит к страшной казни. Но годы протскут ...могучее зерно Тобой посеяно на почве благодатной. Придет пора — взойдет оно

Придет пора — взойдет оно И возрастет, даст плод стократный!

Сам поэт не находит в себе сил для революционной борьбы, но преклоняется перед величием духа революционеров («Deo ignoto»).

Чужой мне бог! В твой храм я не войду. Тебя понять, увы, я недостоин ... Но я свой меч к ногам твоим кладу ... Против тебя — отныне я не воин!

Эти стихотворения Боровиковского были популярны в революционных кругах 80—90-х годов, распространялись в списках и гектографированных оттисках. Характерно, что в рукописи воспоминаний Л. Ф. Мирского, относящейся к 90-м годам, полный текст «Deo ignoto» воспроизведен с пометой: «Посвяшается Перовской», а при обыске у А. К. Лузиной перед ее ссылкой в Сибирь в 1884 г. жандармы нашли гектографированный оттиск «Ессе homo!» соеди таких революционных изданий, как прокламации «На смерть Желябова» и «Речь Грачевского» 181.

Судя по материалам политических процессов, Куперник и Боровиковский имели в адвокатуре и 70-х, и 80-х годов много единомышленников. Во всяком случае, пока в стране сохранялась революционная ситуация (1879—1882 гг.), адвокаты продолжали выступать на процессах активно и солидарно (насколько это было возможно) с подсудимыми. Весьма примечателен в этом отношении процесс «20-ти».

Напомню читателю, что судилище по делу «20-ти» А. Д. Михайлов назвал «вертепом палачей». Тем больше чести для адвокатов, что они и в этом вертепе защищали подсудимых достойно *. К сожалению, их защитительные речи известны нам лишь по отзывам подсудимых и очевиднев процесса (кроме речей П. А. Александрова и Е. Ф. Королева, полный текст которых сохранился в архивах). Королев доказывал, что народники вынуждены переходить от мирной пропаганды к террору в ответ на репрессии правительства, причем давал понять, что политика репрессий бесперспективна и что революционное движение неодолимо. «Они, — говорил он о социалистах, — уже не раз показали, что жестокие наказания не устрашают их самих, и картина этих наказаний только сильнее привлекает новых адептов, не пугая преж-

^{*} Защитниками выступали 17 адвокатов: В. Д. Спасович, П. А. Александров, В. Н. Герард, А. Н. Турчанинов, Е. И. Кедрин. В. С. Буймистров, С. С. Соколов, Е. Ф. Королев и др.

них... Г. прокурор в своей речи сказал, что этим процессом все тайные нити социалистической партии уже обнаружены и что в весьма скором времени мы совершенно отделаемся от этого нашего недуга. Я, со своей стороны, считаю своим долгом напомнить вам, что слова эти мы слышим с этой же кафедры уже далеко не в первый раз и не раз, вероятно, услышим и еще» 182. Как явствует из неофициального отчета по делу «20-ти», Королев получил несколько замечаний от первоприсутствующего и в конце концов «был судебным приставом выведен из залы суда» 183.

Судя по отзывам современников, и другие адвокаты на процессе «20-ти» осуждали террор царизма, косвенно оправдывая таким образом народовольческий «красный террор». Е. И. Кедрин предостерегал правительство от смертных приговоров по политическим делам, указав на то, что «кровь смывается кровью» (в этом месте председатель суда оборвал

речь адвоката) 184.

Не имея возможности открыто вступиться за политические убеждения подсудимых (в чем, кстати, и не было надобности, поскольку сами подсудимые бесстрашно отстаивали свои убеждения), адвокаты превозносили моральные качества своих подзащитных, ним симпатии общества. Спасович поивлекая к подчеркивал, что необходимо смотреть на подсудимых не только со стороны нарушения закона, но и со стороны нравственной, -- «конечно, не с точки зрения нравственности департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой» 185. «Политические дела, -- гордо заявил Александров, -- не из таких, о которые мог бы замарать свои руки адвокат». С. С. Соколов (защитник Н. Е. Суханова) доказывал, что произвол и гонения властей заставили его подзащитного заняться террором, и кончил речь словами: «Суд его (Суханова. — Н. Т.) осудит, но история, наверное, произнесет еще более суровый приговор тем обстоятельствам и лицам, которые из благородных натур, как Суханов. преступников» 186.

Обвиняемые по делу «20-ти» тепло отзывались об адвокатах. «Как блестяще защищал Спасович Тригони, Александров — Емельянова и многие другие! — передавал А. Д. Михайлов товарищам на волю тот-

*3

час после объявления ему смертного приговора. — После их блестящих речей ничего не хотелось гово-

рить» 187.

Своему защитнику Кедрину Михайлов написал месяц спустя из Петропавловской крепости: «Вы сделали все, что могли... До последнего момента жизни буду с самой горячей признательностью вспоминать о вас» 188. Кедрин со своей стороны в письме к отцу Михайлова от 23 марта 1882 г. преклонился перед «нравственной личностью» своего подзащитного: «Я уверен, что его светлый нравственный образ никогда не изгладится из моей памяти. Объяснения, данные им на суде, конечно, влияли на судьбу его в неблагоприятном смысле, но в то же время невольно заставляли самих врагов удивляться его уму и характеру... Невольно приходится преклониться перед его мужеством, энергией и непоколебимой твердостью воли» 189.

Даже на процессе по делу о нареубийстве 1 марта 1881 г., где самый предмет обвинения, а также придирчивый контроль за ходом суда со стороны министра юстиции. К. П. Победоносцева и самого царя. казалось бы, исключали всякую ьозможность защиты, адвокаты были активны *. Они осуждали разгул полицейских преследований, который, по их мнению. не только не пресекает революционное движение, но, напротив, толкает в лагерь революции все больше и больше «честных и даже благоразумных» людей. Как и поежде, адвокаты сочувственно характеризовали моральный облик подсудимых, не смущаясь тем, что их подзащитные — цареубийцы. Кедрин говорил о Софье Перовской: «Когда вы услышали в первый раз, что в этом преступлении участвует женщина, то у вас, вероятно, родилась мысль, что эта женщина является каким-то извергом, неслыханною злодейкою. Когда же вы встретились с нею на суде, то это впечатление, я думаю, оказалось диаметрально противоположным» 190.

Самой смелой из речей защиты по делу цареубийц была речь Герарда, который с большей прямотой, чем другие защитники, обличал чрезмерную жестокость и подчеркивал тщетность карательных мер

^{*} Подсудимых защищали: В. Н. Герард, А. М. Унковский, Е. И. Кедрин, К. Ф. Хартулари, А. А. Герке.

против революции. Он выразил глубокое уважение к личности своего подзащитного Николая Кибальчича и пытался, в частности, привлечь внимание суда и сановной публики к работе Кибальчича над проектом воздухоплавательного аппарата («Вот с каким человеком вы имеете дело!» Председатель суда семь раз прерывал речь Герарда, требуя не говорить то одного, то другого. На приговор суда речи адвокатов в защиту первомартовцев (как, впрочем, и на многих других процессах), естественно, повлиять не смогли, но они морально оправдывали цареубийц и, таким образом, оказывали революционному движе-

нию существенную услугу.

1877—1882 годы (от процесса участников Казанской демонстрации до процесса «20-ти») были временем распвета политической активности русской адвокатуры, которое не случайно совпало с периодом революционного подъема в стране. В условиях же начавшегося после 1 марта 1881 г. спада революционной борьбы упала и активность адвокатуры, поскольку спад революционного движения повлек за собой упадочнические настроения, деморализовал в большей или меньшей степени тех сочувственно относившихся к революционерам либералов (в первую очередь, пожалуй, именно адвокатов), которые являлись временными попутчиками движения. Кроме того, царизм, отразив революционный натиск, стал, как мы знаем, еще меньше считаться с законностью судопроизводства и прежде всего принял ряд мер к ущемлению гласности и публичности политических дел, что затоудняло и без того стесненные действия защиты.

Наконец, в обстановке реакции власти пуще прежнего стали преследовать адвокатуру. За годы революционного подъема она снискала себе ненависть официальных верхов ¹⁹². III отделение и департамент полиции били тревогу по поводу выступлений адвокатов на политических процессах. В записке начальника сыскной полиции Г. Г. Кириллова о мерах борьбы с революционной пропагандой в России от 12 февраля 1878 г. говорилось: «Ни одно из дел о преступлениях против государственной власти или порядка управления, в которых более, чем во всяких других делах, встречаются поводы коснуться достоинства государственного строя, не обходится без

указания защитников на несовременность, несовершенство или другие его недостатки, выставляемые или причиной, вызывающей преступления, или поводом к оправданию их... Подобный характер защитительных речей, кроме влияния его на неблагоприятный исход правосудия, порождает брожение и недовольство умов и, подрывая в основании правительственный авторитет, более всего способствует поддержанию агитации» 193.

Усилилась травля адвокатуры на страницах охранительной прессы. М. Н. Катков, который и прежде злобствовал против «трескучего дифирамба защиты» на политических процессах, теперь готов был вообще заткнуть рот адвокатам при судоговорении о революционерах, причастных к цареубийству, ибо, мол, в таких делах «защитники должны исполнить возложенную на них обязанность единственно возможным образом: не говоря ни слова, поклониться суду и занять свое место» 194. Черносотенный «Гражданин» В. П. Мещерского поносил и все «гнусное сословие» адвокатов как «присяжное жулье», и «блудливый адвокатский язык» 195.

Понятно поэтому, что в 80-е годы, как только схлынула волна революционного подъема, правительство вернулось к проекту реформы адвокатуры, который был подготовлен К. И. Паленом еще в 1878 г., но в условиях опасного для правительства общественного возбуждения временно отклонен Государственным советом.

13 марта 1884 г. обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената Н. А. Неклюдов поставил в Сенате вопрос о «неотложном и положительном разъяснении прав защиты», предложив хорошенько взнуздать адвокатуру, ибо она, дескать, всегда, кого и за что бы ни судили, «настаивает во что бы то ни стало, чтобы ей был отпущен ее Варавва, распинает ради сего и свидетелей, и потерпевших, и обвинительную власть, и даже самый закон» 196. Адвокатура попыталась было протестовать против задуманного «разъяснения» (т. е. дальнейшего ограничения) ее прав. Пять председателей петербургского совета присяжных поверенных — В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, К. К. Арсеньев, А. М. Унковский и В. О. Люстиг — выступили в газете «Новое

время» с заявлением, в котором осуждали демарш Н. А. Неклюдова и отстаивали «свободу защиты» в рамках уставов 1864 г. «Предписывать ей (защите. — Н. Т.) план действий,— возмущались маститые адвокаты,— внушать ей, какое должно быть ее содержание, равносильно уничтожению ее свободы, наложению на нее кандалов» 197.

Царизм, однако, и слушать не стал протесты адвокатуры, а проектам Палена и Неклюдова дал ход. С этой целью в 1885 и 1890 гг. дважды создавались специальные комиссии «для пересмотра существующих о поверенных по судебным делам узаконений» (первая — под председательством сенатора Г. А. Евреинова, вторая — сенатора М. В. Красовского) 198.

«Давно уже пора принять меры против этого сословия, которое всюду, где [бы] ни распространялось, представляло величайшую опасность для государственного порядка»,— убеждал царя К. П. Победоносцев в докладе от 30 октября 1885 г. 199 Радикальные меры против адвокатского сословия готовились и не были приняты, по всей видимости, только потому, что в течение 80-х и особенно 90-х годов политическая активность адвокатуры (так беспокоившая царизм) резко ослабела, а стало быть, и необходимость радикальных мер отпала.

Правда, адвокатура отступала с боями. Спасович еще в мае 1881 г. говорил на собрании адвокатов петербургского округа, что не за горами новая полоса реакции, и призывал коллег быть стойкими: «Господа товарищи, теперь надобно держаться вкупе и образовать, отстреливаясь на все стороны, плотное каре» 200. На политических процессах первой половины 80-х годов адвокаты еще пытались, и не без успеха, противостоять обвинению и защищать подсу-

димых с прежней энергией и вдохновением.

Показателен в этом отношении процесс «17-ти», на котором присяжный поверенный Кедрин произнес в защиту руководителя Военной организации «Народной воли» А. В. Буцевича речь, названную одним из подсудимых «художественной поэмой в защиту чистой и красивой молодой погибающей жизни» 201, а Спасович опроверг и высмеял юридическую базу обвинения. «Ошибка обвинения,— говорил он,— заключается в том, что сообщество по его понятиям—

дело, окончательно решенное по прежним приговорам, которые уже вырыли глубокую и большую площадь, имеющую готовое отверстие («шахту», как выразился Спасович далее в этой же речи. — H, T.). и в это готовое отверстие надлежит только уложить всех нерешенных еще сообщников. Коль скоро можно установить, что они когда-либо и где-либо приходили с сообществом в соприкосновение, то и баста, то и придется укладывать их в эту рамку. Она составлена по статье 242 Уложения, а статья 242 допускает одну только меру для сообщников — смертную казнь». Спасович осудил и манеру судебных властей на каждом процессе «Народной воли» выставлять исходным пунктом обвинения пареубийство 1 марта 1881 г.: «Не для настоящего процесса, так для будущего пойдет впрок, если практика перестанет производить все будущие процессы от цареубийства 1881 г., как не производятся они от дела Соловьева, Гартмана, Нечаева и Каракозова, как не производятся все дела об убийстве от убиения Авеля Каином»²⁰².

В целом, однако, и на процессе «17-ти», хотя он вновь собрал цвет петербургской адвокатуры *, защита выступала менее впечатляюще, чем на предыдущих процессах. Даже Александров на этот раз ничем себя не проявил, если не считать его дерзости

против прокурора Желеховского 203.

На других процессах первой половины 80-х годов («12-ти», «14-ти», «23-х») защита была слабее по составу, более стеснена и менее активна. Некоторые адвокаты (В. Ф. Леонтьев на процессе «14-ти», Л. А. Куперник на процессе «12-ти») по-прежнему выступали с яркими речами, проникнутыми неприязнью к правительству и сочувствием к подсудимым. Куперник, в частности, опровергал нападки прокурора на программу «Народной воли», которая, мол, есть не что иное, как химера, преследующая одно только разрушение. Адвокат разъяснял, что «Народная воля» ставит целью уничтожение лишь того строя, который пока господствует в России, и замену его другим, причем заметил: «Ничего хи-

^{*} Защитниками выступали 12 адвокатов: В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, С. А. Андреевский, Е. И. Кедрин, Н. П. Карабчевский, Н. И. Холев и др.

мерического, недостижимого в этом нет. Ведь существуют же в Западной Европе государства с иными политическими учреждениями, чем у нас»²⁰⁴. Но, несмотря на отдельные вспышки политической активности, защита уже в первой половине 80-х годов становится в общем все более пассивной и все менее солидарной с подсудимыми.

«Красный террор» народовольнев, хотя он, с одной стороны, и восхищал адвокатов образнами самопожертвования, с другой стороны, шокировал их, отчасти даже пугал (хотя и меньше, чем правительственный «белый террор») чрезмерным (до кровопролития!) радикализмом. Эта вторая сторона «красного террора» в условиях торжества реакции выдвигалась на первый план, обнажая бесперспективность террористических способов борьбы, которые не столько устрашали теперь, сколько раздражали правительство, усугубляя тем самым реакционность его политики. Поэтому на процессах 80-х годов адвокаты влоупотребляли таким приемом защиты, при котором террористическая деятельность «Народной воли» затушевывалась и поинижалась. Так было, в частности. на процессе «14-ти», где чуть ли не каждый из адвокатов пытался доказать, что его подзащитный — социалист (даже народоволец!), но не террорист ²⁰⁵. Так было и на процессе «12-ти», где адвокаты старались вывести обвинение из-под статьи 249 Свода военных постановлений (предписывающей смертную казнь), доказывая, что названная статья имеет в виду «бунт войск», тогда как «Народная воля»организация штатская и войска не использует 206.

Со второй половины 80-х годов (особенно с 1887 г.), когда политические процессы уже не имели большого общественного отклика, да и устраивало их правительство чисто формально, роль адвокатуры падает почти до нуля. Тем не менее, хотя о поведении защиты на процессах того времени (как и о процессах вообще) мы знаем мало, дошедшие до нас сведения позволяют утверждать, что даже в самых трудных условиях она старалась сохранить хотя бы сеое профессиональное достоинство. Даже на процессе по делу 1 марта 1887 г. защита не была такой беспомощной, какой рисует ее М. М. Выдря, по словам которого, «защитники вели себя пассивно и даже не

реагировали на грубые нарушения процессуальных прав подсудимых» 207. Из стенографического отчета о процессе видно, что присяжный поверенный А. Н. Турчанинов заявил протест против формулировки первого вопроса о виновности подсудимых, гласившего, будто все подсудимые — члены того самого «тайного сообщества», которое убило Александра II. Протест Турчанинова поддержали еще пять адвокатов (А. А. Герке, В. Ф. Леонтьев, С. С. Соколов, А. В. Михайлов, Г. Г. Принтц). Защитник Соколов возражал и против использования обвинением свидетельских показаний, которые были вытребованы на дознании, но от которых на суде свидетели отказались.

Больше того. Перед оглашением приговора Турчанинов сделал следующее заявление: «Дела подобного рода явно и в течение долгого времени проистекают из одного источника — из идеи, которою руководствуются подсудимые... Тогда я представил вниманию Верховного уголовного суда, что против идей есть только одна сила — это тоже такая идея, и в таких случаях уголовным судом едва ли возможно применение смертной казни». К этому заявлению присоединились Леонтьев, Михайлов, Принтц ²⁰⁸. Защитительные же речи адвокатов на процессе вторых первомартовцев действительно выглядели бесцветно; департамент полиции удовлетворенно отмечал, что они «были кратки и весьма приличны» 209.

На «Донском процессе» 1888 г. все защитники (С. С. Соколов, В. Й. Леонтьев, А. М. Чичагов) дружно старались вывести обвинение из-под статьи 249, аргументируя в пользу подсудимых юридическую грань между «бунтом» (ст. 249) и «участием в приготовлении к бунту» (ст. 250), а после приговора подали кассационную жалобу на предвзятый подход ОППС к Уложению о наказаниях 210.

Смело оправдывал подсудимых на последнем процессе «Народной воли» (по делу о протесте каторжан против бесчинств царских тюремщиков) Спасо-

вич: «Они верят до последнего издыхания в борьбу со злом, с деспотизмом... и в лучшее будущее России, в чем, конечно, нельзя им не сочувствовать. То зло, против которого они восстают, есть зло, их лично касающееся, чисто сибирское,— дурное обхождение с

политическими ссыльными. Кто же из нас не желал бы, чтобы это зло было прекращено и сделалось, вместо жизненного факта, фактом историческим!»²¹¹

Сделаем некоторые выводы. В 1874 г. П. Л. Лавров так наставлял революционеров, вынужденных предстать перед нарским судом: «Откажитесь от защитника, который не решится защищать ваши убеждения, если не как правильные, то, по крайней мере. как неизбежные. Откажитесь от защитника, который не возымет на себя обязанность не говорить ни слова. ни одного слова, унижающего вашу программу, вашу личность. Если таких нет, — а может быть, таких вы не найдете, — то защищайтесь сами» 212. Эти правила и определяли отношение русских революционеров к услугам адвокатов как в 70-80-е, так и в последующие годы. Спустя 30 лет В. И. Ленин давал арестованным большевикам подобный же наказ: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает. Заранее им объявлять: сукин сын, поэволишь себе хоть самомалейшее неприличие или политический оппортунизм (говорить о перазвитости, о неверности социализма, об увлечении, об отрицании социал-демократами насилия, о мирном характере их учения и движения и т. д. или хоть что-либо подобное), то я, подсудимый, тебя обоову тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо»²¹³.

В 70—80-х годах состав, права и воззрения присяжных поверенных были таковы, что революционеры использовали их услуги с большой выгодой для себя и в ущерб правительству. Во-первых, преобладали умные адвокаты, других было мало, а во-вторых, и это главное, в то время, когда царизм уступал силе демократического натиска, которым руководила буржуазно-демократическая интеллигенция, адвокаты были увлечены идеями борьбы против царизма и остатков крепостничества, за буржуазное преобразование России, поддерживали революционеров, хотя и ворчали на «крайности» их теории (социализм) и

практики (террор); словом, выполняли роль попутчиков революционного движения. Иной стала адвокатура и по составу и особенно по убеждениям в конце XIX — начале XX в., когда, с одной стороны, царизм обкорнал судебные уставы 1864 г. и в частности жестко стеснил права сословия присяжных поверенных, ограничив таким образом приток талантов в адвокатуру, а с другой стороны, в революционном движении на роль гегемона выдвинулся пролетариат, угрожавший не только господству царизма, но и благополучию буржуазии, плоть от плоти которой были адвокаты. С 1890-х годов присяжные поверенные стали «часто паскудничать». Поэтому В. И. Ленин и называл их «интеллигентской сволочью» и так строго наказывал большевикам брать адвокатов «в ежовые

рукавицы».

Разумеется, нельзя считать, что в 70-80-е годы все адвокаты отвечали тем тоебованиям. революционеры. оые поелъявляли к ним вступали в конфликт с правилами революционной этики. Были и в то время случаи, когда тот или иной адвокат строил защиту без должного уважения к воззрениям подсудимых. Присяжный поверенный Г. Д. Нечаев на процессе «50-ти», полемизируя с прокурором, искавшим преступность в тяге подсудимых к народу, доказывал, что «кто стоит за народ, тот стоит за поавительство»²¹⁴. В. Д. Спасович, как уже говорилось, склонен был умалять возможности и силы революционного движения. Особенно грешил он этим на процессах 80-х годов. В защитительной речи по делу П. Ф. Якубовича на процессе «21-го» он в целях облегчения участи подсудимых рисовал состояние революционного лагеря 1883—1884 гг. такими красками: «...есть стадо без пастырей, остатки партии без вожаков... Комитет (имеется в виду Исполнительный комитет «Народной воли». — \dot{H} . T.) был одержим дремотою, спячкой, прозябал, а не действовал, цареубийства не замышлял, прямых посягательств на переворот и ниспровержение властей не

С кандидатами же на военно-судебные должности у подсудимых иной раз случались и столкновения. Так, на процессе харьковской организации «Народной воли» в 1880 г. обвиняемые потребовали от за-

щитников «прекратить глупую, узкую политику личной защиты», после чего «попытки выезжать на спине другого были прекращены» ²¹⁶. На процессе «14-ти» защитник Н. Д. Похитонова Л. А. Веселовский даже начал было чернить революционную партию, в которой, мол, преобладают «недоучки» и «сумасброды», а такие люди, как Похитонов — сын генерала и сам боевой офицер, герой Плевны, кавалер шести орденов, оказываются случайно и заслуживают снисхождения ²¹⁷. Возмущенный Похитонов потребовал от адвоката, чтобы тот «прекратил свою защиту» ²¹⁸.

Однако примеры невыгодной для революционного лагеря защиты на политических процессах в 70—80-е годы были исключением из правила. В целом тогда адвокатура приносила революционерам большую пользу. Разумеется, прежде всего и больше всего общественная, агитационная, революционизирующая роль процессов объяснялась поведением подсудимых — их убежденностью, бесстрашием, самопожертвованием, их программными речами (такими, как речи Петра Алексеева и Софьи Бардиной на процессе «50-ти», Ипполита Мышкина на процессе «193-х», Андрея Желябова на процессе 1 марта 1881 г.). Но, кроме того, реакция общества на политические процессы во многом зависела и от поведения защиты, которая тогда весьма кстати для подсудимых изобиловала талантами. Если такие классики судебного красноречия, как В. Д. Спасович и Д. В. Стасов, П. А. Александров и А. И. Урусов, С. А. Андреевский и В. Н. Герард, на одном, другом, пятом, десятом и следующих процессах вкладывали всю силу своего дарования и все краски своей ораторской палитры в изобличение произвола и жестокости царского суда, с одной стороны, и в моральное возвеличение подсудимых — с другой, поднимаясь иногда до обвинения правительства и оправдания «государственных преступников», то впечатление от процессов росло, как снежный ком, в самых широких слоях общества, и притом впечатление, выгодное для революционного лагеря. Мало того, что адвокаты вели подкоп под авторитет правительственной власти, мало того, что они будили сочувствие и симпатии к революционерам даже в кругах политически равнодушных, а то и предубежденных против «крамолы», — они тем самым,

не желая этого, приобщали к революционной идеологии новых адептов, вовлекали в освободительное движение новых борцов ²¹⁹. Словом, русская адвокатура тоже вплетала лавры в тот, по выражению А. Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец» ²²⁰, который доставили революционному движению политические процессы 70—80-х годов XIX в.

С 1866 до 1895 г. наризм устроил против русских революционеров три десятка только крупных судебных процессов. Среди них не было ни одного, на котором защита скомпрометировала бы себя перед революционным подпольем, хотя ей приходилось действовать в трудных условиях недоверия со стороны общества и откровенной травли со стороны правящих верхов. 70-е же (в особенности) и 80-е годы XIX в. в истории русской буржуазной адвокатуры пора наивысшей активности и влияния. Только в ту пору и мог В. Д. Спасович публично и гордо заявить от имени сословия присяжных поверенных: «Мы не искали крестов, мы не получали медалей за храбрость, но мы кое-что сделали, не шадя живота, о чем можно судить индуктивно по тому вою целых стай шакалов, которые тоскуют о вырванной из их пасти добыче. Мы пришлись не по нраву всей фарисейской синагоге, мы стали костью в горле не одной высокопоставленной особе, эти особы охотно бы съели нас, но не лезет — удавишься!»²²¹

По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и, в конце концов, на смерть только ради блага других — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России.

Марк Твен

V

Политические процессы в России и мировая общественность

1. Международные отклики на политические процессы 1866—1882 гг.

До 1860-х годов Европа (не говоря уже об Америке и Азии) знала о России вообще и о русском революционном движении в особенности мало. Изредка выходившие за границей труды на русскую тему либо совсем ничего не говорили о революционной России 1, либо сообщали единичные отклики на выступления декабристов (главным образом) и петрашевцев 2. «Цезарь знал галлов лучше, чем Европа знает

русских»³, — писал А. И. Герцен в 1849 г.

Сам Герцен первым специально начал знакомить Европу с революционной Россией и сделал в этом отношении больше, чем кто-либо из русских, по крайней мере до 80-х годов, когда начал публиковать за границей — одну за другой — статьи и книги о русских революционерах С. М. Степняк-Кравчинский. В 1851 г. одновременно на французском и немецком языках вышла классическая работа Герцена «О развитии революционных идей в России». В какой-то мере доходила до западного читателя информация о России со страниц «Полярной звезды» и «Колокола» 4. Материалы о суде над Н. Г. Чернышевским Герцен рассылал в парижское «Тетря», лондонское «Daily News», брюссельский «Cloche» 5.

Однако Герцен не мог, разумеется, один существенно заинтересовать мировую общественность русскими делами и настроить ее в пользу революционной России. К тому же круги европейского (английского в первую очередь) общества, которые весьма ценили Герцена, склонны были преувеличивать его отрыв от России и разногласия с «нигилистами», как называли за границей русских народников, заимствовав

броское имя из популярного романа И. С. Тургенева ⁶. Артур Бенни и Томас Карлейль утверждали, что долгое пребывание Герцена вдали от России «привело к такому большому расхождению между его взглядами и взглядами его прежних последователей, что нельзя больше считать его представителем нигилистической школы» ⁷.

Что касается других русских авторов, тоже эмигрантов, которые писали в 40—60-е годы для иностранного читателя о России, то их сочинения («Россия под Николаем I» И. Г. Головина. «Поавда о России» П. В. Долгорукова), во-первых, не имели такого общественного резонанса, как издания Герцена, а главное, они обличали Россию правящую, реакционную, но ничего не говорили о России борющейся, революционной. Периодические издания русских эмигрантов («Благонамеренный» И. Г. Головина, «Правдивый» П. В. Долгорукова, «Свободное слово» Л. П. Блюммера, «Народное дело» М. А. Бакунина, а потом Н. И. Утина и др.) все, кроме «Колокола», оказались скоротечными и сколько-нибудь широкого распространения за границей не получили. В общем, до 70-х годов европейская общественность, хотя и проявляла несомненный интерес к Герцену и некоторым другим русским эмигрантам, еще не уделяла большого внимания российским революционным делам и мало черпала информации непосредственно из

Даже попытка цареубийства 4 апреля 1866 г. и суд над «цареубийцей» не произвели на Европу особого впечатления. Европейские газеты отметили только избыток арестов по делу Каракозова 8. «Событие, так глубоко потрясшее наше общество,— писал 12 (24) апреля из Баден-Бадена в Петербург П. В. Анненкову И. С. Тургенев,— здесь прошло почти незамеченным. Европе не до нас...» Но в течение 70-х годов положение резко изменилось, причем главную роль сыграли здесь именно судебные процессы над русскими революционерами— не сами по себе, разумеется, а как наглядные показатели драматического и поучительного единоборства между царизмом и «нигилизмом».

Первый же процесс 70-х годов — по делу «нечаевцев» — вызвал за границей живые отклики. Он привлек к себе внимание прежде всего гласностью, впервые в России допущенной для большого политического дела. «Иностранная пресса,— писал об этом журнал «Дело»,— почти единогласно выразила полное свое сочувствие этому новому шагу нашего правительства в судебной реформе» 10. Лишь некоторые консервативные органы (вроде «Kölnische Zeitung») выражали опасение, как бы чрезмерная гласность политического дела не повредила достоинству царского суда и правительства 11.

Что касается самого процесса, то европейская реакция энергично поддержала затею царизма скомпрометировать на примере «нечаевцев» не только русское, но и международное революционное движение, в особенности Интернационал, именем которого прикрывался Нечаев. Ради этого официозная и частью даже либеральная (вроде «Голоса») русская пресса в дни суда над «нечаевцами» перемежала материалы о нем с материалами о заседаниях Версальского военного суда над коммунарами, причем «Голос» прямо именовал «нечаевцев» «нашими коммунистами и интернационалами» (?!), ибо, мол, «цель, которой они добивались», «средства и способы» их — «совершенно те же», что и у «Международного общества» и «покойной Парижской Коммуны» 12.

Власти и буржуазная пресса Европы подхватили этот запев. К. Маркс отмечал, что дело «нечаевцев» европейские газеты «публиковали как процесс Интернационала» ¹³. Лондонский «Тimes» утверждал даже, что «русская программа есть стандартный образчик программы всякого заговора», хотя и допускал некоторое своеобразие в «непреклонном и фанатичном» русском характере ¹⁴. Однако столь грандиозная затея уподобить всю мировую революцию нечаевщине провалилась. Уже сама по себе публикация материалов процесса доказала отсутствие чего бы то ни было общего между Интернационалом и нечаевщиной. Кроме того, Интернационал со своей стороны по инициативе и главным образом усилиями Маркса и Энгельса сделал необходимые разоблачения.

Так, Генеральный совет Интернационала опубликовал в газетах Англии, Франции, Германии, Италин написанное Марксом в октябре 1871 г. специальное заявление о том, что «Нечаев никогда не был

ни членом, ни представителем Международного Товарищества Рабочих», а «элоупотреблял присвоенным им именем Международного Товарищества Рабочих для того, чтобы обманывать людей в России и приносить их в жертву» 15. Спустя полтора года Маркс и Энгельс (при участии П. Лафарга) выступили с совместной работой «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Эта работа (конкретно \$1 раздела VIII под названием «Нечаевский процесс») 16 полностью разрушала версию о деле «нечаевцев» как о «процессе Интернационала».

Иные, в некоторых случаях даже прогрессивные, круги зарубежной общественности восприняли дело «нечаевцев» односторонне, лишь как разоблачение нечаевшины, и прониклись предубеждением против оусского «нигилизма», будто бы и воплотившегося в нечаевщине. Так судили, в частности, А. Бебель и В. Либкнехт ¹⁷, деятели польского литературно-общественного течения позитивистов во главе с Александром Свентоховским (при участии Б. Пруса, Г. Сенкевича, Э. Ожешко) 18. Были и доугие крайности: в польском революционном движении безоговорочно поддерживали Нечаева Каспар Турский и его товарищи 19, а в Германии оправдывала нечаевшину (вплоть до убийства И. И. Иванова) лассальянская газета «Neuer Sozialdemocrat» 20. В целом предвзятое, настороженное отношение к русским «нигилистам» в разных кругах европейской общественности после процесса «нечаевцев» сохранялось чуть не до конца 70-х годов, пока целый ряд новых, еще более громких политических процессов («50-ти», «193-х», Веры Засулич) не поколебал это поедубеждение.

С 1871 по 1877 г. зарубежная пресса мало откликалась на русские революционные дела. Правда, отдельные ее отклики были многозначащими. Так, с 1875 г. ряд органов немецкой рабочей печати стал публиковать (по материалам русских эмигрантских изданий) информацию о сибирском заточении Н. Г. Чернышевского ²¹. Затем начались, один за другим, упомянутые процессы, которые буквально взбудоражили европейскую общественность. О героях процесса «50-ти» восторженно отозвались австрийские и сербские социалисты 22. Вождь венгерского рабочего движения Лео Франкель опубликовал в газете «Arbeiter Wochen-Chronik» ряд статей о процессе «50-ти», выдержки из речей П. А. Алексеева и С. И. Бардиной и очерк о Бардиной «Русская социалистка», где, в частности, говорилось: «Какие коони пустил социализм R каких вдохновенных, глубоко убежденных в правоте сопиализма людей имеет эта страна, находящаяся под властью кнута! В этом убеждает процесс и речи обвиняемых» 23. Речи Алексеева и Бардиной печатала и социалистическая пресса других стран. например «Plebe» (Италия) 24, «Vorwärts» (Германия), «Revue socialiste» (Франция), «Travailleur» (Швейцария) ²⁵.

Сочувственно освещала процесс «50-ти» не только социалистическая, но и либерально-буржуазная печать. В Англии журнал «Graphic» отвел целую страницу под портреты восьми героинь процесса (С. И. Бардиной, сестер Любатович, сестер Субботиных, А. Г. Топорковой, Е. Б. Гамкрелидзе, А. С. Хоржевской) ²⁶, а газеты «Pall Mall Budget» и «Pall Mall Gazette» опубликовали сокращенный текст речи Алексеева ²⁷. Во Франции Эрнест Лавинь уделил «процессу мадмуазель Бардиной» больше 20 страниц своей книги о русском «нигилизме» ²⁸.

Вошли в книгу Э. Лавиня и материалы процесса «193-х» ²⁹, который еще более усилил интерес, вызванный на Западе процессом «50-ти». Особенно впечатляющей была речь $\dot{\text{И}}$. $\dot{\text{H}}$. $\dot{\text{М}}$ ышкина, обошед-шая тогда мировую прессу 30 . $\dot{\text{H}}$ адо сказать, что о международном резонансе вокруг дела «193-х» позаботилась оусская политическая эмиграция. Вот что сообщала редакция журнала «Община», печатая в январе 1878 г. текст речи Мышкина: «Речь эта была уже напечатана в нескольких французских газетах, куда мы переслали ее тотчас по получении. До сих пор она появилась в «Bulletin de la Fédération», в «Travailleur», в «Avant-Garde» и в «Reveil», органе французской радикальной буржуазии. Вообще все сведения о процессе и о всех выдающихся явлениях революционной деятельности в России немедленно сообщаются нами для напечатания в заграничных газетах» 31.

С. М. Кравчинский считал, что процесс «193-х» «впервые привлек внимание европейской общественности к русскому революционному движению, прежде замечавшемуся только самыми внимательными наблюдателями» ³². Такое мнение было бы справедливым, если бы оно относилось не только к процессу «193-х», но и еще к двум процессам, из которых один («50-ти») окончился незадолго до процесса «193-х», а другой (Веры Засулич) начался вскоре после него.

Процесс Засулич стал для европейской общественности главной политической сенсацией. Французский ежемесячник «Revue des deux Mondes» писал в те дни, что «Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфильде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом» 33. Такое же мнение составили находившиеся тогда за границей И. С. Тургенев, П. А. Кропоткин, П. И. Чайковский 34. Смысл откликов революционной Европы на дело Засулич как предвестие революции в России выразил орган немецких социалистов «Vorwärts» строками поэтессы Шарлотты Вестфаль:

Там разгорелась борьба H ждет от нас приветственного клика ... 35

После процессов «50-ти», «193-х» и Засулич, т. е. с 1878 г., интерес европейской общественности к русскому «нигилизму» стал расти, а едва ли не главным источником информации о «нигилистах» продолжали служить политические процессы. Крупнейшие газеты Европы отряжали в Петербург специальных корреспондентов для наблюдения «за постепенным развитием революционного движения в России» 36. Европейская печать сообщала своим читателям даже о самых малых политических процессах в России 37, впрочем, без особой заботы о точности информации ³⁸, а большие процессы находили отзвук и за океаном. Видный американский экономист и публицист, буржуазный радикал Генри Джордж в книге «Прогресс и бедность» откликнулся на казнь В. А. Осинского и его товарищей. Он привел несколько строк из официального отчета о казни («Тела были похоронены у подножия эшафота, и нигилисты поеданы вечному забвению») и заключил: «Так говорится в отчете. А я этому не верю. Нет, не заб-

Внимательно следили за политическими процессами в России конца 70-х годов К. Маркс и Ф. Энгельс. 4 (16) марта 1877 г., в дни процесса «50-ти», Маркс обратился к П. Л. Лаврову с просьбой «дать краткую сводку — по-французски — о судебных и полицейских преследованиях, происходивших за последние годы в России», для члена палаты общин К. О'Клиеои. Этот последний, по словам Маркса, собирался внести «предложение о том, чтобы английское правительство потребовало от русского правительства проведения (в России) реформ, которые оно объявляет необходимыми по отношению к Турции. Он хочет воспользоваться этим случаем, чтобы сказать об ужасах, творящихся в России» 40. Лавров выполнил просьбу — уже 11 (23) марта Маркс уведомил его, что сводка в руках О'Клиери. Кроме того, по просьбе Маркса Лавров написал разоблачительную статью «Правосудие в России» и опубликовал ее, при содействии Маркса, в лондонском еженедельнике «Vanity Fair» 2 (14) апреля 1877 г. 41

Судебный террор царизма против народников Маркс и Энгельс считали верхом беззакония. 5 (17) сентября 1878 г., еще до того, как Россия была расчленена между шестью военными генерал-губернаторами (в Германии тогда Бисмарк проталкивал через рейхстаг исключительный закон против социалистов), Маркс писал Энгельсу: «...в России существует такая «законность», которая является недостижимым идеалом для заскорузлого юнкера Бисмарка, который стремится своими законопроектами тщетно прибли-

зиться к ней» 42.

Видимо, интересовали Маркса и Энгельса подробности отдельных процессов. Известно, например, что Маркс выражал сочувствие жертвам процесса «50-ти», а Энгельс просил Г. А. Лопатина прислать их фото и статью о процессе для альманаха-календаоя В. Боакке ⁴³.

Герман Лопатин, выдающийся деятель «Народной воли», ранее член Генерального совета I Интернационала, первый переводчик на русский язык «Капитала», был одним из самых близких (если не самым близким) русских друзей Маркса, а также Энгельса. «Немногих людей я так люблю и уважаю, как его»44, — отзывался о нем Маркс. Лопатин со своей стороны свидетельствовал, что Маркса он «любил как друга, уважал как учителя и почитал как отна» 45. В течение 14 лет, с июля 1870 г. до последнего из своих шести арестов в октябре 1884 г., Лопатин непосредственно и через общих друзей был связан с Марксом и Энгельсом, навещал их при каждой поездке за границу (в 1870, 1873—1879, 1883 гг.), обменивался с ними информацией о русских и международных (главным образом революционных) делах. Оставаясь в рамках народнического мировоззрения, он испытал на себе влияние идей Маркса и Энгельса (особенно «Капитала»), ценил научный и революционный авторитет основоположников научного коммунизма, был гоод их интересом к борющейся России ⁴⁶.

При первой же встрече с Лопатиным Маркс узнал от него об осуждении по «фальшивкам» и сибирском заточении Н. Г. Чеонышевского. «Политическая смерть Чернышевского, -- сказал он тогда Лопатину, -- есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы» 47. Именно под впечатлением бесед с Марксом у Лопатина, по его словам, «явилось жгучее желание» попытаться освободить Чернышевского, «возвратить миру этого великого публициста гражданина» 48. Дерзкая попытка Лопатина не удалась — он был арестован в Иркутске 49. В течение 1871—1873 гг., пока он томился в иркутской тюрьме, Маркс и Энгельс с тревогой следили за его судьбой (Маркс в декабре 1872 и январе 1873 г. пытался даже помочь ему «дипломатическим путем — из Константинополя» ⁵⁰) и не переставали проявлять к нему дружеское участие до последних дней своей жизни 51

Материалы политических процессов в России конца 70-х годов существенно повлияли на международное общественное мнение, причем явно не в пользу царизма. Корреспонденты зарубежных газет весной 1879 г., по наблюдениям М. Н. Каткова, «уже успели натолковать своим читателям о мерах «репрессий», вследствие коих революционеры и совершают-де свои убийства» 52. «Тimes» открыто порицал «свиреный юмор кривосудия» 53 в деле «11-ти». В англий-

ском парламенте в июне 1879 г. депутат Дж. Коуэн сделал своему правительству запрос о гом, «каким образом русские подданные по одному подозрению в политических проступках тысячами угоняются на рабство в Сибирь» и были ли со стороны Англин какие-либо увещания (remonstrances) по адресу царизма «против подобного обращения с предполагаполитическими преступниками». У. Борк ответил Коуэну, что «не в обычае английского правительства делать увещания другим правительствам в случаях подобного рода, если только оно не имеет некоторого основания думать, что его увещания поведут к благодетельным и практическим результатам». Сообщая об этом на страницах «Московских ведомостей», Катков выругал Коуэна «парламентским шутом», а министра внутренних дел Борка отчитал за то, что он не объявил Коуэна «не в своем уме» 54.

Однако и в 70-е годы интерес зарубежной общественности к революционной России, хотя он сильно возрос, оставался еще недостаточно широким и главное, пассивным: о каких-либо кампаниях солидарности с русскими революционерами пока не было и речи. Гораздо более действенным этот интерес стал после того, как авансцену русской освободительной борьбы заняла (с 1879 г.) «Народная

воля».

Ни одна из революционных организаций в России домарксистской эпохи не пользовалась такой известностью за границей и таким влиянием на мировое общественное мнение, как «Народная воля». Ее дела и люди, по выражению Г. В. Плеханова, остановили на себе «зрачок мира» 55. Под впечатлением громкой славы «Народной воли» не только в Европе, но и в Америке и в Азии все более широкие слои общества стали интересоваться русским освободительным движением и Россией вообще. Пресса всех направлений печатала корреспонденции и передовые статьи о русском «нигилизме», о единоборстве между «нигилизмом» и наризмом и о гонениях на «нигилизм». В разных странах выходили сенсационные описания современной России, где на первом плане оказывалась опять-таки проблема «царизм и нигилизм». С такими книгами выступили, например, француз П. Фреде 56 , немец А. Тун 57 , испанец Э. Кастеляр 58 , англичанин Э. Йобль 59 .

Одним из главных источников информации о русском революционном движении 80-х — начала 90-х годов служили для заграницы политические процессы. Судились на них, как мы помним, в основном народовольцы и близкие к ним народники. Поэтому международные отклики на процессы и на связанные с ними революционные акты в России того времени адресовались почти сплошь «Народной воле».

Демократические круги (особенно социалисты) Запада и Востока, хотя и не без оговорок относительно российских условий, которые диктуют революционерам специфические, не для всех целесообразные способы борьбы, отзывались о народовольцах не иначе как с восхишением. «Какое величие души! — писал о героях «Народной воли» Марк Твен. — Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и, в конце концов, на смерть только ради блага других — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России... Я не говорю о кратком мученичестве, о внезапном самопожеотвовании во имя высокого идеала в минуту восторженного порыва, почти безумия, - я говорю лишь о героизме совсем иного рода: об этом поразительном, сверхчеловеческом героизме, что прямо смотрит вперед, через годы, в ту даль, где на горизонте ждет виселица, и упрямо идет к ней сквозь адское пламя, не трепеща, не бледнея, не малодушествуя и твердо зная, что на его долю достанется одна только виселица» 60 .

Таков же смысл откликов Национального конгресса французских социалистов в Гавре (ноябрь 1880 г.) на процесс «16-ти» и центрального органа социалдемократической партии Германии «Sozialdemocrat» на процесс «21-го» 61. Подвигами народовольцев вдохновлялись создатель и вождь партии венгерских социалистов, герой Парижской коммуны Лео Франкель 62, основатель чешской социал-демократии Ладислав Запотоцкий 63, лидер итальянских социалистов Филиппо Турати и замечательный поэт-демократ Италии Джозуэ Кардуччи 64. Бернард Шоу находил русских революционеров «восхитительно при-

ятными» и считал своей любимой героиней Софью Перовскую 65. Разделял социалистические идеалы народовольцев и приветствовал их борьбу (в частности, цареубийство 1 марта 1881 г., после которого «на земле одним тираном стало меньше») и Генрик Ибсен 66.

Симпатии английского рабочего люда к героям «Народной воли» ярко проявлялись после лекций П. А. Кропоткина о русском революционном движении в Ньюкасле, Глазго и Эдинбурге (1882 г.), когда «толпы работников восторженно кричали на ули-

це «ура» в честь нигилистов» 67.

Кампания солидарности с «Народной волей» захватила в 80-е годы социалистов и рабочие массы, а также часть радикально-буржуазной интеллигенции чуть ли не всех континентов. Один из поиветственных адресов народовольцам в 1880 г. подписали 70 социалистов Александрии (Египет) 68. В марте 1881 г. прошли митинги одобрения русских нареубийц в Нью-Йорке и (с участием 2 тыс. рабочих) в Чикаго 69. На митинге в Бостоне выдающийся борец за свободу американских негров, член І Интернационала Уэнделл Филлипс, «лучший, — в оценке Ф. Энгельса, — оратор Америки, а возможно и всего мира», говорил: «Я смотою на Россию, лежащую за 4000 миль отсюда, и вижу, какой кошмар тяготеет над ее народом. Но я надеюсь, что найдется ктонибудь, кто освободит от него народ. И если это возможно лишь с помощью кинжала, то я приветствую кинжал! Найдется ли здесь хоть один американец, который это осудит?» 70

В Уругвае весной 1881 г. участники народного митинга точно так же выражали симпатии «нигилистам, которые жертвуют собой ради избавления своей страны от гнета» 71, а в Японии боевая группа демократической партии «Дзиюто» в 1884 г. наставляла своих адептов: «Мы должны брать пример с русских нигилистов» 72. Об откликах на борьбу «Народной воли» в Китае Лу Синь в 1932 г. писал так: «Кто из нашей революционной молодежи тех лет не знал о молодых русских революционерах? Кто не слыхал про смелых террористов? Китайская молодежь не забывала Софьи Перовской, хотя большинство, пожалуй, знало ее только как красавицу. Ведь в китай-

ских произведениях до сих пор еще часто встреча-

лось имя Софын» 73.

Горячо приветствовали «Народную волю» как «революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией» ⁷⁴, К. Маркс и Ф. Энгельс. Они разъясняли это тем из своих соратников (например, Вильгельму Либкнехту), которые относились к тактике русских «нигилистов» с известным предубеждением. «К счастью для Либкнехта,— писала об этом осенью 1880 г. дочь Маркса Женни,— папа и Гартман открыли теперь ему глаза. Он всерьез заинтересовался Гартманом, который показал ему все значение русского революционного движения и беспримерное величие подлинных героев-нигилистов» ⁷⁵.

В личной встрече с членом Исполнительного комитета «Народной воли» Н. А. Морозовым Маркс подчеркнул, что борьба народовольцев с царизмом «представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, похожим на фантастыческие романы» 76. Основоположники научного коммунизма включали эту борьбу в общий фронт международного революционного движения и радовались ее победам. Маркс в ноябре 1880 г., оценив «превосходные» успехи французской социал-демократии, с гордостью отмечал: «В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там ... центральный комитет

террористов...» ⁷⁷

Что касается буржуазных кругов, то поначалу в тоне их откликов на борьбу «Народной воли» резко преобладали враждебные ноты. «Нигилизм» как соединение терроризма и социализма пугал расчетливых английских, французских и прочих буржуа, шокировал их своей фанатической непримиримостью к социальному неравенству 78. Американский журнал «Macmillian Magazine» уподоблял народовольцев «маньякам эпохи французского террора», способным только на разрушение 79. Одна из самых влиятельных немецких газет «Allgemeine Zeitung», посвятившая народовольцам три редакционные статьи в мартовских номерах 1881 г. под общим названием «Нигилизм в России», хотя и признавала «целеустремленность и готовность к самопожертвованию», даже

«нечто вроде античного величия» в народовольцах, ссылалась на ««общий ужас», возбуждаемый преступлениями нигилизма» 80. Буржуазная пресса распространяла тогда карикатуры на «нигилистов» как на демонов разрушения, вроде той, которую С. М. Кравчинский видел вскоре после взрыва 5 февраля 1880 г. в одном из английских сатирических журналов: «два нигилиста встречаются среди груды развалин. «Уже все взлетело в воздух?» — спрашивает один. «Нет, — отвечает другой. — Земной шар еще стоит на месте». «Ну что ж, тогда давай взорвем и земной шар!»» 81.

Такой взгляд на «нигилистов» бытовал отчасти по неведению. Дело в том, что заинтригованная катаклизмами русских дел иностранная печать на рубеже 70-80-х годов заботилась не столько о качестве. сколько о количестве информации из России. Падкие на всякую сенсацию буржуазные газеты печатали наряду с отчетами своих корреспондентов непроверенные слухи и откровенные анекдоты. Любопытно, что слухи и анекдоты большей частью питались преувеличенными поедставлениями об удачах и возможностях «нигилистов». Одна «большая политическая газета» Вены уверяла своих читателей в марте 1881 г., что «нигилисты наклеивают теперь в Петербурге свои революционные прокламации на спинах жандармов, дворников и других блюстителей порядка» 82. В общем же М. П. Драгоманов имел основания заявить весной 1881 г.: «Можно умереть со смеху, читая девять десятых того, что печатается в европейских газетах... о русских революционерах» 83.

Исполнительный комитет «Народной воли», учитывая это, заботился о правдивом ознакомлении европейской общественности с русскими делами. Особый пункт инструкции «Подготовительная работа партии», который так и назывался — «Европа», гласил: «Факты революционной борьбы, деятельность и цели партии, мероприятия русского правительства, его отношение к народу — если Европа будет все это знать без искажений, то ее сочувствие нам обеспечено» 84.

Толчком к началу активной борьбы ИК за привлечение на сторону русской революции общественного мнения Европы явилось знаменитое дело Гартмана.

Агент ИК Лев Николаевич Гартман, участник покушения на Александра II под Москвой 19 ноября 1879 г., эмигрировал в декабре в Париж и там по ходатайству русских властей 3 (15) февраля 1880 г. был арестован 85. Царизм потребовал его выдачи. Французские власти готовы были уступить. Премьер-министр Ш.-Л. Фрейсине обещал князю Н. А. Орлову, что требование будет выполнено 86. Но расчеты обоих правительств спутала вдруг начавшаяся во Франции бурная общественная кампания в защиту Гартмана.

Как только ИК узнал об аресте Гартмана, он разослал в редакции французских газет и в другие страны воззвание «Французскому народу». Подчеркнув, что русские революционеры борются за принципы свободы, равенства и братства, которые «провозгласила впервые» Франция, ИК обращался «ко всей Франции» с призывом не допустить выдачи Гартмана. «Тут важен не Гартман, не та или другая отдельная личность,— разъяснял ИК,— важен принцип... Не покупайте благорасположения царя ценою оскорбления свободы и международной солидарности!» Одновременно ИК поставил в известность о деле Гартмана русскую революционную эмиграцию и уполномочил С. М. Кравчинского, О. С. Любатович и В. И. Засулич «ходатайствовать по этому делу от имени Исполнительного комитета официально» 87.

Эмигранты начали действовать немедленно и решительно, причем наряду с Кравчинским особенно активны были П. Л. Лавров, искавший поддержки у всесильного председателя палаты депутатов Л. Гамбетты (тот, правда, ничего определенного не обещал), и Γ . В. Плеханов, который приехал в Париж из Цюриха и обратился за помощью к А. Рошфору, Ф. Пиа, Ж. Клемансо ⁸⁸.

Французская общественность горой встала за Гартмана. Многие газеты опубликовали воззвание ИК, а иные («Citoyen», «Lantern», «Reveil Social» и др.), требуя немедленного освобождения Гартмана, были «чуть не готовы избрать его в муниципальные советники Парижа» 89. Парижане устраивали митинги солидарности с русским революционером. Так, две тысячи студентов собрались в зале Аррас под председательством «вечного узника» Огюста Бланки, незадолго перед тем в последний раз освобожденного

из тюрьмы, и выработали адрес правительству с протестом против ареста Γ артмана и с требованием освободить его 90 .

В защиту Гартмана выступил патриарх европейской литературы Виктор Гюго, который пользовался тогда во Франции и в Европе колоссальным влиянием. В глазах передовой части русского общества он был «центром, от которого исходили все лучшие новые силы Франции», и к тому же «казался гением, превосходящим все земное,— бесспорным и волшебным» 91. 15 (27) февраля 1880 г. Гюго обратился к правительству Франции с открытым письмом, которое перепечатали французские и другие европейские газеты 92. «Вы не можете выдать этого человека... — писал Гюго. — Законы о выдаче преступников не затрагивают политическую сферу. Все нации соблюдают эти законы. Франция тоже их соблюдет. Вы не выдадите этого человека!» 93

Голосу Гюго вторил голос другого властителя дум того времени, который, по выражению С. М. Кравчинского, «в течение целого полустолетия наполнял громом своего имени два полушария» ⁹⁴, — Джузеппе Гарибальди. Он вступился за Гартмана в письме от 23 февраля (6 марта) 1880 г., тоже перепечатанном европейскими газетами: «Гартман — смелый молодой человек, к которому все честные люди должны питать уважение и признательность. Министр Фрейсине и президент Греви не сохранят за собой имени честных республиканцев, если выдадут политического изгнанника. Это было бы достойно версальских гиен» ⁹⁵.

«Агитация в пользу освобождения Гартмана приняла неимоверные размеры,— вспоминал Л. Г. Дейч, находившийся тогда в Париже. — По нескольку раз в день газеты выпускали специальные приложения по поводу дела Гартмана. Имя его непрерывно выкрикивали разносчики, и на время он сделался самым популярным человеком не только в Париже, но и во всем цивилизованном мире» 96.

В такой ситуации правительство Франции не рискнуло выдать Гартмана, сославшись на то, что нельзя установить тождество арестованного с тем Гартманом, который покушался на царя ⁹⁷. Таким образом, царизм, по выражению Веры Фигнер, получил

«звонкую всеевропейскую пошечину... На этом факте «Народная воля» увидела значение, которое может иметь для партии общественное мнение Ев-

оопы» ⁹⁸.

После этого Исполнительный комитет «Народной воли» занялся организацией своего постоянного представительства за границей и 25 октября 1880 г. назначил первым уполномоченным партии Л. Н. Гартмана, всемионая известность которого оказалась очень кстати. В тот же день ИК разослал письма К. Марксу, «К американскому народу» и А. Рошфору (тогда еще радикально настроенному и очень авторитетному во Франции публицисту, редактору газеты «Intransigeant») с одинаковой поосьбой, которая в письме к Марксу сформулирована так: «Задача наша была бы значительно облегчена. будь за нас серьезное сочувствие общественного мнения свободных стран, для чего требуется лишь знание истинного положения дел в России. В этих соображениях мы поручаем товарищу нашему Льву Гартману озаботиться организацией средств для правильного ознакомления общественного мнения Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни. Вас же, многоуважаемый сотоварищ, просим оказать ему содействие в этом деле» 99.

Гартман в какой-то степени сумел склонить на стооону «Народной води» общественное мнение и в Англии, и в США, причем постоянное содействие ему

оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс 100.

Основоположники научного коммунизма охотно вводили русского революционера в курс дел международной социал-демократии. Маркс познакомил Л. Гартмана с П. Лафаргом и В. Либкнехтом, предложил ему сотрудничать в английской социалистической газете, помог устроить его агитационную поездку в Америку 101. С рекомендательными письмами от Маркса и Энгельса к американским социалистам Ф. Зорге и Д. Суинтону 102 Л. Гартман приехал в США летом 1881 г. и развернул там (а затем и в Канаде) агитацию против царизма, о ходе и перспективах которой («Я буду здесь силой и сделаю много неприятностей для буржуазии и правительства») он подробно информировал Маркса и Энгельса ¹⁰³.

Во Франции многое делал в том же отношении П. Л. Лавров, в Италии и Англии — С. М. Кравчинский, в Швейцарии — П. А. Кропоткин. Однако сильнее всего привлекали за границей общественные симпатии к «Народной воле» дела и жертвы самой партии, особенно на судебных процессах, которые неоднократно побуждали мировую общественность выступать в защиту народовольцев, против царских палачей.

Более других показателен в этом отношении процесс по делу 1 марта 1881 г. Напоминаю, что это был последний в России XIX в. политический процесс, на который имели доступ представители прессы. На нем присутствовали корреспонденты 10 иностранных газет, в частности «Times», «Figaro», «Daily News», «Standart», «Graphic», «Kölnische Zeitung» 104.

Мировая общественность уважительно оценила силу духа и благородство подсудимых. «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические» 105,— писал о них К. Маркс дочери Женни.

Даже консервативный «Times», который за считанные дни до процесса злобствовал против народовольшев как «политических изуверов» и «головорезов» ¹⁰⁶, о процессе писал в сдержанном тоне, не без симпатии к подсудимым, будь то «пытливый химик» Кибальчич, «утонченно воспитанная леди» Перовская или «чеканный тип гордого и непреклонного демагога», каким показался «Times» Желябов ¹⁰⁷.

Впрочем, не только и, может быть, даже не столько личности подсудимых, сколько программа, которую они провозглашали перед судом, вызывала сочувственный интерес за границей. Особенно впечатляла речь Желябова: он, как известно, отмежевывал «Народную волю» от анархизма, ставшего пугалом для европейской общественности («Мы государственники, не анархисты» 108), и требовал политических свобод. Тот же «Times» добросовестно пересказал речь Желябова 109, а в передовой статье от 16 апреля по поводу казни первомартовцев признал, что в требованиях «Народной воли» нет «ничего недопустимого и неосновательного».

Казнь героев 1 марта повлекла за собой взрыв протеста в разных концах мира. Протестовали участники народных митингов в Париже (под председательством Красной Девы Коммуны Луизы Мишель) и Лондоне, в Женеве и далеком Монтевидео, социалисты Константинополя, центральный орган социалдемократической партии Германии «Sozialdemokrat», Организационный комитет по созыву международного социалистического конгресса (в обращении «К революционерам всего мира»). Женщины Парижа вотировали текст призыва «К женщинам всего мира» протестовать против казни Софьи Перовской 110. Глубокую симпатию к Перовской («святой в революционном календаре») выразил и английский либерально-буржуазный орган «Fortnightly Review» 111.

Поскольку одной из осужденных, Гесе Гельфман, ввиду ее беременности казнь была отсрочена до рождения ребенка, кампания протеста против казни слилась с кампанией в защиту Гельфман. И на этот раз, как в деле Гартмана, громче всех протестовала Франция. Анри Рошфор со страниц «Întransigeant» призвал «всех матерей, любящих своих детей, и всех детей, любящих своих матерей», организовать повсюду «громадные митинги протеста против удушения как матери, которая уже осуждена, так и младенца, который не осужден» 112. И митинги были организованы. В Париже больше 4 тыс. человек собрались в шиоке Фернандо, где с речью в защиту Гельфман выступил генерал Парижской коммуны Эмиль Эд и была зачитана страстная телеграмма польских социалистов за подписью Людвика Варыньского: «Сын. наследник, превзошел своего отца. Пять виселиц бледнеют перед муками беременной женщины, Геси Гельфман... Пусть будет проклят отец, пусть будет пооклят и сын!» 113 В Марселе перед русским консульством состоялась демонстрация с участием от 1 тыс. до 2,5 тыс. (по разным данным) человек, которых вела за собой с красным знаменем в руках героиня Коммуны Полина Менк ¹¹⁴. Многолюдным был митинг солидарности с мучениками «Народной воли» и в Сент-Этьене 115.

Вновь поднял голос в защиту народовольцев Виктор Гюго. Русские революционеры-эмигранты, близкие к «Народной воле», с самого начала хотели при-

дать кампании в защиту Гельфман как можно больший размах и эффект. П. А. Кропоткин, живший тогда в Женеве, 5 (17) апреля 1881 г. писал П. Л. Лаврову в Париж: «Дорогой Петр Лаврович, возьмитесь Вы устроить что-нибудь. Нельзя ли вызвать Victor Hugo?.. Надо спасти Гельфман от этой пытки!! Надо возбудить общественное мнение Европы против русского царя» 116. Не дожидаясь результатов хлопот Лаврова, Кропоткин сам поехал в Париж, навестил Гюго и ознакомил его с обстоятельствами дела 117. Гюго, как явствует из воспоминаний Кропоткина, откликнулся стихотворением «Да, ужас дошел до этой степени...», которое написано специально о Гесе Гельфман 118.

Кампания за помилование Гельфман охватила и другие страны. В Лондоне и Брюсселе состоялись митинги 119, а в итальянском городке Сампиердарен (близ Генуи) 825 женщин подписали адрес на имя русской императрицы с ходатайством помиловать

осужденную ¹²⁰.

Царизм не мог не посчитаться с такой кампанией и вынужден был заменить Гесе Гельфман казнь по-

жизненным заключением.

В марте следующего, 1882 г. европейская общественность вырвала у царизма еще девять жизней героев «Народной воли». Речь идет о процессе «20-ти», по которому были осуждены на виселицу десять членов и агентов ИК. Пресса Европы дружно осудила этот людоедский приговор: возмущались и социалистические органы, как женевский «Revolté», и радикально-буржуазные, как миланский «Il Secolo», и даже консервативные, вроде лондонских «Times» и «Daily News» 121. Решающее слово и в этот раз сказал Виктор Гюго. Все солидные европейские газеты перепечатали его «Призыв»: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!.. Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!» «Призыв» нелегально проник и в Россию. Размноженный на гектографе по-русски и по-французски, он ходил по рукам под названием «Сті de Victor Hugo» 122 . Царизм вынужден был уступить 123 .

Таким образом, политические процессы в России 1866—1882 гг. во многом обусловили небывалый ранее интерес мировой общественности к русскому революционному движению. Они служили для заграницы как источником информации об идеях, делах и людях революционной России. так и наглядным свидетельством поитягательной силы этих идей, дел и людей. Почти каждый из них был не просто актом расправы, а прежде всего ареной борьбы. Поэтому самое сильное впечатление и в России, и за границей произвели процессы, отразившие в себе дух времени демократического подъема 70-х годов и второй революционной ситуации. Это процесс «нечаевцев» 1871 г., который первым вызвал широкий международный резонанс, и в особенности ряд крупнейших дел 1877—1882 гг., начиная с процесса «50-ти» и кончая процессом «20-ти». Именно они взволновали мировое общественное мнение, заметно настроили его в пользу русских революционеров и положили начало международным кампаниям солидарности с революшионной Россией.

2. Мировая общественность против карательного террора в России 1883—1895 гг.

Читатель помнит, что с 1882 г. в условиях временного спада революционной борьбы и контрнаступления реакции политические процессы в России вершились тайно. Ни русские, ни иностранные корреспонденты, ни прочая публика на них не допускались, судебные отчеты более не печатались, и даже о самом факте процесса власти не всегда сообщали. Между тем интерес к русскому «нигилизму» за границей не угасал. Вести и слухи — не всегда точные — об отдельных революционных актах народовольцев (убийство Г. П. Судейкина, пропаганда в войсках, попытка цареубийства) и крупных политических процессах («17-ти», «14-ти», «21-го», первомартовцев 1887 г.) рождали преувеличенные представления о революционных возможностях «Народной воли». Даже Ф. Энгельс в 1885 г. считал, что Россия «подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта (т. е. с 1 марта 1881 г. — Н. Т.). Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии... и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге» 124.

Вот почему мировая (в первую очередь, конечно, социалистическая и демократическая) общественность внимательно следила за политической жизнью России и продолжала выступать против судебного

террора царизма.

Любопытно, что дотошные корреспонденты таких газет, как, например, лондонский «The Times» или венская «Neue Freue Presse», умудрялись доставлять информацию из первых рук даже о тех процессах, которые русская легальная пресса замалчивала полностью 125. Более того, заграничная агентура «Святой дружины» обращала внимание «на то странное обстоятельство», что секретнейшая телеграмма Александра III генералу И. В. Гурко с требованием осудить и повесить С. Н. Халтурина и Н. А. Желвакова в 24 часа «была известна в Лондоне на следующий день после ее отправления» 126.

Почти вся европейская пресса осуждала царизм за насилие над гласностью политических дел. Дипломатичный «Тіmes» и тот в дни процесса «14-ти» возмущался: «Русская нация и все ее доброжелатели должны быть шокированы циничностью, с которой русский бюрократизм попирает неотъемлемое право подсудимых исправлять административное предубеждение в условиях судебной гласности» 127. Еще более резко обличали безгласность и жестокость царских судов органы радикальной прессы, например парижский «Сті du Peuple» и бухарестский «Romanulu» 128.

Безусловно, разные круги европейского (а также американского) общества выступали против судебного палачества царизма из разных побуждений. Если

9*

демократическая общественность искренне старалась помочь русским революционерам, то консервативные и тем более откровенно реакционные круги имели все основания бояться русской революции и как возможного прецедента для своих стран, и как фактора, который мог круто, а главное, нежелательно для них изменить политическую ориентацию России. Видимо, поэтому все (исключая лишь «очень немногие») немецкие газеты, вплоть до берлинского официоза «Розt», после 1 марта 1887 г. подсказывали царизму, что «при настоящем положении вещей, т. е. danser sur un volcan (танцевать на вулкане. — Н. Т.), Россия оставаться не может, и так как все иные средства уже исчерпаны, следовало бы попытаться ввести представительный образ правления» 129.

Как бы то ни было, мировая общественность, узнавая время от времени (главным образом из подпольных изданий «Народной воли» и через посредство русской революционной эмиграции) те или иные подробности судебного террора в России, естественно, проникалась все большим негодованием против царских палачей и сочувствием (если не симпатией) к их жертвам. ««Был бы я русским, то сам стал бы нигилистом!» — клянусь, эту фразу я слышал неоднократно в различных кругах английского общест-

ва» 130, — писал С. М. Кравчинский в 1885 г.

Показательны в этом отношении отклики брюссельгазеты «Independance Belge» на «17-ти» ¹³¹, «Тітея» на процесс «21-го» ¹³² и особенно едва ли не всей европейской печати на процесс «Второго 1 марта», когда все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни за участие в покушении на Александра III и лишь после замены смертного приговора десять из них остались жить. «Можно было думать, что зверский замысел (подсудимых. — Н. Т.) возбудит понятное негодование и преврение к его зачинщикам. Ничуть не бывало, -- сокрушался министр внутренних дел Д. А. Толстой в докладе царю от 20 марта 1887 г. — Иностранная пресса, за весьма малыми исключениями, набросилась по этому поводу не на презренных динамитчиков, а на Россию, на русское правительство, на все наши порядки». Царская цензура за 11 дней задержала в иностранных газетах 517 статей с антицаристскими комментариями к делу «Второго 1 марта». «Вообще все иностранные газеты,— заключал Толстой,— высказывались против принципа самодержавия, несомненного источника испорченности существующего правительства, и поэтому убеждали, что так как государь олицетворяет собой этот принцип, то он и послужил мишенью для нового безбожно-адского замысла 1 марта» ¹³³.

Такие меры, как задержка отдельных статей и даже запрещение иным газетам доступа в Россию (так, например, были наказаны «Berliner Tageblatt», «Neue Freue Presse» и «Börsen Courier» за предосудительную информацию о процессе «14-ти» 134), не могли, конечно, расположить к царизму западную печать. Напротив, они еще сильнее восстанавливали общественное мнение Европы против царского деспотизма. Со всей очевидностью это проявилось в международной кампании протеста по случаю Якутской трагедии 22 марта 1889 г.

Очевидцы Якутской трагедии сумели рассказать о ней миру. В течение 1889 г. народовольцы размножили на гектографе ряд прокламаций и брошюр, которые распространялись в России и проникли за границу 135. Мировая общественность начала новую

кампанию протеста против зверств царизма.

В Англии все крупные газеты осудили царский режим за «сибирские ужасы». «Тітев» напечатал рассказ о Якутской трагедии ее очевидца и жертвы В. Н. Геймана ¹³⁶. Знаменитый поэт Чарльз Суинберн гневно осуждал преступление царизма в оде под названием «Россия» ¹³⁷. Одновременно шли массовые митинги протеста. Самый крупный из них состоялся в лондонском Гайд-Парке, где в числе ораторов выступал Джон Бернс — в ту пору популярнейший вожак английских рабочих. Об этом митинге сочувственно писали «Daily News» и «Daily Telegraph» ¹³⁸.

Во Франции на этот раз кампания протеста не приняла больших размеров, тем не менее, французская пресса откликнулась на Якутскую трагедию ¹³⁹. Протестовала и общественность других стран. Департамент полиции отметил, например, возмущенный отклик венской газеты «Neue Freue Presse» от 22 июня (4 июля) 1889 г. ¹⁴⁰ В США якутское элодеяние

вызвало такую бурю протеста, что царизм вопреки обыкновению счел нужным дать официальные «разъяснения». В январе 1890 г. «New York Tribune» опубликовала версию царского правительства, согласно которой охранники расстреливали, кололи штыками и вешали ссыльных исключительно в целях самообороны, ибо, мол. затеяла коовопролитие и ответственна за него «банда» ссыльных. Эта версия тут же лопнула как мыльный пузырь. Ее разоблачил Джордж Кеннан (о нем речь еще впереди) по документам, полученным от жертв и очевидцев Якутской трагедии, причем Кеннан не удовольствовался выяснением истины только для американского народа. «Если я буду жить, — заявил он, — весь говорящий по-английски свет будет знать все подробности этого ужасного преступления» 141.

Мировая общественность еще продолжала обсуждать Якутскую трагедию, когда царизм совершил (7 ноября 1889 г.) новое злодеяние, известное как Карийская трагедия. За границей весть о ней вызвала новую волну протеста, которая бурлила долгое время. Русский посол в Лондоне Е. Е. Стааль и в мае 1890 г. с беспокойством доносил: «Агитация, поднятая в Англии против России (читай: царизма. — H. T.) на основании преувеличенных (?) слухов о беспощадном обращении с ссыльно-каторжными в Сибири, не угасла до сих пор» 142 . Материалы о Карийской трагедии печатали все английские газеты. Марк Твен в те дни высказывался за цареубийство в России, пока «устроить там революцию невозможно» 143 .

Протест мировой общественности был столь громким, что иные тузы царизма (например, государственный секретарь А. А. Половцов) боялись международных осложнений ¹⁴⁴. Эти опасения были не безосновательны. Ф. Энгельс в статье «Внешняя политика русского царизма» прямо указывал на падение международного престижа самодержавия, «с тех пор как стало известно об экзекуции, которой была подвергнута г-жа Сигида, и прочих русских «зверствах»» ¹⁴⁵.

Так десятилетие, в начале которого мировая общественность дружно выступила против царизма, в защиту Гартмана, закончилось еще более внушитель-

ными кампаниями протеста против палачей Якутска и Кары.

За десять лет, которые разделяют эти кампании, общественное мнение Европы и Америки склонилось в пользу русских революционеров. Не только радикальные, но и весьма умеренные буржуазные круги стали поизнавать историческую споаведливость борьбы народовольцев против «элодейств тирании влодейств, ею вызванных и порожденных» 146, и, как выразился С. М. Кравчинский, понимать, что народовольцы — «это люди 93-го и 89-го года во Франции, которых Европа вся под образа сажает» 147. При таком отношении к некогда одиозному «нигилизму» в Англии было создано (6 (18) декабря 1889 г.) «Общество друзей русской свободы» с целью будить сочувствие и оказывать содействие русским революционерам. «Общество» наладило издание газеты «Free Russia» («Свободная Россия»). Первый же ее номер вышел в 1890 г. 5-тысячным тиражом, а через год директор департамента полиции Российской империи П. Н. Дурново уже досадовал на то, что «гавета «Free Russia» расходится в 10 тысячах эквемпляров» 148. Членами «Общества» были и социалисты (Сидней Вебб, Эдуард Пиз, основоположник социалистической поэзии в Англии Уильям Моррис, будущий советский историк академик Ф. А. Ротштейн). и «околосоциалистическая» интеллигенция, и либеральные буржуа (например, бывший член кабинета Гладстона Д. Шоу-Лефево) 149.

В 1891 г. «Общество друзей русской свободы» со своим печатным органом «Свободная Россия» было учреждено и в США — при участии Марка Твена, Джорджа Кеннана, писательницы Джулии Хоу (автор военного гимна северян), поэта Джеймса Лоуэлла, епископа Филиппа Брукса и др. 150 Характерно, что среди множества писем 1881—1888 гг. с ходатайствами перед Александром III о смягчении участи осужденных народовольцев есть письма из Нью-Йор-

ка, Филадельфии, Кливленда, Мехико 151.

Интерес, сострадание и симпатии к народовольцам, а в этой связи и к социализму вообще проявляли в разных странах авторитеты, весьма далекие от социализма и революции. Итальянский философ, психиатр и криминалист с мировым именем Чезаре Лом-

брозо объявлял «несомненным тот факт, что истинные революционеры, инициаторы великих научных и политических переворотов, вносящие действительный прогресс в человечество, почти всегда бывают людьми гениальными или святыми и обладают удивительно гаомоничной физиономией. Какие благородные лица у ...Мадзини. Гарибальди... Перовской и Веры Засулич» ¹⁵². Как явствует из декабрьского 1883 г. письма С. В. Ковалевской к П. Л. Лаврову, «одним из тех, которые всего живее относятся к этому (о социализме. - Н. Т.) вопросу, а в особенности желали бы знать положение социализма и нигилизма в России», был знаменитый шведский полярный исследователь Нильс Норденшельд 153. Открыто заявлял о бессилии царизма подавить движение таких людей, которые «жертвуют даже собственной жизнью ради торжества справедливости в мире», крупнейший итальянский лингвист Анджело де Губернатис 154.

Здесь уместно подчеркнуть, что авторитет русского революционного движения в глазах мировой обшественности поддерживали наряду с героями политических процессов в России также и те народники, которые судились за «революционную агитацию» в иностранных судах: Арон Либерман — в Вене (ноябрь 1878 г.), Герман Гуревич и др. — в Берлине (апрель 1879 г.), Анна Макаревич (Кулишева) — «славянская мадонна», как прозвали ее журналисты 155, — во Флоренции (ноябрь 1879 г.), Евгений Степанов и др. — в Париже (июль 1890 г.), Владимир Бурцев — в Лондоне (январь 1898 г.). Вокруг этих процессов обычно возникали общественные кампании солидарности с русскими революционерами. Так, в связи с делом Е. Д. Степанова «искренние симпатии французских социалистов к демократической России, представляемой нигилистами», печатно выражали Жюль Гед, Жан Жорес и другие французы ¹⁵⁶. В Англии был создан общественный комитет для защиты В. Л. Бурцева и вручен ряд петиций кабинету министров с требованием освободить рус-ского «нигилиста» 157.

Наибольший отклик за границей из судебных дел этого рода вызвал процесс в Лионе в январе 1883 г. над П. А. Кропоткиным. Подобно народовольцам, Кропоткин со скамьи подсудимых обвинял царизм

и славил русское революционное движение, подчеркивал общность революционных идеалов России и Франции. В этой связи газеты отметили его остроумную пикировку с председателем суда и прокурором:

«Кропоткин: Вся Франция аплодировала геройско-

му поступку Веры Засулич.

Председатель: Именем закона и порядка протестую

против ващей клеветы!

Прокурор: Я со всей энергией, внушаемой правдою и справедливостью, присоединяюсь к протесту г. председателя!

Кропоткин: Тише, тише, господа! Вы забываете, что Засулич оправдало жюри — надеюсь, вы уважае-

те институт присяжных!» 158

Осуждение Кропоткина (пять лет тюрьмы) вызвало очередную волну протеста и во Франции, и в других странах. Ряд крупных деятелей политики и культуры Англии (Герберт Спенсер, Чарльз Суинберн, Джон Морли) и Франции (Камиль Фламмарион, Эрнест Ренан, Эдуард Пальерон) выработали петицию с требованием освободить Кропоткина. Еще раз возвысил голос в защиту русских революционеров престарелый Виктор Гюго. Он тоже подписал петицию и добавил к подписи многозначительное пояснение: «Все вопросы об амнистии интересуют меня, а это прошение об освобождении князя Кропоткина я, в особенности, принимаю близко к сердцу. Виктор Гюго» 159.

Отметим здесь, что после смерти Гюго «Народная воля» благодарно почтила память писателя, так часто выступавшего в защиту ее героев и мучеников. Русский посол в Париже А. П. Моренгейм доносил в Петербург о похоронах Гюго: «Нигилисты, разумеется, были представлены здесь весьма широко; редакция «Народной воли» торжественно несла боль-

шой венок» 160.

С конца 80-х годов авторитетным защитником русских революционеров на Западе выступил американский журналист Джордж Кеннан (1845—1924 гг.), который с 1864 по 1886 г. четырежды приезжал в Россию, дважды побывал в Сибири, досконально изучил там ссылку и каторгу и в 1890—1891 гг. опубликовал книгу «Сибирь и ссылка» с потрясающим

разоблачением судебно-карательной политики наризма. Интересно, что из первой поездки в Сибирь он почерпнул весьма поверхностные впечатления и даже оспаривал публично и печатно слухи о карательной жестокости царизма. Поэтому царизм охотно разрешил Кеннану вторично поехать в Сибирь, надеясь использовать его как своего адвоката 161. Тем досаднее было царским карателям обрести вместо верного адвоката яростного прокурора. Зато русская общественность приветствовала книгу Кенпана. «Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, — писал Кеннану 8 августа 1890 г. Лев Толстой, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов» 162. Книга Кеннана обошла весь мир и повсюду возбуждала общественное мнение против самодержавия. Ф. Энгельс так писал о ней: «Американец Кеннан разоблачил перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых паризм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопоотивлению» 163.

Осуждая царизм, Кеннан, с другой стороны, возвеличивал его врагов, русских революционеров, о которых он отзывался с глубочайшей симпатией: «Самые мужественные и самые великодушные типы мужчин и женщин, какие я когда-либо

знавал» ¹⁶⁴.

Резонанс от разоблачений Кеннана был тем сильнее, что он, не довольствуясь книгой и циклом статей о сибирской ссылке, выступал в США, Канаде, Англии с яркими лекциями, которые собирали многотысячные аудитории и пользовались шумным успехом. «В течение четырех лет,— гласит справка российского департамента полиции от 26 июня 1893 г.,—Кеннан успел прочесть в Америке около 500 лекций, на которые собиралось иногда до 6—7 тысяч слушателей» 165.

После одной из таких лекций (в Вашингтоне весной 1889 г.) оказавшийся среди слушателей Марк Твен произнес взволнованную речь, «полную энтузиазма и симпатии к русским революционерам. Закончил он ее словами: «Если правительство, подобное теперешнему русскому, не может быть низвергнуто иначе как динамитом, то слава богу, что существует динамит!»» 166.

В 1894—1895 гг. Кеннан трижды приезжал с антицаристскими публичными лекциями в Англию. Только за два первых месяца 1894 г. он прочел для английской публики 60 лекций, каждая из которых, как выразился Ф. В. Волховский, «была новым ударом по тирании» царизма. Между прочим, на лекции Кеннана в Оксфордском университете 15 (27) февраля 1894 г. председательствовал крупнейший тогда авторитет Англии в области правоведения Альберт Дайси 167.

Сравнительно с двумя предыдущими десятилетиями в 90-е годы отклики мировой общественности на политические гонения в России несколько стихают. Во-первых, судебные процессы над русскими революционерами временно прекратились. Административные же репрессии против «крамолы» были менее заметны. Тем временем внутри русского революционного лагеря происходили исторические перемены: народничество уступало место социал-демократии, на смену разночинскому поколению революционеров выдвинулось новое, пролетарское поколение. Социалдемократы вели кропотливую, не столь броскую и эффектную внешне, как у народовольцев, революционную работу в самой гуще пролетарских масс. Эта работа не сразу дала плоды, не сразу всполошила царских карателей и не сразу же привлекла к себе внимание мировой общественности. До середины 90-х годов для заграницы главной силой и классическим выражением русской революции оставалась «Народная воля», необратимо угасавшая.

Только международная социал-демократия уже к концу 80-х годов правильно распознала возможности первых русских марксистов и стала оказывать им всяческую поддержку. Правда, главным образом она взаимодействовала с группой «Освобождение труда». Но в 90-е годы постепенно рос ее интерес и к социал-демократическому, пролетарскому движению в самой России. Об этом говорят ее отклики на революционные выступления русского пролетариата. Грандиозные петербургские стачки 1895—1896 гг., с которых мы отсчитываем пролетарский этап освободительной борьбы в России, были сразу же и по достоинству оценены социал-демократическими партиями Европы. «Произошло великое событие, значение

которого для нас трудно переоценить,— писал в июле 1896 г. еженедельник Итальянской социалистической партии «Lotta di klasse»,— русский пролетариат вступил в борьбу» ¹⁶⁸. В том же июле 1896 г. послаицы рабочей России впервые появились на очередном (четвертом, Лондонском) конгрессе II Интернационала. Конгресс голосами 589 делегатов из 20 стран отметил этот «чрезвычайно важный и небывалый до сих поо факт» специальной резолюцией ¹⁶⁹.

Пролетариат Запада с первых же шагов массового рабочего движения в России братски протянул ему руку. В 1896—1897 гг. рабочие Англии, Германии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Австрии, США организовали сбор средств в фонд петербургских стачечников 170. Так было положено начало пролетарской солидарности трудящихся России и Запада. Многозначительно прозвучали в органе германской социалдемократии «Vorwärts» 15 (27) июня 1896 г. строки корреспонденции из России: «Старый «нигилизм» мертв. Мощное, действительно современное рабочее движение стоит ныне вместо него на авансцене про-

летарской жизни в России» 171.

Таким образом, и в период реакции, с 1882 г. примерно до середины 90-х годов, пока в России шли политические процессы, мировая общественность откликалась на них, энергично протестовала против царских карателей, выражала сочувствие их жертвам. При этом возникали новые формы общественного противодействия наризму (переводы и переиздания разоблачительных книг С. М. Кравчинского, Э. Нобля, Д. Кеннана, циклы публичных лекций, комитеты и целые «Общества друзей русской свободы»). Ослабление же таких откликов примерно с середины 90-х годов оказалось временным — лишь до тех пор, пока не возобновился, уже в начале следующего столетия, разгул судебного террора. Зато как раз в середине 90-х годов стала складываться традиция пролетарской солидарности между Россией и Западом. В целом же все отклики мировой общественности 80-90-х годов -- сначала главным образом на политические процессы, а в последние пять-шесть лет и на массовые выступления пролетариата в России имели важные последствия. Громкая, на весь мир, правда о русском революционном движении, его целях, средствах и людях шла на пользу его авторитету и связям, укрепляла позиции борющейся России.

3. Художественная литература о русских революционерах 1860—1890-х годов

Мы видели, что мировая общественность широко заинтересовалась русским революционным движением в конце 1870-х годов главным образом в связи с крупными политическими процессами той поры («50-ти», «193-х», Веры Засулич). Не удивительно, что с конца 70-х годов русские революционеры стали популярными героями чуть ли не во всех жанрах мировой художественной литературы, тогда как ранее они появлялись там лишь в исключительных случаях («Учитель фехтования» А. Дюма, «Ванда» А. Виньи, «Ангелли» Ю. Словацкого).

Впрочем, некоторое время, пока за границей не разобрались в смысле русского «нигилизма», иностранные газеты, журналы, издательства и в 80-е годы, гонясь за сенсацией, печатали «самые несуразные» новеллы, пьесы, романы о народниках вроде «Les vierges russes» («Русские девы») или «Ivan le nihiliste» («Нигилист Иван»), где «весь интерес заключался в замысловатой интриге, но сущность и причины движения, характеры лиц оставались непонятыми и изображались часто с самой превратной

стороны» ¹⁷².

Так были написаны и популярные драмы: «Вера или нигилисты» Оскара Уайльда (1881 г.) и «Федора» Викторьена Сарду (1884 г.). Первая из них создавалась под впечатлением дела Веры Засулич, но, как подметила Е. А. Таратута, «кроме имени героини, в ней не было ничего реального» ¹⁷³. Драма имела средневековый колорит. Россия в ней походила на Испанию времен Торквемады, а «нигилисты» — на шиллеровских заговорщиков: в красных масках, вооруженные мечами, они произносили зловещие клятвы «без страха, без надежды, без будущего страдать, уничтожать, мстить» ¹⁷⁴. Но безусловное сочувствие автора к «нигилистам» и антипатия к их врагам (царский двор шаржирован, а сам царь представлен идиотом) позволяют отнести драму Уайльда к числу тех

литературных памятников, которые настраивали общественное мнение Запада в пользу революционной России.

Так же сочувственно к «нигилистам», но с большим знанием темы, хотя тоже довольно поверхностно, написана драма Сарду «Федора», сюжет которой отчасти заимствован из дел Засуличи Гартмана (герой драмы Лорис Ипанов убивает сына петербургского градоначальника и эмигрирует во Францию; царизм пытается вытребовать его как убийцу, но французское правительство отказывает в этом) 175. Обошедшая сцены многих стран мира с участием знаменитых актеров (Элеоноры Дузе, Сары Бернар), драма Сарду способствовала пробуждению симпатий к русским революционерам. Итальянский композитор Умберто Джордано под ее впечатлением написал оперу «Федора». На премьере оперы в Милане 5 (17) ноября 1898 г. партию народовольца Ипа-

нова пел Энрико Карузо 176.

По мере того как мировая общественность узнавала правду о русском «нигилизме», писатели Запада проявляли к русским революционерам все больше интереса, понимания и сочувствия. Сами народники, и особенно народовольцы, как уже сказано, заботились об этом, распространяя за границей свои программные документы, материалы судебных процессов, биографии своих героев и мучеников. Очень помог в этом отношении русским революционерам И. С. Тургенев, помог и как автор «Нови», которая меньше чем за год после выхода в свет была переведена почти на все европейские языки, а после процессов «50-ти» и Веры Засулич создала Тургеневу на Западе репутацию «der Prophet» (пророка) 177, и как ходатай перед французскими издателями за роман польского эмигранта М. О. Ашкинази «Жертвы царя» и очерк одного из подсудимых по делу «193-х» И. Я. Павловского «В одиночном заключении». Кстати, именно роман Ашкинази стал едва ли не первым в Европе художественным произведением, которое разъясняло зарубежному читателю обусловленность «красного террора» народников как альтернативы «белому террору» ¹⁷⁸. Примерно с середины 80-х годов образы русских

революционеров появляются на Западе не только в

скороспелой и «несуразной», но и в истинно художественной литературе, включая десятки сочинений признанных мастеров слова. Это, за редким исключением, образы жертв карательного террора: подсудимых, узников, каторжан, ссыльных, политических эмигрантов. Создавались они преимущественно под впечатлением, а то и по материалам судебных процессов в России 70—80-х годов, о которых так часто и подробно писала тогда европейская пресса. Такой угол зрения был понятным. Все серьезные писатели старались черпать революционные сюжеты и образы из жизни, а жизнь русских революционеров тех лет открывалась перед современниками главным образом на политических процессах.

Пожалуй, больше, чем где-либо за пределами России, писатели «тянулись» к русскому революционеру в стране, самой богатой революционными традициями из всех стран мира, — во Франции. Здесь еще в 1876 г. тогда уже знаменитый Жюль Веон сделал одним из героев своего романа «Михаил Строгов» мужественного революционера Василия Федорова, сосланного в Сибирь за участие в тайном обществе. Политический ссыльный Сергей Наркин, тоже побывавший в Сибири, сочувственно обрисован и в романе Ж. Верна «Цезарь Каскабель» (1890 г.). Более поздний его роман «Драма в Лифляндии» (1904 г.) критически изображает полицейский и судебный произвол в России конца 70-х годов («Стоит какому-нибудь делу быть хоть в самой незначительной мере связанным с политикой, как тотчас вмешиваются власти») 179. В ряду главных героев этого романа выделяется благородством Владимир Янов — бежавший с сибирской каторги «член одного из тайных обществ, которые в России вели борьбу против царского самодержавия». Впрочем, о революционной борьбе Янова и его товарищей в романе говорится вскользь: автор лишь констатирует, что «нигилисты в те годы заменили пропаганду идей пропагандой действием» 180.

Более конкретно и выразительно представлен народоволец Суварин в одном из лучших романов Эмиля Золя «Жерминаль» (1885 г.). Это политический эмигрант, человек сильный и стойкий, честный, принципиальный, мало сказать преданный — буквально одержимый революционной идеей, «готовый пожертвовать жизнью, и притом безвестно, не стяжав даже славы мученика» 181, хотя и неоправданно (по воле автора) тяготеющий к анархизму, к разрушительному началу. В работе над образом Суварина Золя, по его словам, «кое-чем позаимствовался» из «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского 182. В революционном активе Суварина значатся реальные факты: убийство шефа жандармов Н. В. Мевенцова 4 августа 1878 г., покушение на Александоа II 19 ноябоя 1879 г. Не мудоено, что в Суварине находят исторические прототипы. Так, К. П. Победоносцев считал, что в нем «не трудно узнать Гартмана» 183. По мнению Е. А. Таратуты, прототипами Суварина, «несомненно, были и Степняк, и Кропоткин» 184.

Ряд страниц «Жерминаля» вопиет против царских палачей. Устами Суварина Золя рассказывает о казни пяти народовольцев как о варварском злодеянии. «Они, — говорит он о палачах, — провозились целых двадцать минут, чтобы повесить четырех до Аннушки; веревка обрывалась, и они никак не могли покончить с четвертым... Она стояла тут же, дожидаясь своей очереди. Она не видела меня и искала глазами в толпе. Я влез на тумбу, она меня заметила, и с той минуты глаза наши были прикованы друг к другу. И даже мертвая, она все продолжала смотреть на меня».

Этот рассказ завершается многозначащим выводом: все попытки царизма задушить революционное движение градом репрессий тщетны, казни революционеров дают эффект, противоположный тому, на который рассчитывают каратели. «Да, хорошо, что она умерла,— вспоминает Суварин об Аннушке,— на ее крови родятся герои, а во мне больше нет никакой трусости... рука ни от чего не дрогнет, когда придет день и нужно будет отнять жизнь у других или отдать свою!» 185

Третий классик французской литературы — Альфонс Доде в романе «Тартарен на Альпах» (вторая часть «Тартарена из Тараскона», 1885 г.) вывел целую группу русских, которые «возглавляют партию нигилистов», но вынуждены пока скрываться от царских карателей в изгнании. Один из них — Мани-

лов — обрисован по материалам очерка Кравчинского «Степан Халтурин» 186. Народовольцы Доде — героические и самоотверженные натуры. Правда, к способу действий «нигилистов» писатель относится не без предубеждения. «Я лично держусь того мнения, говорит он устами Тартарена, — что и против диких зверей надлежит пользоваться узаконенным оружием». Впрочем, перед главным доводом «нигилистов» («если народ угнетают, если народ душат и необходимо его освободить, то всякое оружие хорошо и законно») Тартарен пасует: «Разумеется, разумеется...» 187 В целом русские революционеры под пером Доде оказывались не совсем понятными для европейского читателя, загадочными, но тем более интересными и привлекательными. «Как необычны и милы ваши нигилисты!» 188 — писал автору «Тартарена» Ги де Мопассан.

Сам Мопассан — писатель, далекий от революционной идеологии и вообще от политики, тоже затронул «нигилистическую» тему. Если в ранней его новелле «Открытое собрание» из цикла «Воскресные прогулки парижского буржуа» (1880 г.) образ «гражданки Евы Шуриной, русской нигилистки», которая «свирепым, пронзительным голосом» говорит французским женщинам о своей борьбе с «угнетателями родины» 189, карикатурен, то три года спустя на страницах рассказа «В пути» Мопассан изобразил народовольца, преследуемого царскими карателями, так же сочувственно, как это делал Доде 190.

Откликались на политические гонения в России и другие французские писатели, причем иные из них создавали романы и повести специально о гонимых, но несгибаемых «нигилистах». Так, Поль Вернье в 1881 г. напечатал роман «Охота за нигилистами», а Юг Ле Ру (кстати, переведший на французский язык «Подпольную Россию» Кравчинского) — роман

«Покушение Слугина» (1885 г.).

В Англии крупнейшие поэты славили «нигилистов» и прочили гибель царскому деспотизму. Глава революционно-демократического направления в английской поэзии 50—70-х годов XIX в. Джеймс Томсон сделал это в стихотворении «Деспотизм, устрашенный динамитом» (1882 г.). Самый популярный рабочий поэт Англии 80-х годов Джим Коннел, по

его словам, создавал знаменитую песню «Красный флаг» (1889 г.), вдохновляясь борьбой не только английского рабочего класса, но и парижских коммунаров и русских народовольцев ¹⁹¹. Подвиг Софьи Перовской воспел в 1884 г. на страницах лондонского ежемесячника «То-day» мслодой поэт (будущий социалист) Генри Эллис ¹⁹², а маститый Чарльз Суинберн, как уже говорилось, откликнулся на Якутскую трагедию 1890 г. антицаристской одой «Россия».

Что касается английской художественной прозы, то даже не один, а несколько романов о единоборстве между царизмом и «нигилизмом» написал друг Кравчинского и переводчик его книги «Россия под властью царей» Уильям Уэстол 193, отдельные же, весьма положительные образы русских революционеров создавали Джон Голсуорси (в романе «Вилла Рубейн», 1900 г.), Джозеф Конрад (в романе «На взгляд Запада», 1911 г.), Артур Конан Дойль.

Так, в романе Конан Дойля «Торговый дом Гердлстон» (1890 г.) среди «хороших людей» действует безымянный политэмигрант, «нигилист из Одессы», который «приговорен к смерти, и его обязательно казнят, надо только сперва поймать», человек смелый, решительный и во всех отношениях симпатичный: «несмотоя на потрепанное одеяние, внешность этого человека пооизводила впечатление незауоядности и благородства, а непринужденная грация его поклона могла бы сделать честь двору любого европейского монарха». Благородные и самоотверженные «революционеры-нигилисты» Анна и Алексей, противопоставленные трусливому предателю Сергею, по чьей вине «некоторые отправились на виселицу, других сослали в Сибирь», выведены также в одном из рассказов Конан Дойля в Шерлоке Холмсе «Пенсне в золотой опоаве» 194.

Особо коснемся здесь романов Этель Лилиан Войнич. Ее биограф Е. А. Таратута убедительно показала, что в работе над романом «Овод» (1889—1897 гг.) «наиболее сильные непосредственные впечатления дала писательнице именно русская действительность, и в образе Овода с наибольшей силой отразились черты русских революционеров-народников, соратником которых была сама создательница романа об Оводе» 195. Позднее в романе «Оливия

Лэтам» (1904 г.) Войнич правдиво изобразила Петербург 80-х годов с его вакханалией реакции, сыска, преследований, а воплощением беззаветной борьбы против этого Петербурга сделала образ народовольца Владимира Дамарова, гибнущего в Петропавловской крепости. Весь роман, по словам самой Войнич, отразил впечатления трех лет ее жизни в России (1887—1889), причем семья Дамаровых описана по воспоминаниям о семье народовольца В. А. Караулова, в которой жила тогда Войнич 196.

Много откликов на судебный и административный террор царизма было в польской литературе. Вслед за упомянутым романом Михаила Ашкинази, о котором, по свидетельству автора, «дали сочувственные отзывы все большие европейские газеты» 197, можно назвать сделанный известным поэтом Яном Каспровичем перевод стихотворения Е. И. Минакова «Последние минуты» 198. В 1887 г. заграничный орган польских социалистов «Przedswit» опубликовал поэму «Ульянов» — о судебном процессе по делу «Второго 1 марта». Автор поэмы (как предполагают сотрудники музея В. И. Ленина в Варшаве, польская социалистка Цезарина Войнаровская) славил героя за революционную убежденность и силу духа, за отказ просить царя о помиловании:

Царю платить я должен жизнью ... Что же, Жиэнь дорога, но честь еще дороже! 199

Классик польской литературы Стефан Жеромский в 1891 г. написал рассказ «Непреклонная», который идейно перекликается с «Чудной» В. Г. Короленко, а в 1894 г. — повесть «Курган», где показал в образе доктора Вилкина народовольца, когда-то активного борца, пережившего тюрьмы и ссылку, измученного и обессиленного, но все-таки верного революционным убеждениям 200.

Такие же отклики эвучали и в литературе многих других стран. Выдающийся чешский поэт Сватоплук Чех в поэме «Славия» (1882 г.) обличал царскую Россию как страну рабства, где лишь «в катакомбах таится дух свободы», но предсказывал ей обновление, роль «утренней звезды новой мировой истории», благодаря усилиям революционеров — таких, как герой поэмы народоволец Владимир 201.

Замечательный поэт Румынии Константии Милле посвятил свое «Красное стихотворение» (1883 г.) Софье Перовской ²⁰². В Италии о Софье Перовской написал стихотворение («Апрельские цветы») Филиппо Турати ²⁰³, а в Германии о Вере Засулич—названная выше Шарлотта Вестфаль ²⁰⁴. Все эти произведения выражали солидарность с русскими революционерами и протест против их карателей.

Отзвук такого же настроения слышен в драме знаменитого Герхарта Гауптмана «Одинокие» (1891 г.). Героиня драмы Анна Мар — интеллигентная женщина с передовыми взглядами, родом «из русской Прибалтики», носит кольцо, «снятое с пальца женщины, которая умерла в Сибири, последовав за своим мужем», поет популярнейшую русскую революционную песню 80-х годов «Замучен тяжелой неволей». У Гауптмана русская революционная тема — на заднем плане, почти в подтексте. Но в 80—90-е годы на театральных сценах Европы ставились и пьесы, написанные, как «Вера» Уайльда, специально о русских революционерах, в частности о процессе Засулич (в Неаполе) и, возможно, о Якутской трагедии 205.

Не осталась в стороне от интереса к русскому «нигилизму» литература Скандинавии. Шведский писатель с мировым именем, «скандинавский Данко», по выражению М. Горького, Август Стриндберг сделал героем новеллы «Рецидив» (1884 г., в русском переводе «Возврат к прошлому») благородного «нигилиста» — изгнанника Павла Петровича, который и на чужбине не прекращает революционной борьбы: «Пусть наши кости развеет песок пустыни, это наш удел, но все-таки будем работать для будущего» 206. Один из крупнейших писателей Дании (с 1917 г. лауреат Нобелевской премии) Карл Гьеллеруп в романе «Ученик германцев» (1882 г.) показал, каким толчком к формированию прогрессивных взглядов героя романа послужил услышанный им разговор о подвиге Веры Засулич 207.

На борьбу русских революционеров против царизма откликнулась и литература Америки и Азии. Так, герой романа Марка Твена «Американский претендент» (1892 г.) Малберри Селлерс строит фантастические планы освобождения России от гнета царизма, замыслив, в частности, купить Сибирь

и основать в ней образцово-показательную республику, ибо, мол, «в тамошних рудниках и тюрьмах собраны самые благородные, самые лучшие, самые наиспособнейшие представители рода человеческого, каких когда-либо создал бог» 208 . Один из родоначальников критического реализма в США поэт Джоакин Миллер написал тираноборческую балладу «Софья Перовская» 209 . Как предполагает (основываясь на собственных обширных изысканиях) советский литературовед В. М. Быков, «подвиги русских народовольцев» вдохновляли и Джека Лондона, когда он работал — уже в начале XX в. — над некоторыми эпизодами и образами романов «Железная пята» и «Бюро убийств» 210 .

В Японии еще до середины 80-х годов вышел ряд произведений о русских народниках, в частности две книги о Засулич: «Повести о героинях Европы» (1881 г.) и «Трагедия русской героини» (1882 г.) 211. В 1882 г. был переведен на японский язык роман Поля Вернье «Охота за нигилистами» (под названием «Удивительная повесть о преследовании партии нигилистов»), а в 1884 г. — «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского под заголовком «Демоны во-

пиют» ²¹².

Не исключено, что такие же сочинения и переводы выходили тогда в Китае. Во всяком случае современный китайский писатель Ба Цзинь (родился в 1904 г.) свидетельствует, что в юные годы он увлекался «Подпольной Россией» и «Андреем Кожуховым» Степняка, а затем сам написал повесть «Гибель» о китайском революционере Ду Да-сине, в которой, по признанию автора, «влияние Степняка особенно заметно, хотя Кожухов и Ду Да-синь принадлежат к совершенно различным группам людей» 213.

Все произведения, о которых идет речь, проникнуты большим или меньшим сочувствием, а то и симпатиями к героям и мученикам русской революции. Авторы этих произведений изображали русского революционера хотя и преследуемым, лишенным широкой поддержки, но непреклонным, самоотверженным, достойным славы и подражания. Поэтому все упомянутые здесь романы, повести, новеллы, драмы, стихи писателей Европы, Америки, Азии вно-

сили тот или иной вклад в международную кампанию солидарности с русским освободительным движением. Был в ходу на Западе (возможно, и на Востоке) и «антинигилистический» роман, но характерно, что за рубежом в отличие от России среди сочинителей этого жанра не оказалось ни одного сколько-нибудь крупного литературного имени.

Тот факт, что зарубежные писатели с 70-х годов, когда революционная Россия остановила на себе «зрачок мира», и вплоть до конца XIX в. изображали русских революционеров народниками, естествен. Русская социал-демократия, только зарождавшаяся, тогда еще не привлекала к себе внимания мастеров даже отечественной литературы. Первым художественно отобразил социал-демократическое движение В. В. Вересаев в 1897 г. (рассказ «Поветрие»). Иностранные же писатели обратились к теме русской социал-демократии с начала XX в. главным образом под впечатлением революции 1905—1907 гг.

Итак, политические процессы в России 1866-1895 гг. возбуждали, а часто (главным образом в 1877—1882 гг.) как бы фокусировали в себе сочувственный интерес к идеям, делам и людям русской революции со стороны международной общественности. Раскрывшаяся на процессах перед всем миром величественная и трагическая эпопея русского народничества получила общее признание как одна из важных для того времени составных частей мирового революционного прогресса. Именно она главным образом дала основание К. Марксу и Ф. Энгельсу уже в 1882 г. заключить, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» 214. Международный авторитет русских народников тогда был настолько эначительным, что, например, министерство иностранных дел Германии в 1879 г. сочло необходимым уведомить царское правительство, будто «партия русских нигилистов, ... распространявшая первоначально свои действия на одну только Россию, вошла в тесную связь с интернациональными партиями переворота, которые ныне в своих действиях руководятся указаниями русских своих единомышленников» ²¹⁵.

Столь широкое признание международной весомости народничества выразилось и в том, что с конца 70-х годов русские революционеры-народники стали популярными героическими персонажами в художественной литературе Европы, Америки, Азии.

Самым действенным проявлением интереса мировой общественности к революционной России 1866— 1895 гг. были кампании солидарности с русскими революционерами: митинги, демонстрации, воззвания прессы, публичные лекции, организация «Обществ друзей русской свободы» со своими печатными органами. Такие кампании начались за рубежом (не только в Европе, но и в Америке — как Северной, так и Южной, Азии, даже в Африке) с 1880-1881 гг., т. е. в период наивысшего подъема революционной борьбы разночинцев, под впечатлением героики «Народной воли». Поводами к началу кампании оказывались, как мы видели, политические репрессии паризма — его судебный в первую очередь и административный террор. Прежде таких кампаний вообще не было, в 80-е же и отчасти 90-е годы они шли одна за доугой.

Все эти кампании вершились усилиями очень разных в социальном и политическом отношении слоев общества: пролетарских революционеров, мелкобуржуазных демократов, радикальных и либеральных буржуа, даже чиновных консерваторов, деятелей науки, литературы, искусства. Среди них были Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Вильгельм Либкнехт и Жан Жорес, Луиза Мишель и Лео Франкель, Джузеппе Гарибальди и Огюст Бланки, Анри Рошфор и Джордж Кеннан, Джон Морли и Филипп Брукс, Виктор Гюго и Марк Твен, Герберт Спенсер и Эрнест Ренан, Камиль Фламмарион и Нильс Нооденшельд, Элеонора Дузе и Умберто Джордано, обозреватели таких консервативных газет, как «Times» и «Kölnische Zeitung». Так складывалось громкое и авторитетное общественное мнение, которое воодушевляло русских революционеров и тревожило их кара-

Однако в этом хоре международного протеста против царских инквизиторов не все голоса звучали в полную силу, а иные — и фальшивили. Консервативные круги пытались урезонить царизм не из соли-

дарности с русскими революционерами, а из опасения, как бы чрезмерная реакция не повлекла за собой излишне жестокой (пугачевского толка) революции, которая могла бы угрожать соседям России или пагубно влиять на них. Либеральные буржуа возмущались вполне искренне, но тоже не столько карательной политикой царизма, как таковой, сколько ее крайностями, беззаконием, произволом. Соответственно в программах русских революционеров западные либералы превыше всего ценили и одобряли требования политических свобод, конституционных гарантий. Только революционная общественность солидаризировалась с борцами за освобождение России до конца, до победы социалистических идеалов, оговаривая лишь своеобразие тактики народничества.

Передовые круги Запада уже в конце 70-х — начале 80-х годов надеялись, что Россия пеовой, и поитом скоро, начнет мировую революцию, открыв путь к ней другим странам. На такую перспективу неоднократно указывали Маркс и Энгельс, полагавшие, что русская революция «тотчас же изменит облик всей Европы» и «будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории» ²¹⁶. Социалисты из 36 городов Франции, собравшиеся на свой национальный конгресс в Гавре (1880 г.) — тот самый, на котором родилась первая в стране марксистская рабочая партия, -- адресовали народовольцам специальную резолюцию: «Взоры французского пролетариата обращены на вас. Он шлет вам благодарность за подаваемый вами пример, он шлет вам пожелания близкого торжества. Вашей победе... быть может, суждено стать предвестником освобождения других народов и сигналом международной революции» 217. Подобным же образом — как пролог социалистических революций на Западе — расценивал возможную победу народничества в России орган итальянских социалистов «Plebe» 218.

Столь оптимистические надежды международной демократии ни в 70-е, ни в 80-е годы XIX в. не оправдались, но они и дальше жили в ее сознании, воодушевляли и побуждали ее следовать героическому примеру русских революционеров — сначала народников, народовольцев, а затем и социал-демократов, большевиков. Центр мирового революцион-

ного движения неуклонно перемещался из Франции и Германии в Россию. Русские социал-демократы, унаследовав от народников знамя «передового отряда революционного движения в Европе», понесли его к той же, что и народники, цели, однако иным, единственно верным путем. На этом пути русскому пролетариату еще предстояло завоевать себе репутацию авангарда международого революционного пролетариата. «И мы вправе рассчитывать, — писал В. И. Ленин в 1902 г., — что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией» ²¹⁹. Так и было сделано.

Заключение

В двух книгах моего исследования о политических процессах в России с 1866 по 1895 г. речь шла главным образом о процессах 70-х и 80-х годов. В 60-е годы политические процессы еще не были частыми громкими, а с середины 90-х годов на вплоть до первых лет нового столетия, вообше прекратились. Семидесятые же и восьмидесятые годы XIX в. для России — это целая эпоха политических процессов. Только при малом знакомстве с нею можно утверждать, будто «до 1905 г. суды играли в борьс революционным движением второстепенную роль» ¹. На деле в 70—80-х годах роль судов в борьбе с революционным движением была именно первостепенной, как никогда раньше. Об этом говорит и число судебных процессов 70—80-х годов (по моим подсчетам. 86 процессов за 1871—1879 гг. и 125— за 1880—1890 гг.), а главное — их значимость.

В то время судебные процессы над революционерами часто становились, как мы видели, главными событиями общественной жизни; они тщательно готовились властями, а иные и долго длились; на них выступали десятки крупнейших революционеров эпохи ², которым иногда удавалось произносить исторические речи, обходившие мировую прессу; многие процессы превращались в дерзкие поединки подсудимых с правительством и приковывали к себе внимание не только русской, но и международной общественности.

Всего с 1866 до 1895 г. на 226 политических процессах в России суду были преданы 1342 человека. Щарские суды вынесли им 137 смертных приговоров, из которых были приведены в исполнение 44, а 93 заменены вечной или (реже) срочной каторгой. Кроме того, каторгу на тех же процессах определили еще 306 подсудимым, итого за 226 процессов 399 каторжных приговоров. Далее, 211 человек были приговорены к ссылке в Сибирь и еще 411 — к прочим наказаниям (ссылка на Север, тюрьма, арестантские, смирительные и работные дома, военно-арестантские роты и пр.). Оправданы были 277 обвиняемых, причем 211 из них в 70-е 3 и лишь 64 (включая 34 морозовских стачечника) — в 80-е годы.

Рассмотрим в общих чертах социальный, напиональный, возрастной и образовательный состав жертв политических процессов 1866—1895 гг. Из 1246 лиц, судившихся на 226 процессах 4, было 160 женщин. Социальное положение установлено у 1202 лиц. Из них дворян было 435 человек, или 36.1%, т. е. дворянская прослойка среди активных революционеров на протяжении 60-90-х годов оставалась значительной. Но все-таки основную массу подсудимых составляли разночинцы (получившие образование дети мещан, куппов, мелких священнослужителей, крестьян. казаков, солдат и унтер-офицеров, цеховых, малоимущих иностранных подданных) —583 человека, т. е. больше 50%. Характерно, что со временем удельный вес дворян в политических процессах заметно падает: за 1866—1882 гг. 362 из 909 подсудимых, 39,8%, а за 1883—1895 гг. — лишь 73 из 293 подсудимых, 24.9 %. Рабочих на всех политических процессах 1866—1895 гг. было 158 (плюс семь ремесленников), а подсудимых из крестьян (по роду занятий, земледельцев) кроме 45 участников Чигиринского заговора 1877 г. только один — И. А. Глушко. Все остальные «крестьяне» по паспорту оказывались либо рабочими, как Петр Алексеев, Степан Халтурин, Яков Потапов, Тимофей Михайлов, либо даже интеллигентами, как И. Г. Прыжов, А. И. Желябов, С. Г. Ширяев, Ф. Н. Лермонтов (иначе говоря, разночинцами), либо, наконен, солдатами.

Эти данные соответствуют ленинским наблюдениям, сделанным на основе анализа сведений о лицах, обвинявшихся в государственных преступлениях в

1884—1890 гг 5.

В национальном отношении среди подсудимых преобладали русские —664 человека из 1029, национальность которых известна. На втором месте — украинцы (162 человека), далее идут евреи (93), поляки

(59), белорусы (8), финны, грузины, армяне, немцы, латыши, азербайджанцы, молдаване, греки, литовцы, эстонцы, татары, сербы, итальянцы, французы, австрийские и швейцарские подданные.

Подавляющее большинство подсудимых составляла молодежь до 25 лет (574 человека) и от 25 до 30 лет (415 человек). Лиц старше 30 лет было лишь 221 из 1210 революционеров, возраст которых установлен.

По тем временам это были образованные люди. Из 846 человек, о которых имеются сведения, 52 закончили высшие учебные заведения, 364 учились в университетах и институтах 6, 215 имели законченное среднее образование и 122 учились в гимназиях, семинариях, военных и прочих училищах. Неграмотных было лишь 93 человека, включая 33 чигиринских крестьянина и 40 (предположительно) морозовских ткачей.

Словом, жертвы были велики. Под суд, на эшафот, в тюрьмы, на каторгу и в ссылку шли цвет и молодость нации. Но, «несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному вос-

питанию русского народа» 7.

Значение политических процессов в России с 1866 г. до 90-х годов прежде всего состоит в том, что судившиеся на них революционеры превращали почти каждый процесс в арену борьбы с царизмом, а скамью подсудимых — в революционную трибуну. С середины 60-х и до начала 80-х годов царские власти упорно, несмотря на неудачу за неудачей, пытались использовать то один, то другой судебный процесс для того, чтобы политически и морально дискредитировать «крамолу», но «это им так же удалось, — отмечала «Народная воля», — как если бы они вздумали заплевать солнце» 8.

После процесса по делу 1 марта 1881 г. царизм уже едва ли питал на этот счет какие-либо иллюзии. Теперь он тщился не столько опорочить на том или ином процессе идеи, дела и личности подсудимых, сколько помешать им сделать из процесса рекламу для революционной партии. При таком подходе к делу царское правительство рано или поздно должно было фактически похоронить судебные уставы 1864 г. и вообще отказаться от устройства политических

процессов, тем более что с ростом массового движения число арестованных и подследственных становилось слишком обременительным для судов. Мы видели, что так оно и вышло. К середине 90-х годов царизм пресек четвертьвековую непрерывную вакханалию судебного террора и стал уповать исключительно на административную расправу. Процессы возобновились уже с началом нового столетия, в преддверии революции 1905 г., после того, как царизм убедился, что и административная расправа не дает желаемых результатов да еще к тому же компрометирует правительство перед общественным мнением страны, Европы и мира.

В конечном счете все политические процессы 1866—1895 гг., представившие собой благодаря самоотверженной энергии обвиняемых своего рода второй фронт революционной борьбы с царизмом, укореняли в сознание современников идею неодолимости русского освободительного движения ⁹. Это одна сторона дела.

С другой стороны, политические процессы того времени явились как бы концентрированным выражением исключительного, сверхчеловеческого напряжения сил революционного лагеря при беззаветной решимости к борьбе и высочайших ее проявлениях, фатально обреченных, однако, на неудачу из-за отсталости теории, из-за ошибочности (со временем все более очевидной) самого народнического пути к социализму. Поэтому опыт процессов наряду с другими факторами объективно толкал вперед революционную мысль, шаг за шагом убеждал революционеров в том, что творческие возможности народничества исчерпываются, и облегчал тем самым назревавший в русском освободительном движении переход от народничества к марксизму.

Более того. Опыт политических процессов, выработанные народниками принципы поведения после ареста и образцы единоборства с царским судом вошли в революционный арсенал следующего поколения борцов, социал-демократов, большевиков. Тот кодекс поведения революционера перед судом, который сформулирован в письме В. И. Ленина Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме от 19 января 1905 г., отразил богатейший опыт революционеров последней

четверти XIX в. «Многое зависит, по-моему, от того, какой будет суд? — разъяснял товарищам Ленин. — Т. е. есть ли возможность воспользоваться им для агитации или никакой нет возможности?» Если такая возможность есть, считал Владимио Ильич, то ее надо использовать: «Речь с изложением profession de foi вообще очень желательна, очень полезна, помоему, и в большинстве случаев имела бы шансы сыграть агитационную роль».

Мы видели, что народники и рабочие-революционеры 70—80-х годов умели пользоваться судом для агитации, а при случае произносили на процессах замечательные речи с изложением profession de foi (как это сделали, например, Петр Алексеев, Софья Бардина, Ипполит Мышкин, Александр Квятковский, Степан Ширяев, Андрей Желябов, Александр Михайлов, Михаил Грачевский, Вера Фигнер, Алек-

сандо Ульянов).

Если же использовать суд для агитации не представлялось возможным, Ленин рекомендовал «отрицать суд и поямо бойкотировать его», но «лишь после открытого, определенного, энергичного протеста и заявления». Мы видели, что революционеры 70— 80-х годов умели и бойкотировать царский суд, показав, в частности, классический образец такого бой-

кота на процессе «193-х».

Далее, Ленин внушал товарищам, что революционеру на суде «об организационных отношениях говорить нельзя (т. е. принадлежал ли к организации, к какой etc)», а надо выступать от имени партии, «чтобы социал-демократические речи на суде стали речами и заявлениями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии» ¹⁰. Мы видели, что именно так (как правило) и поступали народовольцы. Умалчивая об организационных отношениях, они выступали с партийными речами и заявлениями, агитировали от имени партии и в пользу партии. Таковы были выступления Степана Ширяева и Андрея Желябова, Александра Михайлова и Петра Теллалова, Юрия Богдановича и Александра Ульянова, Анны Корба и Веры Фигнер.

Особо Ленин высказался о поведении революционеров на таких политических процессах, которые наризм обставлял как уголовные. В статье «Каторжные

правила и каторжный приговор» (1901 г.) Владимир Ильич подчеркнул: «...нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс был превращаем в политический процесс самими обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!» ¹¹ Мы видели, что революционеры 70-х годов (Сергей Нечаев, Вера Засулич, Петр Гортынский) умели позаботиться и об этом, разоблачая комедию уголовщины как прикрытие политической мести царизма.

Вырабатывая и проводя в жизнь наиболее эффективную с точки зрения революции тактику поведения перед царским судом, народники, конечно, учитывали, что их опыт пойдет и под суд истории. При этом они могли быть спокойны за репутацию своей партии. Не случайно Н. А. Морозов в 1908 г., когда встал вопрос об опубликовании некоторых показаний народовольцев из жандармских архивов, объявил, что публикатор «оскорбил бы нас всех, если бы усомнился в нашем разрешении печатать все, что он найдет написанным от нашего имени в таких местах» 12.

Сам Морозов и другие народовольцы, которым посчастливилось дожить до первой русской революции, воочию увидели, как новое поколение борцов против царизма следует на судебных процессах при-

меру «Народной воли».

В образец революционерам ставили поведение героев «Народной воли» перед царским судом и социал-демократы. Об этом не раз напоминала ленинская «Искоа». Так, 15 февраля 1902 г. в заявлении о тактике революционеров на суде она призывала брать пример с Желябова и Перовской, поведение которых на суде, по ее мнению, «является логическим продолжением их политической деятельности на воле, является последним служением делу» ¹³. В феврале 1903 г. в статье «О постановке пропаганды в кружках» «Искра» рекомендовала знакомить рабочих с «примерами революционной стойкости на допросах. судах» из опыта «Народной воли» (в частности, с предсмертным письмом С. Л. Перовской к матери) 14. Наконец, предисловие редакции «Искры» к письму П. А. Заломова «Из-за решетки» от 1 марта 1903 г. гласило: «...участие в судебном следствии ... и пользование правом последнего слова — для защиты своих убеждений — представляется важным орудием политической борьбы нашей партии. Мы укажем здесь на пример такого политического деятеля, как Желябов. В процессе 1 марта Желябов протестовал против самого суда, но это ему не помешало воспользоваться всеми своими правами для продолжения борьбы и в течение судебного следствия, и в защитительной речи» ¹⁵.

Революционизирующее воздействие героики политических процессов 70—80-х годов испытали на себе многие видные большевики. Революционер и ученый, академик С. Г. Струмилин в последний год своей долгой (почти столетней!) жизни отмечал: «Мое поколение — это люди рождения 70-х годов прошлого века. Мы были воспитаны на идеалах бескомпромиссной революционной борьбы с самодержавием. Примером для нас были такие замечательные революционеры, как Желябов, Перовская, Кибальчич» 16. Такого же рода свидетельства оставили Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, С. И. Гусев, П. А. Красиков, М. Г. Цхакая, А. М. Коллонтай 17.

А. И. Микоян, впервые прочитавший судебные отчеты о пооцессах «193-х» и первомартовцев зимой 1918/19 г., вспоминает: «Чтение этих особенно о процессе над цареубийцами, произвело на меня потрясающее впечатление. Я и раньше слышал и читал о Желябове, Кибальчиче и Перовской. Но о том. как мужественно и поистине героически вели они себя на суде, я не знал. А тут даже пои чтении сухих и косноязычных записей царских чиновников, к тому же нередко явно извращавших существо дела в угоду нарскому «правосудию», перед моим мысленным взором во весь рост встали благородные образы этих революционеров, подлинных исполинов мужества, революционной страсти и бесконечной веры в дело освобождения народа, за которое они без малейших сомнений и колебаний шли на смерть с гордо поднятой головой» 18.

Пролетарские революционеры в полной мере унаследовали от народовольцев героизм, революционную страсть и убежденность, тот особый взгляд на самую смерть во имя революции, который позднее метко определил Всеволод Вишневский словами одного из

героев «Оптимистической трагедии»: «Помни, что и

смерть бывает партийной работой!» 19

Разумеется, сами большевики на судебных процессах не только использовали, но и существенно обогащали народнический опыт, черпая идейную стойкость и духовные силы в революционном подъеме пролетарских масс, но это особая тема, давно заслуживающая, кстати сказать, специального исследования.

Условные сокращения

AAH CCCP	— Архив Академии наук СССР
АВПР	(Москва) — Архив внешней политики России
ГАИО	(Москва) — Государственный архив Иркутской
	области
ΓΑΟΟ	 Государственный архив Одесской области
ГЕУ ЬО	 Рукописный отдел Государствен- ной библиотеки СССР им.
гим опи	В. И. Ленина (Москва) — Отдел письменных источников Государственного исторического му-
ГПБ РО	зея (Москва) — Рукописный отдел Государствен-
	М. Е. Салтыкова-Шедрина (Ленинград)
ИРЛИ РО	 Рукописный отдел Института рус- ской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) в Ле-
λгиа	нинграде — Ленинградский государственный исторический архив
ПСУИ СССЬ	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)
ЦГА г. Москва	 — Центральный государственный архив г. Москвы
Ц ГАОР СССР	хив г. глосквы — Центральный государственный ар- хив Октябрьской революции, выс-
	ших органов государственной власти и государственного управления
ЦГВИА СССР	СССР (Москва) — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР	(Москва) — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленин-
ЦГИА УССР	град) — Центральный государственный исторический архив Украинской ССР (Киев)

ЦТМ — Архив Центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина (Москва)

ГЖУ — Губернское жандармское управление
ОО — Особый отдел департамента поли-

ОППС — Особое присутствие Правительствующего Сената

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

Примечания

Глава I (с. 8-54)

¹ Иванов Л. М. К вопросу о формировании промышленного пролетарната в России. — «История СССР», 1958, № 4, с. 47; История рабочего класса России (1861—1900). М., 1972. c. 13.

² Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV, с. 179, 92, 113.

³ Плеханов Г. В. Соч., т. II, с. 30.

4 Подробнее об этом см.: Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973, с. 16.

⁵ Berdyaev N. The Origin of Russian Communism. Michigan,

1960, p. 107.

6 В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, c. 151.

7 См., например: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. V. М., 1968. с. 488.

⁸ Широкова В. В. Партия «Народного права». Саратов,

1972, c. 18.

9 Валк С. Н. С. Н. Кривенко в нелегальной литературе.— Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. М., 1958.

10 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 77.

11 Свободная Россия (Genève), 1889, № 1, с. 2.

1351. оп. 4, д. 298, т. 1, ч.

¹² ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 2, л. 33—41

(жандармская копия записок Г. А. Лопатина).

13 Шехтер-Минор А. Н. Южно-русская народовольческая организация. — Народовольцы после 1 марта 1881 г. Сб. М., 1928.

14 Жизнь как факел. История героической борьбы и трагической гибели Александра Ульянова, рассказанная его современниками. М., 1966, с. 295, 298.

15 Ср.: Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 2. М. — Л., 1965, с. 172—173, 195; Жизнь как факел, с. 299—300, 302—303.

¹⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1744, оп. 1, д. 56, л. 43; 32.

¹⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. II, с. 86.

 Там же, с. 81, 72, 271.
 Ольминский М. С. Давние связи. — От группы Благоева к «Союзу борьбы». Сб. Ростов н/Д, 1921, с. 69.

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч., т. 16. М., 1973, с. 64. ²¹ Социальный вопрос. Сб. 1. [Б./м.], 1888, с. 84.

²² Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 2. М., 1961, с. 151. 23 Михайловский Н. К. Литература и жизнь. — Русское богатство, 1894, № 1, с. 114.

²⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. II, с. 402; т. III, с. 120.

25 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1. М., 1925, c. 271.

²⁶ Крипская Н. К. Воспоминания о Ленине. — Воспоминания

о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1968, с. 222. 27 Луначарский A. B. Воспоминания и впечатления. М.,

1968, c. 18.

²⁸ Мицкевич С. И. На грани двух эпох. М., 1937, с. 227; со.: Лойко Л. П. От «Земли и воли» к ВКП(б). М. — Л., 1929, c. 109.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 372. Ср.: там же,

c. 266.

30 Неведомский М. П. 80-е и 90-е годы в нашей литературе. — История России в XIX в., т. 9. СПб., [6./г.], с. 103.

31 Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8, ч. 1. М.,

1940, c. 233.

32 История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти томах, т. 1. М., 1964, с. 594—596.

33 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 87.

34 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 43

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 439.

35 Широкова В. В. Партия «Народного права». Саратов, 1972, с. 106. ³⁶ Мицкевич С. И. Указ. соч., с. 123.

37 Там же, с. 99; Рейнштейн Б. И. На распутье между народничеством и марксизмом. — Старый большевик. 1933. № 2. c. 106.

38 Пролетарская революция, 1928, № 8. с. 165.

39 Боиснев М. И. Возникновение первых социал-демократических организаций. — Пролетарская революция, 1923, № 2, с. 30; Александров М. С. Группа народовольцев (1891—1894 гг.).—Былое, 1906, № 11, с. 12; Мошинский И. Н. На путях к I съезду РСДРП. М., 1928, с. 136—137 и сл.

40 Киделли П. Ф. Народовольцы на перепутье. Л., 1925,

с. 24—27.
⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

42 Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 1. М., 1950, с. 56; т. III, ч. 1. М., 1952, с. 72, 79.

43 Там же, т. III, ч. 2. М., 1952, с. 635, 644.

44 Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу предреволюционный период (1895—1904). Львов, 1964, c. 297.

45 История Коммунистической партии Советского Союза

в 6-ти томах, т. 1. М., 1964, с. 167.

46 Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Mo-

vement (1885-1897). Cambridge (Mass.), 1963, p. 7.

47 История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти томах, т. 1, с. 162.

48 История рабочих Ленинграда в 2-х томах, т. 1. Л., 1972,

c. 174—175.

49 Бланк А. С. Выдающийся революционер-марксист. Очерк о жизни и революционной деятельности Н. Е. Федосеева. Вологда, 1959, с. 30-31.

50 Перазич В. Д., Мельников Ю. Д. На заре социал-демократического движения Украины. Харьков, 1930, с. 182—183.

51 Подробно об этом см.: История рабочих Ленинграда в 2-х томах, т. 1, с. 175—176.

⁵² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 96.

⁵³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 417. 54 Костин А. Ф. Ленин — создатель партии нового типа (1894—1904). M., 1970, c. 34—35.

⁵⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 396.

56 Андрей Николаевич Хардин в 70-е годы был участником революционно-народнического движения (Решин И. Л. Революционные кружки Поволжья начала 70-х годов XIX в. — Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та. Выл. 51, 1966, с. 175).

57 Шелагинов В. К. Защита поручена Ульянову. М., 1977,

с. 16, 81. ⁵⁸ Там же, с. 153—155.

59 История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти томах, т. 1, с. 173. ⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

⁶¹ Чуковский К. И. Современники. М., 1967, с. 93.

62 Винокуров А. Н. Воспоминания о партийной работе Екатеринославе. — Пролетарская революция, 1921, № 1,

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 15—16. ⁶⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 347. ⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 227. 66 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 16.

Ленин называл «легальный марксизм» детищем «разных либералов, прикрывающих марксизмом свое либеральное пустоутробие...» (Ленин \tilde{B} . И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 277).

67 Эйдельман Б. Л. К истории возникновения Российской социал-демократической рабочей партии. — Пролетарская рево-

люция, 1921, № 1, с. 29.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 232. Три года спустя Ленин вновь подчеркнул: «...социал-демократы десятки раз твердили, что они вовсе не выкидывают за борт все народничество с прямолинейностью одной неумной птицы, а выдедяют из него и признают своими его революционные, его общедемократические элементы» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, c. 336).

⁶⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 176.

⁷⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 295. Ср.: т. 6.

с. 15. ⁷¹ Цит. по: *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919,

⁷² ПСЗ, собр. 3, т. 5, с. 169

73 Подробно см.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 158.

75 Газета народников-эмигрантов «Общее дело» в 1878 г. (№ 12, с. 9) заметила, что Александру III, как никому другому, оказался под стать титул «цесаревича» — безграмотная славянская форма от латинского слова (caesar), напоминающая «того латиниста, который бабу называл по-латыни "бабусом"».

⁷⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 1. М., 1966, с. 16. 77 Цит. по: Валуев П. А. Дневник, т. 2. М., 1961, с. 322.

78 Половцов А. А. Дневник государственного секретаря, т. 1. М., 1966, с. 285.

79 Половиов А. А. Дневник государственного секретаря, т. 2. М., 1966, с. 235.

80 Памяти В. К. Плеве. СПб., 1904, с. 94.

81 Половцов А. А. Дневник государственного секретаря, т. 1, с. 301, 306.

82 Твен Марк. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. М., 1961,

83 Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 245—

84 Свободная Россия (Genève), 1889, № 1, с. 57.

85 Вольная русская поэзия второй половины XIX в. Л., 1959, с. 434.

86 Милютин Д. А. Дневник, т. 4. М., 1950, с. 51.

87 Иванов С. А. Из народовольческих воспоминаний. — Наро-

довольцы 80—90-х годов. Сб. М., 1929, с. 57.

88 Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 190. «Кара нации», — посмеивались современники над коронацией Александра III (ЦГАЛИ СССР, ф. 1337, on. 2, д. 21, л. 2, воспоминания Л. А. Кузнецова).

89 Валиев П. А. Дневник 1877—1884 гг., с. 226.

90 ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1881, д. 1520, л. 1—2;

д. 1521, л. 22. 91 Степняк-Кравчинский С. М. Царь-чурбан, царь-цапля. Пб., 1921, с. 13.

92 1 марта 1887 г. М. — Л., 1927, с. 362.

93 Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг., с. 205.

94 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 39— 40. Ср.: Крупская Н. К. Лидия Михайловна Книпович. М., 1932, c. 13.

95 Харитонов В. Г. Из воспоминаний участника группы Благоева. — Пролетарская революция, 1928, № 8, с. 162—163.

96 Казаксвич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960, с. 74. ⁹⁷ Там же, с. 192.

98 К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. І, ч. 2. М. — Пг., 1923, с. 740. ⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. І, д. 410, л. 9 об.

100 Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. $M. - \lambda$., 1924, c. 33.

¹⁰¹ Бакунин М. А. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1907, с. 244.

¹⁰² ЦГАОР СССР, ф. 569, д. 84, л. 1 об. 103 Этот случай описан в газете «Голос», 28 июня (10 июля) 1880 г.

¹⁰⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр., соч., т. XX, с. 102. 105 Леонтьев К. Восток, Россия и славянство, т. 2. М.,

1886, c. 109.

 106 См. с блеском написанные 30—35 строфы сатиры: Tолстой А. К. Собр. соч. в 4-х томах, т. 1. М., 1963, с. 441—443. 107 Литература партии «Народная воля», с. 31.

108 Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д, 1906, c. 63.

109 ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1894, д. 240, л. 291— 292 (сведения о наградах за аресты народовольцев обнаружены и любезно сообщены мне В. В. Широковой).

110 Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940, с. 175.

111 Лонге Ж. и Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1924,

112 ЦГИА СССР, ф. 866, оп. I, д. 91, л. 1—12; Schweinitz H. Denkwürdigkeiten des Botschafters, b. 2. Berlin, 1927, s. 106; Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 394; Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России. М.,

1963, с. 109.

13 Падение царского режима, т. 7. М. — Л., 1927, с. 322.

М. Посроватор Степан Белов. — 114 См. о нем: Кантор Р. М. Провокатор Степан Белов. —

Каторга и ссылка, 1924, № 3.

115 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 147 (Справка об агентурной деятельности и службе С. В. Зубатова). 116 Прибылев А. В. Записки народовольца. М., 1930,

с. 47—48. ¹¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1882, д. 977, л. 9—10.

118 Там же, л. 11—12. Как явствует из тюремного письма Я. В. Стефановича от 12-18 марта 1883 г., Судейкин хвастался перед ним, что он «не променял бы своего места на губернаторское, даже на генерал-губернаторское» (Лурье Л. Я., Рогинский А. Б. Неопубликованное письмо Я. В. Стефановича Л. Г. Дейчу. — Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 369,

1975, с. 195).
119 Именно в «столицах» пяти генерал-губернаторств (Петербург, Москва, Киев, Харьков, Одесса) сосредоточивалось тогда не менее 90% приходившихся на всю Россию дознаний по по-

литическим делам.

120 Подробнее см.: Троицкий Н. А. Дегаевщина. — Вопросы истории, 1976, № 3.

121 За предательство и шпионаж народники только в 1878— 1881 гг. казнили Н. Шарашкина, Г. Финогенова, А. Никонова, Т. Курилова, Н. Рейнштейна, В. Барановского, А. Жаркова, С. Прейма.

122 Подробно о переговорах Дегаева с Тихомировым см.: Неизданные записки Л. Тихомирова. — Красный архив, 1928,

т. 4, с. 168—173.

123 Дегаев сразу после убийства Судейкина как в воду канул. Позднее выяснилось, что он уехал в США, где сделал по-американски сенсационную карьеру от грузчика до профессора математики. Там и умер в 1920 г. (см. Генкин И. Предатель С. П. Дегаев в Америке. — Каторга и ссылка, 1933, № 9).

124 Поляков А. С. Царь-миротворец (из резолюций Алексан-

дра III). — Голос минувшего, 1918, № 1—3, с. 227.

 125 Ср.: Сенчакова Л. Т. «Священная дружина» и ее состав. — Вестник МГУ, 1967, № 2; Лемке М. К. «Святая дружина». — ИРЛИ РО, ф. 661, д. 16, ч. 34, л. 1628.

126 Общество «Священной дружины» (отчетная записка за 1881—1882 гг.). — Красный архив, 1927, т. 2, с. 206, 207.

127 ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 71, д. 466, л. 72.

128 ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1881, д. 1574, л. 82, 216 (памятная записка о целях и средствах «Святой дружи-

ны»). 129 Правда, 27 декабря 1882 г. (передовая статья). 130 ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1881, д. 1574, л. 200 об. — 201.

131 Агент «дружины» И. Н. Климов, например, дознался и сообщил в департамент полиции, что вожаками нигилизма Женеве являются «Софья Бырдина» и «Ебединям», Пришлось разъяснять агенту, что речь идет о С. И. Бардиной и М. К. Элпидине, давно известных департаменту (Заславский Д. О. «Взволнованные лоботрясы». М., 1931, с. 75).

132 Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 362. 133 Письма К. П. Победоносцева к Александру III, т. 1.

М., 1925, с. 396.

134 Общество «Священной дружины» (отчетная записка за 1881—1882 гг.). — Красный архив, 1927, т. 2, с. 206.

135 ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 1520, л. 1 об. В этой связи большой интерес поедставляют обнаруженные писателем Ю. В. Давыдовым сведения о попытке придворных экстремистов создать «Тайную антисоциалистическую лигу» (нечто вооде предвестницы «Святой дружины») еще в 1879—1880 гг. (См. Давыдов Юрий. «Никто и никогда не узнает наших имен».— Прометей, т. 11. М., 1977.

136 Ушерович С. С. Смертные казни в царской России. Харь-

ков, 1933, с. 164.

137 Церковный вестник, 1881, № 22, с. 1; Общественные движения в России в первую половину XIX в., т. I (Декабристы). СПб., 1905, с. 467; Фалеев Н. И. Россия под охраной. — Былое, 1907, № 10, с. 16; Херсонские губернские ведомости, 27 февраля 1880 г.

¹³⁸ Лейкина В. Р. Покушение на царскую яхту. — Каторга и

ссылка, 1931, № 3. 139 См. об этом: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия

на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 177—178.

140 Карьера П. И. Рачковского. Документы. — Былое, 1918, № 2, с. 79; Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918, c. 34.

141 ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1887, д. 412, л. 5. 142 Подробно об этом см.: Тарле Е. В. Соч. в 12-ти томах, т. 11. Бисмарк и цареубийство 1 марта 1881 г. М., 1961.

143 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 195.

¹⁴⁴ Там же.

145 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов, т. 2. СПб., 1883, с. 407.

146 Все перечисленные договоры опубликованы в ПСЗ.

147 АВПР, ф. МИД, ІІ департамент, секретные дела, оп. 441,

1884, д. 13, л. 11—76.

148 Gladstone W. E. Russia and England (Russia and England. By O. K. London, 1880). - The Nineteenth Century, 1880, vol. VII, № 37 (March).

¹⁴⁹ Московские ведомости, 17 ноября 1885 г. (передовая статья).

150 Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы.

1929, c. 224.

¹⁵¹ ГБЛ РО, ф. 230, карт. 4394, д. 3, л. 1—5. Подробный анализ доклада см.: Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969, с. 295—305.

152 ЦГИА СССР, ф. 1284, on. 241, 1886, д. 51, л. 79.

153 Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 235.

¹⁵⁴ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927, с. 360.

155 Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 257.

156 Половцов А. А. Дневник государственного секретаря,

т. 2, с. 452, 458.

¹⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 4, д. 1405, л. 3, 26 об.,

30-30 об.

158 Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы. М., 1891, с. 226; ПСЗ, собр. 3, т. 7, с. 80; Министерство юстиции за 100 лет (1802—1902). Исторический очерк. СПб., 1902, c. 192.

159 К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. І, ч. 2,

c. 703.

160 В числе 31-го были Н. К. Гирс, Н. П. Игнатьев, Д. Н. Набоков, Н. Х. Бунге, Е. А. Перетц, А. А. Абаза, И. А. Вышнеградский, М. Х. Рейтерн. В числе 20-ти — К. П. Победоносцев, Н. А. Манасеин, П. С. Ванновский, В. К. Плеве, И. Н. Дурново, А. Е. Тимашев (К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. І. ч. 2. с. 683—684).

161 Ламэдорф В. Н. Дневник (1886—1890). М. — Л., 1926, с. 68; Половцов А. А. Дневник государственного секретаря,

т. 2, с. 25.

¹⁶² ПСЗ, собр. 3, т. 5, с. 220, 224.

163 Отчет по Государственному совету за 1889 г. СПб.,

1891, с. 565.

164 Такой вывод представляется более верным, чем бытующее в нашей историографии мнение, будто судебная контрреформа не была проведена (Зайончковский $\Pi.$ A. Российское самодержавие в конце XIX столетия. с. 256, 257).

165 Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в

России. Саратов, 1969, с. 202. 335, 372.

166 См. о Комиссии Н. В. Муравьева: Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914, с. 213—214: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 259—261.

167 Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса.

СПб., 1910, с. 97.

168 Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964, с. 133.

169 Последнее слово Г. А. Лопатина на

суде

1887 г. — Советские архивы, 1970, № 6, с. 26.

170 Редактор «Правительственного вестника» Г. П. Данилевский 11 апреля 1887 г. с удовлетворением напомнил В. К. Плеье: «Я всегда был против прежних оглашений политических процессов в «Правительственном вестнике», в коих, по-моему, была тогда как бы легализированная прямая пропаганда гибельных учений террористов и даже некоторой как бы их славы...» (ЦГАОР СССР, ф. 586, оп. I, д. 660, л. 17).

171 Второго 1 марта, «21-го», Донской процесс. Всего с февраля 1887 г. до конца века в России прошли 27 политических процессов, считая такие крупные дела, как С. М. Гинсбург, «29-ти» (жертв Якутской трагедии), «22-х», «18-ти», «15-ти».

172 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 9961, л. 353 и сл. 173 Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1960, с. 9.

174 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 45.

175 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 328.

- 176 Там же, с. 332. 177 Там же, с. 331.
- 178 Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV, с. 168.

Глава II (с 56—118)

¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931, с. 26.

² Цит. по: История Коммунистической партии Советского

Союза в 6-ти темах, т. 1. М., 1964, с. 162.

³ Департамент полиции в 1892—1908 гг. (Из воспоминаний

чиновника). — Былое, 1917, № 5-6, с. 18.

⁴ Хроника социалистического движения в России 1878— 1887 гг. Официальный отчет. М., 1906, с. 246, 274, 288, 305, 322; ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 201. Обзоры жандармских дознаний за 1888—1889 гг.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 1022, л. 2 об.

⁵ Якутская трагедия 22 марта 1889 г. М., 1925, с. 22, 55. ⁶ Вилюец. Якутская трагедия 1889 г. — Русская мысль, 1906, № 3, с. 71; Минор О. С. Якутская драма 22 марта 1889 г. — Былое, 1906, № 9, с. 144.

 7 Цит. по: А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М. — Л.,

1927, с. 313. в ПСЗ, собр. 3, т. 5, с. 217.

9 Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900, с. 248-249.

¹⁰ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2. М., 1966,

c. 313.

11 Ювачев И. П. В Шлиссельбургской тюрьме. — Исторический вестник, 1906, № 2, с. 464.

12 Дрей М. И. «Стрельниковский процесс» в Одессе в

1883 г.— Каторга и ссылка, 1924, № 2, с. 46.

¹³ Народовольцы. Сб. 3. М.. 1931, с. 193.

¹⁴ Спандони А. А. Страница из воспоминаний.— Былое, 1906, № 5, с. 16; Сухомлин В. И. Из эпохи упадка партии «Народная воля». — Каторга и ссылка, 1926, № 6, с. 77—78.

15 Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 270

(автор корреспонденции. — М. А. Кроль).

16 Свободная Россия (Genève), 1889, № 1, с. 58; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, д. 10925 (материалы следствия по делу М. В. Калюжной); ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1884, д. 905, ч. 1 (обвинительный акт).

17 Вестник «Народной воли» (Женева), 1883, № 1, с. 135.

18 Прибылева-Корба А. П. По поводу процесса «17-ти». — Былое, 1906, № 12, с. 252.

Былов, 1700, № 12, с. 272.

¹⁹ Там же, с. 249—256; 236.

²⁰ Спасович В Д. Соч., т. VII. СПб., 1894, с. 145—172; Борейша А. С. К процессу «17-ти». — Былое, 1907, № 1, с. 296; Процесс «21-го». Женева, 1888, с. 8—9; Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. М., 1933, с. 28—30.

²¹ Опубликована С. Н. Валком (см. Красный архив, 1928,

т. 6, с. 103—113).

²² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 86, д. 10939, л. 333—337; Ашенбреннер М. Ю. Военная организация «Народной воли». М., 1924, с. 109.
²³ Процесс «21-го», с. 26.

- 24 Гернет М. Н. История царской гюрьмы, т. 3. М., 1961, c. 122.
- 25 Надин П. [П. И. Торгашов]. Стрельниковский процесс 1883 г. в Одессе. — Былос, 1906, № 4, с. 92. ²⁶ Гернет М. Н. Указ. соч., с. 123.

²⁷ Процесс «21-го», с. 28—29.

28 ЛГИА, ф. 254, оп. І, д. 11204, л. 54; Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое, 1906, № 5, с. 18—19. ²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 537, л. 1; Сенчакова Л. Т. Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX— начале XX вв. М., 1972, с. 70; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 248, л. 7; ИРЛИ РО, ф. 9122, д. 14, л. 11 об. 30 См. о нем: Из записок ген.-лейт. П. А. Кузьмина. - Русская старина, 1895, № 2.

31 Кони А. Ф. Указ. соч., с. 314.

32 Панкратов В. С. К процессу «12-ти» 1884 г. в Киеве. — Былое, 1907, № 2, с. 308; Чуйко В. И К процессу «14-ти». — Народовольцы, сб. 3, с. 193; Надин П. [П. И. Торгашов]. Указ. соч., с. 99.
³³ Шелгунов Н. В. и др. Воспоминания, т. 1. Воспоминания

Н. В. Шелгунова. М., 1967, с. 297.

³⁴ В июле 1884 г., когда еще продолжалось следствие по делу «14-ти», ген. А. А. Киреев записал в дневнике: «Плеве говорит, что поневоле придется быть снисходительным ввиду такого значительного числа преступьиков» (из военных): ГБЛ РО, ф. Киреевых (ф. 126), д. 10, л. 25.

35 «Милостью» царя Тиханович был заточен навечно в Шлиссельбургскую крепость и гам спустя каких-нибудь три месяца (в декабре 1884 г.) поксичил с собой («Народная во-

ля» перед царским судом. М., 1930, с. 144).

36 Матфиевич заболел еще до суда в тюрьме, где он просидел более года. «Когда мы, — вспоминал его сопроцессник П. И. Торгашов, — увидели его на суде, то ужаснулись. Грязный, обросший, с безумными глазами, он производил ужасное впечатление» (Надин Π . [Π . U. Торгашов]. Указ. c. 90).

³⁷ Левинский на процессе был, что называется, «не в себе» и при каждом обращении к нему судей повторях только, что не желает судиться, так как «нахлорофирован» (ЦГИА УССР, ф. 316, 1883, д. 160, л. 266 об. и сл., протокол суда). Суд все же определил ему 15 лет каторги, но Левинский не прожил после суда и одного года.

38 ЦГАЛИ СССР, ф. 1744, оп. 1, д. 44, л. 90 об. (воспоми-

нания Б. Д. Оржиха).

39 Шебалин М. П. Клочки воспоминаний. М., 1935. Приложение 2, с. 303; «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2. M., 1931, c. 32.

40 Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV, с. 314.

41 Вот их имена (в хронологическом порядке казней): К. Г. Неустроев, Н. М. Рогачев, А. П. Штромберг, С. А. Лисянский, А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин, Л. М. Коган-Бернштейн,

А. Л. Гаусман, Н. Л. Зотов.

⁴² Белясв П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном (1805—1850). СПб., 1882, с. 185; Политические процессы николаевской эпохи. Декабристы. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. М., 1907, с. 233; Материалы для биографии М. А. Бакунина, т. 1. М. — Пг., 1923, с. 247.

43 Гернет М. Н. Указ. соч, с. 109, 186—189, 199.

44 Короленко В. Г. История мосго современника. М., 1965, с. 714. Блюстителем и живым олицетворением шлиссельбургского режима был смотритель крепости 1884—1887 гг. (ранее служивший смотрителем Алексеевского равелина) Матвей Соколов. Узники звали его Иродом и Малютой Скуратовым. Весь мир его души был ограничен формулой, которую он сам сочинил: «Прикажут говорить заключенному «Ваше сиятельство» — буду говорить «Ваше сиятельство», прикажут задушить — задушу». Только за три года службы в Шлиссельбурге он спровадил 11 узников, погибших от физического и морального истощения, в могилу, двоих — на расстрел и семерых — на виселицу, довел до самоубийства М. Ф. Клименко и М. Ф. Грачевского (подробно об этом см.: Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х томах, т. 2, гл. 8. М., 1964).

45 Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской

каторге. Южно-Сахалинск, 1963, с. 88-90.

⁴⁶ Свободная Россия (Genève) 1888, № 2, с. 14. ⁴⁷ Цит. по: Сенченко И. А. Указ. соч., с. 113. ⁴⁸ 100 лет Якутской ссылки. М., 1934, с. 175—176.

 49 Не столь отдаленные места. — Гражданин, 1884, $N\!_{2}$ 3, с. 4. 50 Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. —

⁵¹ Кротов М. А. Якутская ссылка 70—80-х гг. М., 1925,

Красный архив, 1930, № 4—5, с. 209.

с. 160. 52 Подробно см. об этом: Якутская трагедия 22 марта

1889 г.
53 Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927,

c. 135.

54 Шлиссельбургская крепость. — Наше время (Лондон), 1897, № 1, с. 35—37; Хроника революционной борьбы. — Работник (Женева), 1897, № 3—4, с. 191—192.

⁵⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, с. 138.

 56 «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2, с. 26—27 (воспоминания М. П. Шебалина).

⁵⁷ Лукашевич И. Д. 1 марта 1887 г. Пб., 1920, с. 29. ⁵⁸ Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919, с. 50.

⁵⁹ Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 2, М.—Л., 1965, с. 292, 299.

60 Речи подсудимых в процессе «17-ти».— Былое, 1906,

№ 12, c. 240.

61 ЦГАОР СССР, ф. 1762. оп. 5, д. 59, л. 1 об. — 2.

62 ПГАОР СССР, ф. 1762, оп. 5, д. 58, л. 2.
63 Речи подсудимых в процессе «17-ти». — Былое, 1906, № 12, с. 240, 245, 247—248 (тексты речей Грачевского, Теллалова, Корба, С. Златопольского). Изложение речи Богдановича (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. I, д. 436, л. 26 об.).

64 ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 545—545 об.

65 Прибылева-Корба А. Указ. соч., с. 255. ИК в Письме к Александру III угрожал, что, если царизм не пойдет на рефор-

мы, он будет свергнут в результате революции.

Сб Речи В. Фигнер и А. Ульянова неоднократно публиковались (см., напр.: Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х томах, т. 1. М., 1964, с. 381—388; 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927, с. 289—293). Текст последнего слова Лопатина опубликован в 1970 г. О. А. Сайкиным (Советские архивы, 1970, № 6). Изложение речи Стародворского см. в .б. «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2, с. 65—67; текст речи Оржиха — в архиве П. Л. Лаврова (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 5, д. 69, л. 1—2 об.). Речь Похитонова по делу «14-ти» дошла до нас в жандармском пересказе (ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1884, д. 747, ч. XXI, л. 30—31).

⁶⁷ Процесс «21-го», с. 37. Ср. текст последнего слова Лопатина, опубликованный О. А. Сайкиным (Советские архивы,

1970, № 6, c. 28).

68 Процесс «21-го», с. 5; ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во,

1884, д. 905, ч. І, л. 9.

69 А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 371, 373. 70 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др.,

⁷¹ Лукашевич И. Д. 1 марга 1887 г. Воспоминания. Пб.,

1920, c. 46.

72 Несколько особую позицию занял на процессе «21-го» Г. А. Лопатин — этот, как его называли, «партизан» среди народовольцев. На дознании он, хотя и признал, что «состоял в очень близких сношениях со многими выдающимися членами партии «Народная воля» и оказывал им всякие услуги как личного, так и политического свойства», подчеркнул, однако: «К организации партии не принадлежал и членом Исполнительного комитета не состоял» (ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. І, ч. 2, л. 55 об. — 56). На суде же Лопатин объяснил, что он отказывался признать себя членом руководства «Народной воли» из-за стыда перед партией после своего ареста со списком адресов. «Я не мог, я не имел духа открыто признать себя членом Исполнительного комитета, находясь в таком тягостном положении. Но теперь, в эту минуту, когда, быть может, уже не долго биться моему сердцу, я даю такое признание» (Процесс «21-го», с. 38).

⁷³ 1 марта 1887 г., с. 292.

74 Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928, с. 159.

75 Советские архивы, 1970, № 6, с. 28. 76 Красный архив, 1928, г. 6, с. 107. 77 Каторга и ссылка, 1928, № 12, с. 139.

⁷⁸ Окунев Б. Неизвестные стихотворения поэта-народовольца. — Подъем, 1966, № 1, с. 115 (цитируемый отрывок опубликован здесь впервые).

79 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10138, л. 501 (доклад прокурора петербургской судебной палаты министру юстиции о

ходе суда над Оржихом).

80 1 марта 1887 г., с. 284, 333.

81 Литература партии «Народная воля», с. 267.

- 82 Серебряков Е. А. Революционеры во флоте. Пб., 1920, с. 52. 83 Lisianski, sad nad nim i wykonanie wyroku śmierci.— Walka klas (Genèwa), 1885, N 3, s. 8.
 - 84 А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 350—351.
- 85 Литература партии «Народная воля», с. 231. По рассказам очевидцев, Неустроев «в угро поред казнью читал Лермонтова, и когда его повели на казнь, он поцеловал книгу и пошел»; в последний момент, «когда ему стали надевать саван... бросил взор вокруг себя и воскликнул: «Дорогая моя родина, прости!»» (Кудрявцев Ф. Новые материалы о К. Г. Неустроеве. — Новая Сибирь, 1935, № 3, с. 73—74).

⁸⁶ Якутская трагедия 22 марта 1889 г., с. 75.

87 Там же, с. 72-73, 79.

⁸⁸ Бах А. Н. Записки народовольца. М., 1931, с. 41.

89 Жандармские управления всей России давно разыскивали

Веру Фигнер по фамилии мужа (Филиппова).

90 ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1884, д. 747, ч. 4, л. 11 (донесение И. К. Турцевича в департамент полиции). Напомню, что это был тот самый Меркулов, которого на процессе «20-ти» Макар Тетерка уже бил по лицу за предательство.

⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 335, л. 184.

92 ПГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1—2, л. 8 об. 93 Подлинник см. там же, л. 15—44. Опубликованы: Былое,

1917, № 2-4.

94 Любопытно, что граф Д. А. Толстой, пожелав после ареста Фигнер лично допросить ее, долго разглагольствовал перед ней о бесплодности «красного террора» и в заключение сказал: «Жаль, нет времени, а то я убедил бы вас». Фигнер на это в тон министру ответила: «Я тоже жалею. Надеюсь, я обратила бы вас в народовольца» (Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. I, с. 362). 95 Половцов A. A Дневник государственного секретаря,

т. І. М., 1966, с. 71.

⁹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1—2, л. 133.

97 Речь В. Н. Фигнер на процессе «14-ти» впервые была опубликована в «Листке "Народной воли"», 1886, № 3. Полностью воспроизведена в мемуарах Фигнер (Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 387).

⁹⁸ Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 390.

⁹⁹ Из прошлого. — Искра, № 17, 15 февраля 1902 г. (Вып. 3, № 1—52 (1900—1903 гг.). Л., 1926, с. 30).

100 ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1884, д. 905, ч. 2, л. 9

o6., 25 o6. — 26

101 ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. І, д. 530, л. 545—546. Личность А. И. Лисовской была установлена агентурным пу-

102 Вот показание Саловой от 18 октября 1884 г., очень для нее характерное: «О знакомствах своих я никаких объяснений давать не желаю. Равно я не желаю давать никаких объяснений и по содержанию писем, заметок и вообще всего того, что отобрано у меня при моем задержании... Относительно моей революционной деятельности... я могу лишь сказать, что состояла агентом Исполнительного комитета, отказываясь от всяких дальнейших объяснений по этому поводу» (ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 2, л. 174 об. — 175 а).

103 Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 381.

 104 1 марта 1887 г., с. 292.
 105 См. Ф. Энгельс. — М. К. Горбуновой 22 июля 1880 г.— См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 357.

106 Плеханов Г. В. Соч., т. III, с. 211.

107 «Наша вера предсказывала нам благо страны, благо нашего бедного народа, — читаем в предсмертном письме Л. М. Когана-Бернштейна к сыну, -- но сами мы видели одно только горе, которое сеяли вокруг себя среди самых близких людей» (Якутская трагедия 22 марта 1889 г., с. 76).

108 С. Е. Кузин происходил из дворян, но порвал с дворян-

ской средой и вел жизнь рабочего-слесаря.

109 Собственно, за участие в Морозовской стачке суду были преданы 51 человек, но трое из них (П. А. Моисеенко, В. С. Волков и Т. С. Яковлев) судились за это дважды.

110 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных

1885 г. СПб., 1892, с. 545.

¹¹¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 1. М., 1952, с. 132—134; 459, 522, 624.

112 Там же, с. 162, 501, 539.

113 Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904). Львов, 1964, с. 297. 114 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 115.

115 См. там же, с. 23.

116 Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 1, c. 133, 125.

117 Морозовская стачка 1885 г. М., 1925, Е. 114. Ср.: там

же, с. 83, 93.
¹¹⁸ Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. M., 1966, c. 111.

119 Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 1,

c. 141, 146, 149, 150, 152, 154.

120 Самое суровое наказание (для П. А. Моисеенко, В. С. Волкова и Ф. А. Шелухина) составило три месяца ареста

при полиции.

121 Малицкий Н. К истории Морозовской стачки 1885 г. — Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Вып. 3. Владимир, 1921, с. 110, 127, 132; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., с. 249.

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 24.

¹²³ Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 1885 г. M., 1923, c. 4.

124 Венедиктов Д. Г. Петропавловская крепость и Сергей Дегаев. — Каторга и ссылка, 1931, № 3, с. 202 и сл.

- 125 ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, д. 201. 126 ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1884, д. 908, л. 50.
- 127 Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири. М., 1924, с. 61—65. 128 Документы Российского министерства иностранных дел, иллюстрирующие его хлопоты о выдаче Дейча, а также Я. В. Стефановича за 1878—1884 гг. (ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 338 а).
- 129 Колосов Е. Е. Государева тюрьма Шлиссельбург. М., 1930, гл. 21 (о деле Минакова) и гл. 22 (о деле Мышкина). 130 ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, д. 141, л. 10—10 об.

131 Цит. по.: Антонов В. С. И. Мышкин — один из блестяшей плеяды революционероь 70-х годов. М., 1959, с. 75-76.

132 О деле Еллинского — Солодовникова см.: Сенченко И. А. Указ, соч., с. 77—79. Обстоятельства этого дела легли в основу автобиографического романа Б. И. Еллинского «Под звон цепей» (ч. 1—2. Л., 1927).

Доей М. И. «Стрельниковский процесс»

в 1883 г. — Каторга и ссылка, 1924, № 2, с. 56.

134 Дрей М. И. «Стрельниковский процесс» в

в 1883 г. (по личным воспоминаниям). М., 1928, с. 23.

¹³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10319, л. 481 об. — 482 об. Царь, довольный раскаянием осужденных по делу «18-ти», смягчил приговор суда (7 человек — на каторгу, остальных - в сибирскую ссылку) на несколько степеней: 17 человек были разжалованы в солдаты с правом выслуги унтер-офицерского звания через три года и одному вменено в наказание предварительное заключение (ЦГАОР ф. 102. Обзор важнейших жандармских дознаний за 1887 г., приложение 3, с. 165-166).

136 Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири, с. 199, 204.

Текст всеподданнейшего прошения Буха от 25 апреля 1890 г. с раскаянием и самоунижением («припадая к стопам вашего величества, молю о пощаде») хранится в ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7935, л. 336. ¹³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, д. 8250, л. 59; д. 8532,

л. 11 об; д. 8622, л. 93—94; оп. 87, д. 10139, л. 50; оп. 535, д. 248, л. 166, 245—246.

¹³⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 98.

139 Прошение Тихомирова о помиловании от 18 сентября 1888 г. с «горьким раскаянием» в «тяжком кошмаре безумного прошлого» (Из архива Л. Тихомирова. — Красный архив, 1924, т. 6).

140 Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919, с. 8.

141 Красный архив, 1928, т. 6, с. 103 (сообщение С. Н. Вал-

ка). ¹⁴² ЦГАЛИ СССР, ф. 1744, оп. 1, д. 35, л. 60 (бумаги

А. А. Кулакова).

143 Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882. М., 1978, с. 123, 124, 131—132, 257—263. ¹⁴⁴ Кон Ф. Я. За 50 лет, т. 1. М., 1932, с. 300.

145 Тихомиров Л. Памяти честно погибших. — Вестник «Народной воли», 1885, № 4, с. 101—118.

146 Тихомиров Л. Киевский процесс. — Вестник «Народной

воли», 1886, № 5, с. 42.

147 Рабинович Я. Б. Пермские «декабристы». Пермь, 1966, с. 70; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9383; ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 5. д. 79. л. 1. ¹⁴⁸ Попов И. И. Минувшее и пережитое. М., 1933, с. 183.

¹⁴⁹ Две прокламации. — Пути революции (Харьков), 1926,

№ 2—3, c. 37.

150 «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. Сообщил С. Н. Валк. — Красный архив, 1927, т. 2, с. 228.

151 Вольная русская поэзия второй половины XIX в. Л., 1959, c. 431—432, 800.

152 Прокопенко В. Николай Рубакин и Александр Ульянов. — Дружба народов, 1966, № 6, с. 226—229.

153 Перечень их см.: Махлин Д. Якутская трагедия 1889 г.

и подпольная печать.— Каторга и ссылка, 1929, № 3.

154 Кантор Р. Памяти Вик. П. Кранихфельда. — Каторга и ссылка, 1922, № 4, с. 185—187 (полный текст прокламации). 155 ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 477, л. 4.

156 ÜГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 469, л. 4 об.— 5; д. 528.

л. 2.
157 Публиковавшийся в Календаре и Вестнике «Народной воли» перечень судебных процессов кончается именно 1883 г. 158 Красный архив, 1927, т. 2, с. 228.

¹⁵⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

160 Ольминский М. С. Из прошлого. М., 1919, с. 75. 161 Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV, с. 314—315.

¹⁶² Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 2. М., 1952, с. 103; Брейтфус А. Л. Точисский и его кружок. — Крас-

ная летопись, 1923, № 7, с. 330.

163 Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 1. М., 1961, с. 162, 164, 165; Багаев М. А. За 10 лет. Иваново-Вознесенск, 1930, с. 33; Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М., 1959, с. 481.

164 Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 1,

c. 333.

165 Харитонов В. Г. Из воспоминаний участника группы Бла-

гоева.— Пролетарская революция, 1928, № 8, с. 153.

166 Бихбиндер Н. А. К истории социал-демократического движения в Киевской губернии. — Красная летопись, 1923, № 7, с. 279, 283. ¹⁶⁷ Полевой Ю. З. Указ. соч., с. 356.

¹⁶⁸ Брейтфус А. Л. Указ. соч., с. 330.

169 *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. М., 1958, с. 101.

170 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 201. Обзоры важнейших жандармских дознаний. 1892—1893, л. 20, 20 об., 22, 23 об.

¹⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

172 Сведения о народническом прошлом всех перечисленных лиц см. в их биографиях, автобиографиях (Энциклопедический словарь Гранат, 7 изд., т. 40, приложение 2 и т. 41, приложение 3), энциклопедиях, биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» и в справочнике «Политическая каторга и ссылка» (М., 1934).

¹⁷³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173.

174 Кроме Л. Г. Дейча, который в 1884 г. был осужден за участие в народническом движении.

Глава III (с. 121—182)

1 Особенно характерны в этом смысле знаменитые прокламации «Заживо погребенные» (1878 г.) и «От мертвых к живым» (1882 г.).

² Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М.

Достоевского. СПб., 1883, с. 356.

3 Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971, с. 51—52, 70.

⁴ Корнилов Е. Г. Земская демократическая интеллигенция 70-х годов XIX в. — Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII-XIX вв. Рязань, 1974, c. 94.

⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

⁶ Миромиев С. Статьи и речи. Вып. 5. М., 1910, с. 13, 14. 7 Градовский А. Д. О свободе русской печати. СПб., 1905, c. 77.

⁸ Московские ведомости, 25 июля 1871 г. (передовая

статья).

9 Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. VIII. М.,

1937. c. 235.

10 Московские ведомости, 29 ноября 1879 г., 6 и 14 ноября 1880 г., 26, 28 и 30 марта 1881 (передовые статьи). W. Петербургские письма. — Московские ведомости, 11 апреля 1881 г., 23 марта 1882 г. (передовая статья «А»).

11 Вестник Европы, 1880, № 5 (Внутреннее обозрение),

c. 330.

¹² Арсеньев К. К. За четверть века (1871—1894). Пг.,

1915, c. 12.

13 Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 240. Правда, «Вестник Европы» ввиду особой антипатии к этому журналу («крашеному гробу», «тараканьему кладбищу». — Там же, т. XX, с. 74) Шедонн включил в компанию «Московских ведомостей» с натяжкой.

14 Помирил! (Совершенно невероятное происшествие в отечественной журналистике). — Искра, 1871, № 32; На память (Афоризмы и заметки легкомысленного человека). — Искра,

1871, № 33. ¹⁵ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1913,

стб. 20-21, 32.

16 Теплинский М. В. «Отечественные записки» (1868— 1884). Южно-Сахалинск, 1966, с. 82.

17 Отечественные записки, 1878, № 4 (внутреннее обозре-

ние), с. 314.

¹⁸ Отечественные записки, 1879, № 1, с. 119—120. Эта же мысль развивается во внутреннем обозрении № 12 «Отечественных записок» за 1879 г. (с. 214—227).

19 Р-ский П. И. Заметка о ссыльных. — Слово, 1879, № 3,

c. 29.

20 Дело, 1874, № 10, с. 112 (внутреннее обозрение).

²¹ Поавительственный вестник, 4 (16), 7 (19), 13 (25) апреля 1878 г.

²² ИРЛИ РО, ф. 559, д. 24, л. 90; д. 25, л. 77—78. 23 Правительственный вестник, 11 (23) марта 1881 г.

²⁴ Градовский Г. К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908, с. 92.

25 Отечественные записки, 1878, № 2, с. 180. ²⁶ Порядок, 25 июня (7 июля) 1881 г.

²⁷ Берков П. Н. Книга Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» в России.— Россия и Италия. Сб. М., 1968,

²⁸ Кошелев А. Что же теперь делать? Berlin, 1879, с. 56, 63-71. О том же см. анонимную брошюру К. Д. Кавелина «Политические призраки» (Berlin, 1878, с. 67).

29 Муромцев С. Указ. соч., с. 24—25. Цитируется легальное издание записки, разрешенное только в 1910 г. Впервые записка была опубликована за границей: В первые дни министерства графа М. Т. Лорис-Меликова. Записка о внутреннем состоянии России весною 1880 г. (Berlin, 1881).

30 Дебрикова М. К. Письмо к Александру III. СПб., 1906,

с. 28, 30.
 ³¹ Могилянский А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой.—

Русская литература, 1971, № 1, с. 106.

 32 B[оейков] \mathcal{I} .[И]. Земство и призыв правительства к борьбе с революционною пропагандою. Leipzig, 1879, с. 50, 58; Де-Воллан Г. Свободное слово о современном положении России. Berlin, 1881, с. 168-174: [Скалон В. Ю.] Мнения земских собраний о современном положении России. Berlin, 1883, с. 89-90.

33 ГПБ РО, ф. 587, д. 16 (записка А. Ф. Кони) и 27 (запи-

ска Б. Н. Чичерина); ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 531.

34 Правительственный вестник, 20 августа (1 сентября) 1878 г., с. 1; 15(27) февраля 1880 г., с. 1.

Островский А. Н. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1950, с. 227.
 Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым. — Русское

прошлое, 1923, № 3, с. 103; Санкт-Петербургские ведомости, 30 мая (11 июня) 1879 г.; 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 252; Голос, 4 (16) апреля 1881 г., с. 2.

³⁷ Аверкиев Д. Казнь пяти преступников. — Новое время,

4(16) апреля 1881 г., с. 2.

38 Южин-Сумбатов А. И. Воспоминания. Записки. Статьи. Письма. М., 1951, с. 35. О том же см.: Градовский Г. К. Итоги (1862—1907), c. 85.

³⁹ Нечаев и нечаевцы. М.--Л., 1931, с. 161, 163.

40 ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 556, л. 8—8 об; 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 66, т. І, л. 190—190 об; 1876, д. 253, ч. І, л. 162; 1874, д. 144, ч. 127, т. 2, л.150— 150 об; Градовский Г. К. Итогн (1862—1907), с. 16, 430; Глаголь С. Процесс первой русской террористки. — Голос минувшего, 1918, № 7—9, с. 155—157; Герценштейн Д. Тридцать лет тому назад. — Былое, 1907, № 6, с. 255.

41 Лесков Н. С. Собр. соч., т. 10. М., 1958, с. 330. Дементьева была тогда невестой П. Н. Ткачева. Суд приговорил ее к четырем месяцам тюрьмы, Орлова и Флоринского — оправдал.

⁴² Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1932, с. 185.

⁴³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961,

44 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 1,

л. 212; ч. 2, л. 25.

45 Островский А. Н. и Бурдин Ф. А. Неизданные письма. М.—Пг., 1923, с. 214.

⁴⁶ Левин Ш. М. Две демонстрации. — Исторические записки, 1955, т. 54, с. 255.

47 Биржевые ведомости, 5 апреля 1878 г. (передовая статья).

48 25-летие царствования Александра II. — Русский вестник, 1880, № 2, с. 957.

49 ЦТМ, ф. 200, д. 1707—1715, (67202), л. 1—1 об.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 569, оп. 1, д. 58, л. 8 (отзыв Р. А. Фадеева); ГПР РО, ф. 856, д. 6, л. 577 (отзыв И. А. Шестакова). Ср.: Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919,

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 728,

л. 14.

⁵² Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д, [6./г.], с. 302.

53 Ювачев И. П. Из воспоминаний старого моряка. — Мор-

ской сборник, 1927, № 10, с. 80.

54 Цитируется черновик письма (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 50—52). Окончательная его редакция до сих пор не разыскана. «Первое письмо б[ыло] гораздо лучше,— вспоминал Толстой в 1906 г. — Потом я стал переделывать, и стало холоднее». Генерал В. Н. Бестужев-Рюмин, которому писатель показал «последнюю версию» письма перед отсылкой ее царю, «деловитым тоном объявил, что за такое письмо: «места отдаленные»» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 75, с. 114).

⁵⁵ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 63, с. 59.

58 ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 352, л. 2 об. Цитирую по нелегальному списку. Запись лекции, опубликованная П. Е. Щеголевым в № 3 «Былого» за 1906 г., несколько отличается от цитируемой; в частности, там нет двух последних фраз, которые, однако, удостоверены всспоминаниями очевидца Л. З. Слонимского (Былое, 1907, № 3, с. 306—307).

⁵⁷ «У самой кафедры,— рассказывал очевидец,— какой-то военный (кажется, генерал) что-то кричал со свирепым видом и угрожающими жестами по направлению к лектору» (Былое,

1907, № 7, c. 322).

58 Ср.: Никифоров Н. Петербургское студенчество и В. С. Соловьев. — Вестник Европы, 1912, № 1, с. 183—184; Попов И. И. Минувшее и пережитое. М., 1933, с. 94; Гнедич П. П. Книга жизни. Л.. 1929, с. 135; Письма в редакцию. — Былое, 1907, № 3, с. 306—307; № 7, с. 322.

59 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 61.

60 ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 352, 385.

61 Шеголев П. Событие 1 марта и Владимир Соловьев. — Былое, 1918, № 4—5, с. 335—336.

62 Цит. по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. І,

ч. 1. М.—Пг., 1923, с. 46—47.

⁶³ Альф Н. С. Семья Крупских в Петербурге. Л., 1965, с. 21—22.

64 Брейтфус А. Из воспоминаний о казни 3 апреля 1881 г. —

Былое, 1924, № 25, с. 60.

⁶⁵ Московские ведомости, 4 апреля 1881 г.; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М.—Л., 1924, с. 55; *Плансон Л.* Казнь цареубийц. Из личных воспоминаний. — Исторический вестник, 1913, № 2, с. 527.

66 Исторический вестник, 1913, № 2, с. 532—533. 67 Дмитриева В. И. Так было. М.—Л., 1930, с. 204.

 $\stackrel{68}{\Gamma}$ $\stackrel{7}{\Gamma}$ 0

70 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 75, с. 114.

71 К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. І, ч. 1, с. 172.

72 ПСЗ, собр. 3, т. І, с. 95.

- ⁷³ См. об этом: *Таганцев Н. С.* Смертная казнь. СПб., 1913, с. 104, 142; Минаев Дм. Не в бровь, а в глаз. СПб.-М., 1883, c. 92.
 - ⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1883, д. 1264, л. 23.
 ⁷⁵ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 231.

⁷⁶ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10. М., 1956,

⁷⁷ Сибирь, 13 ноября 1883 г., с. 4.

78 Ростов Н. Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 г. — Каторга и ссылка, 1926, № 2. ⁷⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

80 ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1 (вещественные доказательства Министерства юстиции).

81 Фроленко М. Ф. Собр. соч., т. 1. М., 1932, с. 169.

82 Лукашевич А. О. В народ! — Былое, 1907, № 3, с. 2, 5. ⁸³ Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 2. М.— Л., 1965, с. 128, 130.

⁸⁴ *Шестернин С. П.* Пережитое. Иваново, 1940, с. 11, 16.

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 87, л. 2. ⁸⁶ \widetilde{M} ицкевич С. H. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. М., 1937, с. 26. ⁸⁷ Брейтфус А. Указ. соч., с. 56.

88 Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965, 427. На следующий же день после этой демонстрации Г. А. Мачтет написал и посвятил памяти П. Ф. Чернышева стихотворение «Замучен тяжелой неволей», ставшее одной из самых популярных в России революционных песен, любимой песней В. И. Ленина.

89 Похороны Подлевского — Община, 1878, № 3—4, с. 25.

90 Кузнецов Л. А. Из далекого прошлого. — Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928; Флоринский В. М. Заметки и воспоминания. — Русская старина, 1906, № 6, с. 613—614. 91 Вересаев В. В. Собр. соч., т. 5. М., 1961, с. 280—281.

92 Московские ведомости, 27 марта 1881 г. (передовая

статья).

93 Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников.

1971, с. 531.

⁹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. 15, с. 117; Письма, т. 12, кн. 1, с. 315; кн. 2, с. 59, 102, 137, 327,

461, 594. 95 Tургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 9, с. 115; т. 10, с. 281, 304, 307, 323; т. 12, кн. 1, с. 102, 103, 109, 169, 312; И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1969, с. 409, 418; Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 375.

96 Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12,

кн. 1, с. 446. 97 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 61, с. 138; т. 69, с. 128—129; т. 36, с. 151. К Софье Перовской Толстой имел особый интерес. По его словам, она ему «представлялась какой-то идейной Жанной д'Арк» (Современник, 1912, № 4,

⁹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 67; т. 90, с. 308;

т. 62, с. 409.

99 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. т. 30, с. 3; т. 75, с. 114;

т. 83, с. 326. ¹⁰⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 49. Дневник, с. 36, 198. 101 См. там же, с. 84; т. 25, с. 743. Рукопись «Так что же

нам делать?» была задержана царской цензурой.

102 Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1828—1890). М., 1958, с. 571, 579, 581, 583.

103 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 168, 173—174.

104 Там же, с. 216—219.

105 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 90, с. 265; т. 64,

c. 122-123.

106 Гудзий Н. К. Рассказ о казни Лозинского и Розовского в «Воскресении» Толстого и его источник. — Каторга и ссылка, 1932, № 8—9.

¹⁰⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 36, с. 149—155. ¹⁰⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XIX, с. 80, 86, 121. В конце 1881 г. Щедрин так оценил судебные процессы «Народной воли»: «О снисхождении нет и речи. Не те времена. Война, так война. Суровое время мы переживаем» (там же, с. 250).

109 Салтыков-Щедрин М. Е. Поли, собр. соч., т. XIV, с. 431,

110 Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч., т. XV, с. 252— 266.

111 Подробно об этом см.: Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.—Л., 1929 (гл. «Глеб Успенский и революционеры 70-х годов»); Попов И. И. Г. И. Успенский. — Летописи

Государственного литературного музея, кн. 4. М., 1939.

112 Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. 13. М., 1951, с. 207—

208; т. 14, с. 587—589. ¹¹³ Леткова Е. П. Про Глеба Ивановича. — Звенья, т. 5. М.—Л., 1935, с. 694; *Попов И. И.* Г. И. Успенский. — Летописи Государственного литературного музея, кн. 4, с. 447.

114 Леткова Е. П. Про Глеба Ивановича. — Звенья, т. 5, с. 695. В литературе ошибочно сообщалось, будто Г. Успенский присутствовал на процессе «14-ти» (Дурылин С. Н. Мария Николаевна Ермолова. М., 1953, с. 159). Как известно, «посторонние» на процесс не допускались.

115 Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. 10, кн. 1, с. 595.

116 Гаршин В. М. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л., 1934, с. 208. 117 Там же, с. 108.

118 См. о ней: Хейфец М. И. В. М. Гаршин и Лорис-Меликов. — Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сб. М., 1961.

¹¹⁹ Надсон С. Я. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1962,

c. 280.

120 Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Тол-

стого (1891—1910). М., 1960, с. 584.

121 Подробно об этом см.: Троицкий Н. А. Константин Фофанов и «Народная воля». — Русская литература, 1970, № 1. 122 Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1962,

¹²³ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 1. М., 1953,

c. 17.

124 Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. Минск,

1963, c. 28-29.

125 Минц З. Г., Лотман Ю. М. О глубинных элементах художественного замысла (К дешифровке одного непонятного места из воспоминаний о Блоке). - Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974.

126 Чехов А. П. Собо. соч. в 12-ти томах, т. 2. М., 1955,

c. 602.

127 Семанова М. Л. Общался ли Чехов на Сахалине с поли-

тическими ссыльными? — Русская литература, 1970, № 1. 128 Новонайденные и несобранные письма Чехова. — Лите-

ратурное наследство, т. 68. М., 1960, с. 196—198. 129 Трефолев Л. Н. Стихотворения. Л., 1958, с. 230.

130 Вольная русская поэзыя второй половины XIX в. Л., 1959. с. 843. Первоисточник версии неясен, возможно, лишь слух, обретший за 100 лет силу традиции. Мнение В. Н. Фигнер о том, что «Узница» относится к ее сестре Лидии, судившейся по делу «50-ти», не получило признания исследовате-

лей.

131 Полонский Я. П. Узница. — Былое, 1906, № 1, с. 94. Подробнее см.: Троицкий Н. А. Засулич или Фигнер? — Рус-

ская литература, 1977, № 2.

132 См., например, цитированное выше (прим. 108) письмо

М. Е. Салтыкова-Шедрина к П. В. Анненкову.

133 Барыкова А. Мученица. — Дело, 1880, № 5, с. 89. 134 Лейч О. І. Українська революційно-демократична журналістика. Київ, 1959, с. 423.

135 Поезії М. П. Старицького (1861—1904). Київ, 1908,

c. 82-83.

136 Украинка Леся. Стихотворения и поэмы. Л., 1958,

c. 130—132, 380—381.

137 Пшавела Важа. Стихи и поэмы. Тбилиси, 1961, с. 34.

¹³⁸ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1957, с. 483. ¹³⁹ Толстой А. К. Собр. соч. в 4-х томах, т. 1. М., 1963, с. 435 и сл.

140 Выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина (Салтыков-Щед-

рин М. Е. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 438).

141 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 20. СПб., 1896,
с. 405; его же. Письма в 4-х томах, т. 4 (1878—1881). М., 1959, с. 57: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 355.

142 Суворин А. С. Дневник. М.—Пг., 1923, с. 16. 143 Маркевич Б. М. Бездна. Правдивая история, ч. 1. М., 1883, c. 102, 105.

¹⁴⁴ Горячкина М. С. Сатира Лескова. М., 1963, с. 45.

¹⁴⁵ Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти томах, т. 9. М., 1958, c. 542, 548, 564—565.

146 Подребне см.: Троицкий Н. А. Языком иносказания. —

Искусство, 1972, № 10.

147 Крамской И. Н. Письма, статьи в 2-х томах, т. 1. М..

1965, с. 446; т. 2. М., 1966, с. 150.

148 Там же. Ср.: Порудоминский В. И. Николай Ге. М., 1970. c. 207.

149 Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2. М., 1966,

150 Крамской И. Н. Письма, статьи в 2-х томах, т. c. 164.

151 Каменский В. Среды в Пенатах. — Репин. К 10-летию со

дня смерти. Л., 1940, с. 14.

152 Беседа с И. Е. Репиным. — Русское слово, 17 января 1913 г. Здесь уместно подчеркнуть, что заправил и карателей России Репин ненавидел и презирал. Царь Александр III был, в его представлении, «осел, во всю натуру», Николай II — «тупая скотина ... скиф-варвар, держиморда», К. П. Победоносцев М. Н. Катков — «паскудные фальшивые нахальники». В. К. Плеве — «ограниченный детина, темная личность — бездарность», все вообще правительство Александра III - «царство идиотов, бездарностей, трусов, холуев и тому подобной сволочи» (Репин И. Е. Избранные письма в 2-х томах, т. 1. М., 1969, с. 330, 333; т. 2. М., 1969, с. 187, 191, 356).

163 Толстой А. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 223.

154 К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. І, ч. 2. М.—Пг., 1923, с. 499. В лагере реакции слышались и такие голоса о картине Репина: «Ведь это цареубийство!» (И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. СПб., 1888, с. 516).

155 NOрова T. K вопросу о замысле картины «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова. — Искусство, 1952, № 1; Кеменов B. Историческая живопись Сурикова (1870—1880-е годы). М.,

1963, c. 351.

156 В рассказе В. Г. Короленко «Чудная» революционер, желая подчеркнуть стойкость характера героини, говорит ей: «Настоящая вы боярыня Морозова!» (Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 1. М., 1953, с. 17).

157 Сторонний эритель. Стадное развитие. — Художествен-

ный журнал, 1887, т. 10, март, с. 187.

158 Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х томах, т. 1. М., 1964. с. 272.

159 Крамской И. Н. Письма, статьи в 2-х томах, т. 2, с. 197. 160 Крамской И. Н. Переписка с художниками. М., 1954, c. 389.

¹⁶¹ Цит. по: Гомберг-Вержбинская Э. Передвижники. Л.—М., 1961, с. 57.

162 Репин. Художественное наследство, т. 1. М.—Л., 1948,

c. 176—177.

163 Подробно об этом см.: Троицкий Н. А. Репин и «Народ-

ная воля». — Искусство, 1971, № 9.

164 К слову, само название картины, по-моему, говорит, что ссыльный бежал, а не просто отбыл наказание (как поясняется в литературе о Репине), иначе в его возвращении не было бы ничего неожиданного для родных, которые, наверное, считали не только годы, но и дни его заточения.

¹⁶⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 213.

166 Крапивин З. И. Из жизни и творчества И. Е. Репина в Париже. — Новое о Репине. Сб. Л., 1969, с. 381—382. З. Г. Ге (племянница знаменитого художника) привлекалась к дознанию по делу «14-ти». Протоколы ее допросов, на которых она держалась с обычной для народовольцев стойкостью, хранятся в ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, 1885, д. 51, ч. 20, л. 118 об., 217, 226.

167 Лебедев А. К. В. В. Верещагин. Жизнь и творчество.

M., 1972, c. 221.

168 Павлов Иван. Жизнь русского гравера. М., 1963, с. 281. 169 Л[еткова] Ек.[П]. Константин Маковский на процессе 1 марта 1881 г. — Былое, 1924, № 25. Рисунки Маковского

см. там же.

170 Цит. по: Антонова В. И. Государственная Третьяковская галерея. М., 1956, с. 7. О том же см.: Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1960, с. 13: Мицкевич С. И. На грани двух эпох. М., 1937, с. 47.

171 Дурылин С. Н. Указ. соч., с. 146—147, 159.

172 Кирабчевский Н. П. Что глаза мон видели, т. 2. Берлин,

1921, с. 33.
173 *Южин-Сумбатов А. И.* Воспоминания. Записки. Статьи.

Письма. М., 1951, с. 3).

 174 Андреев-Бурлак В. За отца. — Русская мысль, 1883, № 2. 175 Гиляровский В. А. Люди театра. Избранное в 3-х томах. т. 1. М., 1960, с. 421.

176 ЦГАОР СССР, ф. III огд., 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 1,

л. 219—221; ч. 2, л. 25.

177 Волконская М. В. За 38 лет. — Русская старина, 1913,

№ 4, c. 115—116.

- 178 Чуковский К. И. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 23; Баренбойм Л. Антон Григорьевич Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, т. 2. Л., 1962, с. 233, 235.
- 179 С. Г. Рубинштейн оказывала народовольцам приют и материальную помощь, с некоторыми из них (в том числе с Верой Фигнер) была хорошо знакома, но уличить ее в этом жандармы не смогли. Никто из народовольцев ее не выдал, а сама Софья Григорьевна давала уклончивые показания, за которые жандармам нельзя было зацепиться (ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 617, л. 299—300 об). 180 Баренбойм Л. Указ. соч., с. 151, 424.

181 Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.). Вып. 1. М., 1966, с. 276.

¹⁸² Чайковский П. И. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1966,

183 Чайковский ІІ. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. 1. М.—Л., 1935, с. 298. Ср.: там же, т. 3. М., 1936, с. 52—53, 595. ¹⁸⁴ *Чайковский П. И.* Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. 1,

c. 298.

185 Альшванг А. П. И. Чайковский. М., 1967, с. 511—513. 186 Шепкина-Куперник Т. Л. Театр в моей жизни. М.—Л., 1948, с. 156.
¹⁸⁷ Подробно см.: Дурылин С. Н. Указ. соч., с. 160—166.

188 Леонид Витальевич Собинов, т. 2. Статьи, речи, письма. воспоминания. М., 1970, с. 61.

189 Мечников И. И. Страницы воспоминаний. М., 1946,

190 Менделеев Д. И. Литературное наследство, т. 1. Л., 1938. с. 39: Неизданные страницы из мемуаров Н. И. Пирого-

ва. — О минувшем. Сб. СПб., 1909, с. 41, 42; ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1 д. 16, л. 212 об.

191 Тимирязев К. А. Соч., т. 8. М., 1939, с. 177.

¹⁹² Архив Д. И. Менделеева, т. 1. Л., 1951, с. 35; Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1952, с. 239, 243; О лекциях и кухмистерской М. М. Ковалевского. — Былое. 1917, № 2. с. 216; Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. М., 1961, с. 126; Хмельницкий С. И. Николай Михайлович Пржевальский. Л., 1950, с. 314; Щербакова А. А. Андрей Николаевич Бекетов. М., 1958, с. 39; Записки В. В. Марковникова. — Русский архив, 1910, № 1, с. 358, 359.

193 Сватиков С. Г. Опальная профессура 80-х годов. — Голос минувшего, 1917, № 2; Попов М. Р. Записки землевольца. М., 1933, с. 229. Заметим, что кроме Н. Е. Введенского еще трое учеников И. М. Сеченова, ставших впоследствии крупными учеными, в 1881—1887 гг. арестовывались и ссылались за участие в кружках «Народной воли» (биохимик С. С. Салазкин, физиолог Б. Ф. Вериго) и социал-демократии (гигие-

нист Г. В. Хлопин).

194 Забытым быть не может. М., 1963. с. 16. 195 *Арсеньев Г. И.* В. А. Манассеин. М., 1951, с. 47; Эристави К. Д., Семенская Е. М. И. Р. Тархнишвили. Жизнь и общественная деятельность. Тбилиси, 1953, с. 41: *Цетлин* Л. С. К. А. Тимирязев. М., 1952, с. 73—74; *Ростов Н*. Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 г. — Каторга и ссылка, 1926, № 2, с. 64—65; ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1883, д. 42, т. 2, л. 322 об — 323; 3-е д-во, 1881, д. 638, л. 6.

196 В основу повести легла, как известно, история с племянницей жены Пушкина Верой Сергеевной Гончаровой, которая решилась связать свою жизнь с одним из обвиняемых по делу «193-х», И. Я. Павловским, и в судьбе которой Ковалевская приняла близкое участие (Ковалевская С. В. Воспоминания дет-

ства. Нигилистка. М., 1960. с. 12. 201—208).

197 Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 2, c. 80.

198 Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера.

М., 1966, с. 22—25.

199 Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2. М.,

1950, с. 23, 26, 32—33, 97, 311, 317, 342, 343 и др.

²⁰⁰ Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 2, с. 237. Ср: Панкратов В. С. Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг. М., 1906, с. 7.

²⁰¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2,

c. 498.

²⁰² Панкратов В. С. Воспоминания (1880—1884). М., 1923,

 203 ЦГИА УССР, ф. 419, оп. 1, д. 1200, л. 2 об., б. 204 $\widehat{\Pi}$ инкратов В. С. Из деятельности среди р рабочих в 1880—1884 гг., с. 5.

²⁰⁵ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 285. 206 Серебряков Е. А. Революционеры во флоте. Пб., 1920, c. 50.

207 ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 1345, л. 20.

²⁰⁸ «Рабочий» — ростовский журнал 1883 г. С послесловием С. Н. Валка. — Литературное наследство, т. 2. М., 1932, c. 85.

²⁰⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. III, с. 190.

²¹⁰ Одесса во время суда над Ковальским. — Революционная журналистика 70-х годов, с. 124.
²¹¹ ГПБ РО, архив Дома Плеханова, д. 6430, л. 2 (свидетельство В. И. Засулич).

²¹² ЦГАЛИ СССР, ф. 1337, оп. 1, д. 174, л. 4—5.

²¹³ ПГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 122, л. 4—

4 об. ²¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 56, л. 198; д. 19, л. 160; д. 36, л. 53—53 об; д. 42, л. 144; д. 54, л. 224; д. 55, л. 201 об; д. 49, л. 153; д. 7, л. 282—282 об; д. 20, л. 261 об.

²¹⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. III, с. 113.

216 Норинский К. М. Под надзором полиции. М., 1974,

²¹⁷ Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 1.

M., 1961, c. 333. ²¹⁸ Фишер Г. М. Подполье. Ссылка. Эмиграция. М., 1935,

²¹⁹ От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894). Ростов н/Д, 1921. с. 110.

220 ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1892, д. 558, л. 45,

65 06., 67.

²²¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 2. М.,

1952, c. 64-65.

222 Цит. по: Могилянский М. М. В девяностые годы. — Былое, 1924. № 24, с. 99. ²²³ Литература партии «Народная воля», с. 145. 290.

²²⁴ ЦГИА УССР, ф. 419, оп. 1, д. 284, л. 1; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 12, л. 287; Валк С. Н. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, т. 2, с. 152.

²²⁵ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., оп. 5, д. 2360— 2404.

²²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 201. Обзоры важнейших жандармских дознаний, 1895—1896, л. 349; 1883, л. 108; 1884, л. 126 об.: 1882, л. 175 об.

227 Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871—1880 гг.). Саратов,

1976. c. 192—193.

²²⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV. с. 139. 229 ЦГАОР СССР, ф. 569, оп. 1, д. 58, л. 21.

 230 К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, ч. 1, с. 115, 117. Ср.: Письма К. П. Победоносцева к Александру III, т. 1. М., 1925, с. 220; Милютин Д. А. Дневник, т. 3. М., 1950, с. 205; Неизданные страницы из мемуаров Н. И. Пирогова. — О минувшем. Сб. СПб., 1909, с. 44.

²³¹ Твен Марк. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. М., 1961,

c. 612.

²³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 72. ²³³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 176. ¹ Дело петрашевцев, т. 1. М.— Л., 1937, с. 29. «Нет адвоката, чтобы говорить за дело»,— как один из пороков дореформенного суда отмечал декабрист М. С. Лунин (Hечкина M. B. Движение декабристов, т. 2. М., 1955, с. 6).

 2 Старый суд. Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова.— Русская старина, 1886, № 12, с. 536.

³ Васьковский Е. В. Организация адвокатуры, ч. 1. СПб.,

1893, c. 316.

4 История русской адвокатуры, т. 1. М., 1914, с. 2—3. Типы дореформенных ходатаев увсковечены в русской литературе: таковы Могильцев из «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина, Сысой Псоич Расположенский из пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» и особенно неподражаемый «юрисконсульт» из второй части гоголевских «Мертвых душ», который «всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться... Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало и даже такие, которых и не было» (Гоголь Н. B. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1951, с. 117—118).

5 Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката. — Право, 1900, № 47, стб. 2220. Ср.: Спасович В. Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903, с. 85.

6 Об организации, правах и обязанностях сословия присяжных поверенных см.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, ч. 3. СПб., 1867, c. 218-249.

7 История русской адвокатуры, т. 2. М., 1916, с. 233.

⁸ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5. М., 1968, с. 144. 9 Васьковский Е. В. Организация адвокатуры, ч. 1, с. 332. 10 Речь В. Д. Спасовича. — Русская мысль, 1891, № 5, c. 155-156.

11 Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристи-

ки. Пг., 1917, с. 41.

Русская мысль, 1891, № 5, с. 156.
 Спасович В. Д. Застольные речи (1873—1901), с. 5.

14 В дальнейшем число присяжных поверенных росло из года в год непрерывно: в 1886 г. их было уже 1617, а в 1913 г. — 5658 (История русской адвокатуры, т. 2, с. 3). Состав их, естественно, нивелировался и никогда более не был столь блестящим, как в 70-80-е годы XIX в.

15 Одно время (в 1884 г.) подумывал о переходе в адвокатуру и знаменитый уже к тому времени обвинитель А. Ф. Кони - пожалуй, единственный в пореформенной России не ставший адвокатом судебный деятель такого же масштаба, как, на-

пример, Спасович.

¹⁶ ИРЛИ РО, ф. 134, оп. 4, д. 400, л. 16.

17 ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 3, д. 260,

¹⁸ Андреевский С. А. Драмы жизни. Пг., 1916, с. 615; Васьковский Е. В. Организация адвокатуры, ч. 1, с. 336; Глинский Б. Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897, с. 20; Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XV. М., 1940, c. 369.

19 Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений, т. 1. М.—Л., 1929, с. 199.
²⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XV,

c. 369-370.

²¹ Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов. М. — Л., 1931, с. 186.

22 Андреевский С. А. Драмы жизни, с. 615.

²³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 1742,

²⁴ ПГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 3, д. 1045,

²⁵ Вестник Европы, 1906, № 11, с. 393; Спасович В. Д.

Соч., т. 9. СПб., 1900, с. 270.

²⁶ Письма Спасовича к Лаврову за июнь — ноябрь 1872 г. (не были в печати) хранятся в ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 418; Джабадари И. С. Процесс «50-ти». — Былое, 1907, № 10, с. 194; Прибылев А. В. Записки народовольца. М., 1930, с. 87-88; Кон Ф. Я. Суд над партией «Пролетариат». M., 1931, c. 64.

²⁷ Спасович В. Д. Застольные речи (1873—1901), с. 26. ²⁸ ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 1742, л. 1—1 об. В этом деле собраны агентурные донесения о наблюдении за Спасовичем в 1869—1870 гг. В других делах (там же, оп. 1, д. 888; оп. 3, д. 1045) хранятся подобные же доне-

сения за 1876-1879 гг. ²⁹ Спасович В. Д. Соч., т. 5. СПб., 1913, с. 343; т. 6. СПб.,

1913, c. 148—149.

30 См. Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов,

1963, с. 131.

31 Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1960, с. 9—10, 13. «Он имел на меня огромное влияние, и ему я обязана очень и очень многим», — вспоминала об отце Е. Д. Стасова (Энц. словарь Гранат, т. 41, ч. 3, прил. 3, стб. 113).

³² ЦГÃОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 888,

³³ ИРЛИ РО, ф. 661, д. 19, л. 8 (Лемке М. К. «Святая дружина»).

³⁴ *Стасова Е. Д.* Указ. соч., с. 9. ³⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1, л. 104; Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935,

c. 119.

36 В архиве Стасова сохранилось письмо к нему Веры Фигнер от 19 января 1917 г., в котором старая революционерка приветствовала престарелого адвоката с 89-летием и благодарила его за «благородно проведенную жизнь» (ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 281, л. 1).

37 Карабчевский Н. П. Около правосудия. СПб.. 1908.

c. 157.

³⁸ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 195; ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 728,

39 Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России. СПб., 1900, с. 163, Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем, т. 14. М., 1949, с. 245; Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 19. М., 1960, c. 233.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, он. 2, д. 320, л.14.

41 Урисов А. И. Статьи. Письма. Воспоминания о нем, т. 2—3. М., 1907, с. 106 н сл.

42 См. о нем: Джаншиев Гр. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894.

43 Щепкина-Киперник Т. Л. Дни моей жизни. М., 1928, ст. 68.

⁴⁴ См., например, ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1898, д. 14.

45 П. И. Чайковский посвятил Августу Герке пьесу для фортепиано «Нежные упреки».

46 Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5, с. 153.

47 Книга Е. И. Утина вышла в Петербурге в 1872 г., но была задержана и уничтожена царской цензурой (см.: Итенберг Б. Первый Интернационал и революционная Россия, М.,

1964, c. 94).

⁴⁸ «Для меня,— писал Андреенскому 25 декабря 1891 г. А. П. Чехов. — речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двоякий интерес: в них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, - того, что имеет научное или судебно-практическое значение» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем, т. 15. М., 1949, с. 299).

⁴⁹ Андреевский С. А. Стихотворения. Изд. 2-е. СПб., 1898; его же. Литературные очерки. Изд. 4-е. СПб., 1913. И. С. Тургенев ценил в Андреевском-поэте «несомненный талант» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах. Письма,

т. 12, кн. 1, с. 322, 327).

50 После громких выступлений на процессах XIX в. («193-х», «17-ти», Мултанское дело) Карабчевский защищал Г. Г. Гершуни в феврале 1904 г., убийцу В. К. Плеве— Е. С. Сазонова в ноябре того же года и М. Бейлиса на всемирно известном процессе в сентябре — октябре 1913 г.

 51 Карабчевский Н. П. Приподнятая завеса. СПб., 1905. 52 Герард с юных лет был близким другом П. И. Чайковского. 10 сентября 1862 г. Чайковский писал о нем сестре: «Я и папаша его любим, как брата» (Чайковский П. И. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1959, с. 74).

53 Ляховецкий Л. Д. Характеристики известных русских су-

дебных ораторов. СПб., 1902, с. 70.

54 Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристи-

55 В 90-е годы Боровиковский, оставив к тому времени адвокатуру, занимал высокие должности на государственной службе: с 1894 г. — помощник статс-секретаря Государственного совета, с 1895 г. - обер-прокурор гражданского кассационного департамента Сената, с 1899 г. — сенатор.

⁵⁶ Вересаев В. В. Собр. соч., т. 5. М., 1961, с. 490. Сам Н. А. Некрасов в 1877 г. восхищался: «просто чудо стихи Боровиковского» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, с. 412).

57 Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914,

c. 254. 58 Г. В. Бардовский, Г. Г. Борщов, В. П. Гаевский, Е. И. Кедрин, Ф. Н. Кишенский, Е. В. Корш, К. П. Леман, В. Ф. Леонтьев, А. Ф. Линдфорс, В. О. Люстиг, С. М. Неклюдов, А. А. Ольхин, Ф. Н. Плевако, В. В. Самарский-Быховец, Н. М. Соколовский, Д. В. Стасов, А. М. Унковский, А. И. Урусов, Е. И. Утин, А. А. Черкесов.

59 Все только что перечисленные, кроме Ф. Н. Кишенского,

Е. В. Корша, В. В. Самарского-Быховца.

60 Кроме того, в биобиблиографический словарь деятелей революционного движения в России включены еще 30 адвокатов: В. А. Александров, А. А. Аншельзон, Ф. А. Белавин, С. К. Белоцерковский, И. А. Гольдсмит, Д. Н. Доброхотов, М. В. Духовской, В. И. Жуковский, А. Н. Колачевский, С. В. Кунделеков, А. И. Маков, А. Н. Марков, Н. М. Минский, А. В. Нарольский, Д. И. Нецветаев, Л. Е. Оболенский, Г. Г. Ордынский, Л. Г. Павловский, Г. Н. Прозрителев, Г. П. Сазонов, И. Н. Сахаров, А. С. Семяновский, Е. С. Семяновский, Н. Б. Соколов, И. Г. Спесивцев, В. И. Стоцкий, Н. И. Тур, А. Н. Хардин, К. И. Чикваидзе, Л. М. Шостаковский. Из них А. Н. Колачевский, А. И. Маков, Е. С. Семяновский, И. Г. Спесивцев судились вместе с революционерами.

61 Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной

звезды». М., 1966 (указатель имен).
⁶² Лемке Мих. Очерки освободительного движения 60-х го-

дов. СПб., 1908 (оглавление).

63 ЦГАОР СССР, ф. 95, оп. I, д. 16, л. 57—57 об. Эти сведения любезно сообщил мне И. В. Порох.

64 Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. в 7-ми томах, т. 5. М.,

1932, c. 183.

65 Перу Ольхина принадлежит шедевр вольной русской поэзии «У гроба», впервые опубликованный в № 1 журнала «Земля и воля», а также знаменитая «Дубинушка».

66 Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 34—36. ⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 264,

л. 1 об., 73-74.

68 Досье о привлечении Ольхина к судебной ответственности хранится в ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 1129.
69 ЦГАОР СССР, ф. 94, оп. 1, д. 30 («О присяжных пове-

ренных Г. Бардовском и К. Лемане»).

⁷⁰ Приняго счигать (см., например: СИЭ, т. 2, стб. 131), что Бардовский умер в 1880 г. Это ошибка. В 1880 г. Бардовский сошел с ума, а умер 8 сентября 1907 г. (см.: Петербургский некрополь, т. 1. СПб., 1912, с. 142).

71 ЦГАОР СССР, ф. 94, оп. 1, д. 30, л. 11.

72 Тетради Н. В. Клеточникова. — Архив «Земли и воли»

и «Народной воли», с. 206, 219, 414.

⁷³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1872, д. 198, л. 1—

2 06. ⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1898, д. 14, ч. 6, л. 3 об., 8; 1900, д. 386, л. 1, 17, 18.

⁷⁵ Морозов Н. А. Повести моей жизни, т. 2. М., 1947,

c. 455-456.

76 Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.

М., 1960, с. 391—394.

77 Козьмин Б. П. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева. — Из истории социально-политических идей. М., 1955, с. 664. После статьи Козьмина предпринято издание трудов Танеева и началось углубленное исследование его взглядов (Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будушем. М., 1959: Шкиринов П. С. Философские взгляды В. И. Танеева. М., 1962).

⁷⁸ Тансев В. И. Указ. соч., с. 699.

⁷⁹ Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 185.
 ⁸⁰ Ленинский сборник, т. XXXV, с. 65—66.

81 Танеев В. И. Указ. соч., с. 698.

82 Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964, с. 127; ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч.1, л. 191.

⁸³ ЛГИА, ф. 2112, оп. 1, д. 8, л. 349.

84 См. об этом: Цыпкин А. Л. Вопрос о защите на предварительном следствии в дореволюционном русском уголовном процессе. — Ученые записки Саратовского юридического ин-та, 1957. Вып. 6, с. 378—381, 389—392.

85 Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1875, первое полугодие. СПб., 1875, с. 16.

86 ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 888, A. 13-14.

⁸⁷ История русской адвокатуры, т. 1, с. 240.

88 Судебные уставы за 50 лет. т. 2. Пг., 1914, с. 273.

89 Андреевский С. А. Драмы жизни, с. 4—5. 90 Марков Е. Л. Собр. соч., т. 1. СПб., 1877.

Автор фельетона — видный публицист, критик и беллетрист умеренно-либерального направления, отец одного из главарей черносотенной партии после 1905 г. Н. Е. Маркова, известного под кличкой Марков-валяй.

91 Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965,

c. 282.

⁹² Спасович В. Д. Застольные речи, с. 65, 17.

93 Минаев Дм. Не в бровь, а в глаз. СПб.—М., 1883, с. 30, 155, 285, 60-61.

 94 Некрасов Н. А. Полн. сэбр. стихотворений, т. 2, кн. 1,

- Л., 1937, с. 393.

95 Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений, т. 11. М.—Л., 1929, с. 195; его же. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10. М., 1958, с. 187—312. Л. П. Гроссман считает, что «знаменитый Фетюкович» буквально списан Достоевским с присяжного поверенного П. А. Александрова (Литературное наследство, 1934, т. 15, с. 102—103). Мне думается, что Достоевский пародировал в «Фетюковиче» не столько Александрова, сколько Спасовича, которого, кстати, и называли тогда не просто по фамилии, а с «титлом»: «знаменитый Спасович» (Чубинский М. П. Памяти В. Д. Спасовича. — Вестник Евоопы, 1909, № 1, с. 153; Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5, с. 113).

96 Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XV, с. 400. 97 Лостоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений, т. 11, с. 191—215; Салтыков-Шедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. XV, с. 366—382, 595.

⁹⁸ Спасович В. Д. Застольные речи, с. 9.

99 Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875, с. 18. 100 Вперед! (Лондон), 1874, т. 3, с. 195.

101 Лавров П. Л. Избранные соч. на социально-политические темы, т. 4. М., 1935, с. 41.

102 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 442, ч. 4.

103 Поавительственный вестник, 23 апреля (5 мая) 1882,

104 Попов М. Р. Записки вемлевольца, М., 1933, с. 303. 105 ЦГАОР СССР, оп. 1, д. 142, л. 243; ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 2, д. 202, т. 2, л. 25, 28—28 об; Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, с. 146—

106 Виташевский Н. А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд. — Былое, 1906, № 2, с. 239; Лион С. Е. Первая вооруженная демонстрация. — Каторга и ссыл-

ка, 1928, № 8—9, с. 73.

107 Чернявская-Бохановская Г. Ф. Автобнография. - Катор-

га и ссылка, 1928, № 5, с. 57.

108 Илич-Свитыч В. С. Мое знакомство с И. М. Коваль-

тиски, 1955, т. 54, с. 265.

110 ДГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 95, л. 100—100 об. (министр внутренних дел Л. С. Маков — шефу жандаомов Н. В. Мезенцову).

111 Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое,

1906, № 5, c. 33.

112 Покушение Каракозова, т. 1. М., 1928, с. 261-263; т. 2. M., 1930, c. 317.

113 Стасов Д. В. Каракозовский процесс. — Былое, 1906,

№ 4, c. 289.

114 Покушение Каракозова, т. 2, с. 302—315.

115 Хидяков И. А. Опыт автобиографии. Женева, 1882, с. 163, 165, 154. 116 Заседание Верховного уголовного суда 25 мая 1879 г.

по делу об А. К. Соловьеве. СПб., 1879, с. 117.

117 В списках адвокатов по делу «нечаевцев», которые публиковал «Правительственный вестник» (1871, № 156, 171, 195), Пржевальского нет. «Судебный вестник» 28 августа 1871 г. (с. 3) назвал присяжного поверенного Пшевальского. Это явная опечатка: присяжного поверенного с такой фамилией в России тогда не было. Жена одного из подсудимых-нечаевцев Л. Н. Пирамидова называла в числе защитников на «нечаевском» процессе именно В. М. Пржевальского (ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 2, д. 438, л. 1 об.)
118 ГБЛ РО, ф. 311, папка 12, д. 6, л. I (воспоминания

К. К. Арсеньева).

119 Речи Урусова на процессе «нечаевцев» (в защиту П. Г. Успенского и Ф. В. Волховского) см.: Правительственный вестник, 13(25) июля 1871, с. 2—4; 15 (27) июля, с. 4—5; Спасович В. Д. За много лет (1859—1871). СПб., 1872, c. 447.

120 Многие адвокаты в речах на процессе «нечаевцев» дали яркие психологические портреты своих подзащитных (например, Спасович — подсудимого А. К. Кузнецова, Урусов — П. Г. Успенского, Стасов — Н. С. Долгова, Утин — Е. И. Беляевой, Арсеньев — П. А. Енкуватова). Кстати, речь Спасовича в защиту Кузнецова такой авторитет, как К. К. Арсеньев, и в

1906 г. называл «непревзойденным образцом русского ораторского искусства» (Вестник Европы, 1906, № 11, с. 459).

121 Правительственный вестник, 3 (15) августа 1871 г., с. 4. 122 Алисов П. Ф. Сборник литературных и политических

статей. Genève, 1877, с. 97.

123 Нечаев и нечаевцы. М.—Л., 1931, с. 169, 186.

124 Московские ведомости, 25 июля 1871 г. (передовая

¹²⁵ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1913,

126 ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 2, д. 3026, л. 1—2 об.;

д. 438, л. 3.
127 Устав уголовного судопроизводства с поэднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами министра юстиции. СПб., 1902, с. 1188. 128 Вперед! (Лондон), 1874, т. 3, с. 227.

129 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 114, ч. 66, т. 1, л. 191 об. — 192 (докладная записка шефа жандармов царю).

130 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 1,

л. 172 об.
131 Там же, л. 173 об. — 174.
2 д 30 об. 132 Там же, ч. 2, л. 30 об. Ср. запись речи Бардовского в архиве Д. В. Стасова: ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 377, л. 6. 133 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 1,

л. 219—219 об.; ч. 2, л. 31.
134 Джабадари И. С. Процесс «50-ти». — Былое, 1907, № 10, с. 188—189. Кроме Джабадари и Спасовича в совещании участвовали адвокаты Бардовский, Герард, Боровиковский, Хартулари, Ольхин, Корш, Зубарев.

135 Исключение составляют речи Спасовича и Хартулари, тексты которых опубликованы, а также речь Герарда (см. ее запись в архиве Д. В. Стасова: ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 377).

136 Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. в 7-ми томах, т. 5. М., 1932, c. 184.

¹³⁷ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. 8. ¹³⁸ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 377, л. 20.

139 Джабадари И. С. Процесс «50-ти», с. 194.

140 Каторга и ссылка, 1927, № 4, с. 86.

141 Южно-русские рабочие союзы. М., 1924, с. 186.

142 Потехин защищал главных обвиняемых, в том числе руководителя «Союза» Е. О. Заславского.

143 ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 190, л. 228.

144 Южно-русские рабочие союзы, с. 122.

145 Там же, с. 175—176. 146 Там же, с. 184—185.

147 ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 797, л. 84 об. (речь Н. М. Соколовского); д. 799, л. 3—4 об. (речь Е. В. Корша); д. 801, л. 132 (речь П. А. Потехина); д. 797, л. 51 (речь В. Н. Герарда); д. 798, л. 101—102 (речь Е. И. Утина). Г. В. Бардовский прямо спросил одного из шпионов — «свидетеля» обвинения Мойшу Сима: «Как вас рассчитывают — подённо или поштучно, т. е. сколько людей изловите, за каждого?» Тот, не уловив сарказма в вопросе, ответил бесхитростно: «Я не знаю их расчета. Я получил 350 руб. за все» (Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи, т. 1. СПб., 1878, с. 423).

148 ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. I, д. 798, л. 98—99 (речь

Е. И. Ўтина); д. 797, л. 88—88 об. 149 ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 379, л. 48 об. (собственноручная запись речи Д. В. Стасова).

150 Спасович В. Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877—1887). Берлин, 1900, с. 15, 16.

¹⁵¹ Спасович В. Д. Застольные речи, с. 18.

- 152 Чудновский С. Л. Из давних лет. М.—Л., 1934, с. 140. 153 ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. І, д. 797, л. 33 об. 154 Там же, л. 195 об. Корш имел в виду тот факт, что за
- время подготовки процесса «193-х» больше 80 человек (по другим сведениям — 66) умерли или покончили с собой в царских тюрьмах.

155 LÍГАОР СССР, ф. ОППС оп. І. д. 800, л. 120 об., 107.

156 В официальном стенографическом отчете о процессе «193-х», который хранится в ЦГАОР СССР, речи Александрова нет. Цитирую ее заключительные слова по записи, сделанной петербургским градоначальником для царя: ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. І, д. 382, л. 58 об.

157 ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. І, д. 792, л. 102—103.

158 Йарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973, с. 263.

159 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 114, ч. 16, 1, л. 553 об. (всеподданнейший доклад III отделения от 19 ноября 1877 г.).

160 Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели, т. 2. Берлин,

1921, с. 30. ¹⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. І. д. 771, л. 66 об.

¹⁶² ДГИА СССР, ф. 1282, оп. I, д. 382, л. 26.

 163 Дворжицкий К. А. Первое марта 1881 г. — Исторический вестник, 1913, № 1, с. 118—119.

164 ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 16,

т. І, л. 551 об., 426.

165 Чудновский С. Л. Из давних лет, с. 154. См также: Чаришин Н. А. О далеком прошлом, с. 263.

166 ПГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. I, д. 711,

л. 1, 6-6 об.

167 См. об этом: Левин Ш. М. Две демонстрации. — Исторические записки, 1955, т. 54, с. 254. 168 Письма К. П. Победоносцева к Александру III, т. 1. М.,

1925, с. 120.
¹⁶⁹ Судебные речи известных русских юристов. М., 1958,

с. 41, 31, 35. 170 Перетц Е. А. Дневник (1880—1883 гг.). М.— Л., 1927, с. 49; Из дневника А. А. Половцова. Красный архив, 1929, т. 2, с. 190.

¹⁷¹ Судебные речи известных русских юристов, с. 33, 38.

172 Там же, с. 42.

173 Герценштейн Д. М. Тридцать лет тому назад. — Былое, 07, № 6, с. 252. ¹⁷⁴ ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 400, л. 68.

175 Перетц Е. А. Дневник (1880—1883 гг.), с. 49.

¹⁷⁶ Северный вестник, 15(27) марта 1878 г.

177 Спасович В. Д. Застольные речи, с. 18; Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 45.

178 Джабадари И. С. Процесс «50-ти». — Былое, 1907, № 8,

с. 2. ДГИА УССР, ф. 442, оп. 829, д. 210, л. 3—6. Подробнее см.: Троицкий Н. А. Адвокат, генерал-губернатор и смертная казнь (Из прошлого русской адвокатуры). — Правоведение, 1970, № 5.

¹⁸⁰ Русская речь, 1879, № 1, с. 151; Отечественные записки,

1879. № 2, c. 603.

¹⁸¹ ГИМ ОПИ, ф. 297, д. 18, л. 77; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 30, л. 294—294 об.

182 ГИП ОПИ, ф. 320, д. 7, л. 62 об., 64.

183 Бириев Вл. Процесс «20-ти». — Былое, Лондон, [1902],

№ 2. c. 125.

184 Присяжный поверенный С. С. Соколов утверждал, что в борьбе с «крамолой» «путь твердости и суровых мер оказался негодным». Первоприсутствующий остановил защитника, объявив, что это не его дело (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373, л. 13, 13 об.).

185 Литература партии «Народная воля», с. 186.

186 ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 428, л. 31; д. 373,

л. 13 об.

187 Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933, c. 210-211.

¹⁸⁸ Там же, с. 261, 263.

189 Прибылева-Корба А. П. и Фигнер В. Н. Народоволец

А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, с. 76. 190 Дело 1 марта 1881 г. Спб., 1906, с. 300, 313, 325—

326, 330—332.

¹⁹¹ Там же, с. 328—329.

192 Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2. М., 1966,

с. 193, 203. ¹⁹³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 725,

л. 36, 37 об. 194 Московские ведомости, 5 августа 1878 г. (передовая статья); 24 марта 1881 г., с. 4.

195 Гражданин, 1884, № 9, с. 5; № 22, с. 14.

196 Журнал гражданского и уголовного права, 1884, кн. 5, c. 161.

¹⁹⁷ Новое время, 24 марта (5 апреля) 1884 г., с. 2.

198 История русской адвокатуры, т. 1, с. 335 и сл.

199 ГБЛ РО, ф. 230, карт. 4394, д. 3, л. 4. ²⁰⁰ Спасович В. Д. Застольные речи, с. 28.

²⁰¹ «Народная воля» перед царским судом. Вып. 1. М., 1930, c. 137.

202 Спасович В. Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877—1887), с. 88—89.
203 Прибылев А. В. Записки народовольца, с. 74.

²⁰⁴ Литература партии «Народная воля», с. 260.

205 ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-ое д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 19-27 (памятная записка в департамент полиции о процес-

²⁰⁶ «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2. М., 1931, c. 30.

207 Выдря М. Суд над Александром Ульяновым. — Советская юстиция, 1957, № 9, с. 76.

208 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927, с. 341—342; 219—220; 343, 344.

²⁰⁹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961,

c. 124. ²¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10138, л. 358—360, 396-397.

²¹¹ Спасович В. Д. Соч., т. 7. СПб., 1894, с. 299—300.

²¹² Вперед! (Лондон), 1874, т. 3, с. 229.

²¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 171. Здесь же Владимир Ильич оговаривается: «Конечно, все это можно изложить адвокату не по-собакевически, а мягко, уступчиво, гибко и осмотрительно».

²¹⁴ Государственные преступления в России в XIX в., т. 2.

СПб., 1906, с. 311.
²¹⁵ Спасович В. Д. Семь судебных речей по политическим делам, с. 253, 260.

²¹⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 288. ²¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-ое д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 26-27 об. (памятная записка в департамент полиции).

²¹⁸ Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое,

1906, № 5, c. 33.

²¹⁹ «Адвокатура... затронула многие, молчавшие до того струны», — обеспокоенно доносил М. Т. Лорис-Меликов царю 11 апреля 1880 г. (Былое, 1918, № 4—5, с. 157).

^{220°} Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 260.

221 Спасович В. Д. Застольные речи, с. 18.

Глава V (с. 239—281)

¹ La Russie en 1839. Par le marquis de Custine, v. 1-4. Paris, 1843 (русск. пер.: Де-Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1930); Lacroix F. Les mystères de la Russie. Paris, 1845.

² De Lagny C. Le knout et les russes. Paris, 1853.

Об откликах в Европе на восстание декабристов см.: Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975, с. 151—171.

3 Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 6. М., 1955,

⁴ См. также Голоса из России. Сб., кн. I—IX. М., 1974—

5 Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963,

c. 186—188.

6 Д. Арнаудо в предисловии к первому итальянскому изданию «Отцов и детей» Тургенева (1879 г. — под названием «Нигилизм!») назвал роман «метрическим свидетельством нигилизма».

7 Партридж М. Александр Герцен и английская периодичепечать. — Русская литература, 1959, № 4, с. 143,

144.

⁸ Allgemeine Zeitung (Augsburg), 11 Mai, N 102, 1866.

9 Тиргенев И. С. Полн собр. соч. и писем. Письма, т. 6. M.—Λ., 1963, c. 70.

10 Внутреннее обозрение. — Дело, 1871, № 9, с. 59.

11 Санкт-Петербургские ведомости, 24 июля (5 августа) 1871 r., c. 1.

12 Листок. — Голос, 4(16) июля 1871 г., с. 1.

13 Лондонская конференция I Интернационала. Протоколы. M., 1936, c. 114.

14 The Times, 21 October 1871, p. 7.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 440.

16 См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 388—415.

17 Рубанович И. Иностранная пресса и русское движение.-Матерналы для истории русского социально-революционного движения. Вып. 16. Женева, 1893, с. 5; Бебель А. Из моей жизни. М., 1963, с. 702.

18 Ваврыкова М. И. Отражение революционного народнического движения в польской публицистике 70-80-х годов. -Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР,

т. 37. М., 1963, с. 9—10.

19 Жигунов Е. К., Рашковский Е. Б. Нечаев и польское революционное движение. — Вопросы истории, 1965, № 6, с. 204.

20 Дювель Вольф. Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868—1889). — Литературное наследство, т. 67. М., 1959, c. 169.

²¹ Там же, с. 172—181.

 22 К злобе дня. По поводу последних политических процессов. — Вперед!, т. V, 1877, отд. 1. Лондон, с. 143—144. 23 Дроздов П. И. Вехи многовековой дружбы. М., 1965,

c. 277.

24 Григорьева И. В. К истории революционно-общественных связей между Россией и Италией в 60—90-е гг. XIX в. М., 1968, c. 38.

25 Уроева А. В. Великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева. М., 1977, с. 64, 67-68.

²⁶ The Graphic, 1877, 27 October, р. 386. ²⁷ Уроева А. В. Указ. соч., с. 73.

28 Lavigne E. Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880, p. 373-396.

²⁹ Там же, с. 352—371 (речь Мышкина и «Завещание»

осужденных по делу «193-х»).

30 См. об этом: Arnaudo J. Le nihilisme et les nihilistes. Paris, [1879], p. 212.

31 Община (Женева), 1878, № 1, с. 15.

32 С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публикация В. С. Антонова). — Русская литература, 1963, № 2,

с. 161.

33 Valbert G. Le procès de Vera Zassoulitch. — Revue des deux Mondes, 1878, v. 27, р. 216.

34 Ср.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12, кн. 1, с. 312; Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 378; Чайковский П. И. Полн. собр. соч., т. 7. М.,

1962, c. 220.

35 Westphal Sh. Der Ostenröthet fich. — Vorwärts, 10 Mai, S. 2. Так же откликнулись на дело Засулич в газете «La Plebe» итальянские социалисты (Григорьева И. В. Указ. соч., с. 39).

36 См. об этом: Катков М. Н. Собрание передовых статей

«Московских ведомостей» за 1879 г. М., 1898, с. 163.

³⁷ The Times, 12 March, 1880, р. 5 (подробная корреспонденция из Одессы о процессах А. Ф. Андрузского и М. П. Лозинского); там же, 22 March, р. 5 (информация о процессе

А. А. Богославского).

³⁸ Вскоре после расстрела И. М. Ковальского К. Маркс написал Ф. Энгельсу: «Различные английские газеты умудрились расстрелять в Одессе нашего друга Ковалевского (Максима Максимовича. — Н. Т.). В них он именуется: Дон-Ковальский» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 64).

³⁹ George H. Progress and Poverty. London, 1880, p. 430.

40 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 198—199.

41 См. там же, с. 205, 446.

⁴² Там же, с. 65.

43 См. там же, с. 254, 454; Из литературного наследства Женни Маркс. — Новый мир, 1968, № 4, с. 226. ⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 403.

45 К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, c. 485.

46 Подробно см.: Антонов В. Ф. Русский друг Маркса

Г. А. Лопатин. М., 1962.

47 Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Пг., 1922, с. 71.

⁴⁸ Там же.

49 Подробно см.: Научитель М. В. Г. Лопатин в Сибири.Иркутск, 1963.

50 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 458, 469.

⁵¹ См. там же, с. 81, 192, 213, 403; т. 34, с. 262—263; т. 35, с. 130; т. 36, с. 3, 243, 300, 325, 372; т. 37, с. 8, 91,

202; т. 38, с. 267.

52 Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1863—1887 гг. В 25-тн томах. М., 1897—1898 ([Катков М. Н.], 1879 г., с. 163). Ср.: Daily News, 26 May 1879, р. 5 (о процессе «киевских бунтарей»); Daily News, 30 May 1878, p. 5 (о процессе А. К. Соловьева).

 $^{5\hat{3}}$ \tilde{K} еннан \mathcal{A} ж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906, с. 203.

54 Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1863—1887 гг. В 25-ти томах ([Катков М. Н.], 1879 г., c. 381-382).

55 Цит. по: Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспомина-

ния в 2-х томах. т. 1. М., 1964, с. 221.

⁵⁶ Frédé P. La Russie et le nihilisme. Paris, 1880.

⁵⁷ Thun A. Geschichte der revolutionnären Bewegungen Russland. Leipzig, 1883.

58 Castelar y Ripoll E. La Russia contemporanea. Madrid, 1881.

⁵⁹ Noble E. The Rissian revolt, its causes, conditions and prospects. London, 1885.

60 Твен Марк. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. М., 1961,

c. 613-614.

61 Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 99; O-n. Der Prozess der «Einundzwanzig» in Petersburg. — Der Sozialdemocrat, 1887, 23 Juni.

62 Дроздов П. И. Вехи многовековой дружбы, с. 277, 282. 63 Фирсов Ф. И. Революционные связи народов Чехословакии и Советского Союза. — История СССР, 1958, № 6, с. 189. ⁶⁴ *Раджоньери Э.* Итало-русские общественные связи (1860—1900). М., 1968, с. 16—18.

65 Шоу Б. Слово о Степняке. — Русская литература, 1967, № 1, с. 166; Гражданская З. Т. Бернард Шоу. М., 1965,

66 Адмони В. Г. Генрик Ибсен. Очерк творчества. M., 1956, c. 158.

⁶⁷ Кропоткин П. А. Записки революционера, с. 399. ⁶⁸ Le Révolté (Genève), 3 avril 1880, p. 2.

69 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 286. 70 Цит. по: *Маркс К.* и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 143.

71 Le Révolté (Genève), 28 mai 1881, p. 3.

72 Бедняк И. Я. и др. Очерки новой истории Японии. М., 1958, c. 277.

73 Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., 1955, с. 99. 74 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 357.

 75 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 397. Ср.: Меринг Ф. История германской социал-демократии, т. 4. М.— Пг., [6./г.], с. 158, 160.

⁷⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 318.

77 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 380.

⁷⁸ Périviér A. Les Nihilistes. — Le Figaro, 27 mars 1881; Cunliff-Owen F. Russian Nihilism. — The Nineteenth Century. 1880, N 35.

79 Costelloe, Russia and Revolution. — Macmillian Magazine. 1882, N 3, р. 408 (цит. по кн.: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка, т. 2. Ростов н/Д., [6./г.], с. 253).

80 Der Nihilismus in Russland. — Allgemeine Zeitung

(Augsburg), 25 Märs 1881.

81 Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. M., 1968, c. 7.

⁸² Цит. по: Голос, 2 (14) апреля 1881 г.

83 Драгоманов М. П. Тираноубийство в России и поведение Западной Европы. Собр. политических соч., т. 2. Paris, 1906, c. 363.

84 Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2

(1876—1882). M.—Λ., 1965, c. 183.

85 «Голос» в передовой статье от 25 февраля (8 марта) 1880 г. сообщал, что русский посол во Франции князь Н. А. Орлов, как только он «был извещен» о приезде в Париж Гартмана, попросил арестовать его, и «французские власти выказали, как известно, полнейшую готовность исполнить эту просьбу».

86 Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—

1891 rr. M., 1952, c. 265.

87 Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2. М.—Л., 1965, с. 227: T аратута E. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973, с. 207.

88 Кантор Р. М. Французская охранка о русских эмигран-

тах. — Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 86.

⁸⁹ Голос, 16(28) февраля 1880 г.

90 Новое время, 22 февраля (5 марта) 1880 г.

91 Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры, т. 1. М., 1962, с. 97; *Андреевский С. А.* Литературные очерки. СПб., 1902, с. 430.

⁹² См., например: La Lanterne, 19 février, 1880, р. 1; The Times. 1 March 1880, p. 5.

⁹³ Гюго В. Собр. соч. в 15-ти томах, т. 15. М., 1956, с. 681. ⁹⁴ Степняк-Кравчинский С. М. Соч., т. 2. М., 1958, с. 355.

95 Dernières Nouvelles. — Journal de St.-Petersbourg, 1880, 6('18) mars, p. 2.

Русский перевод письма (с некоторыми сокращениями) см.: Былое (Лондон). [1900]. № 1, с. 17. Ни в одной из биографий Гарибальди — на русском языке — это письмо даже не упомянуто.

96 Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х гг.

Пг., 1920, с. 57.
⁹⁷ Хроника социалистического движения в России в 1878— 1887 гг. Официальный отчет. М., 1906, с. 69.

98 Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 245.

99 Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2,

100 Переписка Гартмана с Марксом и Энгельсом за 1880— 1882 гг. (34 письма, из которых 31 — впервые) опубликована в сб.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.,

101 Подробно см.: Волк С. С. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля». — Общественное движение в поре-

форменной России. Сб. М., 1965, с. 49-55.

 102 См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 157—158. 103 См. письма Л. Н. Гартмана к К. Марксу и Ф. Энгельсу от 24 августа 1881 г. — К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 448-452.

104 Procés de Pétersbourg. — Le Révolté, 16 avril 1881.

105 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 147. 106 The Times, 22 March 1881 (передовая статья).

107 Ракитников Н. И. Отклики за границей.— 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 246—247.

108 Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906, с. 333. 109 The Times, 14 April 1881, р. 5.

110 Валк С. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, т. 2, с. 148, 149; ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1881, д. 1574, л. 178—178 об.; Le Révolté, 28 mai 1881, р. 3; 15 Juin, р. 4; In memoriam.— Der Sozialdemocrat, 24 april 1881; Le Révolté, 30 avril 1881, p. 1; 14 mai, p. 1.

111 Morley J. Home and foreign affairs. — The Fortnightly Review, 1881, v. 29, N 173, p. 669—670.

112 Иохельсон В. и Кантор Р. Геся Гельфман. Пг.-М., 1922,

c. 43. 113 Набат (Лондон), 1881, № 4, с. 8; Валк С. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, т. 2, с. 149—150.

114 Неделя, 17 мая 1881 г. (заграничная хроника).
 115 Le Révolté, 14 mai 1881, p. 2.

116 ЦГАЛИ СССР, ф. 285, оп. 1, д. 14, л. 2.

117 Лебедев Н. К. П. А. Кропоткин и народовольцы.— 1 марта 1881 г. Сб. М., 1933, с. 126.

118 La vérité sur les exécutions en Russie. Genéve, 1881, p. 18. Кропоткин приводит здесь полный текст стихотворения Гюго. ¹¹⁹ Набат (Лондон), 1881, № 4, с. 8.

120 ЦГАЛИ СССР, ф. 1744, оп. 1, д. 80, л. 1—5.

¹²¹ Le Révolté, 4 mars 1882, р. 4: Голос из Италии. — Общее дело, 1882, № 48, с. 2—3; «The Times», в частности, отметил, что «ни один политический процесс в России до сих пор не проводился с такой секретностью, жестокостью и пренебрежением к процессуальной стороне дела» (The Times, 14 Febтиагу 1882, р. 5).

122 Гюго В. Собр. соч. в 15-ти томах, т. 15, с. 685; ЦГИА
СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373 (конв. 2), д. 436 (л. 10).

123 Вольное слово, № 32 и 34, 1882 г. Подробно см.: Бурцев В. Процесс «20-ти». — Былое, вып. 1 (1900—1902). Ростов н/Д., 1906, с. 111—112.

124 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 260 (письмо Ф. Энгельса к В. Засулич от 23 апреля 1885 г.).

125 «The Times», к примеру, 7(19) апреля 1883 г. поместил корреспонденцию из Одессы с официальными данными и комментарием (не без сочувствия к подсудимым) по делу «23-х», а в октябре 1884 г. — информацию о суде и приговоре по делу Л. Г. Дейча. Сообщая своим читателям о процессе «21-го», «Times» 15(27) июня 1887 г. подчеркнул: «Такая непроницаемая секретность окружала процесс, что сам факт его будет новостью для русских, если цензура позволит им прочесть о нем в иностранных газетах».

¹²⁶ ИРЛИ РО, ф. 661, д. 16, л. 548. ¹²⁷ The Times, 15 October 1884, p. 9.

128 Красный архив, 1926, т. 2, с. 222—223; ГАОО, ф. 5,

оп. 1, д. 1305, л. 1—2. 129 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1887, д. 692, л. 4 (обзор иностранной прессы, приложенный к всеподданнейшему докладу Д. А. Толстого по делу 1 марта 1887 г.).
¹³⁰ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции,

131 См. об этом: Вольное слово, 1883, № 60, с. 16.

132 The Times, 17 June 1887, р. 5.
133 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1. д. 692, л. 2—2 об., 3—5, 6 об. Подробно см.: *Троицкий Н. А.* Европейская печать о деле Александра Ульянова. — Советские архивы, 1971, № 3.

¹³⁴ См. об этом: The Times, 14 October 1884, p. 5.

135 Махлин Д. Якутская трагедия 1889 г. и подпольная печать. — Каторга и ссылка, 1929, № 3, с. 23—39.

¹³⁶ См. об этом: С родины и на родину. Женева, 1893, № 3,

c. 218.

140.

187 Swinburne A. Ch. Russia: an ode. — Fortnightly Review, 1890, N 284, ρ. 165—167.

138 Иванова Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80-90-х гг. XIX в. — Ученые записки Курского пед. ин-та, 1967. Вып. 43, ч. 1, с. 90.

139 Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1924, с. 139—

140 ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е д-во, 1889, д. 139, л. 2.

141 Кеннан Дж. Сибирь и ссылка, с. 271—272, 277. 142 Цит. по: Иванова Н. В. Указ. соч., с. 90—91. 143 Твен Марк. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 12, с. 612.

144 Половцов А. А. Дневник государственного секретаря в 2-х томах, т. 2 (1887—1892). М., 1966, с. 257.

¹⁴⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 47. Ср.: Письмо Ф. Энгельса к В. Засулич от 3 апреля 1890 г. — Маркс К.

и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 317.

146 Цитируется английская буржуазная газета «Крисчен Уорлд» от 11 сентября 1884 г. по изд.: Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмигоации. с. 7—8.

147 Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2,

c. 345.

148 Цит. по: Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский —

революционер и писатель, с. 423, 427.

149 Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom: Englich Liberals and Russian Socialists (1890-1917). -Oxford Slavonic papers. New Series, v. 3, 1970.

150 Хомяков В. А. Поездка С. М. Степняка-Кравчинского

в Америку. — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, 1963, № 3.

151 ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 545, л. 3—15.

152 Йит. по изд.: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка, т. 2. Ростов н/Д., [б./г.], с. 270.

153 Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961, c. 274.

154 Раджоньери Э. Итало-русские общественные связи, с. 23. 155 Афанасьева С. П. К вопросу о революционной деятельности Анны Кулишевой в 1873—1892 гг. — Россия и Италия. Сб. М., 1968. Анна Моисеевна Макаревич (урожденная Розенштейн; по второму мужу — Коста, по третьему — Турати, революционный псевдоним — Кулишева) (1854—1925 гг.) начала революционную деятельность в народнических кружках на Укранне, была активным членом одесской группы Большого общества пропаганды, а после эмиграции, с 1878 г., играла видную роль в итальянском и международном социалистическом Kuliscioff. (Schiavi Alessandro. Anna движении 1955).

¹⁵⁶ АВПР, ф. посольства в Париже, оп. 524, д. 1577, л. 105. 157 См. Дело Бурцева по поводу издания «Народоволь-

ца». — Бурцев Вл. Долой царя! Лондон, [б./г.], с. 46, 56.

158 Голос, 4(16) января 1883 г. «Голос» был единственной русской газетой, которая имела на процессе Кропоткина специ-

ального корреспондента.

159 Новое время, 18 (30) марта 1883 г. (этот факт ни в одной из биографий Гюго не упомянут). Ср.: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 411—412.

160 Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства. — Литературное наследство, т. 31—32. М., 1937, с. 908.

161 Колесниченко Д. А. Джорж Кеннан и царская охранка. — Прометей, т. 7. М., 1969, с. 226.

¹⁶² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, с. 138. ¹⁶³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 47.

¹⁶⁴ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка, т. 2, с. 268.

165 Колесниченко Д. А. Джордж Кеннан и царская охран-ка. — Прометей, т. 7, с. 227. «Вред, причиненный Кеннаном интересам русского правительства, громадный», — заключал департамент полиции (там же, с. 229).

166 И.Б. Из Нью-Йорка. — Самоуправление (Женева), 1889,

№ 4, c. 18—19.

167 Иванова Н. В. Указ. соч., с. 93, 95.

168 Документы советско-итальянской конференции историков

8—10 апреля 1968 г. М., 1970, с. 149.

169 Листок «Работника» (Женева), 1896, № 2, с. 10. 170 Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 1. М., 1961, c. 842.

171 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1. M., 1925, c. 148.

172 *Ашкинази М. О.* Тургенев и террористы. — Минувшие годы, 1908, № 8, с. 40.

173 Таратута Е. Этель Лилиан Войнич. Судьба писателя и судьба книги. М., 1964, с. 75.

174 Уайльд О. Вера, или Нигилисты. Берлин, 1925, с. 25. 175 Сарду В. Федора. СПб., 1909.

176 Cellamare D. Umberto Giordano, Milano, 1949, p. 68, 79. 177 Тиргенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12, кн. 1, с. 222, 312. 178 Ashkinasi M. Les victimes du tsar. Paris, 1881.

¹⁷⁹ Верн Жюль. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 11. М., 1957,

¹⁸⁰ Там же, с. 187. ¹⁸¹ *Золя Эмиль*. Соч., т. 10 (Ругон-Маккары). М., 19**57**, c. 184.

182 Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер

и писатель, с. 304.

¹⁸³ Литературное наследство, т. 22—24. М., 1935, с. 518. 184 Таратита Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель, с. 305.

¹⁸⁵ Золя Эмиль. Указ. соч., с. 345.

186 Степняк-Кравчинский С. М. Соч., т. 1. М., 1958, с. 665,

667.
¹⁸⁷ Доде Альфонс. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 2. М., 1965, с. 309, 311.
¹⁸⁸ Мопассан Ги Де. Полн. собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. M., 1958, c. 201.

189 Monaccaн Ги Де. Полн. собр. соч. в 12-ти томах, т. 1.

M., 1958, c. 244.

190 Подробно см.: Троицкий Н. А. Народоволец в рассказе

Мопассана. — Вопросы литературы, 1970, № 7.

191 История английской литературы, т. 3. М., 1958, с. 334. 192 Ellis H. Sophia Perovskaia. Executed 16 April 1881. — To-day, 1884, v. 1, № 4, р. 256.

193 Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции,

c. 410.

194 Дойль Артур Конан. Собр. соч. в 8-ми тэмах, т. 4, с. 311, 343; т. 2, с. 470, 471.

195 Таратута Е. Этель Лилиан Войнич, с. 245.

¹⁹⁶ Войнич Э. Соч. в 2-х томах, т. 1. М., 1963, с. 541. ¹⁹⁷ Ашкинази М. О. Тургенев и террористы.— Минувшие годы, 1908, № 8, с. 41. 198 Walka klas (Genewa), 1884, N 6, S. 6.

199 Ульянов. Поэма. Публикация и перевод с польского Ю. Леонова под ред. Н. Скребова. — Дон, 1969, № 4, с.7.

²⁰⁰ Витт В. В. Стефан Жеромский. М., 1961, с. 76—77. ²⁰¹ Кишкин Л. С. Сватоплук Чех. М., 1959, с. 56—58,

²⁰² Mille C. Versuri si proza. Bucuresti, 1953, p. 60-62.

203 Раджоньери Э. Итало русские общественные связи,

204 Westphal Ch. Der Osten röthet fich. - Vorwärts, 10 Mai

1878, S. 2.

²⁰⁵ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2. с. 229; Минор О. С. Якутская драма 22 марта 1889 г. — Былое, 1906, № 9, c. 129.

²⁰⁶ Стриндберг Август. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1910,

с. 58—59. ²⁰⁷ Адмони В. Г. Указ. соч., с. 159.

²⁰⁸ Твен Марк. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 7. М., 1960, c. 145.

²⁰⁹ Волк С. С. «Народная воля» (1879—1882). М.—Л., 1966, с. 131. ²¹⁰ *Быков В. М. Джек Лондон.* Саратов, 1968, с. 43, 98,

239.

²¹¹ Катаяма Сэн. Воспоминания. М., 1964, с. 165.

212 Конрад Н. И. Первый этап японской буржуазной литературы. — Проблемы литературы Востока. Л., 1932, с. 68— 69; его же. Запад и Восток. М., 1966, с. 445.

²¹³ Лисица Б. Русская классическая литература в Китае. —

Русская литература, 1959, № 4, с. 212.

²¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305. ²¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 262, л.

20 об.

²¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 347, 344. О том же см.: т. 19, с. 124, 305; т. 22, с. 449; т. 34, с. 230.

²¹⁷ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 99,

²¹⁸ Григорьева И. В. Указ. соч., с. 39.

²¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 28.

Заключение (с. 282-289)

1 Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с рево-

люцией 1905—1907 гг. М., 1958, с. 8.

² Фактически тогда на скамье подсудимых рано или поздно оказывались почти все самые активные и выдающиеся революционеры. За четверть века — от ишутинцев до народовольцев включительно — едва ли с десяток из них избежали суда (большей частью благодаря эмиграции): П. А. Кропоткин, М. А. Натансон, С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, О. В. Аптекман, Л. Н. Гартман, М. Н. Ошанина. Из основного (до 1 марта 1881 г.) состава Исполнительного комитета «Народной воли» (31 человек) не судились только М. Н. Ошанина, Е. Д. Сергеева и рано умерший В. В. Зеге-фон-Лауренберг.

³ Главным образом на трех процессах: «нечаевиев» (42 человека), «193-х» (90 человек) и Чигиринском (39 человек). Напомню читателю, что 90 оправданных по делу «193-х» отсидели по три года в предварительном заключении, а после оп-

равдания 80 из них были угнаны в ссылку.

4 Из 1342 подсудимых 77 человек в те годы были привлечены к суду дважды, пятеро (С. А. Иванова, Э. Л. Улановская, Е. Н. Южакова, И. Н. Мышкин, Н. А. Надеев) — трижды, а трое (В. А. Данилов в 1877, 1880, 1882, 1887 гг., Е. И. Минаков в 1879 г., два раза в 1880 и 1884 гг., С. Е. Новаковская в 1884, 1887, 1891, 1894 гг.) — даже четырежды.

⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 95.

⁶ «Контингент испорченной молодежи главным образом вербуется из недоучек не гимназий, но университетов», - сигналивировал царю в 1881 г. М. Н. Катков (Вождь реакции 60-80-х годов. — Былое, 1917, № 4, с. 14).

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

⁸ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 30.

9 «Истреблять зараженных — дело нехитрое: но как истребить заразу? - писал, например, реакционный публицист и философ Н. Н. Страхов после казни первомартовцев. — Тут невозможность так ясна для всех, так уже признана всеми, что об ней обыкновенно и не рассуждают ...» (Русь, 18 апреля 1881 г., с. 7).

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 169—173. ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 294.

¹² ААН СССР, ф. 543, оп. 3, д. 64, д. 1—2. ¹³ Искра, №1—52. Подный текст под ред. П. Н. Лепешин-ского. Л., 1926—1928, вып. 3, с. 38.

¹⁴ Искра, вып. 5. Л., 1928, с. 78.

¹⁵ Там же, с. 95.

¹⁶ Прорыв в будущее. — Комсомольская правда, 8 августа

1973 г.

17 Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 30, 39; Гусев С. И. Автобиография. — Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 1. Приложение 3, стб. 105—106; Красиков П. А. Авторизованная биография. — Там же, стб. 219; *Цхакая М.* Великое десятилетие Великого Октября. Вып. 11. Заккнига, 1927, с. 19; *Иткина А. М.* Революционер, трибун, дипломат. Очерк жизни А. М. Коллонтай. М., 1964, с. 9, 10.

18 *Микоян А. И.* Дорогой борьбы, кн. 1. М., 1971, с. 293.

19 Вишневский Вс. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 1. М., 1954,

c. 269.

Указатель имен *

Абаза А. А. 298 Абраменков Л. И. см. Иванов Л. И. Абрамович Э. А. 114 Авенариус В. П. 154 Аверкиев Д. В. 131, 308 Авсеенко В. Г. 154 Агапов С. И. 179 Агафонов В. К. 297 Адмони В. Г. 329, 334 Аксельрод П. Б. 333, 334 Александр II 27, 90, 165, 167, 189—191, 252, 272, 308, 326 Александр III 27—30, 36, 41, 47—49, 54, 55, 60, 67, 68, 70, 78, 81, 85, 89, 90, 97, 106, 129, 130, 134—137, 260, 263, 294, 295, 305, 308, 313, 316, 324 Александрин А. И. 152 Александров В. А. 320 Александров М. С. 293 Александров Н. А. 159 Александров П. А. 132, 186. 190, 191, 193, 217, 219— 223, 226, 227, 232, 237, 321, 324 Алексеев М. П. 332 Алексеев П. А. 113, 176, 179, 207, 214, 243, 283, 286, 327 140. Алексей Александрович, в. кн. 39 Алисов П. Ф. 211, 323 Альшванг А. А. 168, 314 Ананьина М. А. 65 Андреева М. Ф. 136 Андреев-Бурлак В. Н. 166, 314

Андреевский И. Е. 35 Андреевский С. А. 186, 187, 193, 199, 202, 223, 232, 237, 317—319, 321, 329 Андреюшкин П. И. 85, 87, 301 Андрие Луи 35 Андрузский А. Ф. 328 Анненков П. В. 148, 240, 312 Антонов В. С. 305, 327 Антонов В. Ф. 328 Антонов П. Л. 64, 71, 85, 86, 94, 95, 117, 172 Анучин Д. Г. 77, 138 Аншельзон А. А. 320 Аптекман О. В. 334 Армфельд Н. А. 147 Арнаудо Джованни 326 Арсеньев И. А. 187 Арсеньев К. К. 184, 186, 193, 210, 230, 307, 322 Архипов А. Е. 161 Астырев Н. М. 14 Афанасьев Ф. А. 21 Ашенбреннер М. Ю. 61, 71, Ашкинази М. О. 270, 275, 333

Бабушкин И. В. 21 Багряновский К. Ф. 99 Бакунин М. А. 71, 196, 240, 295, 301 Балакирев М. А. 167 Бальмонт К. Д. 143 Баранников А. И. 72, 190, 318 Бардина С. И. 114, 140, 162, 237, 243, 286, 297

^{*} Составил Д. Н. Троицкий.

Бардовский Г. В. 186, 188, 194, 196, 197, 201, 207, 213, 214, 217, 219, 220, 319, 320, 323 Барыкова А. П. 143, 152,
194, 196, 197, 201, 207, 213, 214, 217, 219, 220, 319, 320, 323
Батагов Г. Е. 103, 172 Батеньков Г. С. 71 Батьянов М. И. 32 Бах А. Н. 303
Ба Цзинь 277 Бебель Август 21, 242, 327 Бейдеман М. С. 71, 72 Бекарюков Д. Д. 20 Бекетов А. Н. 169, 170, 315
Белавин Ф. А. 320 Белевский А. С. 110 Белов С. К. 35, 296 Белоголовый Н. А. 29, 33,
Белоголовый Н. А. 29, 33, 110
110 Белоусов А. Г. 64 Белоусов С. Г. 95, 172 Белоцерковский С. К. 320 Беляев П. П. 71, 301 Белиц Астус 240
Беляев П. П. 71, 301
Беови-Флеоовский В. В. 143
Бердяев Н. А. 11, 24 Берков П. Н. 128, 307
Берлиоз Гектор 189 Бернар Сара 270
Бернс Джон 261 Бестужев-Рюмин В. Н. 309 Бестужев-Рюмин К. Н. 134
Бестужев-Рюмин К. Н. 134 Бисмарк Отто фон 244, 245, 297
Благоев Д. Н. 10, 21, 31,
113, 316 Бланк А. С. 293 Бланки Огюст 252, 279 Блок А. А. 151, 312 Блюммер Л. П. 240 Бобохов С. Н. 75
Блок А. А. 151, 312 Блюммер Л. П. 240
Doi данович A. D. 72, 277,
309 Богданович Ю. Н. 7, 51, 70, 81, 100, 105, 107, 149, 286, 301
роголюбов А. П. см. Емель-
янов А. С. Богомолец А. М. 147 Богомолец С. Н. 99, 147
Богораз В. Г. 13
Богославский А. А. 328 Богушевич Ф. К. 153

Бонч-Боуевич В. Д. 17, 166, 292 Борейша А. С. 64, 299 152. Боровиковский А. Л. льоваковскии А. Л. 152, 153, 160, 186, 194, 204, 214, 245, 247, 225, 214, 215, 217, 225, 226, 319, 323 Бородин А. П. 167 Борщов Г. Г. 201, 214, 319 Бракке Вильгельм 245 Брейтфус А. Л. 140, 306. 309, 310 Бренко А. А. 167 Брукс Филипп 263, 279 Бруснев М. И. 18, 20-22, 31, 113, 114, 293, **2**95 Буймистров В. С. 213, 217, 226 Буланова-Трубникова О. К. 195 Бунге Н. Х. 169, 298 Бурдин Ф. А. 132, 308 Бурцев В. Л. 63, 110, 264, 325, 331, 332 Буташевич-Петрашевский M. B. 183 Бутлеров А. М. 169, 315 Бух Л. К. 145 Бух Н. К. 104, 305 Бухбиндер Н. А. 306 Буцевич А. В. 61, 70, 72, 231 Буцинский Д. Т. 140, 206 Быков В. М. 277, 334 Бэр см. Геккельман А. И. Ваврыкова Мария 327 Валк С. Н. 292, 299, 305. 316, 330 Валуев П. А. 29, 133, 214, 294, 295, 309, 323 Валуев П. П. 95 Ванновский П. С. 70. 298 Варенцова О. А. 115 Варыньский Людвиг 256 Васьковский Е. В. 317 Введенский Н. Е. 169, 315 Вебб Сидней 263 Вега Лопе де 168 Вейнберг Я. И. 223 Венедиктов Д. Г. 100, 304 Вересаев В. В. 194, 278, 310, 319 Верещагин В. В. 164, 165, 314

Вериго Б. Ф. 315 Верн Жюль 271, 333 Вернье Поль 273, 277 Веселовский Л. А. 237 Шарлотта 244. Вестфаль 276 Ветрова М. Ф. 75, 139, 310, 315 Виленский Б. В. 50, 297, Винавер М. М. 185, 317, Винокуров А. Н. 115, 294 Виньи Альфред де 269 Виташевский Н. А. 322 Витте С. Ю. 39 Виттенберг С. Я. 134 Вишневский В. В. 288, 335 Владимир Александрович, в. кн. 39 Вовчик А. Ф. 293, 304 Воейков Д. И. 130, 308 Войнаральский П. И. 220 Войнаровская Цезарина 275 Войнич Этель Лилиан 274, 275—333 Волк С. С. 330, 334 Волкенштейн Л. А. 33, 92, 107 Волков В. С. 97, 98, 304 Волконская М. В. 314 Воллан де Г. А. 130, 308 Волохов С. А. 105 Волховский Ф. В. 198, 267, Волькенштейн М. Ф. 23 Вольнов В. И. 65, 95, 172 Воронцов В. П. 13 Воронцова М. П. см. Ковалевская М. П. Воронцов-Дашков И. И. 39 Выдря М. М. 233, 326 Вышнеградский И. А. 298 Гаевский В. П. 186, 192, 195, 204, 208, 209, 319 Гамбетта Леон 128, 205 Гамкрелидзе Е. Б. 243 Гарибальди Джузеппе 253, 264, 279, 330 Гартинг фон см. Геккельман А. И. Гартман Л. Н. 30, 40, 44, 178, 232, 250—254, 262, 270, 272, 329, 330, 334

Гаршин В. М. 150, 155, 311 Гауптман Герхарт 276 Гаусман А. Л. 59, 74, 87, 88, 301 Ге З. Г. 147, 163, 313 Γe H. H. 156, 157, 165, 312 Гед Жюль 264 Гейер И. И. 62, 105, 106 Гейман В. Н. 261 Геккельман А. И. 35 Геккер Н. Л. 75, 94, 99 Геллис М. Я. 72 Гельфман Г. М. 163, 256, 257, 330 Генералов В. Д. 85, 87, 301 Георгиевский В. Г. 53 Герард В. Н. 186, 193, 202, 204, 210, 214, 217, 218, 220, 226, 228, 229, 237, 319, 323 Герке А. А. 186, 192, 210, 228, 234, 319 Гернет М. Н. 65, 72, 300, 301, 308, 326 Герцен А. И. 160, 189, 191, 196, 211, 239, 318, 326 Герценштейн Д. М. 223, 308, Гершуни Г. А. 319 Гете Иоганн Вольфганг 73, Гиляров Ф. А. 124 Гиляровский В. А. 314 Гинсбург С. М. 14, 52, 70, 113, 298 Гирс Н. К. 49, 298 Гладстон Уильям 44, 46, 263 Глама-Мещерская А. Я. 167 Глинка М. И. 189 Глинский Б. Б. 317 Глушко И. А. 283 Гнедич П. П. 309 Гоголь Н. В. 317 Голицын А. Ф. 195 Головин И. Г. 240 Головин К. Ф. 154 Голсуорси Джон 274 Голубева М. П. 115 Гольденберг Г. Д. 62 Гольденвейзер А. С. Гольдсмит И. А. 320 Гончаров Н. П. 131 Гончарова В. С. 315 Горбунова М. К. 304

Горинович Н. Е. 100, 101 Горкун П. С. 62, 105 Гортынский П. В. 287
Горчаков А. IVI. 244 Горький А. М. 143, 151, 276, 292
Грабовский П. А. 93, 108, 142
Градовский А. Д. 307 Градовский Г. К. 127, 130, 307—309
Грачевский М. Ф. 6, 33, 36, 51, 70, 72, 75, 80, 81, 84, 90, 92, 107, 151, 226, 286, 301
Греви Жюль 253 Григорьева И. В. 327, 334 Громницкий М. Ф. 186, 217 Гроссман Л. П. 321 Грязнова М. В. 77
Гуальтьери Луиджи 168 Губернатис Анджело де 264 Гудзий Н. К. 311 Гурвич И. А. 93, 110 Гуревич С. Н. 74 Гурко И. В. 259
Гурко И. В. 259 Гусев С. И. 288, 335 Гьеллеруп Карл 276 Гюго Виктор 120, 253, 256—258, 265, 279, 330— 332
7 IO D 207

Давыдов Ю. В. 297 Дайси Альберт 267 Даниельсон Н. Ф. 13 Данилевский Г. П. 298 Данилов В. А. 335 Д'Арк Жанна 310 Дворжицкий А. И. 220 Дебогорий-Мокриевич В. К. 110 Дегаев С. П. 37, 38, 62-64, 66, 89, 105, 296 Дейер П. А. 68 Дейч Л. Г. 99—101, 104, 253, 296, 304—306, 330, 331 Дементьева А. Д. 132, 308 Джабадари И. С. 214, 224, 318, 323, 325 Джаншиев Г. А. 298, 319 Джордано Умберто 270, 279 Джордж Генри 244 Дзвонкевич Н. Н. 79, 103 Диковский С. Д. 75

Дмитриева В. И. 143, 309 Доброхотов Д. Н. 320 Добрускина Г. Н. 79 272, 273. Доде Альфонс 333 Артур Конан Дойль 333 Долгоруков В. А. 39 Долгоруков П. В. 240 Долгушин А. В. 99 Достоевский Ф. М. 121, 131, 136, 154, 155, 203, 204, 215, 306, 312, 318, 321 Драгоманов М. П. 251, 329 Дрей М. И. 79, 103, 299. 305 Дрентельн А. Р. 196 Дубровин В. Д. 154, 207 Дубровин Е. А. 107 Дубровинский И. Ф. 114 Дудин С. М. 53 Дузе Элеонора 270, 279 Дурново И. Н. 28, 30, 67, 298 Дурново П. Н. 58, 60, 64, 263 Дурылин С. Н. 311, 314 Духовской М. В. 320 Дьяков В. М. 131, 196, 197, 212 Дювель Вольф 327 Дюма (отец) Александр 269 Евреинов Г. A. 231

Евреинов Г. А. 231 Евсеев Н. П. 95, 104 Егоров Ф. Е. 53, 94, 99 Елисеев Г. З. 126, 143 Еллинский Б. И. 52, 99, 100, 102, 305 Елпатьевский С. Я. 143 Елько П. А. 64, 105, 106 Емельянов А. С. 222 Емельянов И. П. 104 Ермолов П. Д. 209 Ермолова М. Н. 166, 168, 311

Желваков Н. А. 137, 259 Желеховский В. А. 64, 68, 219, 232 Желябов А. И. 67, 80, 140, 145, 149, 157, 162, 172, 179, 226, 237, 255, 283, 286—288 Жеромский Стефан 275, 333

Иванов (Абраменков) Л. И. Жигунов Е. К. 327 Жорес Жан 264, 279 97, 98, 171 Иванова Н. В. 331, 333 Иванова С. А. 324 Жуковский В. И. 190, 195, 223, 320 Жуковский Н. И. 195 Иванченко Г. Н. 104 Иванчин-Писарев А. И. 311 Ивашов В. П. 195 Забрамский Л. И. 62 П. А. 27, Игнатьев Н. П. 35, 41, 128, Зайончковский 294, 297, 298 298 Зайцев В. А. 143 Иевлев Н. В. 156 Ильяшевич Л. И. 76 Заломов П. А. 287 Запотоцкий Ладислав 248 Заркевич Н. И. 101 Зарудный С. И. 137 Иностранцев А. А. 170 Исаев Г. П. 67, 72 Итенберг Б. С. 319, 322 Ишутин Н. А. 208 Заславский Д. О. 39, 297 Заславский Е. О. 323 Заславский Е. О. 323 Засодимский П. В. 143 Засулич В. И. 98, 126, 127, 131—133, 141, 145, 146, 152, 162, 168, 174, 189, 190, 195, 198, 201, 212, 221—223, 242, 244, 252, 264, 265, 269, 270, 276, 277, 287, 316, 327, 331, 332 Кавелин К. Д. 307 Кадмина Е. П. 192 Казакевич Р. А. 295 Калинин М. И. 21, 288 Калиниченко Я. Я. 164 Калюжная М. В. 62, 63, 75, 84, 92, 107, 299 Калюжный А. А. 104 Калюжный И. В. 75, 78, 85 Зволянский С. Э. 31 Зданович Г. Ф. 140 Кантор Р. М. 296, 306, 329, 330 Канчер М. Н. 62, 105 Карабчевский Н. П. 186, 193, 195, 217, 220, 232, 314, 318, 319, 324 Каракозов Д. В. 146, 163, 167, 208, 232, 240, 322 Караулов В. А. 105, 275 Зеге-фон-Лауренберг 334 Зильбер Георгий 34, 296 Златопольский Л. С. 100 Златопольский С. С. 70, 72, 81, 100, 172, 301 Золя Эмиль 271, 272, 333 Зорге Фридрих 254 Кардуччи Джозуэ 248 Кареев Н. И. 170 Карлейль Томас 240 Зороастрова А. А. 53 Зотов Н. Л. 74, 86, 87, 301 Зубарев И. Д. 323 Зубатов С. В. 35, 296 Зубковский А. А. 104 Каронин С. см. Петропавловский Н. Е. Карпенко-Карый И. К. 143 Карузо Энрико 270 Зунделевич А. И. 100 Касаткин Н. А. 161, 164 Кастеляр-и-Риполь Эмилио Ибсен Генрик 249, 329 Иван IV Грозный 159 248 Иванайнен К. А. 79, 103, Катанский А. М. 62, 84 Катаяма Сэн 334 Катков М. Н. 46, 47, 123— 11**7**, 1<u>7</u>2 Иванов В. Г. 71, 85 Иванов И. И. 242 125, 132, 142, 188, 209, 230, 246, 247, 272, 313, 327, 328, 335 Иванов И. К. 169 Иванов Л. М. 292 Иванов П. О. 75 Квятковский А. А. 57, 80, 90, 177, 286 Кедрин Е. И. 186, 217, 226—228, 231, 232, 319 64, 71, Иванов С. А. 34, 295 Иванов С. В. 161, 164, 165 Иванов С. И. 215 Кеменов В. С. 158, 313

Кеннан Лжоодж 76 88 262.
263 265—268 279 328
Кеннан Джордж 76, 88, 262, 263, 265—268, 279, 328, 329, 331, 332
Кецховели В. З. 115 Кибальчич Н. И. 145, 149, 162, 178, 196, 229, 255,
Кибальнич Н. И 145 149.
162 178 196 229 255.
288
Киреев А. А. 83, 300
Киреев А. А. 83, 300 Кириллов Г. Г. 229
Кистяковский Б. А. 20 Кишенский Ф. Н. 319, 320
Кишенский Ф. Н. 319, 320
Клемансо Лоож 202
Клеменц Д. А. 334
Клеточников Н. В. 33, 35,
72 220
Климанов Е. А. 21, 177
Клименко М. Ф. 70, 78, 95,
117, 172, 301
Клименко П. С. 94, 105
Клячко С. Л. 144, 197
Книпович Л. М. 115, 295
72, 320 Климанов Е. А. 21, 177 Клименко М. Ф. 70, 78, 95, 117, 172, 301 Клименко П. С. 94, 105 Клячко С. Л. 144, 197 Книпович Л. М. 115, 295 Ковалев П. А. 104
Ковалевская М. П. 75, 153 Ковалевская С. В. 264, 315,
Ковалевская С. В. 264, 315,
223
Ковалевский М. М. 169,
198, 315, 328
Ковальская Е. Н. 99, 117
Ковальский И. М. 133, 139,
174, 190, 197, 207, 316,
532 Ковалевский М. М. 169, 198, 315, 328 Ковальская Е. Н. 99, 117 Ковальский И. М. 133, 139, 174, 190, 197, 207, 316, 322, 328 Коган-Бернштейн Л. М. 74,
Коган-Бернштейн Л. М. 74,
07, 301, 304
Козьмин Б. П. 320
Колачевский А. Н. 320 Колесниченко Д. А. 332 Коллонтай А. М. 288, 335
Колесниченко Д. А. 332
Коллонтай А. М. 288, 335
Колодкевич Н. Н. 72, 90,
172 F F 204
Колосов Е. Е. 304
Комаров А. В. 35 Кон Ф. Я. 75, 106, 305,
318
Кони А. Ф. 27, 130, 200,
ТОНИ А. Ф. 27, 150, 200, 204 208 200 208 242
294, 298—300, 308, 313,
317, 319, 321, 325, 334
317, 319, 321, 325, 334 Коннел Джим 273 Коноли Луковоф 274
317, 319, 321, 325, 334 Коннел Джим 273 Конрад Джозеф 274 Конрад Н И 334
317, 319, 321, 325, 334 Коннел Джим 273 Конрад Джозеф 274 Конрад Н. И. 334
Коннел Джим 273 Конрад Джозеф 274 Конрад Н. И. 334 Корба А. П. см. Поибылева-
317, 319, 321, 325, 334 Коннел Джим 273 Конрад Джозеф 274 Конрад Н. И. 334 Корба А. П. см. Прибылева- Корба А. П.
317, 319, 321, 325, 334 Коннел Джим 273 Конрад Джозеф 274 Конрад Н. И. 334 Корба А. П. см. Прибылева- Корба А. П. Корнилов Е. Г. 307
317, 319, 321, 325, 334 Коннел Джим 273 Конрад Джозеф 274 Конрад Н. И. 334 Корба А. П. см. Прибылева- Корба А. П. Корнилов Е. Г. 307 Коровин С. А. 160 Королев Е. Ф. 226, 227

Короленко В. Г. 12, 23, 121, 138, 143, 151, 203, 275, 301, 310, 311, 313, 321 Корф М. П. 28 Корш В. Ф. 198 Корш Е. В. 127, 198, 214, 217, 219, 319, 320, 323, 324 Корш Ф. Е. 198 Костин А. Ф. 294 Котляревский М. М. 29, 64, Коцюбинский М. М. 143 Кошелев А. И. 129, 307 Кравчинский С. М. см. Степняк-Кравчинский С. М. Краевский А. А. 127 Крамской И. Н. 156, 157, 159, 160, 165, 312, 313 Кранихфельд В. П. 77, 108, 306 Крапивин З. И. 163, 313 Красиков П. А. 288, 335 Красовский А. А. 198 Красовский М. В. 231 Кривенко С. И. 13 Кропивницкий М. Л. 143 Кропоткин П. А. 40, 44, 45, 144, 244, 249, 255, 257, 264, 265, 296, 310, 327, 329, 330, 332, 334 Кротов М. А. 301 Коупская Н. К. 18, 136, 293, 295 Крыжановский Н. Ф. 73 Крылов И. А. 159 Куделли П. Ф. 115, 293 Кузин С. Е. 95, 172, 304 Кузьмин П. А. 68, 70, 79, 300 Кулешов Ф. И. 312 Кулишева А. М. см. Макаревич А. М. Кунделеков С. В. 320 Кункль А. А. 308 Куперник Л. А. 186, 197, 224—226, 232 Куперин А. И. 151, 312 Курнатовский В. К. 31, 115 Курочкин В. С. 125, 143 Курочкин Н. С. 143 Кутитонская М. И. 76, 91, 101

Лавинь Эрнест 243

Лавров П. Л. 45, 144, 188, 205, 212, 215, 235, 245, 252, 255, 257, 264, 302, 318, 321
Ламэдорф В. Н. 298 Ланганс М. В. 72 Ландезен см. Геккельман
А. И. Лафарг Поль 242, 254 Лебедев А. К. 314 Левашов В. В. 207 Левин Ш. М. 308, 322, 324 Левинский И. Я. 69, 300
Левашов В. В. 207 Левин III. М. 308, 322, 324 Левинский И. Я. 69, 300 Левитан И. И. 161 Левченко Н. В. 75, 94 Легкий Е. Г. 59 Лежава А. М. 115 Лейкина-Свирская В. Р. 297,
306 Леман К. П. 197, 217, 219, 319, 320 Лемке М. К. 39, 296, 318,
320 Ленин В. И. 9, 12, 17—20, 22—26, 53—55, 97, 105, 114, 123, 181, 199, 235, 236, 275, 281, 285—287, 292—295, 298, 299, 304— 307, 310, 316, 326, 334, 335
A D II 221
Леонтьев В. Ф. 197, 208, 217, 232, 234, 319 Леонтьев К. Н. 295 Лепешинский П. Н. 115, 335 Лермонтов М. Ю. 303 Лермонтов Ф. Н. 283 Ле Ру Юг 273 Лескафт П. Ф. 170 Лесков Н. С. 132, 155, 308,
312 Леткова Е. П. 311, 314 Лешковская Е. К. 192 Либкнехт Вильгельм 242, 250, 254, 279
Ливадин В. В. 95, 172 Лизогуб Д. А. 140, 146, 148 Линдфорс А. Ф. 319 Лисовская А. И. 78, 92, 303 Лисянский С. А. 85, 87, 107, 300
Логовенко И. И. 134 Лозинский М. П. 146, 148, 311

Ломброзо Чезаре 263 Лонге Жан 33, 296 Лондон Джек 277 Лопатин Г. А. 6, 13, 31, 52, 56, 66, 71, 82, 83, 86, 95, 114, 144, 145, 149, 245, 246, 298, 302, 328 Лорис-Меликов М. Т. 35, 135, 308, 311, 326 Лотман Ю. М. 312 Лоуэлл Джеймс 263 Аукашевич И. Д. 71, 78, 85, 93, 301, 302, 310 Луначарский А. В. 18, 22, 293 **Лунин М. С. 317** Лурье Л. Я. 296 Лу Синь 249, 329 Любатович В. С. 243 Любатович О. С. 243, 252 Люстиг В. О. 184, 193, 194, 214, 217, 230, 319 Люстиг Ф. О. 104 Мадзини Джузеппе 264 Майер С. В. 61, 103 Макалинский П. В. 198, 217 Макаревич А. М. 145, 264, 332 Маков А. И. 320 Маковский В. Е. 160, 163, 164 Маковский К. Е. 164, 165, 314 Малавский В. Е. 99 Манасеин В. А. 170, 315 Манасеин Н. А. 28, 47, 298 Мандельштам M. Л. 57, 186, 299 Манучаров И. Л. 85, 107, 152 Манфред А. З. 329 Маркевич Б. М. 154, 312 Марков А. Н. 320 Марков Е. Л. 202, 321 Марков Н. Е. 321 Марковников В. В. 169, 315 Маркс Женни 250, 255, 328 Маркс Карл 10, 17, 18, 25, 114, 198, 241, 242, 245, 246, 250, 254, 255, 278— 280, 297, 299, 304, 321, 327—332, 334 Мартенс Ф. Ф. 49, 297 Мартынов К. Ф. 78

Мартыновский С. И. 100 Матфиевич Н. Х. 69, 103, 300 Мачтет Г. А. 143, 310 Медведев М. Е. 192 Мезенцов Н. В. 220, 272, Мейербер Джакомо 169 Мейснер И. И. 74, 85, 152 Мельников Ю. Д. 25, 293 Менделеев Д. И. 169, 314, 315 Менк Полина 256 Меркулов В. А. 35, 62, 89 Мечников И. И. 169, 314 Мещерский В. П. 74, 123, 125, 230 Мещеряков Н. Л. 115 Микоян А. И. 288, 335 Милле Константин 276 Миллер Джоакин 277 Милютин Д. А. 29, 181, 295. Минаев Д. Д. 143, 203, 310, 321 Минаков Е. И. 59, 70, 72, 99, 101, 102, 117, 275, 304, 335 Минор О. С. 299, 334 Минский Н. М. 152, 162, **32**0 Минц З. Г. 312 Мирный Панас 143 Мирский Л. Ф. 72, 196, 226 Михаил Николаевич, в. кн. Михайлов А. В. 234 Михайлов А. Д. 51, 72, 77, 90, 196, 226-228, 238, 286, 325 Михайлов Т. М. 137, 172, Михайловский Н. К. 13, 17, 25, 125, 143, 211, 292, Мицкевич С. И. 18, 115, 140, 293, 310, 314 Мишель Луиза 256, 279 Млодецкий И. О. 131, 150 Могилянский А. П. 308 Моисеенко П. А. 6, 97, 98, 304, 315 Мопассан Ги де 273, 333 Морейнис Ф. А. 79, 92 Моренгейм А. П. 265

Морли Джон 265, 279 Мороз А. И. 159 Морозов Н. А. 71, 72, 196, 198, 250, 287, 320 Морозова Ф. П. 158 Моррис Уильям 263 Муравьев Н. В. 47, 51, 102, 149, 298 Муромцев С. А. 129, 307, 308 Мусоргский М. П. 189 Мышкин И. Н. 59, 70, 99, 101, 102, 114, 117, 140, 145, 219, 220, 237, 243, 286, 304, 327, 335

Набоков Д. Н. 47, 90, 298 Надеев К. А. 61 Надеев Н. А. 335 Надсон С. Я. 150, 153, 155, Нарольский А. В. 320 Натансон М. А. 13, 334 Научитель М. В. 328 Неведомский М. П. 293 Неврев Н. В. 159, 160 Нежданова А. В. 167 Неклюдов Н. А. 68, 230 Неклюдов С. М. 195, 319 Некрасов Н. А. 123, 14 192—194, 203, 310, 314, Немирович-Данченко Вас. И. 153 Нестеров М. В. 161 Неустроев К. Г. 59, 76, 87, 101, 107, 138, 300, 303 Нецветаев Д. И. 320 Нечаев Г. Д. 236 Нечаев С. Г. 72, 125, 232, 241, 287, 318, 327 Нечкина М. В. 317 Николай I 71, 183, 240 Николай II 55, 313 Никонов С. А. 195 Нобль Эдмунд 248, 268 Новаковская С. Е. 77, 88, 335 Новикова О. А. 44 Новицкий В. Д. 33, 70 Новицкий М. Э. 107 Новорусский М. В. 64, 71, 79, 299 Норденшельд Нильс 279

Норинский К. М. 316	149, 158, 159, 162, 166,
	168, 175, 177, 178, 226,
Обер Даниэль 169	228, 249, 255, 256, 264,
Оболенский Л. Е. 195, 320	274, 276, 277, 287, 288,
Овсянников М. М. 104	310
Огарев Н. П. 196	Петрашевский М. В. см. Бу-
Ожешко Элиза 242	ташевич-1 Іетрашевский
Окладский И. Ф. 35, 172	M. B.
Ольминский М. С. 112, 114,	Петренко С. И. 209
292, 306	Петровский см. Геккельман
Ольхин А. А. 152, 195, 196,	А. И.
203, 207, 210, 213, 214,	Петропавловский Н. Е. 143
203, 207, 210, 213, 214, 319, 320, 323 Омулевский И. В. 143, 153	Пиа Феликс 252
Омулевскии И. В. 143, 133	Пиз Эдуард 263
Ордынский Г. Г. 320	Пирамидова Л. Н. 212, 322
Оржевский П. В. 28, 30, 78	Пирогов Н. И. 169, 181, 316
Оржих Б. Д. 13, 69, 80, 82,	Писарев М. И. 167
84, 86, 104, 105, 300,	Плансон Лев 137, 309
302 O B 326	Платонов С. Ф. 170 Плевако Ф. Н. 186, 195,
Орлик О. В. 326	197, 203, 319
Орлов Н. А. 252, 329 Осинский В. А. 134, 140,	Плеве В. К. 28, 105, 295,
Осинский В. А. 134, 140, 146, 177, 244	Плеве В. К. 28, 105, 295, 298, 313, 319
Осипанов В. С. 85, 87, 300	Плеханов Г. В. 9—11. 15—
Осипов А. О. 171	Плеханов Г. В. 9—11, 15— 19, 25, 55, 70, 94, 113, 114, 116, 174, 176, 179,
Островский А. Н. 131, 133,	114, 116, 174, 176, 179,
308, 317	247, 252, 292, 299, 304,
Островский М. Н. 133	247, 252, 292, 299, 304, 306, 316, 333, 334
Остроумов А. П. 62, 105,	Плотников Н. А. 132
106	П.б К П 20 31
Остряков А. П. 208	41, 46, 47, 134, 136, 158,
Ошанина М. Н. 334	181, 221, 228, 231, 272,
	41, 46, 47, 134, 136, 158, 181, 221, 228, 231, 272, 298, 309, 313, 316
Павел Александрович, в. кн.	Подлевский А. А. 141, 310 Полевой Ю. З. 306
39	Полевой Ю. З. 306
Павловский И. Я. 145, 270,	Поливанов П. С. 71, 107
315	Половцов А. А. 28, 47, 90,
Павловский Л. Г. 320	262, 294, 295, 298, 303,
Пайпс Ричард 21	324, 331
Пален К. И. 201, 202, 230,	Полонский Я. П. 136, 152,
321	160, 166, 312
Пальерон Эдуард 265	Поляков А. С. 296, 301, 305
Пальмин Л. И. 166	Полянский Н. Н. 334 Помяловский Н. Г. 12
Панкратов В. С. 78, 172,	Помяловский Н. 1. 12
300, 315	Попов И. И. 147, 305, 309,
Пантин И. К. 292	311, 331
Пассовер А. Я. 186, 194,	Попов М. Р. 71, 72, 206,
207, 217	315, 322
Пашковский Т. И. 79	Попов М. С. 95, 103
Перетц Е. А. 223, 298, 324	Порох И. В. 318, 320, 326
Перлашкевич Н. Л. 59, 85,	Порудоминский В. И. 312
152 Перов В. Г. 159, 165	Потапов Я. С. 283 Потехин П. А. 183, 186, 194,
Пеорекая С. А. 67. 88. 90	710 Техин 11. А. 102, 100, 194, 215 216 217 220 217
Перовская С. Л. 67, 88, 89, 114, 137, 140, 145, 146,	215, 216, 217, 220, 317, 323
117, 177, 190, 197, 190,	141

Потоцкая М. А. 192 Похитонов Н. Д. 82, 237, Прейм С. И. 95, 107, 296 Пресняков А. К. 172, 177 Пржевальский В. М. 194, 202, 210, 322 Пржевальский Н. М. 169, Прибылев А. В. 79, 296, 318, Прибылева-Корба А. П. 36, 63, 79, 81, 82, 91, 137, 286, 299, 301, 302, 309, Принтц Г. Г. 234 Провоторов Е. П. 100 Прозрителев Г. Н. 320 Прус Болеслав 242 Прыжов И. Г. 125, 283 Пугачев Е. И. 146, 216 Пумпур Андрей 143 Пушкин А. С. 179, 315 Пшавела Важа 153, 312 Рабинович Я. Б. 305 329, Раджоньери Эрнесто Разин С. Т. 216 Райнис Ян 143, 153 Райс О. Г. 140 Ракитников Н. И. 330 Ракитникова И. И. 14 Рачковский П. И. 43, 297 Рашковский Е. Б. 327 Рейнштейн Б. И. 293 Рейтерн М. Х. 298 Ренан Эрнест 265, 279 Репин И. Е. 120, 156—159, 162, 163, 165, 313 Робеспьер Максимилиан 157 Рогачев Н. М. 62, 79, 108, 173, 300 Рогинский А. Б. 296 Розовский И. И. 146, 148, 311 Россини Джоакино 169 Ротштейн Ф. А. 263 Рошфор 254, Анри 252, 256, 279 Рубакин Н. А. 108, 306 Рубанович И. А. 169, 327 Рубинштейн А. Г. 167, 192,

Рубинштейн Н. Г. 192

Рубинштейн С. Г. 167, 314 Рысаков Н. И. 175, 179 Сабунаев М. В. 14 Сабунаев И. Б. 14 Савина М. Г. 166 Савицкий К. А. 161 Сазонов Г. П. 320 Сазонов Е. С. 319 Сайкин О. А. 302 Салазкин С. С. 315 Салова Н. М. 13, 82, 92, 303 Салтыков-Щедрин М. Е. 28, 33, 41, 123, 125, 148, 149, 187, 192, 193, 198, 203, 204, 295, 297, 307, 311, 312, 317, 318, 321 Самарский-Быховец 186, 208, 217, 319, 320 Санковский Н. М. 75 Сарандович Е. П. 99 Саранчов И. М. 62, 105 Сарду Викторьен 269, 270, 333 Сахаров И. Н. 320 Сватиков С. Г. 315 Свентоховский Александр Свердлов Я. М. 288, 335 Секеринский С. С. 33, 34 Семанова М. Л. 312 Семевский М. И. 82, 169 Семенов-Тян-Шанский П. П. 169 Семирадский Г. И. 157 Семяновский А. С. 320 Семяновский Е. С. 195, 320 Сенкевич Генрик 242 Сенчакова Л. Т. 39, Сенченко И. А. 102, Сераковский Зыгмунт 188 Серафимович А. С. 143 Сергеева Е. Д. 334 Сергей Александрович, в. кн. 39, 134 Серебряков Е. А. 303, 315 Серно-Соловьевич А. А. 195 Серно-Соловьевич H. 195 Серов В. А. 161 Сеченов И. М. 169, 315 Сигида Н. К. 63, 67, 75, 92 Сильчевский Д. П. 144

Скалон В. Ю. 129, 130, 308 Скиталец С. Г. 143 Скляренко А. П. 115 Словацкий Юлиуш 289 Случевский В. К. 51, 298 Смирницкая Н. С. 75, 79 Собинов Л. В. 169, 314 Соколов М. Е. 101, 301 Соколов Н. Б. 320 Соколов С. С. 226, 227, 234, 325 Соколовский Н. М. 217—219, 320, 323 Соловьев А. К. 90, 133, 145, 178, 201, 209, 232, 322, 328 201. 131. 208. Соловьев В. С. 135. 136. 309 Соловьев С. М. 135 Соловьев Ю. Б. 27, 294 Солодовников С. С. 52, 99, 100, 102, 305 Спандони А. А. 67, 299, 300, 322, 326 Спасович В. Д. 61, 64, 183— 190, 192, 194, 200—205, 210, 212, 214, 217, 218, 221, 224, 226, 227, 230— 232, 234, 236—238, 299, 317, 318, 321, 322, 324— 326 Спенсер Герберт 18, 265, 279 Спесивцев И. Г. 320 Станюкович К. М. 143 Старицкий М. П. 143, 153, 312 Стародворский Н. П. 13, 38, 66, 71, 82—84, 104, Стасов В. В. 189, 329 Стасов В. П. 189 CTacob J. B. 120, 184, 186, 189, 190, 192, 194, 195, 201, 202, 207, 208, 210, 217, 220, 230, 232, 237, 318, 320, 322—324 Стасова Е. Д. 189, 285, 314, 318 Стасюлевич М. М. 128, 188 Степняк-Кравчинский С. М. 44, 45, 142, 144, 149, 181, 199, 239, 244, 251—253, 255, 260, 263, 268, 272—274, 277, 295, 298, 327, 329—333

Степурин К. А. 62 Стефанович Я. В. 105, 296, 304 Стоцкий В. И. 320 134. Страхов Н. Н. Стрельников В. С. 65, 90, 206 Стриндберг Август 276, 334 Струве П. Б. 24 Струмилин С. Г. 288 Суворин А. С. 154, 312 Судейкин Г. П. 33, 36—38, 84, 258, 296 Судиберн Чарльз 261, 265, 274 Суриков В. И. 157—159, 161, 165, 313 Суровцев Д. Я. 79 Сухоманн В. И. 52, 66, 82, 299 Таганцев Н. С. 217, 310 Танеев В. И. 186, 198, 199, 202, 210, 211, 320, 321 Таратута Е. А. 269, 272, 274, 329, 332, 333 Тарле Е. В. 297 Тартаков И. В. 192 Тархнишвили И. Р. 170, 315 Твен Марк 28, 120, 181, 239, 248, 262, 263, 266, 276, 279, 295, 316, 328, 331, 334 Теллалов П. А. 63, 70, 80, 81, 107, 286, 301 Тетерка М. В. 72, 303 Тимашев А. Е. 298 Тимирязев К. А. 169, 198, 315 Тиханович А. П. 69, 79, 300 Тихомиров Л. А. 38, 63, 105, 296, 305 Тихонов Я. Т. 73 Тихоцкий А. А. 147 Ткачев П. Н. 188, 308 Ткачев П. Н. 188, 308 Толстая С. А. 147 Толстой А. К. 154, 295, 312 Толстой Д. А. 27—30, 33, 47, 60, 87, 89, 97, 187, 260, 261, 303, 331 Толстой Л. Н. 76, 120, 130, 134, 135, 137, 146—148, 150, 155, 158, 161, 163, 266, 301, 309, 310, 313,

332

Томсон Джеймс 273 Топоркова А. Г. 243 Торгашов П. И. 65, 300 Точисский П. В. 10, 21, 31, 113, 114, 140, 295, 306 Трепов Ф. Ф. 167, 221, 222 Трефолев Л. Н. 152, 312 Тригони М. Н. 71, 72, 227 Туган-Барановский М. И. 24
Тун Альфонс 248 Тур Н. И. 320 Турати Филиппо 248, 276 Тургенев И. С. 120, 144— 150, 154, 155, 193, 240, 244, 270, 310, 319, 326, 327, 333 Турцевич И. К. 89, 303 Турчанинов А. Н. 186, 208, 209, 217, 226, 234 Тютчев Ф. И. 154, 312
Уайльд Оскар 269, 276, 333 Украинка Леся 153, 312 Улановская Э. Л. 108, 151, 334
Ульянов А. И. 6, 13, 14, 20, 80, 82—87, 93, 95, 108, 151, 162, 207, 275, 286, 298—300, 302, 303, 306, 322, 326, 333 Ульянов И. Н. 68 Ульянова М. А. 52 Ульянова-Елизарова А. И.
30 Умов Н. А. 169 Унковский А. М. 181, 201, 204, 210, 228, 230, 319, 320
Уроева А. В. 327 Урусов А. И. 186, 191, 192, 195, 205, 210, 211, 237, 319, 320, 322 Усатов Д. А. 167 Успеский Г. И. 12, 13, 149,
Успенский П. Г. 211, 322 Утин Е. И. 186, 193, 194, 205, 210, 217, 220, 221, 319, 320, 322—324 Утин Н. И. 240 Ушерович С. С. 297 Уэстол Уильям 274
Фавр Жюль 205 Фадеев Р. А. 133, 180, 309

Федоров П. М. 94, 99 Федорова М. Е. 39 Федосеев Н. Е. 22, 31, 114 Феоктистов Е. М. 46, 297 Феоктистов Е. М. 46, 297 Фигнер В. Н. 6, 35, 37, 38, 52, 61, 62, 65, 71, 80, 82, 84, 89—91, 93, 95, 107, 149, 150, 152, 159, 163, 177, 189, 190, 196, 197, 208, 214, 223, 253, 286, 301—304, 312—314, 318, 320, 323, 325, 328, 330 Фигнер Л. Н. 152, 214, 312 Филанце Уэндела 249 Филлипс Уэнделл 249 Философов В. Д. 206 Фишер Г. М. 316 Флавицкий К. Д. 157 265. Фламмарион Камиль 279 Флеровский В. В. см. Берви-Флеровский В. В. Флоринский В. М. 310 Фойницкий И. Я. 200 Фомичев Г. И. 223 Фофанов К. М. 150, 151, 311 Франкель Лео 243, 248, 279 Фоанко И. Я. 153 Фреде Пьер 247 Фрейсине Шарль Луи 252, 253 Фроленко М. Ф. 51, 71, 72, 172, 310 Халтурин С. Н. 162, 177, 259, 283 Хардин А. Н. 23, 294, 320 Харитонов В. Г. 295 Халтулари К. Ф. 186, 210. 214, 228, 323 Хвостов Н. А. 31 Хейфец М. И. 296, 311 Хлобощина С. Н. 53 Хлопин Г. В. 315 Холев Н. И. 232 Хомяков В. А. 332 Хоржевская А. С. 243 Хохлов Г. Г. 104 Хоу Джулия 263 Хроновский С. Ф. 85 Хрущев Н. Е. 104 Худяков И. А. 208, 209, 322 **Цакни Н. П. 145, 197** Цебриков Н. Р. 198

Цебрикова М. К. 129, 130, 308 Цемиров В. М. 68, 100 Церетели А. Р. 153 Питович П. П. 122, 124 Побель Ф. И. 99 Цхакая М. Г. 288, 335 Цыпкин А. Л. 321 Цыплов И. Н. 104

Чавчавадзе И. Г. 143 Чайковский П. И. 145, 167, 168, 192, 198, 244, 314, 319, 327 Чарушин Н. А. 219, 324 Черкезов В. Н. 211 Черкесов А. А. 195, 217, Чернышев П. Ф. 141, 170, 310 Чернышевский Н. Г. 157, 170, 189, 195, 239, 242, 246, 318, 326, 327 Чеонявская-Бохановская Г. Ф. 322 Черняк А. Я. 322 Чертков В. Г. 148 Чертков М. И. 224, 225 **Чех Сватоплук** 275, 333 Чехов А. П. 151, 191, 312, 318, 319 Чикваидзе К. И. 320 Чичагов А. М. 234 Чичерин Б. Н. 130, 181, 308 Чудновский С. Л. 220, 324 Чуковский К. И. 122, 294, 314 Чупров А. И. 129

Шаляпин Ф. И. 167 Шанцер В. Л. 114 Шаповалов А. С. 115 Шебалин М. П. 33, 78, 107, 300, 301 Шебалина П. В. 33 Шевырев П. Я. 13, 78, 87, 300, 302, 326 Шелагинов В. К. 23, 294 Шелунов Н. В. 22, 68, 143, 177, 300, 326 Шелгунов Н. Н. 103 Шелгунов Н. Н. 103 Шестернин С. П. 140, 296, 310 Широкова В. В. 12, 292, 293, 295 Ширяев С. Г. 57, 72, 83, 90, 283, 286 Шкуринов П. С. 321 Шостаковский Л. М. 320 Шоу Бернард 248, 329 Шгромберг А. П. 66, 67, 69, 87, 91, 108, 173, 300 Шубинский Н. П. 186 Шувалов П. А. 39

Щеголев П. Е. 309 Щедрин Н. П. 72 Щепкин М. С. 192 Щепкина-Куперник Т. Л. 168, 192, 314, 319 Щербович О. К. 68 Щиглев В. Р. 152 Щулепникова В. В. 92

Эд Эмиль 256 Эйдельман Б. Л. 294 Эйдельман Н. Я. 320 Эллис Генри 274 Элпидин М. К. 297 Энгельс Фридрих 25, 44, 54, 114, 241, 242, 245, 246, 249, 250, 254, 258, 262, 266, 278—280, 297, 299, 304, 321, 327—332, 334 Эртель А. И. 143

Ювачев И. П. 61, 69, 152, 299, 309 Южаков С. Н. 13 Южакова Е. Н. 335 Южин-Сумбатов А. И. 166, 198, 308, 314 Юрова Т. В. 158, 313 Юшкова М. А. 79, 103

Языков А. И. 186, 210 Якимова А. В. 136 Якоби В. И. 156, 157, 165 Яковлев Т. С. 304 Якубович П. Ф. 13, 52, 84, 86, 142, 236 Ярошенко Н. А. 160, 162, 164, 165

Arnaudo J. 327 Castelar y Ripoll E. 328 Cellamare D. 333 Ellis H. 333 Frédé P. 328 George H. 328 Gladstone W. 297 Hollingsworth B. 332 Lacroix F. 326 Lagny G. de 326 Lavigne E. 327 Morley J. 330 Noble E. 328 Périviér A. 329 Pipes R. 293 Schiavi A. 332 Swinburne A. 331 Valbert G. 327 Westphal Sh. 327, 334

Оглавление

OT	автора
	5

T

Царизм и революционное движение 1883— 1895 гг.

- 1. Революционная Россия на пути от народничества к марксизму
- 2. Наступление реакции **26**
- 3. Судебная контрреформа 46

II

Политические процессы в России с 1883 г. до конда XIX в.

- 1. Усиление судебного террора царизма 56
- 2. Русские революционеры на политических процессах 1883—1895 гг.
- 3. Политические процессы 1883—1895 гг. и революционный лагерь 106

Ш

Политические процессы и русское общество 121

- 2. Деятели культуры против «белого террора» 142

3. Отклики рабочих и крестьян на политические процессы 171

IV

Политические процессы и русская адвокатура 183

- 1. Статус адвокатуры и ее корифеи 183
- 2. Власть, адвокатура и общество **199**
- 3. Защита на политических процессах XIX в. **205**

V

Политические процессы в России и мировая общественность 239

- 1. Международные отклики на политические процессы 1866—1882 гг. 239
- 2. Мировая общественность против карательного теорора в России 1883—1895 гг. 258
- 3. Художественная литература о русских революционерах 1860— 1890-х годов 269

Заключение 282

Условные сокращения 290

> Примечания 292

Указатель имен 336

Троицкий Н. А.

Т 70 Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866—1895 гг. — М.: Мысль, 1979. — 350 с.

В пер.: 80 к.

Книга продолжает опублигованное исследование автора «Безумство храбрых» (М., 1978) о политических процессах в царской России. В ней рассматриваются процессы с 1883 г. до конца XIX в. в связи с общим ходом освободительного движения от народничества к марксизму, а также обозреваются отклики на все процессы 1866—1895 гг.: антицаритсткие выступления российской и мировой общественности, международные кампании солидарности с русскими революционерами, отражение политических процессов в художественной литературе и в искусстве.

 $T\frac{10604-011}{004(01)-79}$ 71-79

9(C)16

ИБ № 684

Троицкий Николай Алексеевич

ЦАРИЗМ ПОД СУДОМ ПРОГРЕССИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ 1866—1895 гг.

Заведующий редакцией В. С. Антонов Редактор Ю. В. Мочалова Младший редактор Е. Р. Зазульская Оформление художника А. А. Брантмана Художественный редактор И. А. Дутов Технический редактор И. И. Сошникова Корректор С. С. Новицкая

Слано в набор 10.07.78. Подписано в печать 19.09.79. А 08201. Формат 84 \times 100 1 /32. Бумага типографская № 1. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 17,16. Учетно-издательских листов 19,19. Тираж 63 000 экв. Заказ № 68. Цена 80 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская, 26.

Формат окая пе-. Тираж

, 15

1 Ленин-

• имени • СССР энинград,

